Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ПРО[illegible]ЕНО
2000 г.

1728

СЕНТЯБРЬ. № 7. 1905.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА,
В. Д. НАБОКОВА и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

Просмотрено 1933 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ 6 АВГУСТА 1905 Г.

1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго.
2. ВЪ МІРѢ УСМОТРѢНІЯ (ст. 140 и 156 уст. о цензъ. и печ.). . . . . М. К. Лемке.
3. КЪ УЧЕНІЮ ОБЪ ОБЪЕКТАХЪ ПРАВЪ. . . . . Проф. Д. Д. Гримма.
4. ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ И ЕЯ СОВРЕМЕННАЯ ПОСТАНОВКА ВО ФРАНЦІИ . . . . В. Ѳ. Матвѣева.
5. ПОЛИЦЕЙСКІЙ АРЕСТЪ ДЛЯ ЦѢЛЕЙ ПРАВОСУДІЯ . . . . . П. И. Люблинскаго.
6. АВТОРСКОЕ ПРАВО НА ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЗОДЧЕСТВА (такъ наз. архитектурная собственность). . . Прив.-доц. А. Н. Гейне.

(См. 2-ую стр. обложки).

7. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
А Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи. 4-е изд. 1905 г. . . . . Прив.-доц. **І. В. Михайловскаго.**
Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

8. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.—Бакинскія событія.—Законодательный порядокъ.—Университетская автономія.—Кабинетъ министровъ . . . Прив.-доц. **Н. И. Лазаревскаго.**

9. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Гг. подписчиковъ, воспользовавшихся при подпискѣ разсрочкой платежа, Контора журнала покорнѣйше проситъ поспѣшить уплатой остальнаго взноса, съ приложеніемъ пе-

См. 3-ю стр. обложки.

№ 1728

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. ВИНАВЕРА, ПРИВ.-ДОЦ. **В. М. ГЕССЕНА,**
В. Д. НАБОКОВА И ПРОФ. **І. А. ПОКРОВСКАГО.**

XXXV. Сентябрь. 1905.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905.

ВРАЧЕБНЫЙ ПЕРСОНАЛ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Законодательные акты 6 августа 1905 г. . 1—46

1. Государственная Дума. **Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго** . . . . . 47—96

2. Въ мірѣ усмотрѣнія (Ст. 140 и 156 уст. о ценз. и печ.). **М. К. Лемке** . . . . . 97—156

3. Къ ученію объ объектахъ правъ **Проф. Д. Д. Гримма** . . . . . 157—196

4. Отвѣтственность должностныхъ лицъ и ея современная постановка во Франціи **В. Ѳ. Матвѣева** . . . . . 197—217

5. Полицейскій арестъ для цѣлей правосудія. **П. И. Люблинскаго** . . . . . 218—296

6. Авторское право на произведенія зодчества (такъ наз. архитектурная собственность). **Прив.-доц. А. Н. Гейне** . . . . . 297—349

7. Литературное обозрѣніе:

А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи. Изд. 4-е. 1905. Ц. 4 р. **Прив.-доц. І. В. Михайловскаго** . . . 350—353

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва . 353—354

8. Административная хроника. — Бакинскія событія.—Законодательный порядокъ.—Университетская автономія.—Кабинетъ министровъ. **Прив.-доц. Н. И. Лазаревскаго** . . . . . 355—363

9. Объявленія . . . . . I—XVI

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Согласіе и единеніе Царя и народа великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напастей, и является донынѣ залогомъ ея единства, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и будущемъ.

Въ Манифестѣ Нашемъ, данномъ 26 февраля 1903 года, призывали Мы къ тѣсному единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества для усовершенствованія государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя въ мѣстной жизни. И тогда озабочивала Насъ мысль о согласованіи выборныхъ общественныхъ учрежденій съ правительственными властями и объ искорененіи разлада между ними, столь пагубно отражающагося на правильномъ теченіи государственной жизни. О семъ не переставали мыслить Самодержавные Цари, Наши Предшественники.

Нынѣ настало время, слѣдуя благимъ начинаніямъ Ихъ, призвать выборныхъ людей отъ всей земли Русской къ постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Въ сихъ видахъ, сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти, признали

Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили Положеніе о выборахъ въ Думу, распространивъ силу сихъ законовъ на все пространство Имперіи, съ тѣми лишь измѣненіями, кои будутъ признаны нужными для нѣкоторыхъ, находящихся въ особыхъ условіяхъ, ея окраинъ.

О порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общихъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ Нами указано особо.

Вмѣстѣ съ симъ повелѣли Мы Министру Внутреннихъ Дѣлъ безотлагательно представить Намъ къ утвержденію правила о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о выборахъ въ Государственную Думу, съ такимъ разсчетомъ, чтобы члены отъ 50 губерній и области войска Донскаго могли явиться въ Думу не позднѣе половины января 1906 года.

Мы сохраняемъ всецѣло за Собою заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи Учрежденія Государственной Думы, и когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, не преминемъ дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія.

Питаемъ увѣренность, что избранные довѣріемъ всего населенія люди, призываемые нынѣ къ совмѣстной законодательной работѣ съ Правительствомъ, покажутъ себя предъ всею Россіей достойными того Царскаго довѣрія, коимъ они призваны къ сему великому дѣлу, и въ полномъ согласіи съ прочими государственными установленіями и съ властями, отъ Насъ поставленными, окажутъ Намъ полезное и ревностное содѣйствіе въ трудахъ Нашихъ на благо общей Нашей Матери Россіи, къ утвержденію единства, безопасности и величія Государства и народнаго порядка и благоденствія.

Призывая благословеніе Господне на труды учреждаемаго Нами государственнаго установленія, Мы съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ непреложность великихъ историческихъ судебъ, предопредѣленныхъ Божественнымъ Промысломъ дорогому Нашему Отечеству, твердо уповаемъ, что съ помощью Всемогущаго Бога и единодушными усиліями всѣхъ своихъ сыновъ Россія выйдетъ съ торжествомъ изъ постигшихъ ее нынѣ тяжкихъ испытаній и возродится въ запечатлѣнныхъ тысячелѣтнею ея исторіей могуществѣ, величіи и славѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 6-й день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „*НИКОЛАЙ*“.

На подлинномъ Собственною Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

Въ Петергофѣ
6 Августа 1905 года.

УЧРЕЖДЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

I. О составѣ и устройствѣ Государственной Думы.

1. Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ, по силѣ Основныхъ Законовъ, черезъ Государственный Совѣтъ, къ Верховной Самодержавной Власти.

2. Государственная Дума образуется изъ Членовъ, избираемыхъ населеніемъ Россійской Имперіи на пять лѣтъ на основаніяхъ, указанныхъ въ положеніи о выборахъ въ Думу.

3. По Указу ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государственная Дума можетъ быть распущена до истеченія пятилѣтняго срока (ст. 2). Тѣмъ же Указомъ назначаются новые выборы въ Думу.

4. Продолжительность ежегодныхъ занятій Государственной Думы и сроки ихъ перерыва въ теченіе года опредѣляются Указами Императорскаго Величества.

5. Въ составѣ Государственной Думы образуются Общее Собраніе и Отдѣлы.

6. Отдѣловъ въ Государственной Думѣ должно быть не менѣе четырехъ и не болѣе восьми. Членовъ въ каждомъ Отдѣлѣ полагается не менѣе двадцати. Ближайшее установленіе числа Отдѣловъ Думы и состава ихъ Членовъ, а также распредѣленіе дѣлъ между Отдѣлами зависитъ отъ Думы.

7. Для законнаго состава засѣданій Государственной Думы требуется присутствіе: въ Общемъ Собраніи—не менѣе одной трети всего числа Членовъ Думы, а въ Отдѣлѣ—не менѣе половины входящихъ въ его составъ Членовъ.

8. Расходы по содержанію Государственной Думы относятся на счетъ государственнаго казначейства.

II. О Предсѣдателяхъ Государственной Думы и ея Отдѣловъ.

9. Предсѣдатель Государственной Думы и его Товарищъ избираются Думою изъ числа ея Членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть вновь избираемы. Предсѣдатель, кромѣ указаннаго въ ст. 3 случая, исполняетъ свои обязанности впредь до новаго выбора Предсѣдателя. Избранный на послѣдній годъ пятилѣтія (ст. 2) Предсѣдатель исполняетъ свои обязанности до окончанія пятилѣтія. Въ случаѣ отсутствія Предсѣдателя, обязанности его исполняетъ его Товарищъ.

10. Предсѣдатель Государственной Думы всеподданнѣйше повергаетъ на Высочайшее благовоззрѣніе о занятіяхъ Думы.

11. Предсѣдатели Отдѣловъ Государственной Думы избираются въ каждомъ Отдѣлѣ изъ числа его Членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть вновь избираемы.

12. Для соображенія общихъ, возникающихъ относительно дѣятельности Государственной Думы, вопросовъ, подъ предсѣдательствомъ ея Предсѣдателя, состоитъ совѣщаніе, въ составъ коего входятъ Товарищъ Предсѣдателя Думы, Предсѣдатели ея Отдѣловъ, а равно Секретарь Думы и его Товарищъ.

III. О Членахъ Государственной Думы.

13. Члены Государственной Думы, при вступленіи въ Думу, даютъ торжественное обѣщаніе, по прилагаемой при семъ формѣ.

14. Члены Государственной Думы пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, и не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями.

15. Членъ Государственной Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти, а равно не подлежитъ личному задержанію за долги.

16. Членъ Государственной Думы можетъ отказаться отъ сего званія, заявивъ о томъ письменно Предсѣдателю Думы.

17. Членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава въ случаѣ: *а)* утраты русскаго подданства; *б)* поступленія на дѣйствительную военную службу; *в)* назначенія по гражданской государственной службѣ на должность, соединенную съ опредѣленнымъ окла-

домъ содержанія, и *г)* утраты ценза, дающаго право на участіе въ выборахъ.

18. Сверхъ указанныхъ въ предшедшей (17) статьѣ случаевъ, Членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава также и въ случаѣ наступленія обстоятельствъ, указанныхъ въ пунктахъ *а*, *б*, *д*, *е* и *ж* статьи 7 положенія о выборахъ въ Думу.

19. Членъ Государственной Думы временно устраняется отъ участія въ ея собраніяхъ въ случаѣ: *а)* привлеченія къ слѣдствію или суду по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* статьи 7 положенія о выборахъ въ Думу или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности, и *б)* объявленія несостоятельнымъ должникомъ—впредь до опредѣленія свойства несостоятельности.

20. Члены Государственной Думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для привлеченія къ отвѣтственности за нарушеніе долга службы Членовъ Государственнаго Совѣта (Учр. Гос. Сов., ст. 105—113).

21. Признаніе Члена Государственной Думы утратившимъ это званіе (ст. 17 и 18), а равно временное устраненіе Члена Думы отъ участія въ ея собраніяхъ (ст. 19) зависитъ отъ Правительствующаго Сената.

22. Означенныя въ предшедшей (21) статьѣ дѣла возбуждаются въ Правительствующемъ Сенатѣ по сообщеніямъ Предсѣдателя Государственной Думы и разрѣшаются въ Первомъ Департаментѣ Сената окончательно, по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ—по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

23. Члены Государственной Думы на время ея занятій получаютъ суточное изъ казны довольствіе въ размѣрѣ десяти рублей въ день. Сверхъ того Членамъ Думы возмѣщаются изъ казны разъ въ годъ путевыя издержки по разсчету пяти копѣекъ на версту отъ мѣста ихъ жительства до С.-Петербурга и обратно.

24. Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями не состоятъ Членами Государственной Думы, но могутъ присутствовать въ ея собраніяхъ и давать разъясненія по дѣламъ какъ лично, такъ равно черезъ своихъ Товарищей, или начальниковъ отдѣльныхъ частей центральныхъ управленій либо ближайшихъ помощниковъ сихъ

начальниковъ, или же другихъ, уполномоченныхъ Министрами и Главноуправляющими, должностныхъ лицъ.

25. Сообщеніе разъясненій въ указанномъ предшедшею (24) статьею порядкѣ обязательно для Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, если Государственная Дума, по Общему ея Собранію или по одному изъ ея Отдѣловъ, признаетъ разъясненія необходимыми.

IV. О Секретаряхъ Государственной Думы и ея Отдѣловъ, Канцеляріи Думы и состоящихъ при ней лицахъ.

26. Секретарь Государственной Думы и его Товарищъ избираются Думою изъ числа ея Членовъ на пять лѣтъ (ст. 2) и исполняютъ свои обязанности впредь до выбора Секретаря и его Товарища новымъ составомъ Думы.

27. Секретари Отдѣловъ Государственной Думы избираются каждымъ Отдѣломъ изъ числа его Членовъ на пять лѣтъ (ст. 2).

28. Для производства дѣлъ по Государственной Думѣ состоитъ при ней Канцелярія.

29. Управленіе Канцеляріею Государственной Думы возлагается на Секретаря Государственной Думы. Труды его раздѣляетъ Товарищъ Секретаря Думы. Въ случаѣ, указанномъ въ статьѣ 3, управленіе Канцеляріею Думы возлагается, впредь до избранія Секретаря новымъ составомъ Думы, на Государственнаго Секретаря.

30. Исполненіе послѣдовавшихъ со стороны Предсѣдателей Государственной Думы и ея Отдѣловъ распоряженій въ видахъ поддержанія порядка возлагается на Пристава Думы и его Помощниковъ.

31. Приставъ Государственной Думы и его Помощники въ числѣ, опредѣленномъ штатомъ, назначаются Предсѣдателемъ Думы.

32. Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ въ Канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы, при семъ прилагаются.

V. О предметахъ вѣдѣнія Государственной Думы.

33. Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ:

а) предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны.

б) финансовыя смѣты министерствъ и главныхъ управленій и государственная роспись доходовъ и расходовъ, равно какъ денежныя

изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя,—на основаніи особыхъ по сему предмету правилъ.

в) отчетъ Государственнаго Контроля по исполненію государственной росписи;

г) дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имуществъ, требующемъ Высочайшаго соизволенія;

д) дѣла о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ казны и за ея счетъ;

е) дѣла объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда при семъ испрашиваются изъятія изъ дѣйствующихъ законовъ;

ж) дѣла, вносимыя на разсмотрѣніе Думы по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Примѣчаніе. Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ также смѣты и раскладки земскихъ повинностей въ мѣстностяхъ въ которыхъ не введены земскія учрежденія, а также дѣла о возвышеніи земскаго или городского обложенія противъ размѣра, опредѣленнаго земскими собраніями и городскими думами (пол. зем. учр., ст. 94; гор. пол., ст. 88; пол. общ. упр. гор. С.-Петербурга, ст. 6 и 78).

34. Государственной Думѣ предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ (ст. 54—57). Предположенія эти не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ Законами Основными.

35. Государственной Думѣ предоставляется заявлять Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны Министровъ или Главноуправляющихъ, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, коими нарушаются, по мнѣнію Думы, существующія законоположенія (ст. 58—61).

VI. О порядкѣ производства дѣлъ въ Государственной Думѣ.

36. Подлежащія обсужденію Государственной Думы дѣла вносятся въ Думу Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями, а также Государственнымъ Секретаремъ.

37. Внесенныя въ Государственную Думу дѣла обсуждаются въ Отдѣлахъ ея и затѣмъ поступаютъ на разсмотрѣніе Общаго ея Собранія.

38. Засѣданія Общаго Собранія и Отдѣловъ Государственной Думы назначаются, открываются и закрываются ихъ Предсѣдателями.

39. Предсѣдатель останавливаетъ того изъ Членовъ Государственной Думы, который уклоняется отъ соблюденія порядка или уваженія къ закону. Отъ Предсѣдателя зависитъ объявить перерывъ засѣданія или его закрыть.

40. Въ случаѣ нарушенія порядка Членомъ Государственной Думы онъ можетъ быть удаленъ изъ засѣданія или устраненъ на опредѣленный срокъ отъ участія въ собраніяхъ Думы. Членъ Думы удаляется изъ засѣданія по постановленію Отдѣла или Общаго Собранія Думы, по принадлежности, а устраняется отъ участія въ собраніяхъ Думы на опредѣленный срокъ по постановленію Общаго ея Собранія.

41. Въ засѣданія Государственной Думы, по Общему ея Собранію и по Отдѣламъ, постороннія лица не допускаются.

42. Предсѣдателю Думы предоставляется разрѣшать присутствовать въ засѣданіяхъ Общаго ея Собранія, кромѣ засѣданій закрытыхъ, представителямъ повременной печати въ числѣ не болѣе одного отъ отдѣльнаго изданія.

43. Закрытыя засѣданія Общаго Собранія Государственной Думы назначаются по постановленію Общаго Собранія или по распоряженію Предсѣдателя Думы. По его же распоряженію назначаются закрытыя засѣданія Общаго Собранія Государственной Думы и въ томъ случаѣ, когда Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью, предметовъ вѣдомства коего касается дѣло, подлежащее разсмотрѣнію Думы, заявитъ, что оно составляетъ государственную тайну.

44. Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ Общаго Собранія Государственной Думы составляются присяжными стенографами и, по одобреніи Предсѣдателемъ Думы, допускаются къ оглашенію въ печати, кромѣ отчетовъ о закрытыхъ засѣданіяхъ.

45. Изъ отчета о закрытомъ засѣданіи Общаго Собранія Государственной Думы могутъ подлежать оглашенію въ печати тѣ части, опубликованіе которыхъ сочтетъ возможнымъ либо Предсѣдатель Думы, если засѣданіе было объявлено закрытымъ по его распоряженію или по постановленію Думы, либо Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью, если засѣданіе было объявлено закрытымъ вслѣдствіе его о томъ заявленія.

46. Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью можетъ взять обратно внесенное имъ въ Государственную Думу дѣло во всякомъ его положеніи. Но дѣло, внесенное въ Думу, вслѣдствіе возбужденія ею законодательнаго вопроса (ст. 34), можетъ быть взято обратно Министромъ или Главноуправляющимъ не иначе, какъ съ согласія на то Общаго Собранія Думы.

47. Заключеніемъ Государственной Думы по разсмотрѣннымъ ею дѣламъ признается мнѣніе, принятое большинствомъ Членовъ Общаго Собранія Думы. Въ этомъ заключеніи должно быть опредѣлительно указано согласіе или несогласіе Думы съ внесеннымъ предположеніемъ. Предлагаемыя Думою измѣненія должны быть выражены въ точно установленныхъ положеніяхъ.

48. Законодательныя предположенія, разсмотрѣнныя Государственною Думою, вносятся съ ея заключеніемъ въ Государственный Совѣтъ. По обсужденіи дѣла въ Совѣтѣ, положеніе его, кромѣ случая, указаннаго въ статьѣ, 49, представляется на Высочайшее благоволеніе въ порядкѣ, установленномъ Учрежденіемъ Государственнаго Совѣта, вмѣстѣ съ заключеніемъ Думы.

49. Законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ двухъ третей Членовъ въ Общихъ Собраніяхъ какъ Государственной Думы, такъ и Государственнаго Совѣта, возвращаются подлежащему Министру или Главноуправляющему для дополнительнаго соображенія и внесенія вновь на законодательное разсмотрѣніе, если на это послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе.

50. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Государственный Совѣтъ встрѣтитъ затрудненіе принять заключеніе Государственной Думы, дѣло можетъ быть, по постановленію Общаго Собранія Совѣта, передано, для согласованія мнѣнія Совѣта съ заключеніемъ Думы, въ коммисію изъ равнаго числа Членовъ отъ обоихъ установленій, по выбору Общихъ Собраній Совѣта и Думы, по принадлежности. Въ коммисіи предсѣдательствуетъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта или одинъ изъ Предсѣдателей Департаментовъ Совѣта.

51. Согласительное заключеніе, выработанное въ коммисіи (ст. 50), вносится сперва въ Общее Собраніе Государственной Думы, а затѣмъ въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта. Если согласительнаго заключенія не будетъ выработано, то дѣло возвращается въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта.

52. Въ тѣхъ случаяхъ, когда засѣданіе Государственной Думы не состоится по неприбытію положеннаго числа Членовъ (ст. 7), подлежавшее разсмотрѣнію дѣло назначается къ новому слушанію не позднѣе двухъ послѣ несостоявшагося засѣданія недѣль. Если же въ теченіе этого срока дѣло къ слушанію назначено не будетъ или засѣданіе Думы вновь не состоится по неприбытію положеннаго числа Членовъ, то подлежащій Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью можетъ, если признаетъ необходимымъ, внести дѣло въ Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія его безъ заключенія Думы.

53. Когда Императорскому Величеству благоугодно будетъ обратить вниманіе на медленность разсмотрѣнія Государственною Думою внесеннаго въ нее дѣла, Государственный Совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы. Если Дума не сообщитъ къ назначенному сроку своего заключенія, то Совѣтъ разсматриваетъ дѣло безъ заключенія Думы.

54. Члены Государственной Думы объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданіи новаго закона (ст. 34) подаютъ письменное заявленіе Предсѣдателю Думы. Къ заявленію долженъ быть приложенъ проектъ основныхъ положеній предлагаемаго измѣненія въ законѣ или новаго закона, съ объяснительною къ проекту запискою. Если заявленіе это подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью Членами, то Предсѣдатель вноситъ его на разсмотрѣніе подлежащаго Отдѣла.

55. О днѣ слушанія въ Отдѣлѣ Государственной Думы заявленія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданіи новаго закона извѣщаются Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями, къ предметамъ вѣдомства которыхъ заявленіе относится, а также въ подлежащихъ случаяхъ Государственный Секретарь, съ сообщеніемъ имъ копіи съ заявленія и относящихся къ нему приложеній, не позднѣе, какъ за мѣсяцъ до дня слушанія.

56. Если Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью или же Государственный Секретарь (ст. 55) раздѣляетъ соображенія Государственной Думы о желательности отмѣны или измѣненія дѣйствующаго или изданія новаго закона, то даетъ дѣлу движеніе въ законодательномъ порядкѣ.

57. Если Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью или Государственный Секретарь (ст. 55) не раздѣляетъ соображеній о желательности измѣненія или отмѣны дѣйствующаго или изданія новаго закона, принятыхъ въ Отдѣлѣ, а затѣмъ и большинствомъ двухъ третей Членовъ въ Общемъ Собраніи Государственной Думы, то дѣло представляется Предсѣдателемъ Думы въ Государственный Совѣтъ, черезъ который и восходитъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее благовоззрѣніе. Въ случаѣ Высочайшаго повелѣнія о направленіи дѣла въ законодательномъ порядкѣ, ближайшая его разработка возлагается на подлежащаго Министра или Главноуправляющаго отдѣльною частью или же на Государственнаго Секретаря.

58. О сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны Министровъ или Главноуправляющихъ отдѣльными частями, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и уста-

новленій, дѣйствій, въ коихъ усматривается нарушеніе существующихъ законоположеній (ст. 35), Члены Государственной Думы подаютъ письменное заявленіе Предсѣдателю Думы. Заявленіе это должно заключать въ себѣ указаніе, въ чемъ усматривается нарушеніе закона и какого именно. Если заявленіе подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью Членами, то Предсѣдатель Думы вноситъ его на обсужденіе Общаго ея Собранія.

59. Принятое большинствомъ Членовъ Общаго Собранія Государственной Думы заявленіе (ст. 58) сообщается подлежащему Министру или Главноуправляющему отдѣльною частью.

60. Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями, не далѣе одного мѣсяца со дня передачи имъ заявленія (ст. 59), сообщаютъ Государственной Думѣ надлежащія свѣдѣнія и разъясненія или же извѣщаютъ Думу о причинахъ, по коимъ они лишены возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія.

61. Если Государственная Дума большинствомъ двухъ третей Членовъ Общаго ея Собранія не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ Министра или Главноуправляющаго отдѣльною частью (ст. 60), то дѣло восходитъ, черезъ Государственный Совѣтъ, на Высочайшее благовоззрѣніе.

VII. О наказѣ Государственной Думы.

62. Подробности внутренняго распорядка въ Государственной Думѣ, предметы вѣдомства и порядокъ дѣйствія указаннаго въ статьѣ 12 совѣщанія, а также обязанности Канцеляріи Думы, ея Пристава и подвѣдомственныхъ ему лицъ опредѣляются наказомъ, издаваемымъ Думою въ развитіе правилъ сего Учрежденія.

63. Означенный въ предшедшей (62) статьѣ наказъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе черезъ Правительствующій Сенатъ.

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственомъ Совѣтѣ

Графъ Сольскій.

Приложеніе къ ст. 13.

Торжественное обѣщаніе Членовъ Государственной Думы.

Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности Членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, въ удостовѣреніе чего своеручно подписуемся".

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ *Графъ Сольскій.*

Приложеніе къ ст. 32.

Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ въ Канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы.

1. Канцелярія Государственной Думы состоитъ изъ дѣлопроизводителей и ихъ помощниковъ, казначея, присяжныхъ стенографовъ и писцовъ. Число служащихъ въ Канцеляріи и оклады ихъ содержанія, а равно суммы на вознагражденіе писцовъ и на канцелярскіе расходы, опредѣляются штатомъ.

2. Назначеніе и увольненіе служащихъ въ Канцеляріи принадлежитъ Секретарю Государственной Думы.

3. На службѣ въ Канцеляріи не могутъ состоять лица, не допускаемыя къ выборамъ въ Государственную Думу на основаніи статьи 7 Положенія о выборахъ въ Думу.

4. Не могутъ быть принимаемы на службу въ Канцелярію: *а*) недостигшіе гражданскаго совершеннолѣтія; *б*) обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ, и *в*) иностранные подданные.

5. Лица женскаго пола могутъ быть допускаемы къ занятіямъ въ Канцеляріи только по письмоводству и счетоводству.

6. Дѣлопроизводители канцеляріи и ихъ помощники назначаются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и пробывшихъ на службѣ государственной или по выборамъ дворянскимъ, земскимъ и городскимъ не менѣе трехъ лѣтъ.

7. Выборъ принимаемыхъ на службу въ Канцелярію лицъ зави-

ситъ отъ Секретаря Государственной Думы. Предварительно принятія этихъ лицъ на службу Секретарь Думы входитъ въ сношеніе съ Государственнымъ Секретаремъ, безъ согласія котораго означенныя лица не могутъ быть опредѣлены на службу въ Канцелярію.

8. Лица, поступающія на службу въ Канцелярію, приносятъ присягу на вѣрность службы, если эта присяга не была ими принесена ранѣе.

9. Состоящимъ на службѣ въ Канцеляріи воспрещается участіе въ учрежденіи всякихъ торгово-промышленныхъ предпріятій и кредитныхъ установленій или въ управленіи ими, а также всѣ вообще частныя занятія, которыя совѣщаніе, указанное въ статьѣ 12 Учрежденія Государственной Думы, признаетъ несовмѣстимыми со службою въ Канцеляріи Думы.

10. Изъ числа служащихъ въ Канцеляріи доступъ въ засѣданія Государственной Думы имѣютъ, сверхъ присяжныхъ стенографовъ, дѣлопроизводители и ихъ помощники.

11. Служащимъ въ Канцеляріи воспрещается разглашать свѣдѣнія, которыя стали имъ извѣстны по служебному ихъ положенію, если свѣдѣнія эти оглашенію не подлежатъ.

12. За нарушеніе служебныхъ обязанностей служащіе въ Канцеляріи подлежатъ отвѣтственности на основаніяхъ, установленныхъ для должностныхъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной гражданской государственной службѣ. Права и обязанности начальства сихъ должностныхъ лицъ принадлежатъ, въ отношеніи служащихъ въ Канцеляріи, совѣщанію, указанному въ статьѣ 12 Учрежденія Государственной Думы.

13. Служащіе въ Канцеляріи и ихъ семьи пользуются пенсіями и единовременными пособіями изъ казны примѣнительно къ постановленіямъ общаго устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ по гражданскимъ вѣдомствамъ.

14. Правила, изложенныя въ статьяхъ 3, 4, 8, 9 и 11—13, имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе къ Приставу Государственной Думы и его Помощникамъ.

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ *Графъ Сольскій.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „*БЫТЬ ПО СЕМУ*“.

Въ Петергофѣ.
6 Августа 1905 года.

ПОЛОЖЕНІЕ

О ВЫБОРАХЪ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ.

I. Общія положенія.

1. Выборы въ Государственную Думу производятся: *а)* по губерніямъ и областямъ и *б)* по городамъ: С.-Петербургу и Москвѣ, а также Астрахани, Баку, Варшавѣ, Вильнѣ, Воронежу, Екатеринославу, Иркутску, Казани, Кіеву, Кишиневу, Курску, Лодзи, Нижнему-Новгороду, Одессѣ, Орлу, Ригѣ, Ростову-на-Дону совмѣстно съ Нахичеванью, Самарѣ, Саратову, Ташкенту, Тифлису, Тулѣ, Харькову и Ярославлю.

Примѣчаніе. Выборы въ Государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей: Уральской и Тургайской и губерній и областей: Сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степного и Туркестанскаго и Намѣстничества Кавказскаго, а также выборы отъ кочевыхъ инородцевъ, производятся на основаніи особыхъ правилъ.

2. Число Членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

3. Избраніе Членовъ Государственной Думы по губерніямъ и областямъ (ст. 1, п. *а*) производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Собраніе это образуется подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ съѣздами: *а)* уѣздныхъ землевладѣльцевъ; *б)* городскихъ избирателей, и *в)* уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ.

4. Общее число выборщиковъ по каждой губерніи или области, а равно распредѣленіе ихъ между уѣздами и съѣздами, устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

5. Избраніе Членовъ Государственной Думы отъ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городовъ производится избирательнымъ собраніемъ, образуемымъ, подъ предсѣдательствомъ городского головы или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ: въ столицахъ—въ числѣ *ста шестидесяти*, а въ остальныхъ городахъ—въ числѣ *восьмидесяти*.

6. Въ выборахъ не участвуютъ: *а)* лица женскаго пола; *б)* лица моложе двадцати пяти лѣтъ; *в)* обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ; *г)* воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ; *д)* бродячіе инородцы, и *е)* иностранные подданные.

7. Кромѣ указанныхъ въ предшедшей (6) статьѣ лицъ, въ выборахъ не участвуютъ также: *а)* подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго чрезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилостивѣйшаго Манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *б)* отрѣшенные по судебнымъ приговорамъ отъ должности—въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія, хотя бы они и были освобождены отъ сего наказанія за давностью, силою Всемилостивѣйшаго Манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *в)* состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* или влекущихъ за собой отрѣшеніе отъ должности; *г)* подвергшіеся несостоятельности, впредь до опредѣленія свойства ея; *д)* несостоятельные, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію, кромѣ тѣхъ, несостоятельность коихъ признана несчастною; *е)* лишенные духовнаго сана или званія за пороки или же исключенные изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ, и *ж)* осужденные за уклоненіе отъ воинской повинности.

8. Не принимаютъ участія въ выборахъ: *а)* губернаторы и вице-губернаторы, а равно градоначальники и ихъ помощники—въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей, и *б)* лица, занимающія полицейскія должности—въ губерніи или городѣ, по которымъ производятся выборы.

9. Лица женскаго пола могутъ предоставлять свои цензы по недви-

жимому имуществу для участія въ выборахъ своимъ мужьямъ и сыновьямъ.

10. Сыновья могутъ участвовать въ выборахъ, вмѣсто своихъ отцовъ, по недвижимому ихъ имуществу и по ихъ уполномочію.

11. Съѣзды избирателей созываются въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, по принадлежности, подъ предсѣдательствомъ: съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей—уѣзднаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, а съѣздъ городскихъ избирателей—городского головы губернскаго или уѣзднаго города, по принадлежности, или лицъ, ихъ замѣняющихъ. Для уѣздовъ, указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городовъ, образуются въ сихъ городахъ отдѣльные съѣзды городскихъ избирателей уѣзда, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго городского головы. Въ уѣздахъ, въ коихъ имѣется нѣсколько городскихъ поселеній, можетъ быть образовано нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ городскихъ избирателей съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, коему предоставляется распредѣлять подлежащихъ избранію выборщиковъ между отдѣльными городскими поселеніями.

12. Въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ участвуютъ: *а)* лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія обложенною сборомъ на земскія повинности землею въ количествѣ, опредѣленномъ для каждаго уѣзда въ приложенномъ къ сей статьѣ росписаніи; *б)* лица, владѣющія въ уѣздѣ на поссессіонномъ правѣ горнозаводскими дачами въ количествѣ, указанномъ въ томъ же росписаніи; *в)* лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія инымъ, кромѣ земли, недвижимымъ, не составляющимъ торгово-промышленнаго заведенія, имуществомъ, стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *пятнадцати тысячъ* рублей; *г)* уполномоченные отъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ или землею въ размѣрѣ не менѣе десятой доли количества десятинъ, опредѣленнаго для каждаго уѣзда въ вышеупомянутомъ росписаніи, или инымъ недвижимымъ имуществомъ (п. *в*) стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *одной тысячи пятисотъ* рублей, и *д)* уполномоченные отъ священно-служителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею.

13. Въ Архангельской губерніи съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ не образуются, а лица, имѣющія право участія въ нихъ (ст. 12), причисляются въ каждомъ уѣздѣ названной губерніи къ съѣзду городскихъ избирателей. Въ тѣхъ уѣздахъ Ставропольской губерніи, въ коихъ не имѣется городскихъ поселеній, лица, уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысло-

выя занятія, а также лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ (ст. 16, п.п. *в* и *г*), причисляются къ мѣстному съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ, который избираетъ установленное росписаніемъ (ст. 4) отъ этого съѣзда и съѣзда городскихъ избирателей число выборщиковъ.

14. Означенные въ пунктахъ *г* и *д* статьи 12 уполномоченные отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ священнослужителей избираются на предварительномъ ихъ съѣздѣ. Смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда съѣздъ, или образуется нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ согласно росписанію, устанавливаемому губернаторомъ. Предсѣдательствованіе на съѣздѣ возлагается на уѣзднаго предводителя дворянства или лицо, его замѣняющее.

15. Число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ съѣздѣ, опредѣляется количествомъ земли, числящейся за лицами, явившимися на съѣздъ, и итогомъ оцѣночной стоимости другого принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный цензъ, установленный для участія въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ (ст. 12, п.п. *а*, *б* и *в*).

16. Въ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія земскимъ сборомъ въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей, или требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: торговымъ—одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *б)* лица, уплачивающія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше; *в)* лица, уплачивающія въ предѣлахъ города и его уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г)* лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, указаннымъ въ пунктѣ *а* сей статьи.

17. Въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ уѣзда, по два отъ каждаго схода. Выборные эти избираются волостными сходами изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости, если къ избранію ихъ нѣтъ препятствій, указанныхъ въ статьяхъ 6 и 7, а также въ пунктѣ *б* статьи 8.

18. Въ Астраханской губерніи образуется, кромѣ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей, одинъ общій съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ Астраханскаго казачьяго войска, расположенныхъ въ предѣлахъ какъ Астраханской, такъ и Самарской и Саратовской губерній. Съѣздъ созывается въ городѣ Астрахани, подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго наказнымъ атаманомъ, и избираетъ положенное по росписанію (ст. 4) число выборщиковъ въ Астраханское губернское избирательное собраніе. Въ области войска Донского и въ губерніи Оренбургской образуется въ каждомъ уѣздѣ, кромѣ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, на одинаковыхъ съ нимъ основаніяхъ, съѣздъ уполномоченныхѣ отъ станицъ. Уполномоченные отъ станицъ казачьихъ войскъ Астраханскаго, Донского и Оренбургскаго избираются станичными сборами изъ числа членовъ станичныхъ обществъ войскового сословія, въ числѣ двухъ отъ каждой станицы. Въ губерніяхъ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской уполномоченные отъ волостей избираются на общемъ волостномъ сходѣ изъ числа лицъ, входящихъ въ его составъ. Въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи, вмѣсто съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, образуется съѣздъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ общинъ, по одному отъ каждой общины. Уполномоченные эти избираются въ каждой общинѣ общимъ собраніемъ владѣльцевъ надѣльной земли, созываемымъ подъ предсѣдательствомъ примара общины.

19. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ предѣлахъ города на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія городскимъ сборомъ: въ столицахъ—въ суммѣ не менѣе *трехъ тысячъ* рублей, а въ остальныхъ городахъ—въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей; *б*) лица, владѣющія въ предѣлахъ города требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: въ столицахъ—торговымъ предпріятіемъ перваго разряда, промышленнымъ—одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятисотъ* рублей въ годъ, а въ прочихъ городахъ—торговымъ предпріятіемъ одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *в*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г*) лица, уплачиваю-

щія въ предѣлахъ города государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше.

20. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ, для избранія выборщиковъ въ городское избирательное собраніе, городъ подраздѣляется на избирательные участки, соотвѣтствующіе, по числу и границамъ, дѣленію его на полицейскія части. Распредѣленіе между участками подлежащихъ избранію выборщиковъ производится городскою управою или замѣняющимъ ее учрежденіемъ, соотвѣтственно общей численности населенія въ каждомъ изъ участковъ, и утверждается губернаторомъ или градоначальникомъ, по принадлежности.

21. Если нѣсколько лицъ имѣютъ недвижимое имущество (ст. 12 п.п. *а*, *б* и *в*; ст. 16, п. *а* и ст. 19, п. *а*) въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи, то каждый изъ нихъ считается владѣльцемъ причитающейся на его долю части имущества и согласно сему пользуется правомъ голоса на выборахъ.

22. Въ каждомъ избирательномъ участкѣ, съѣздѣ или собраніи никто не можетъ имѣть болѣе одного голоса.

23. Общій надзоръ за правильнымъ производствомъ выборовъ возлагается, подъ руководствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на губернаторовъ и градоначальниковъ, по принадлежности. Имъ предоставляется требовать отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ свѣдѣнія о ходѣ и порядкѣ выборовъ, а равно обозрѣвать выборныя производства и давать указанія къ обезпеченію правильнаго хода выборовъ.

24. Для повѣрки правильности выборовъ и разсмотрѣнія заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ учреждаются губернскія и уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммисіи.

25. Губернскія по дѣламъ о выборахъ коммисіи образуются, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда, изъ управляющаго казенною палатою, предводителя дворянства уѣзда губернскаго города, предсѣдателя губернской земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городского головы губернскаго города или лица, его замѣняющаго, одного изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, и одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по назначенію губернатора.

26. Уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммисіи образуются, подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, мирового или городского судьи, по назначенію съѣзда мировыхъ судей или общаго со-

бранія окружнаго суда, по принадлежности, предсѣдателя уѣздной земской или по дѣламъ земского хозяйства управы, городскаго головы уѣзднаго города, податнаго инспектора и одного изъ земскихъ начальниковъ, по назначенію уѣзднаго съѣзда.

27. Подача заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ не останавливаетъ выборнаго производства.

28. Въ мѣстностяхъ, въ коихъ нѣтъ губернскихъ предводителей дворянства, указанныя въ семъ положеніи обязанности ихъ возлагаются на особыхъ лицъ, назначаемыхъ Высочайшею Властью. Обязанности прочихъ должностныхъ лицъ, въ семъ положеніи упомянутыя, въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ лицъ не имѣется, исполняются другими соотвѣтствующими по роду обязанностей должностными лицами.

29. Преступныя дѣянія, совершенныя при производствѣ выборовъ въ Государственную Думу, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и учиненныя при выборахъ сословныхъ и общественныхъ.

II. Объ избирательныхъ спискахъ.

30. Списки лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, составляются и содержатся въ исправности: по съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ—уѣздною земскою управою или управою по дѣламъ земскаго хозяйства, а въ мѣстностяхъ, гдѣ такихъ управъ не имѣется,—уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ, а по съѣзду городскихъ избирателей—городскими управами или учрежденіями, ихъ замѣняющими.

31. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ списки лицъ, имѣющихъ право участія въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе, составляются и содержатся въ исправности городскою управою или учрежденіемъ, ее замѣняющимъ. Лица, имѣющія право участія въ выборахъ въ нѣсколькихъ избирательныхъ участкахъ (ст. 20), включаются въ списокъ того изъ этихъ участковъ, который они сами укажутъ, а если такого заявленія не послѣдуетъ, то включаются въ списокъ того участка, въ которомъ они имѣютъ мѣсто жительства.

32. Въ избирательные списки вносятся лица, кои до составленія подлежащаго списка (ст. 30 и 31) владѣли недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ или же уплачивали

промысловый налогъ не менѣе одного года, а квартирный налогъ—не менѣе трехъ лѣтъ. При исчисленіи указаннаго срока владѣнія недвижимымъ имуществомъ принимается въ разсчетъ и срокъ владѣнія симъ имуществомъ наслѣдодателя въ восходящей линіи. Лица, желающія участвовать въ выборахъ по недвижимому имуществу ихъ женъ или матерей (ст. 9), обязаны своевременно заявлять о томъ установленію, составляющему избирательный списокъ (ст. 30 и 31).

33. Составленные на основаніи статей 30 и 31 избирательные списки публикуются за шесть недѣль до выборовъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

34. Въ теченіе двухъ недѣль со дня опубликованія избирательныхъ списковъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы и заявленія о неправильности и неполнотѣ указанныхъ въ статьѣ 30 списковъ—въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммисію, а упомянутыхъ въ статьѣ 31 списковъ—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммисію.

35. По разсмотрѣніи избирательныхъ списковъ и поступившихъ жалобъ и заявленій, подлежащая коммисія объявляетъ лицамъ, подавшимъ жалобы и заявленія, о своихъ по онымъ постановленіяхъ. Измѣненія, внесенныя въ первоначальные списки, публикуются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ измѣненій.

36. Послѣ опубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ объ исправленіи списковъ никакія въ нихъ дополненія или измѣненія не допускаются, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могутъ послѣдовать въ разрѣшеніе жалобъ, принесенныхъ на постановленіе подлежащей коммисіи, въ установленномъ статьею 47 порядкѣ.

37. Лица, не внесенныя въ избирательные списки или до начала выборовъ утратившія избирательный цензъ, въ выборахъ не участвуютъ.

III. О производствѣ выборовъ.

1) О производствѣ выборовъ въ избирательныя собранія.

38. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ, для производства выборовъ въ городское избирательное собраніе, образуются въ каждомъ избирательномъ участкѣ (ст. 20) избирательныя коммисіи въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, приглашаемыхъ город-

скимъ головою или лицомъ, его замѣняющимъ, изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ. Порядокъ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія опредѣляется правилами, при семъ приложенными.

39. Способъ удостовѣренія личности избирателей и провѣрка ихъ полномочій предоставляется предсѣдателю съѣзда (ст. 3 и 14) или избирательной коммисіи (ст. 38).

40. Выборы на съѣздахъ производятся закрытою подачею голосовъ, посредствомъ баллотировки шарами, а выборы въ городское избирательное собраніе—закрытою подачею голосовъ, посредствомъ записокъ.

41. Выборщики (ст. 3 и 5) и уполномоченные отъ предварительныхъ съѣздовъ (ст. 14) могутъ быть избираемы только изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ томъ именно съѣздѣ или участкѣ, гдѣ выборы производятся.

42. Выборщиками отъ избирательныхъ съѣздовъ, а равно уполномоченными отъ предварительныхъ съѣздовъ, признаются лица, за коихъ подано болѣе половины голосовъ участвующихъ въ съѣздѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ балловъ; въ случаѣ же ихъ равенства—избраніе опредѣляется по жребію.

43. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ выборщиками, избранными въ городское избирательное собраніе, считаются лица, получившія наибольшее въ избирательномъ участкѣ число голосовъ, хотя бы оно и не достигало половины числа участвовавшихъ въ выборахъ; въ случаѣ равенства голосовъ—избраніе опредѣляется по жребію.

44. По окончаніи выборовъ, съѣзды и избирательныя коммисіи закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется: предсѣдателями съѣздовъ—въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммисію, а предсѣдателями избирательныхъ коммисій—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммисію.

45. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія съѣздовъ и избирательныхъ коммисій заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы: въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммисію—на неправильности, допущенныя при производствѣ выборовъ на съѣздахъ, и въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммисію—на неправильности, допущенныя при избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе.

46. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ, уѣздная или губернская коммисія, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы

въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ лицъ, избранныхъ отъ подлежащаго съѣзда или избирательнаго участка. Коммисія о своихъ постановленіяхъ по принесеннымъ ей жалобамъ объявляетъ лицамъ, ихъ подавшимъ.

47. Въ трехдневный срокъ со дня объявленія постановленія уѣздной или губернской по дѣламъ о выборахъ коммисіи заинтересованныя лица могутъ принести жалобу: на постановленіе уѣздной—въ губернскую коммисію, а на постановленіе сей послѣдней—въ Правительствующій Сенатъ. Жалоба подается въ уѣздную или губернскую коммисію, по принадлежности, и представляется, съ необходимыми объясненіями, уѣздною коммисіею въ недѣльный, а губернскою—въ двухнедѣльный срокъ: первою—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммисію, а второю—въ Правительствующій Сенатъ.

48. Списки выборщиковъ въ губернскія избирательныя собранія составляются уѣздною по дѣламъ о выборахъ коммисіею, а списки выборщиковъ въ городскія избирательныя собранія—губернскою по дѣламъ о выборахъ коммисіею. Тѣ и другіе списки безотлагательно публикуются, по распоряженію губернатора или градоначальника, по принадлежности, въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

2) *О производствѣ выборовъ въ Государственную Думу.*

49. Въ каждомъ губернскомъ избирательномъ собраніи прежде всего выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей избираютъ изъ своей среды одного Члена Государственной Думы. Сверхъ того, одного Члена Думы въ означенномъ избирательномъ собраніи въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской и въ области войска Донского избираютъ изъ своей среды также и выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Затѣмъ избирательное собраніе въ общемъ своемъ составѣ избираетъ изъ числа всѣхъ имѣющихъ право участія въ немъ выборщиковъ остальное положенное росписаніемъ (ст. 2) число Членовъ Думы. Избраніе производится закрытою подачею голосовъ, посредствомъ баллотировки шарами.

50. Городскія избирательныя собранія (ст. 5) избираютъ изъ числа имѣющихъ право участія въ нихъ выборщиковъ положенное на городъ число Членовъ Государственной Думы (ст. 2) закрытою подачею голосовъ, посредствомъ баллотировки шарами.

51. Предварительно баллотировки губернскимъ или городскимъ из-

бирательнымъ собраніемъ отмѣчаются закрытою подачею голосовъ, посредствомъ записокъ, кандидаты. Кандидаты эти подвергаются засимъ баллотировкѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ голосовъ.

52. Если число лицъ, получившихъ въ губернскомъ или городскомъ избирательномъ собраніи болѣе половины голосовъ, не достигнетъ указаннаго въ приложенномъ къ ст. 2 росписаніи для данной губерніи, области или города числа Членовъ Государственной Думы, то на слѣдующій день собраніе производитъ тѣмъ же порядкомъ дополнительные выборы недостающаго числа Членовъ. Въ случаѣ безуспѣшности этихъ дополнительныхъ выборовъ, на третій день производятся окончательные выборы недостающаго числа Членовъ, при чемъ избранными считаются получившіе относительное большинство голосовъ.

53. Въ Члены Государственной Думы могутъ быть избираемы только лица, изъявившія на то свое согласіе. Лица, занимающія на гражданской государственной службѣ должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ избранія ихъ въ Члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

54. Никто не можетъ баллотироваться въ Члены Государственной Думы болѣе, чѣмъ въ одномъ избирательномъ собраніи—губернскомъ или городскомъ.

55. Въ Члены Государственной Думы не могутъ быть избираемы лица, не знающія русскаго языка.

56. По окончаніи выборовъ губернскія и городскія избирательныя собранія закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется предсѣдателями собраній губернатору или градоначальнику, по принадлежности.

57. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія избирательнаго собранія заинтересованныя лица могутъ подавать губернатору или градоначальнику, по принадлежности, жалобы на допущенныя при выборахъ неправильности и нарушеніе установленнаго порядка.

58. Выборное производство, съ принесенными на выборы жалобами и объясненіями по онымъ предсѣдателей избирательныхъ собраній, губернаторъ или градоначальникъ, по принадлежности, представляетъ Правительствующему Сенату въ недѣльный срокъ со дня полученія выборнаго производства.

59. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ, Правительствующій Сенатъ, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отно-

шеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ Членовъ Государственной Думы отъ подлежащей губерніи, области или города.

60. Указанныя въ предшедшей (59) статьѣ дѣла разрѣшаются въ Первомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената окончательно, по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ—по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

61. Въ случаѣ отмѣны выборовъ Правительствующимъ Сенатомъ, а равно въ случаѣ выбытія Члена Государственной Думы изъ ея состава, если до наступленія срока общихъ новыхъ выборовъ въ Думу остается болѣе года, производятся, по распоряженію Правительствующаго Сената, новые выборы подлежащимъ губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ въ томъ составѣ выборщиковъ, который избранъ былъ на текущее пятилѣтіе.

62. Списокъ Членовъ Государственной Думы составляется Правительствующимъ Сенатомъ и публикуется имъ во всеобщее свѣдѣніе.

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ *Графъ Сольскій.*

Приложеніе къ статьѣ 2.

РОСПИСАНІЕ

числа Членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ.

ГУБЕРНІИ, ОБЛАСТИ И ГОРОДА.	Число Членовъ Государственной Думы.	ГУБЕРНІИ, ОБЛАСТИ И ГОРОДА.	Число Членовъ Государственной Думы.
1. Архангельская	2	13. Екатеринославская.	—
2. Астраханская	—	по городу Екатеринославу	1
по городу Астрахани	1	въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	9
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	3	14. Казанская	—
3. Бессарабская	—	по городу Казани.	1
по городу Кишиневу	1	въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	9
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	8	15. Калужская.	5
4. Виленская	—	16. Кіевская.	—
по городу Вильнѣ	1	по городу Кіеву	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	6	въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	15
5. Витебская	6	17. Ковенская	6
6. Владимірская	6	18. Костромская	6
7. Вологодская	5	19. Курляндская	3
8. Волынская.	13	20. Курская.	—
9. Воронежская.	—	по городу Курску.	1
по городу Воронежу	1	въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	10
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	11	21. Лифляндская.	—
10. Вятская	13	по городу Ригѣ.	1
11. Гродненская	7	въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	4
12. Область войска Донского	—	22. Минская.	9
по городу Ростову на Дону съ Нахичеванью	1	23. Могилевская.	7
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	11	24. Московская	—
		по городу Москвѣ	4

въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	6
25. Нижегородская.	—
по городу Нижнему-Новгороду	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	6
26. Новгородская	6
27. Олонецкая	3
28. Оренбургская	7
29. Орловская	—
по городу Орлу	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	8
30. Пензенская	6
31. Пермская	13
32. Подольская	13
33. Полтавская	12
34. Псковская.	4
35. Рязанская	8
36. Самарская.	—
по городу Самарѣ	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	12
37. С.-Петербургская.	—
по городу С.-Петербургу	6
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	3
38. Саратовская	—
по городу Саратову.	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	10
39. Симбирская	6
40. Смоленская	6
41. Ставропольская	3
42. Таврическая	6
43. Тамбовская	12
44. Тверская	8
45. Тульская	—
по городу Тулѣ.	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	5
46. Уфимская.	10
47. Харьковская.	—
по городу Харькову	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	10
48. Херсонская	—
по городу Одессѣ	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	10
49. Черниговская	10
50. Эстляндская	3
51. Ярославская.	—
по городу Ярославлю	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	4
Итого	412
Въ томъ числѣ отъ городовъ	28

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ

Графъ Сольскій.

Приложеніе къ статьѣ 4.

РОСПИСАНІЕ

числа губернскихъ выборщиковъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ:		
		Отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	Отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	Отъ съѣзда городскихъ избирателей.
1. Архангельская.				
Архангельскій . .	5	1	4	
Александровскій	2	1	1	
Кемскій	3	2	1	
Мезенскій . . .	3	1	2	
Онежскій. . . .	3	2	1	
Печорскій . . .	3	2	1	
Пинежскій . . .	3	2	1	
Холмогорскій. .	3	2	1	
Шенкурскій . .	7	6	1	
	32	19	13	
2. Астраханская.				
Астраханскій. .	9	1	1	7
Енотаевскій . .	6	3	1	2
Красноярскій. .	5	2	1	2
Царевскій . . .	16	12	1	3
Черноярскій . .	9	6	1	2
	45[1])	24	5	16
3. Бессарабская.				
Кишиневскій. .	11	2	8	1
Аккерманскій .	18	12	4	2
Бендерскій . . .	13	6	4	3
Бѣлецкій. . . .	14	3	10	1
Измаильскій . .	16	6[2])	7	3
Оргѣевскій . . .	14	2	8	4
Сорокскій . . .	14	4	6	4
Хотинскій . . .	20	8	9	3
	120	43	56	21
4. Виленская.				
Виленскій . . .	14	6	7	1
Вилейскій . . .	13	5	7	1
Дисненскій . . .	13	5	7	1
Лидскій	13	5	7	1
Ошмянскій . . .	14	6	7	1
Свѣнцянскій . .	11	6	4	1
Трокскій	13	7	5	1
	91	40	44	7
5. Витебсная.				
Витебскій . . .	11	2	4	5
Велижскій . . .	6	1	4	1
Городокскій . .	7	4	2	1
Двинскій. . . .	14	5	4	5
Дриссенскій . .	6	2	3	1
Лепельскій . . .	9	4	4	1

[1]) Сверхъ того, пять выборщиковъ избираются общимъ съѣздомъ уполномоченныхъ отъ станицъ Астраханскаго казачьяго войска.

[2]) По Измаильскому уѣзду уполномоченные избираются сельскими общинами.

Люцинскій . . .	7	2	4	1
Невельскій . . .	7	3	3	1
Полоцкій. . . .	9	3	4	2
Рѣжицкій . . .	8	3	4	1
Себежскій . . .	6	2	3	1
	90	31	39	20

6. Владимірская.

Владимірскій . .	9	3	1	5
Александровскій	6	2	1	3
Вязниковскій. .	5	1	1	3
Гороховецкій . .	6	3	2	1
Ковровскій. . .	7	2	1	4
Меленковскій. .	8	2	2	4
Муромскій . . .	7	2	1	4
Переяславльскій	5	2	1	2
Покровскій. . .	10	1	1	8
Судогодскій. . .	6	1	2	3
Суздальскій. . .	7	4	2	1
Шуйскій	10	1	1	8
Юрьевскій . . .	6	2	2	2
	92	26	18	48

7. Вологодская.

Вологодскій . .	9	3	3	3
Вельскій	8	6	1	1
Грязовецкій . .	6	3	2	1
Кадниковскій. .	12	4	7	1
Никольскій. . .	13	11	1	1
Сольвычегодскій	7	5	1	1
Тотемскій . . .	8	6	1	1
Устьсысольскій .	5	1	3	1
Устюжскій . . .	9	6	1	2
Яренскій. . . .	3	1	1	1
	80	46	21	13

8. Волынская.

Житомірскій . .	28	7	12	9
Владимиръ - Волынскій . . .	18	9	7	2
Дубенскій . . .	13	5	6	2
Заславскій . . .	13	5	5	3
Ковельскій . . .	14	7	5	2
Кременецкій . .	14	6	6	2
Луцкій	17	6	7	4
Новоградъ - Волынскій . . .	23	7	11	5
Овручскій . . .	14	4	8	2
Острожскій. . .	11	4	5	2
Ровенскій . . .	18	4	9	5
Староконстантиновскій . . .	12	5	5	2
	195	69	86	40

9. Воронежская.

Воронежскій . .	14	8	4	2
Бирюченскій . .	13	7	4	2
Бобровскій . . .	19	8	7	4
Богучарскій . .	20	15	3	2
Валуйскій . . .	13	7	4	2
Задонскій . . .	8	5	2	1
Землянскій . . .	14	8	4	2
Коротоякскій . .	11	9	1	1
Нижнедѣвицкій .	11	9	1	1
Новохоперскій .	13	8	4	1
Острогожскій . .	18	10	5	3
Павловскій. . .	11	7	3	1
	165	101	42	22

10. Вятская.

Вятскій	13	8	1	4
Глазовскій . . .	24	16	4	4
Елабужскій. . .	15	9	2	4
Котельническій .	19	16	1	2
Малмыжскій . .	18	15	1	2
Нолинскій . . .	12	10	1	1
Орловскій . . .	17	15	1	1
Сарапульскій . .	27	18	1	8
Слободскій . . .	14	7	4	3
Уржумскій . . .	18	15	1	2
Яранскій. . . .	23	19	1	3
	200	148	18	34

11. Гродненская.

Гродненскій . .	13	4	3	6
Брестскій . . .	14	5	4	5
Бѣлостокскій . .	13	3	3	7
Бѣльскій	11	4	5	2
Волковыскій . .	10	5	4	1
Кобринскій. . .	12	5	6	1
Пружанскій . .	9	5	3	1
Слонимскій . . .	16	7	7	2
Соколкскій . . .	7	5	1	1
	105	43	36	26

12. Область войска Донскаго.

		От волостей	От станиц.	От съѣзда уполномоченныхъ.	
Черкасскій окр.	17	1	6	1	9
Донецкій	35	1	16	10	8

Первый Донской	20	1	11	6	2
Второй Донской	18	1	14	1	2
Ростовскій . . .	14	4	2	6	2
Сальскій	7	1	4	1	1
Таганрогскій . .	30	3	1	17	9
Усть-Медвѣдицкій.	18	1	13	2	2
Хоперскій . . .	18	1	12	3	2
	177	14	79	47	37

13. Екатеринославская.

Екатеринославскій	16	2	3	11
Александровскій	19	6	9	4
Бахмутскій . . .	23	2	3	18
Верхнеднѣпровскій	14	2	4	8
Маріупольскій .	17	11	2	4
Новомосковскій.	17	5	7	5
Павлоградскій .	17	5	9	3
Славяносербскій	12	1	1	10
	135	34	38	63

14. Казанская.

Казанскій . . .	15	11	2	2
Козмодемьянскій	8	6	1	1
Лаишевскій. . .	11	6	4	1
Мамадышскій. .	13	11	1	1
Свіяжскій . . .	9	5	2	2
Спасскій	11	6	4	1
Тетюшскій . . .	12	10	1	1
Царевококшайскій	9	7	1	1
Цивильскій. . .	10	8	1	1
Чебоксарскій . .	10	6	1	3
Чистопольскій .	20	13	4	3
Ядринскій . . .	11	9	1	1
	139	98	23	18

15. Калужская.

Калужскій . . .	8	2	2	4
Боровскій . . .	3	1	1	1
Жиздринскій . .	16	6	5	5
Козельскій . . .	8	4	3	1
Лихвинскій. . .	6	3	2	1
Малоярославецкій.	3	1	1	1
Медынскій . . .	7	3	2	2
Мещовскій . . .	6	2	2	2
Мосальскій. . .	10	5	4	1
Перемышльскій .	5	2	2	1
Тарусскій . . .	4	1	1	2
	76	30	25	21

16. Кіевская.

Кіевскій	20	7	6	7
Бердичевскій . .	19	4	5	10
Васильковскій .	21	8	4	9
Звенигородскій .	19	8	6	5
Каневскій . . .	18	7	6	5
Липовецкій . . .	14	5	6	3
Радомысльскій .	22	7	10	5
Сквирскій . . .	17	6	7	4
Таращанскій . .	16	7	5	4
Уманскій. . . .	22	9	6	7
Черкасскій . . .	21	6	7	8
Чигиринскій . .	16	6	6	4
	225	80	74	71

17. Ковенская.

Ковенскій . . .	13	2	4	7
Вилькомирскій .	13	7	5	1
Новоалександровскій . . .	12	7	4	1
Поневѣжскій . .	13	6	6	1
Россіенскій. . .	14	6	6	2
Тельшевскій . .	11	5	4	2
Шавельскій . .	14	6	6	2
	90	39	35	16

18. Костромская.

Костромскій . .	12	4	3	5
Буйскій	5	2	2	1
Варнавинскій. .	8	3	4	1
Ветлужскій. . .	8	2	5	1
Галичскій . . .	7	3	3	1
Кинешемскій . .	9	1	2	6
Кологривскій . .	7	1	5	1
Макарьевскій. .	9	4	4	1
Нерехтскій . . .	10	4	2	4
Солигаличскій .	4	1	2	1
Чухломскій . . .	4	1	2	1
Юрьевецкій. . .	9	3	1	5
	92	29	35	28

19. Курляндская.

Добленскій . . .	7	2	1	4
Баусскій	3	1	1	1
Виндавскій . . .	4	1	1	2
Газенпотскій . .	4	1	2	1
Гольдингенскій .	4	2	1	1
Гробинскій . . .	8	1	1	6
Иллукстскій . .	4	1	2	1
Тальсенскій. . .	4	1	2	1
Туккумскій . . .	4	1	2	1
Фридрихштадтскій	4	2	1	1
	46	13	14	19

20. Курская.				
Курскій	9	5	3	1
Бѣлгородскій	11	5	2	4
Грайворонскій	12	6	3	3
Дмитріевскій	8	3	4	1
Корочанскій	11	8	2	1
Льговскій	8	3	3	2
Новооскольскій	10	6	3	1
Обоянскій	12	9	2	1
Путивльскій	11	3	5	3
Рыльскій	11	3	3	5
Старооскольскій	10	5	3	2
Суджанскій	10	6	3	1
Тимскій	9	6	2	1
Фатежскій	8	5	2	1
Щигровскій	10	5	4	1
	150	78	44	28
21. Лифляндская.				
Рижскій	6	1	3	2
Валкскій	7	2	3	2
Венденскій	7	3	3	1
Верроскій	6	2	3	1
Вольмарскій	8	3	4	1
Перновскій	6	2	2	2
Феллинскій	6	3	2	1
Эзельскій	4	2	1	1
Юрьевскій	11	3	4	4
	61	21	25	15
22. Минская.				
Минскій	17	4	6	7
Бобруйскій	16	4	9	3
Борисовскій	15	6	8	1
Игуменскій	15	3	10	2
Мозырскій	12	3	7	2
Новогрудскій	15	6	8	1
Пинскій	15	4	9	2
Рѣчицкій	14	6	7	1
Слуцкій	16	5	10	1
	135	41	74	20
23. Могилевская.				
Могилевскій	10	2	4	4
Быховскій	9	4	4	1
Гомельскій	14	5	6	3
Горецкій	8	4	3	1
Климовичскій	9	4	4	1
Мстиславскій	6	2	3	1
Оршанскій	11	4	6	1
Рогачевскій	14	5	8	1
Сѣнницкій	11	4	6	1
Чаусскій	7	3	3	1
Чериковскій	10	3	6	1
	109	40	53	16
24. Московская.				
Московскій	10	1	1	8
Богородскій	14	1	1	12
Бронницкій	9	2	1	6
Верейскій	5	1	1	3
Волоколамскій	5	2	1	2
Дмитровскій	8	1	1	6
Звенигородскій	6	2	1	3
Клинскій	7	1	1	5
Коломенскій	8	1	1	6
Можайскій	3	1	1	1
Подольскій	6	1	1	4
Рузскій	3	1	1	1
Серпуховскій	8	1	1	6
	92	16	13	63
25. Нижегородская.				
Нижегородскій	8	4	2	2
Ардатовскій	8	2	4	2
Арзамасскій	8	5	2	1
Балахнинскій	8	1	2	5
Васильсурскій	8	4	3	1
Горбатовскій	8	3	3	2
Княгининскій	6	3	2	1
Лукояновскій	12	8	3	1
Макарьевскій	7	3	3	1
Семеновскій	7	4	2	1
Сергачскій	10	5	4	1
	90	42	30	18
26. Новгородская.				
Новгородскій	12	4	5	3
Боровичскій	10	3	6	1
Бѣлозерскій	7	1	5	1
Валдайскій	6	2	3	1
Демьянскій	5	2	2	1
Кирилловскій	8	4	3	1
Крестецкій	7	2	3	2
Старорусскій	12	7	3	2
Тихвинскій	8	1	6	1
Устюженскій	7	1	5	1
Череповецкій	10	4	4	2
	92	31	45	16
27. Олонецкая.				
Петрозаводскій	11	5	1	5
Вытегорскій	7	3	2	2
Каргопольскій	11	9	1	1

Лодейнопольскій	6	3	2	1
Олонецкій . .	6	2	1	3
Повѣнецкій . .	4	2	1	1
Пудожскій . .	5	3	1	1
	50	27	9	14

28. Оренбургская.

		От волостей.	От съѣзда уполномоченныхъ.	От станицъ.	
Оренбургскій .	36	9	7	13	7
Верхнеуральскій	15	4	5	3	3
Орскій	15	8	2	1	4
Троицкій . . .	12	1	6	1	4
Челябинскій . .	27	14	7	1	5
	105	36	27	19	23

29. Орловская.

Орловскій . .	8	4	3	1
Болховскій . .	8	4	3	1
Брянскій . . .	13	4	5	4
Дмитровскій .	7	3	3	1
Елецкій . . .	17	8	5	4
Карачевскій . .	8	4	3	1
Кромскій . . .	7	4	2	1
Ливенскій . .	18	11	6	1
Малоархангельскій	12	7	4	1
Мценскій . . .	6	2	3	1
Сѣвскій . . .	10	5	4	1
Трубчевскій . .	8	3	4	1
	122	59	45	18

30. Пензенская.

Пензенскій . .	9	2	3	4
Городищенскій .	10	4	4	2
Инсарскій . .	11	7	3	1
Керенскій . .	7	4	2	1
Краснослободскій	10	8	1	1
Мокшанскій . .	7	2	4	1
Наровчатскій .	8	6	1	1
Нижнеломовскій	9	5	3	1
Саранскій . . .	9	4	3	2
Чембарскій . .	10	5	4	1
	90	47	28	15

31. Пермская.

Пермскій . . .	18	2	9	7
Верхотурскій .	18	2	7	9
Екатеринбургскій	26	4	9	13
Ирбитскій . .	10	7	1	2
Камышловскій .	16	12	1	3
Красноуфимскій	17	6	8	3
Кунгурскій . .	9	5	2	2
Осинскій . . .	21	15	3	3
Оханскій . . .	17	9	6	2
Соликамскій . .	15	3	8	4
Чердынскій . .	7	3	3	1
Шадринскій . .	22	18	1	3
	196	86	58	52

32. Подольская.

Каменецъ-Подольскій . .	17	5	6	6
Балтскій . . .	26	12	10	4
Брацлавскій . .	16	7	6	3
Винницкій . .	16	5	5	6
Гайсинскій . .	16	8	6	2
Летичевскій . .	12	6	5	1
Литинскій . .	14	6	6	2
Могилевскій . .	14	5	5	4
Ольгопольскій .	19	8	8	3
Проскуровскій .	14	6	5	3
Ушицкій . . .	14	6	6	2
Ямпольскій . .	17	8	8	1
	195	82	76	37

33. Полтавская.

Полтавскій . .	15	1	8	6
Гадячскій . .	9	2	5	2
Золотоношскій .	15	2	11	2
Зеньковскій . .	10	1	8	1
Кобелякскій . .	14	2	11	1
Константиноградскій . .	15	4	9	2
Кременчугскій .	16	1	7	8
Лохвицкій . .	10	1	6	3
Лубенскій . .	9	1	5	3
Миргородскій .	10	1	6	3
Переяславскій .	12	1	7	4
Пирятинскій .	11	2	6	3
Прилукскій . .	12	2	7	3
Роменскій . .	12	1	6	5
Хорольскій . .	11	1	7	3
	181	23	109	49

34. Псковская.				
Псковскій . .	12	7	3	2
Великолуцкій .	7	2	4	1
Новоржевскій .	6	2	3	1
Опочецкій . .	7	3	3	1
Островскій . .	9	5	3	1
Порховскій . .	9	3	4	2
Торопецкій . .	6	1	4	1
Холмскій . . .	5	1	3	1
	61	24	27	10
35. Рязанская.				
Рязанскій . .	14	4	5	5
Данковскій . .	8	4	3	1
Егорьевскій . .	10	2	1	7
Зарайскій . . .	8	3	2	3
Каспмовскій . .	11	5	4	2
Михайловскій .	10	6	3	1
Пронскій . . .	7	3	2	2
Раненбургскій .	10	5	4	1
Ряжскій . . .	9	4	4	1
Сапожковскій .	11	5	5	1
Скопинскій . .	12	7	3	2
Спасскій . . .	11	6	4	1
	121	54	40	27
36. Самарская.				
Самарскій . .	17	9	4	4
Бугульминскій .	20	7	3	10
Бугурусланскій .	28	16	9	3
Бузулукскій . .	34	17	9	8
Николаевскій .	33	17	10	6
Новоузенскій .	29	17	8	4
Ставропольскій	19	11	5	3
	180	94	48	38
37. С.-Петербургская.				
С.-Петербургскій	4	1	1	2
Гдовскій	8	3	4	1
Лужскій	7	2	4	1
Новоладожскій .	5	2	2	1
Петергофскій .	7	2	2	3
Царскосельскій	8	2	2	4
Шлиссельбургскій	4	1	1	2
Ямбургскій . .	4	1	2	1
	47	14	18	15

38. Саратовская.				
Саратовскій . .	13	4	7	2
Аткарскій . . .	19	7	9	3
Балашевскій . .	21	8	9	4
Вольскій . . .	12	5	4	3
Камышинскій .	21	14	2	5
Кузнецкій . . .	11	5	3	3
Петровскій . .	15	7	6	2
Сердобскій . .	15	6	7	2
Хвалынскій . .	12	7	3	2
Царицынскій .	11	1	1	9
	150	64	51	35
39. Симбирская.				
Симбирскій . .	14	5	4	5
Алатырскій . .	10	5	2	3
Ардатовскій . .	12	7	4	1
Буинскій . . .	12	9	2	1
Карсунскій . .	14	6	7	1
Курмышскій . .	10	6	3	1
Сенгилеевскій .	9	4	3	2
Сызранскій . .	9	2	4	3
	90	44	29	17
40. Смоленская.				
Смоленскій . .	9	2	2	5
Бѣльскій . . .	10	2	7	1
Вяземскій . . .	6	2	3	1
Гжатскій . . .	5	2	2	1
Дорогобужскій .	6	2	3	1
Духовщинскій .	8	3	2	3
Ельнинскій . .	8	3	4	1
Краснинскій . .	6	3	2	1
Порѣчскій . . .	8	3	4	1
Рославльскій . .	11	3	6	2
Сычевскій . . .	6	3	2	1
Юхновскій . . .	7	3	3	1
	90	31	40	19
41. Ставропольская.				
Ставропольскій	9	4	2	3
Александровскій	9	7	1	1
Медвѣженскій .	13	10	1	2
Благодаринскій	10	8	1	1
Прасковейскій .	6	4	1	1
	47	33	6	8
42. Таврическая.				
Симферопольскій	10	1	3	6
Бердянскій . .	21	16	2	3

Днѣпровскій . .	14	5	8	1
Евпаторійскій .	5	1	2	2
Мелитопольскій	26	16	7	3
Перекопскій . .	5	1	3	1
Ялтинскій . . .	6	1	2	3
Ѳеодосійскій . .	9	1	4	4
	96	42	31	23

43. Тамбовская.

Тамбовскій . .	28	13	10	5
Борисоглѣбскій	21	13	6	2
Елатомскій . .	9	4	4	1
Кирсановскій .	18	8	9	1
Козловскій . . .	23	13	7	3
Лебедянскій . .	10	6	2	2
Липецкій . . .	11	5	2	4
Моршанскій . .	18	8	7	3
Спасскій	8	6	1	1
Темниковскій .	9	3	4	2
Усманскій . . .	14	9	4	1
Шацкій	11	4	6	1
	180	92	62	26

44. Тверская.

Тверскій	11	2	1	8
Бѣжецкій . . .	17	9	6	2
Весьегонскій . .	10	5	4	1
Вышневолоцкій	12	4	5	3
Зубцовскій . . .	7	3	3	1
Калязинскій . .	8	4	2	2
Кашинскій . . .	8	4	2	2
Корчевскій . .	8	3	3	2
Новоторжскій .	10	4	3	3
Осташковскій .	9	3	5	1
Ржевскій . . .	10	3	3	4
Старицкій . . .	10	5	4	1
	120	49	41	30

45. Тульская.

Тульскій	6	2	2	2
Алексинскій . .	4	2	1	1
Богородицкій .	9	4	3	2
Бѣлевскій . . .	4	2	1	1
Веневскій . . .	6	3	2	1
Епифанскій . .	7	3	3	1
Ефремовскій . .	9	4	4	1
Каширскій . . .	4	1	2	1
Крапивенскій .	6	2	2	2
Новосильскій .	10	5	4	1
Одоевскій . . .	5	2	2	1
Чернскій . . .	6	2	3	1
	76	32	29	15

46. Уфимская.

Уфимскій . . .	25	8	11	6
Белебеевскій . .	29	19	7	3
Бирскій	33	25	6	2
Златоустовскій .	12	5	2	5
Мензелинскій .	29	20	5	4
Стерлитамакскій	22	11	5	6
	150	88	36	26

47. Харьковская.

Харьковскій . .	11	5	3	3
Ахтырскій . . .	10	3	2	5
Богодуховскій .	11	4	3	4
Валковскій . .	9	5	3	1
Волчанскій . .	11	4	4	3
Зміевскій . . .	15	8	4	3
Изюмскій . . .	19	5	7	7
Купянскій . . .	16	9	5	2
Лебединскій . .	11	4	3	4
Старобѣльскій .	23	15	5	3
Сумскій	14	2	4	8
	150	64	43	43

48. Херсонская.

Херсонскій . .	38	11	15	12
Александрійскій	27	12	11	4
Ананіевскій . .	17	4	11	2
Елисаветградскій	40	14	17	9
Одесскій	12	4	7	1
Тираспольскій .	16	5	8	3
	150	50	69	31

49. Черниговская.

Черниговскій .	10	4	3	3
Борзненскій . .	9	5	2	2
Глуховскій . . .	9	3	3	3
Городнянскій .	10	4	4	2
Козелецкій . . .	9	4	3	2
Конотопскій . .	10	4	3	3
Кролевецкій . .	9	5	2	2
Мглинскій . . .	9	2	6	1
Новгородъ-Сѣверскій . . .	10	4	4	2
Новозыбковскій	11	4	3	4
Нѣжинскій . .	11	5	3	3
Остерскій . . .	10	7	2	1
Сосницкій . . .	11	4	4	3
Стародубскій .	10	3	6	1
Суражскій . . .	12	5	2	5
	150	63	50	37

50. Эстляндская.				
Ревельскій . . .	17	3	6	8
Везенбергскій .	13	3	6	4
Вейсенштейнскій	6	2	3	1
Гапсальскій . .	9	2	6	1
	45	10	21	14
51. Ярославская.				
Ярославскій . .	9	2	1	6
Даниловскій . .	4	1	1	2
Любимскій . . .	4	1	2	1
Мологскій . . .	7	2	4	1
Мышкинскій . .	5	2	2	1
Пошехонскій . .	6	2	3	1
Романово-Борисоглѣбскій . .	4	1	2	1
Ростовскій . . .	9	3	2	4
Рыбинскій . . .	6	1	1	4
Угличскій . . .	6	2	2	2
	60	17	20	23

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ

Графъ Сольскій.

Приложеніе къ статьѣ 12.

РОСПИСАНІЕ

количества земли, дающаго право на участіе въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

НАИМЕНОВАНІЕ ГУБЕРНІЙ И УѢЗДОВЪ.	Количество дес. земли.
1. Архангельская.	
Архангельскій	500
Александровскій	600
Кемскій	500
Мезенскій	600
Онежскій	500
Печорскій	600
Пинежскій	600
Холмогорскій	450
Шенкурскій	450
2. Астраханская.	
Астраханскій	525
Енотаевскій	500
Красноярскій	725
Царевскій	375
Черноярскій	525
3. Бессарабская.	
Кишиневскій	200
Аккерманскій	200
Бендерскій	300
Бѣлецкій	300
Измаильскій	300
Оргѣевскій	200
Сорокскій	175
Хотинскій	150
4. Виленская.	
Виленскій	300
Вилейскій	300
Дисненскій	300
Лидскій	300
Ошмянскій	300
Свѣнцянскій	300
Трокскій	300
5. Витебская.	
Витебскій	200
Велижскій	300
Городокскій	300
Двинскій	150
Дриссенскій	200
Лепельскій	200
Люцинскій	200
Невельскій	200
Полоцкій	200
Рѣжицкій	150
Себежскій	300
6. Владимірская.	
Владимірскій	250
Александровскій	250
Вязниковскій	225
Гороховецкій	225
Ковровскій	250
Меленковскій	250
Муромскій	225
Переяславльскій	225
Покровскій	225
Судогодскій	225

Суздальскій	200
Шуйскій	250
Юрьевскій	200

7. Вологодская.

Вологодскій	250
Вельскій	475
Грязовецкій	250
Кадниковскій	325
Никольскій	475
Сольвычегодскій	400
Тотемскій	425
Устьсысольскій	700
Устюжскій	475
Яренскій	800

8. Волынская.

Житомірскій	200
Владимірь-Волынскій	250
Дубенскій	200
Заславскій	100
Ковельскій	300
Кременецкій	200
Луцкій	300
Новоградъ-Волынскій	250
Овручскій	500
Острожскій	200
Ровенскій	300
Староконстантиновскій	150

9. Воронежская.

Воронежскій	150
Бирюченскій	200
Бобровскій	150
Богучарскій	250
Валуйскій	200
Задонскій	150
Землянскій	125
Коротоякскій	200
Нижнедѣвицкій	150
Новохоперскій	250
Острогожскій	250
Павловскій	200

10. Вятская.

Вятскій	325
Глазовскій	400
Елабужскій	250
Котельническій	325
Малмыжскій	250
Нолинскій	225
Орловскій	350
Сарапульскій	250
Слободскій	475
Уржумскій	250
Яранскій	250

11. Гродненская.

Гродненскій	200
Брестскій	250
Бѣлостокскій	200
Бѣльскій	200
Волковыскій	250
Кобринскій	250
Пружанскій	250
Слонимскій	250
Соколкскій	200

12. Область войска Донского.

Черкасскій округъ	200
Донецкій	200
Первый Донской	200
Второй Донской	200
Ростовскій	200
Сальскій	200
Таганрогскій	200
Усть-Медвѣдицкій	200
Хоперскій	200

13. Екатеринославская.

Екатеринославскій	150
Александровскій	150
Бахмутскій	150
Верхнеднѣпровскій	150
Маріупольскій	150
Новомосковскій	150
Павлоградскій	150
Славяносербскій	150

14. Казанская.

Казанскій	200
Козьмодемьянскій	175
Лаишевскій	200
Мамадышскій	200
Свіяжскій	200
Спасскій	200
Тетюшскій	200
Царевококшайскій	175
Цивильскій	200
Чебоксарскій	175
Чистопольскій	200
Ядринскій	200

15. Калужская.

Калужскій	200
Боровскій	200
Жиздринскій	250
Козельскій	200
Лихвинскій	200
Малоярославецкій	200
Медынскій	250
Мещовскій	200
Мосальскій	225
Перемышльскій	300
Тарусскій	200

16. Кіевская.

Кіевскій	200
Бердичевскій	125
Васильковскій	150
Звенигородскій	100
Каневскій	100
Липовецкій	150
Радомысльскій	300
Сквирскій	125
Таращанскій	150
Уманскій	125
Черкасскій	125
Чигиринскій	125

17. Ковенская.

Ковенскій	200
Вилькомірскій	200
Новоалександровскій	200
Поневѣжскій	200
Россіенскій	200
Тельшевскій	200
Шавельскій	200

18. Костромская.

Костромскій	250
Буйскій	350
Варнавинскій	350
Ветлужскій	350
Галичскій	350
Кинешемскій	250
Кологривскій	350
Макарьевскій	325
Нерехтскій	225
Солигаличскій	350
Чухломскій	325
Юрьевецкій	250

19. Курляндская.

Добленскій	125
Баускій	170
Виндавскій	270
Газенпотскій	200
Гольдингенскій	200
Гробинскій	175
Иллукстскій	175
Тальсенскій	200
Туккумскій	180
Фридрихштадтскій	200

20. Курская.

Курскій	150
Бѣлгородскій	175
Грайворонскій	175
Дмитріевскій	200
Корочанскій	150
Льговскій	175
Новооскольскій	150
Обоянскій	150
Путивльскій	175
Рыльскій	175
Старооскольскій	150

Суджанскій	150
Тимскій	150
Фатежскій	150
Щигровскій	125

21. Лифляндская.

Рижскій	200
Валкскій	300
Венденскій	300
Верроскій	300
Вольмарскій	200
Перновскій	300
Юрьевскій	200
Эзельскій	300
Феллинскій	200

22. Минская.

Минскій	300
Бобруйскій	400
Борисовскій	400
Игуменскій	400
Мозырскій	600
Новогрудскій	300
Пинскій	400
Рѣчицкій	400
Слуцкій	300

23. Могилевская.

Могилевскій	250
Быховскій	250
Гомельскій	250
Горецкій	250
Климовичскій	250
Мстиславскій	250
Оршанскій	250
Рогачевскій	250
Сѣннинскій	250
Чаусскій	250
Черниковскій	250

24. Московская.

Московскій	200
Богородскій	175
Бронницкій	200
Верейскій	200
Волоколамскій	200
Дмитровскій	200
Звенигородскій	200
Клинскій	200
Коломенскій	200
Можайскій	200
Подольскій	200
Рузскій	200
Серпуховскій	200

25. Нижегородская.

Нижегородскій	250
Ардатовскій	250
Арзамасскій	250
Балахнинскій	225
Васильсурскій — Часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Волги	225
Васильсурскій — Остальная часть уѣзда	325
Горбатовскій	250
Княгининскій	250
Лукояновскій	200
Макарьевскій — Часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Волги	250
Макарьевскій — Остальная часть уѣзда	350
Семеновскій	300
Сергачскій	200

26. Новгородская.

Новгородскій	300
Боровичскій	300
Бѣлозерскій	400
Валдайскій	300
Демьянскій	300
Кирилловскій	300
Крестецкій	300
Старорусскій	300
Тихвинскій	300
Устюженскій	300
Череповецкій	300

27. Олонецкая.

Петрозаводскій	475
Вытегорскій	425

Каргопольскій	400
Лодейнопольскій	400
Олонецкій	350
Повѣнецкій	400
Пудожскій	475

28. Оренбургская.

Оренбургскій	475
Верхнеуральскій	350
Орскій	475
Троицкій	350
Челябинскій	350

29. Орловская.

Орловскій	150
Болховскій	200
Брянскій	250
Дмитровскій	250
Елецкій	125
Карачевскій	225
Кромскій	175
Ливенскій	125
Малоархангельскій	125
Мценскій	175
Сѣвскій	225
Трубчевскій	250

30. Пензенская.

Пензенскій	175
Городищенскій	250
Инсарскій	175
Керенскій	175
Краснослободскій	200
Мокшанскій	175
Наровчатскій	175
Нижнеломовскій	175
Саранскій	175
Чембарскій	175

31. Пермская.

Пермскій	300
Верхотурскій	475
Екатеринбургскій	300
Ирбитскій	350
Камышловскій	350
Красноуфимскій	350
Кунгурскій	300
Осинскій	350
Оханскій	350
Соликамскій	475
Чердынскій	350
Шадринскій	350

32. Подольская.

Каменецъ-Подольскій	150
Балтскій	150
Брацлавскій	150
Винницкій	150
Гайсинскій	150
Летичевскій	150
Литинскій	150
Могилевскій	150
Ольгопольскій	150
Проскуровскій	150
Ушицкій	150
Ямпольскій	150

33. Полтавская.

Полтавскій	150
Гадячскій	150
Золотоношскій	150
Зеньковскій	150
Кобелякскій	150
Константиноградскій	200
Кременчугскій	150
Лохвицкій	150
Лубенскій	150
Миргородскій	150
Переяславскій	200
Пирятинскій	150
Прилукскій	150
Роменскій	150
Хорольскій	150

34. Псковская.

Псковскій	225
Великолуцкій	225

Новоржевскій	300
Опочецкій	300
Островскій	300
Порховскій	275
Торопецкій	300
Холмскій	300

35. Рязанская.

Рязанскій	Часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Оки	125
	Остальная часть уѣзда	175
Данковскій		150
Егорьевскій		200
Зарайскій		200
Касимовскій		200
Михайловскій		150
Пронскій		175
Раненбургскій		150
Ряжскій		175
Сапожковскій		175
Скопинскій		150
Спасскій	Часть уѣзда, расположенная между рѣками Окою и Парою	175
	Остальная часть уѣзда	200

36. Самарская.

Самарскій	300
Бугульминскій	350
Бугурусланскій	350
Бузулукскій	350
Николаевскій	475
Новоузенскій	550
Ставропольскій	250

37. С.-Петербургская.

Петербургскій	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
	Остальная часть уѣзда	225
Гдовскій		275
Лужскій		275
Новоладожскій		275
Петергофскій	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
	Остальн. часть уѣзда	225
Царскосельскій	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
	Остальн. часть уѣзда	225
Шлиссельбургскій	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
	Остальн. часть уѣзда	200
Ямбургскій		200

38. Саратовская.

Саратовскій	200
Аткарскій	250
Балашовскій	200
Вольскій	250
Камышинскій	250
Кузнецкій	250
Петровскій	200
Сердобскій	175
Хвалынскій	250
Царицынскій	400

39. Симбирская.

Симбирскій	250
Алатырскій	200
Ардатовскій	200
Буинскій	250
Карсунскій	250
Курмышскій	200
Сенгилеевскій	250
Сызранскій	250

40. Смоленская.

Смоленскій	225
Бѣльскій	225
Вяземскій	250
Гжатскій	250
Дорогобужскій	250
Духовщинскій	250
Ельнинскій	250

Краснинскій	250
Порѣчскій	225
Рославльскій	225
Сычевскій	250
Юхновскій	225

41. Ставропольская.

Ставропольскій	320
Александровскій	510
Благодаринскій	650
Медвѣженскій	340
Прасковейскій	650

42. Таврическая.

Симферопольскій.	Горныя части уѣзда до черты, опредѣленной Выс. утв. 5 мая 1835 г. пол. Ком. Мин. (п. с. з. № 8114)	175
	Остальн. часть уѣзда	425
Бердянскій		200
Днѣпровскій		425
Евпаторійскій		250
Мелитопольскій		300
Перекопскій		250
Ялтинскій.	Южная часть уѣзда, расположенная между моремъ и шоссейною дорогою отъ Алушты до Байдарскихъ воротъ	25
	Остальн. часть уѣзда	100
Ѳеодосійскій.	Горныя части уѣзда до черты, опредѣленной Выс. утв. 5 мая 1835 г. пол. Ком. Мин. (п. с. з. № 8114)	200
	Остальн. часть уѣзда	475

43. Тамбовская.

Тамбовскій	150
Борисоглѣбскій	150
Елатомскій	175
Кирсановскій	150
Козловскій	125
Лебедянскій	150
Липецкій	150
Моршанскій	175
Спасскій	200
Темниковскій	200
Усманскій	125
Шацкій	200

44. Тверская.

Тверскій	225
Бѣжецкій	225
Весьегонскій	225
Вышневолоцкій	225
Зубцовскій	250
Калязинскій	225
Кашинскій	200
Корчевскій	225
Новоторжскій	225
Осташковскій	225
Ржевскій	250
Старицкій	250

45. Тульская.

Тульскій	200
Алексинскій	200
Богородицкій	150
Бѣлевскій	200
Веневскій	175
Епифанскій	150
Ефремовскій	125
Каширскій	200
Крапивенскій	150
Новосильскій	125
Одоевскій	175
Чернскій	150

46. Уфимская.

Уфимскій	250
Белебеевскій	350
Бирскій	350
Златоустовскій	350
Мензелинскій	250
Стерлитамакскій	350

47. Харьковская.

Харьковскій	150
Ахтырскій	150
Богодуховскій	150
Валковскій	150
Волчанскій	200
Зміевскій	250
Изюмскій	250
Купянскій	250
Лебединскій	125
Старобѣльскій	250
Сумскій	125

48. Херсонская.

Херсонскій	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ городовъ Херсона и Николаева	200
	Остальн. часть уѣзда	350
Александрійскій		200
Ананьевскій		250
Елисаветградскій		200
Одесскій.	Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ города Одессы.	200
	Остальн. часть уѣзда	350
Тираспольскій		250

49. Черниговская.

Черниговскій	200
Борзненскій	150
Глуховскій	200
Городнянскій	200
Козелецкій	200
Конотопскій	150
Кролевецкій	200
Мглинскій	250
Новгородсѣверскій	250
Новозыбковскій	250
Нѣжинскій	150
Остерскій	225
Сосницкій	250
Стародубскій	200
Суражскій	225

50. Эстляндская.

Ревельскій	250
Везенбергскій	250
Вейсенштейнскій	200
Гапсальскій	300

51. Ярославская.

Ярославскій	250
Даниловскій	225
Любимскій	250
Мологскій	225
Мышкинскій	200
Пошехонскій	350
Романово-Борисоглѣбскій	225
Ростовскій	225
Рыбинскій	225
Угличскій	225

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ
Графъ Сольскій.

Правила о порядкѣ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія.

1. Избирателямъ каждаго избирательнаго участка предоставляется, въ теченіе мѣсяца до срока, назначеннаго для выборовъ, образовывать для совѣщанія о лицахъ, достойныхъ быть избранными, особыя подготовительныя собранія. О времени и мѣстѣ такихъ собраній избиратели заявляютъ начальнику мѣстной полиціи, который можетъ назначить, для присутствованія въ собраніи, одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ.

2. На подготовительномъ собраніи могутъ присутствовать лишь избиратели даннаго избирательнаго участка. По требованію представителя полиціи, собраніе должно быть немедленно закрыто.

3. Выборы производятся въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ для сего городскою управою, по возможности, въ предѣлахъ избирательнаго участка.

4. Каждый избиратель лично вручаетъ свою избирательную записку предсѣдателю избирательной коммисіи.

5. Въ запискѣ указываются имена, отчества и фамиліи лицъ, за которыхъ избиратель подаетъ голосъ, въ числѣ, не превышающемъ общаго числа подлежащихъ избранію по каждому участку. Въ запискѣ не должно быть никакихъ отмѣтокъ, знаковъ, а равно исправленій и подчистокъ ни на лицевой, ни на оборотной сторонѣ; записки, не удовлетворяющія означенному требованію, признаются недѣйствительными.

6. Имя лица, предлагаемаго въ выборщики, не должно повторяться въ одной и той же избирательной запискѣ. Подобныя повторенія, а равно и имена лицъ, предложенныхъ въ выборщики сверхъ положеннаго на участокъ числа, считая по порядку записи именъ, при подсчетѣ голосовъ въ соображеніе не принимаются.

7. Выборы продолжаются одинъ день, съ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера, и производятся одновременно во всѣхъ избирательныхъ участкахъ. Въ девять часовъ вечера допускъ избирателей въ помѣщеніе избирательной коммисіи для подачи избирательныхъ записокъ прекращается, отъ прибывшихъ же въ это помѣщеніе до

девяти часовъ записки принимаются до тѣхъ поръ, пока не будутъ поданы всѣми находящимися въ помѣщеніи.

8. Предсѣдатель избирательной коммисіи, принявъ отъ избирателя записку, тотчасъ же, въ присутствіи послѣдняго, опускаетъ ее въ особый ящикъ чрезъ отверстіе, продѣланное въ крышкѣ. Ящикъ этотъ, предварительно принятія записокъ, предъявляется присутствующимъ избирателямъ для удостовѣренія въ томъ, что онъ пустъ и не имѣетъ отверстій, кромѣ предназначеннаго для опусканія записокъ. Затѣмъ ящикъ закрывается на замокъ и опечатывается печатью предсѣдателя, а ярлыкъ, на который наложена печать, подписывается предсѣдателемъ, членами избирательной коммисіи и желающими изъ числа наличныхъ избирателей. О принятіи избирательной записки дѣлается соотвѣтствующая отмѣтка въ избирательномъ спискѣ противъ имени лица, ее подавшаго. По закрытіи засѣданія, отверстіе ящика, въ который опускаются записки, опечатывается, и предсѣдатель объявляетъ присутствующимъ число поданныхъ записокъ, которое заносится въ особый актъ, подписываемый предсѣдателемъ и членами избирательной коммисіи.

9. Подсчетъ голосовъ производится, начиная съ слѣдующаго по окончаніи выборовъ дня, съ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера, въ засѣданіи избирательной коммисіи, въ которомъ могутъ присутствовать избиратели.

10. По вскрытіи избирательнаго ящика, каждая избирательная записка пронумеровывается и, если она удовлетворяетъ указаннымъ въ статьѣ 5 требованіямъ и не возбуждаетъ сомнѣній среди членовъ коммисіи, то званіе, имя, отчество, фамилія и номеръ по избирательному списку каждаго лица, обозначеннаго въ запискѣ, прочитываются и, по крайней мѣрѣ, двумя членами коммисіи заносятся каждымъ на особыя карточки. Каждая такая карточка подписывается лицомъ, ее составившимъ. По вынутіи изъ ящика и просмотрѣ всѣхъ записокъ, коммисія обсуждаетъ записки, вызвавшія сомнѣнія, и о принятомъ ею рѣшеніи, а равно объ основаніяхъ признанія записокъ недѣйствительными, составляетъ особый протоколъ, подписываемый предсѣдателемъ и членами коммисіи. Затѣмъ карточки, въ кои внесены предложенныя въ выборщики лица, располагаются по алфавиту указанныхъ въ нихъ фамилій и подсчитываются.

11. Если подсчетъ голосовъ не можетъ быть законченъ въ одинъ день, то, по составленіи протокола о числѣ записокъ: *а)* вынутыхъ изъ ящика, *б)* признанныхъ недѣйствительными, *в)* возбудившихъ сомнѣнія и *г)* прочитанныхъ,—означенныя записки, а равно карточки,

съ именами предложенныхъ въ выборщики лицъ, складываются, соотвѣтственно роду записокъ и карточекъ, въ особые пакеты, опечатываемые затѣмъ печатью предсѣдателя коммисіи на ярлыкѣ, подписанномъ всѣми членами коммисіи и желающими изъ числа присутствующихъ при этомъ избирателей. Тѣмъ же порядкомъ опечатывается и ящикъ съ невынутыми записками.

12. По окончаніи подсчета голосовъ и объявленіи именъ лицъ, предложенныхъ въ выборщики, составляется, за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ коммисіи, протоколъ, въ который заносятся: *а)* число всѣхъ вынутыхъ изъ ящика записокъ, *б)* число всѣхъ прочитанныхъ записокъ, *в)* число записокъ, признанныхъ недѣйствительными, съ приведеніемъ основаній, къ тому послужившихъ, и *г)* списокъ лицъ, избранныхъ въ выборщики. Затѣмъ избирательныя записки и карточки запечатываются въ особые пакеты.

13. Лица, избранныя выборщиками, немедленно извѣщаются о томъ избирательною коммисіею и, если не заявятъ губернской по дѣламъ о выборахъ коммисіи въ теченіе трехъ сутокъ со дня полученія извѣщенія объ отказѣ отъ принятія званія выборщика, признаются принявшими это званіе. Въ случаѣ отказа избраннаго лица отъ принятія званія выборщика онъ замѣщается, съ соблюденіемъ того же порядка, слѣдующимъ по списку лицомъ, получившимъ наибольшее число голосовъ.

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ

Графъ Сольскій.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

I.

18-го февраля 1905 г. состоялся рескриптъ на имя М—ра Внутреннихъ Дѣлъ гофмейстера Булыгина. Въ этомъ рескриптѣ Государь выражалъ желаніе, „преемственно продолжая Царственное дѣло Вѣнценосныхъ Предковъ“ Своихъ, отнынѣ „привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“. Для „обсужденія путей осуществленія этой воли“ Государя рескриптъ учреждалъ подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина Особое Совѣщаніе.

Однако, не смотря на то, что личный составъ всѣхъ подобныхъ, за послѣднее время столь многочисленныхъ совѣщаній опубликовывался во всеобщее свѣдѣніе, о совѣщаніи гофм. Булыгина очень долго ничего не было извѣстно, такъ что въ русскомъ обществѣ начало проявляться серьезное безпокойство, какъ бы все дѣло не ограничилось однимъ этимъ рескриптомъ.

Во второй половинѣ марта въ отвѣтъ на эти опасенія появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ говорилось, что въ настоящее время Министръ Внутреннихъ Дѣлъ занятъ подготовительными работами къ совѣщанію, и работы эти состоятъ въ разборѣ „поступившихъ отъ разныхъ лицъ и учрежденій проектовъ и предположеній“, которые „отли-

чаются разнообразіемъ взглядовъ и сужденій . . . “, почему, внесеніе всѣхъ этихъ проектовъ на обсужденіе совѣщанія вызвало бы „немаловажныя затрудненія“.

Немедленное внесеніе дѣла въ совѣщаніе по словамъ правительственнаго сообщенія, „представлялось бы мѣрою, тѣмъ болѣе неудобною, что совѣщаніе . . . не можетъ быть образовано изъ однихъ лишь представителей вѣдомствъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ, но должно объединить въ своемъ составѣ также и лицъ, заявившихъ себя особыми познаніями и дѣятельностью на разныхъ поприщахъ государственной и общественной службы на мѣстахъ . . . вслѣдствіе сего совѣщаніе по необходимости должно быть разнообразнымъ по составу“.

Для облегченія работъ этого разнообразнаго по составу совѣщанія Министръ Внутреннихъ Дѣлъ предполагалъ самъ выработать „первоначальныя соображенія объ основаніяхъ реформы“, внести ихъ сначала на обсужденіе Совѣта Министровъ, а затѣмъ на обсужденіе Совѣщанія. Такая постановка работъ была Высочайше одобрена 16 марта 1905 г.

Но лѣтомъ работы приняли другое направленіе: „первоначальныя соображенія“ для облегченія работъ Совѣщанія оказались цѣлымъ проектомъ, выработаннымъ помимо всякаго совѣщанія изъ лицъ, „заявившихъ себя особыми познаніями и дѣятельностью на разныхъ поприщахъ государственной и общественной службы“. Проектъ этотъ былъ пересмотрѣнъ Совѣтомъ Министровъ и затѣмъ еще разъ пересмотрѣнъ въ Петергофѣ нѣсколькими лицами въ присутствіи Государя.

Результатомъ этихъ работъ явилось изданное 6-го августа Учрежденіе Государственной Думы—законъ страннымъ образомъ соединяющій въ Думѣ элементы народнаго представительства и нѣкоторыя архаическія черты нашихъ дореформенныхъ совѣтовъ.

Опубликованіе Учрежденія Государственной Думы выдвигаетъ рядъ вопросовъ, возникающихъ по поводу организаціи Думы, по поводу предоставленныхъ ей правъ, и наконецъ, и, пожалуй, главнымъ образомъ по поводу созданнаго избирательнаго права.

Дать сколько нибудь исчерпывающій обзоръ этихъ вопросовъ въ настоящее время, непосредственно послѣ опубликованія этого закона, было бы крайне трудно: подобный законъ, представляющійся амальгамою практически и логически несовмѣстимыхъ элементовъ, всегда порождаетъ нескончаемую цѣпь затрудненій и сомнѣній. И еслибы Учрежденіе Государственной Думы не было закономъ, который, очевидно, въ ближайшемъ будущемъ подвергнется коренной переработкѣ, то можно было бы быть увѣреннымъ, что коментаріи къ этому закону составятъ цѣлую библіотеку.

Теперь мы можемъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ, выдвигаемыхъ Учрежденіемъ.

II.

Организація Государственной Думы.

I. Государственная Дума дѣйствуетъ въ видѣ отдѣловъ и въ видѣ общаго собранія.

Постановленія объ отдѣлахъ Думы довольно своеобразны.

Въ проектѣ гофмейстера Булыгина предполагалось, что въ Думѣ будетъ 10 отдѣловъ [1]), при чемъ распредѣленіе дѣлъ между отдѣлами было указано въ самомъ законѣ. Совѣтъ министровъ нашелъ, что распредѣленіе дѣлъ между отдѣлами можетъ быть предоставлено самой Думѣ, но при этомъ постановилъ, что число отдѣловъ не должно быть менѣе 4-хъ и болѣе 8-ми. Эти числа получились такимъ образомъ: департаментовъ въ Государственномъ Совѣтѣ 4, стало быть, число отдѣловъ не можетъ быть менѣе этого числа и не должно быть болѣе удвоеннаго числа департаментовъ. Подобная мотивировка, странная сама по себѣ, въ особенности странна для Совѣта Министровъ, который, при опредѣленіи компетенціи Государственной Думы, призналъ, что въ Думу должны поступать не всѣ дѣла, восходящія въ Государственный Совѣтъ, но только законодательныя дѣла, а не дѣла ад-

[1]) Ст. 5.

министративныя и судебныя. Между тѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ, помимо департамента законовъ, есть и департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. По схемѣ совѣта министровъ въ числѣ отдѣловъ Думы во всякомъ случаѣ не должно было бы быть отдѣла, соотвѣтствующаго этому департаменту.

Что касается назначенія этихъ отдѣловъ, то повидимому они должны быть подготовительными коммисіями, разсматривающими дѣла, вносимыя въ Думу, и подготовляющими ихъ для разсмотрѣнія общимъ ея собраніемъ.

Вообще, въ представительныхъ учрежденіяхъ примѣняются разные способы предварительной разработки внесенныхъ въ нихъ законопроектовъ. Такъ напр. въ Англіи въ палатѣ общинъ законопроекты разсматриваются сначала въ „комитетѣ палаты“, а затѣмъ въ самой палатѣ. Комитетъ состоитъ изъ всѣхъ членовъ палаты, засѣдающихъ не подъ предсѣдательствомъ спикера, а подъ предсѣдательствомъ чермена. Различіе между засѣданіемъ палаты и засѣданіемъ комитета палаты сводится къ тому, что въ комитетѣ члены не стѣснены сложными обрядами парламентскаго дѣлопроизводства, главнымъ образомъ тѣмъ правиломъ, что по тому же вопросу каждый членъ можетъ говорить только одинъ разъ. По обсужденіи проекта въ комитетѣ проектъ поступаетъ на разсмотрѣніе и голосованіе въ формальномъ засѣданіи палаты.

Во Франціи детальное обсужденіе проекта всѣми членами палаты происходитъ въ такъ называемыхъ бюро. Сенатъ дѣлится по жребію на 9 бюро, палата депутатовъ на 11, и каждый законопроектъ, прежде, чѣмъ поступить на разсмотрѣніе палаты, разсматривается во всѣхъ бюро. Засѣданія ихъ происходятъ одновременно, и это позволяетъ безъ чрезмѣрной затраты времени всѣмъ желающимъ хотя бы въ бюро высказаться по поводу проекта или выяснить себѣ, путемъ разспросовъ авторовъ проекта, тѣ или другія вызываемыя имъ сомнѣнія.

Какъ въ Англіи, такъ и въ государствахъ, принявшихъ систему бюро, всюду существуетъ тотъ порядокъ, что сколько нибудь сложные проекты передаются на предварительное обсужденіе спеціальныхъ коммисій, выбранныхъ ad hoc изъ членовъ палаты, обыкновенно съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ

каждой коммисіи были представлены всѣ парламентскія группы и притомъ тѣми своими членами, которые наиболѣе знакомы съ даннымъ вопросомъ.

Повидимому наши будущіе отдѣлы имѣютъ характеръ именно такихъ спеціальныхъ коммисій. Но въ такомъ случаѣ совершенно непонятно установленіе опредѣленной нормы числа отдѣловъ. Нельзя представить себѣ никакого основанія, почему бы для какого-либо возникшаго сложнаго и крупнаго вопроса нельзя было создать спеціальной коммисіи (отдѣла). Во вторыхъ, совершенно безцѣльнымъ является установленіе постояннаго состава отдѣловъ, и наконецъ, ничѣмъ не объяснима минимальная цифра 20, обязательная для числа членовъ отдѣла.

Надо думать, что ограниченное число отдѣловъ при постоянномъ ихъ личномъ составѣ неминуемо повлечетъ за собою переходъ Думы къ разработкѣ проектовъ путемъ передачи ихъ въ спеціальныя коммисіи. Но если разработка проектовъ будетъ происходить въ коммисіяхъ, а постановленія Думы будутъ приниматься въ общихъ собраніяхъ ея, то трудно представить себѣ, въ чемъ же будетъ состоять работа отдѣловъ.

Повидимому изъ этихъ отдѣловъ Учрежденіе Государственной Думы желаетъ создать нѣчто въ родѣ департаментовъ Государственнаго Совѣта.

Согласно фактически установившимся порядкамъ, детальное обсужденіе проектовъ происходитъ въ департаментахъ Государственнаго Совѣта. Въ общемъ его собраніи въ громадномъ большинствѣ случаевъ обсуждаются или голосуются только разногласія, возникшія въ департаментѣ и тамъ не устраненныя. Но такъ какъ департаменты всемѣрно заботятся о согласованіи возникшихъ въ нихъ „разныхъ мнѣній“, то на дѣлѣ работа Государственнаго Совѣта сосредоточивается почти исключительно въ департаментахъ.

Такое положеніе вещей, повидимому, представляющееся авторамъ Учрежденія Государственной Думы единственно возможнымъ, обусловливается специфическими особенностями Государственнаго Совѣта, главнымъ образомъ преклонностью лѣтъ

его членовъ, и тѣмъ, что назначеніе въ департаменты получаютъ наиболѣе работоспособные.

Вообще, если какое-либо дѣло поручается непремѣнно двумъ инстанціямъ, то фактически разсмотрѣніе дѣла въ одной изъ нихъ обращается въ простую формальность. Иное положеніе вещей бываетъ только въ томъ случаѣ, если каждая изъ двухъ инстанцій является представительницею разнаго интереса (палата общинъ и палата лордовъ).

Такъ какъ отдѣлы Думы и общее ея собраніе, конечно, будутъ проникнуты тѣмъ же духомъ и настроеніями, то центромъ работы Думы станутъ или отдѣлы или общее собраніе.

Свой авторитетъ въ глазахъ правительства и, что еще важнѣе, въ глазахъ народа постановленія Думы будутъ черпать въ томъ, что данное ея постановленіе будетъ приниматься за выраженіе общественнаго мнѣнія всей страны. Заключенія въ дѣйствительности постановленныя отдѣлами и лишь формально принятыя общимъ собраніемъ, авторитетомъ пользоваться не будутъ.

Поэтому еслибы отдѣлы Думы пріобрѣли по отношенію къ общему собранію Думы такое же значеніе, какъ департаменты Государственнаго Совѣта по отношенію къ его общему собранію, то для судебъ народнаго представительства въ Россіи это имѣло бы самыя печальныя послѣдствія.

II. Члены Думы не называются народными представителями. Этого термина во всемъ законѣ нѣтъ, они просто называются „членами Думы“. Даже терминъ „государственные гласные“, предлагавшійся представителями отнюдь не крайнихъ направленій, и тотъ показался, повидимому, слишкомъ страшнымъ.

Но по существу дѣла члены Государственной Думы, относительно которыхъ въ Манифестѣ 6-го августа говорится, что они люди, „избранные довѣріемъ всего населенія“, никѣмъ и ничѣмъ въ семъ званіи не утверждаемые, очевидно, являются или должны являться ни чѣмъ инымъ, какъ именно народными представителями.

Дѣло, конечно, не въ имени. Но по существу дѣла чле-

ны Думы лишены нѣкоторыхъ правъ, для народныхъ представителей безусловно необходимыхъ.

Во всѣхъ государствахъ народнымъ представителямъ предоставляется полная свобода мнѣній (и выраженія этихъ мнѣній) и принимаются мѣры къ тому, чтобы это была свобода дѣйствительная, чтобы народные представители не могли какъ либо пострадать за выраженное сужденіе или за такъ или иначе поданный голосъ.

Необходимость установленія чего-либо подобнаго, повидимому, представлялась и авторамъ того законопроекта, изъ котораго выработалось разсматриваемое Учрежденіе. Въ числѣ вопросовъ, особо поставленныхъ гофмейстеромъ Булыгинымъ Совѣту Министровъ при внесеніи въ него этого проекта, между прочимъ, былъ помѣщенъ вопросъ: „надлежитъ ли предоставить избраннымъ отъ населенія лицамъ нѣкоторыя особыя права, обезпечивающія ихъ личную неприкосновенность.“

Совѣтъ Министровъ пришелъ къ утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ, и результатомъ этого въ Учрежденіи появились двѣ статьи: „Члены Государственной Думы пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, и не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями“ (ст. 14), и „Членъ Государственной Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти, а равно не подлежитъ личному задержанію за долги“ (ст. 15).

Что касается того постановленія, что „Члены Государственной Думы не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями“, то этимъ положеніемъ учрежденіе Государственной Думы воспроизводитъ основное положеніе конституціоннаго права, воспрещающаго такъ называемый mandat imperatif.

Это запрещеніе имѣетъ, какъ извѣстно, то основаніе, что существованіе какихъ-либо инструкцій избирателей своимъ депутатамъ могло бы иногда дѣлать работу представительныхъ собраній невозможною, напримѣръ, въ случаѣ возникновенія какого либо вопроса, не предусмотрѣннаго хотя бы частью инструкцій: палатѣ приходилось бы пріостанавливать

работу впредь до полученія депутатами дополнительныхъ инструкцій.

Что касается отчета передъ избирателями, то онъ практически является частью невозможнымъ, частью безцѣльнымъ: составъ данной избирательной коллегіи не есть нѣчто постоянное, одни избиратели прибываютъ, другіе выбываютъ, настроеніе нѣкоторыхъ можетъ измѣниться. И для депутата, который избранъ былъ однимъ составомъ избирателей, было бы въ высшей степени странно отчитываться передъ новымъ ихъ составомъ.

Кромѣ того, запрещеніе инструкцій отъ избирателей и запрещеніе избирателямъ требовать отчета отъ депутатовъ имѣетъ еще и то значеніе, что подчеркиваетъ, что депутатъ есть представитель всей націи, а не одного избравшаго его округа, и что онъ говоритъ, когда говоритъ въ палатѣ, отъ имени всей націи, а не какъ средневѣковые сословные представители, отъ имени своихъ избирателей.

Этимъ, конечно, не исключается возможность того, чтобы депутатъ, въ особенности разсчитывающій на вторичное избраніе въ своемъ округѣ, отъ времени до времени въ него возвращался и обмѣнивался тамъ мыслями въ частныхъ или публичныхъ совѣщаніяхъ съ тѣми избирателями, которые принадлежатъ къ его партіи и голосуютъ за него. Подобныя совѣщанія, все болѣе и болѣе входящія въ обычай въ парламентскихъ странахъ, конечно, весьма много даютъ въ смыслѣ установленія связи между депутатами и населеніемъ, но возводить отчетъ передъ избирателями въ юридическую обязанность депутата не рѣшилось ни одно изъ современныхъ государствъ.

Постановленіе учрежденія Гос. Думы о полной свободѣ сужденій ея членовъ выражаетъ мысль, самое по себѣ вполнѣ правильную.

Замѣтимъ только, что, поскольку вопросъ могъ бы идти о взысканіяхъ, налагаемыхъ въ законномъ порядкѣ, разсматриваемое постановленіе могло бы быть признано и излишнимъ, такъ какъ ни Улож. о Нак., ни Угол. Улож. не устанавливаютъ никакихъ ограниченій въ свободѣ слова членовъ

Гос. Думы, и такимъ образомъ свобода ихъ юридически оказывается ничѣмъ не ограниченною.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что настоящая редакція постановленія о свободѣ сужденій членовъ Думы такова, что несомнѣнно покрываетъ собою и возможныя злоупотребленія этою свободою. Отъ этого, конечно, практически бѣда не велика, но столь широкая редакція можетъ при случаѣ навести на то толкованіе этой статьи, что ею, „очевидно“, не имѣлось въ виду предоставить членамъ думы свободу клеветать, наносить оскорбленія, взывать къ преступленіямъ или къ неуваженію къ дѣйствующимъ законамъ. И разъ, что правительство и суды вступятъ на путь ограничительнаго толкованія этой статьи, то трудно представить себѣ, до чего это можетъ довести.

Съ этой точки зрѣнія несомнѣнно предпочтительнѣе редакція, принятая въ иностранныхъ законодательствахъ, напр., въ германскомъ уголовномъ уложеніи: „членъ . . палаты за поданный голосъ или за все то, что имъ было высказано при исполненіи обязанностей, не можетъ подлежать отвѣтственности внѣ той палаты, къ которой онъ принадлежитъ“. (ст. 11).

Злоупотребленія свободою слова этою формулою не покрываются: палата можетъ подвергнуть провинившагося ея члена дисциплинарному взысканію или предать суду, но независимость народнаго представителя вполнѣ обезпечивается, а наша формула опасна именно тѣмъ, что даетъ поводъ къ ограничительнымъ толкованіямъ.

Нельзя, однако, упускать изъ вида, что въ настоящее время, пока каждаго человѣка можно схватить и держать „впредь до выясненія причинъ ареста“, а потомъ отпустить, даже и не извинившись, положеніе о свободѣ сужденій членовъ Гос. Думы носитъ скорѣе характеръ программы для будущаго законодательства, чѣмъ характеръ дѣйствительно существующей юридической нормы.

Нужны реальныя гарантіи неприкосновенности членовъ Думы. Учрежденіе Госуд. Думы какъ будто даетъ эти га-

рантіи, но при ближайшемъ разсмотрѣніи никакой практической цѣны за ними признать нельзя.

То правило, что „члены Думы не подлежатъ личному задержанію за долги“, списано съ тѣхъ старыхъ конституцій, которыя относились ко времени, когда это личное задержаніе примѣнялось въ широкихъ размѣрахъ, и въ настоящее время въ этомъ постановленіи нельзя усматривать гарантію неприкосновенности членовъ Думы, имѣющую какое бы то ни было практическое значеніе.

Что же касается того постановленія, что „членъ Гос. Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти“, то это напоминаетъ намъ ст. 11 Уст. Угол. Суд., согласно которой „требованіе о взятіи кого либо подъ стражу подлежитъ исполненію лишь въ томъ случаѣ, когда оно послѣдовало въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего Устава“.

Но если наши общественныя условія таковы, что эта послѣдняя статья закона можетъ столь ежечасно нарушаться, какъ она нарушается теперь, то какое же мы имѣемъ основаніе думать, что тождественная статья другого закона нарушаться не будетъ?

Когда же наши общественныя условія измѣнятся настолько, что законы вообще, а законы, ограждающіе личную неприкосновенность обывателей въ особенности, будутъ соблюдаться, то повтореніе въ Учр. Гос. Думы той же статьи, какая имѣется и въ общихъ законахъ, утратитъ всякій смыслъ.

Но дѣло не въ томъ, что разсматриваемое постановленіе теперь неубѣдительно, а въ будущемъ излишне,—это постановленіе безусловно и теперь, и въ будущемъ недостаточно. Если мы, напр., возьмемъ прусскую конституцію, то увидимъ, что тамъ соотвѣтственное постановленіе редактировано въ томъ смыслѣ, что надъ членомъ вообще не можетъ быть назначено предварительнаго слѣдствія и онъ не можетъ быть подвергнутъ аресту иначе, какъ съ разрѣшенія той палаты, къ которой онъ принадлежитъ [1]).

---

[1]) § 84 abbs. 2. Kein Mitglied einer Kammer kannohne deren Genehmigung

Подобныя постановленія признаются необходимыми и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ несмѣняемость судей и вообще независимость судовъ отъ администраціи. Вліяніе, которое правительство можетъ оказать на судъ или на прокурорскій надзоръ, все таки настолько велико, что для того, чтобы дѣйствительно оградить самостоятельность палаты, необходимо оградить ея членовъ не только отъ административныхъ преслѣдованій (о которыхъ вообще и рѣчи не должно было бы быть), но и отъ судебныхъ—внѣ того случая, что это преслѣдованіе разрѣшено самою же палатою [1]).

Не давая необходимыхъ юридическихъ гарантій членамъ Государственной Думы отъ преслѣдованія ихъ судебнымъ порядкомъ подъ предлогомъ какого-либо общаго преступленія, но въ сущности за мнѣнія, высказываемыя въ Думѣ, Учрежденіе Государственной Думы ставитъ совершенно неправильно и вопросъ о преданіи членовъ Думы суду за совершенныя ими преступленія при исполненіи ими обязанностей „по сему званію“.

Преданіе членовъ Государственной Думы суду за подобныя преступныя дѣянія предоставлено Государственному Совѣту (ст. 20). Но огражденіе политической самостоятельности Думы требуетъ, чтобы разрѣшеніе вопроса, совершилъ ли членъ Думы преступленіе именно при исполненіи обязанностей члена Думы, принадлежало именно ей, а никакъ не правительству.

Государственный Совѣтъ вотъ уже около ста лѣтъ существуетъ въ качествѣ камеры преданія суду высшихъ административныхъ должностныхъ лицъ. За это время онъ вполнѣ

---

während der Sitzungsperiode wegen einer mit Strafe gedrohten Handlung zur Untersuchung gezogen oder verhaftet werden“. . . Законъ дѣлаетъ въ Пруссіи исключеніе для случая, если членъ палаты застигнутъ на мѣстѣ преступленія. Другія законодательства не знаютъ и этого исключенія.

[1]) Помимо судебной отвѣтственности членовъ Гос. Думы, учр. Гос. Думы устанавливаетъ также и дисциплинарную ихъ отвѣтственность,—удаленіе изъ засѣданія Думы и отдѣла, или устраненіе члена Думы на опредѣленный срокъ отъ участія въ собраніяхъ Думы (ст. 40). Это постановленіе, въ общемъ воспроизводящее соотвѣтственныя постановленія конституцій запада, редактировано такъ, что, повидимому, возраженій не вызываетъ.

доказалъ, что бюрократія на него положиться можетъ, и что своего онъ не выдастъ. Но именно поэтому, по отношенію къ членамъ Государственной Думы, какъ къ элементу для бюрократіи во всякомъ случаѣ инородному, отъ Государственнаго Совѣта можно ожидать совершенно обратнаго отношенія, и гарантію независимости Думы отъ бюрократіи въ Совѣтѣ усматривать нельзя.

Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ мы можемъ прійти къ тому выводу, что постановленія Учрежденія Государственной Думы о *судебной* отвѣтственности членовъ Думы какъ за общія преступленія, такъ и за преступленія по званію члена Думы, таковы, что не гарантируютъ личной неприкосновенности членовъ Думы, а стало быть и не создаютъ независимаго положенія для народнаго представительства.

Но въ этомъ отношеніи главный грѣхъ Учрежденія Государственной Думы не въ томъ, что оно недостаточно хорошо ставитъ вопросъ о судебномъ преслѣдованіи членовъ Думы или о порядкѣ, въ какомъ они будутъ подвергаться лишенію или ограниченію свободы.

Есть такія страны, гдѣ административный арестъ является единственною мыслимою формою административнаго насилія надъ личностью. Но относится ли Россія къ этимъ счастливымъ странамъ? Вспомнимъ недавній случай въ Одессѣ съ почтеннымъ общественнымъ дѣятелемъ, бывшимъ ректоромъ университета, проф. С. П. Ярошенко, за которымъ никакого преступленія не числилось, но который былъ потребованъ приставомъ въ участокъ, гдѣ его продержали болѣе часа, потомъ отвезли домой, дали на сборы два часа и повезли въ Вологду, при чемъ не дали проститься съ женою, которой онъ лишь мимоходомъ могъ шепнуть „ты не можешь себѣ представить, какимъ оскорбленіямъ я подвергался въ участкѣ“, при чемъ у него градомъ потекли слезы.

Отъ того, что происходило съ проф. Ярошенко въ участкѣ, членовъ Думы не гарантируетъ ни одна статья ея учрежденія.

Но съ Ярошенкомъ, должно быть, еще церемонились: все-таки человѣкъ въ чинахъ, старикъ, предсѣдатель правленія банка. А можемъ ли мы себѣ представить, что можетъ ожи-

дать по возвращеніи въ деревню члена Государственной Думы изъ крестьянъ, если его мнѣнія окажутся неугодными мѣстному земскому начальнику или становому?

При такой обстановкѣ свободу сужденій, созданную Учрежденіемъ Государственной Думы, не проще ли назвать свободою воспринятія мученическаго вѣнца?

Народное представительство нуждается въ извѣстномъ минимумѣ правъ, безъ которыхъ ожидаемая отъ него польза, можетъ не наступить, и даже вмѣсто того можетъ получиться не малый вредъ.

Народное представительство имѣетъ опредѣленныя задачи: подвергать законопроекты критикѣ съ точки зрѣнія требованій общественнаго мнѣнія, заявлять о неправильностяхъ, допускаемыхъ администраціей, и, наконецъ, своимъ одобреніемъ обезпечивать сочувствіе народа мѣрамъ правительства, согласнымъ съ требованіями общественнаго мнѣнія.

Но могутъ ли народные представители, не обезпеченные отъ самыхъ грубыхъ нарушеній ихъ личной неприкосновенности, подымать свой голосъ противъ министровъ и смѣло критиковать ихъ проекты, могутъ ли они дѣйствительно протестовать противъ совершаемыхъ администраціею злоупотребленій?

Пусть даже наша будущая Дума будетъ состоять сплошь изъ героевъ, которые смѣло пойдутъ на то, чтобы пострадать за правду, сказанную ими въ Думѣ, пусть даже правительство и низшіе полицейскіе чины на дѣлѣ не будутъ нарушать личной неприкосновенности членовъ Думы,—пусть откажутся отъ того, чтобы высылать ихъ административнымъ порядкомъ или подвергать побоямъ въ участкѣ. И это не дастъ Думѣ того, въ чемъ вся Россія и, главнымъ образомъ, само правительство такъ страшно нуждается: довѣрія народа къ Думѣ.

Если народъ знаетъ, что каждый членъ Думы можетъ пострадать за свои рѣчи въ Думѣ или за поданный имъ голосъ, то мыслимо ли, чтобы народъ успокоился на существованіи Думы и считалъ ее достаточною своею заступницею? Можетъ ли оппозиціонное, взволнованное противоправительственное настроеніе широкихъ круговъ публики успо-

коиться отъ сознанія того, что теперь есть въ Думѣ организованная оппозиція, которая въ нужный моментъ подыметъ свой свободный голосъ? Такого сознанія теперь быть не можетъ, и на успокоеніе, которое оно бы внесло, расчитывать нельзя.

Одобреніе, выраженное какой либо мѣрѣ правительства со стороны Думы, искренности мнѣній которой народъ не можетъ вѣрить, развѣ можетъ создать популярность этой мѣрѣ правительства? Развѣ поддержка такой Думы, мнѣнія которой могутъ быть заподозрѣны въ вынужденности дастъ что либо правительству?

Переходъ отъ абсолютизма къ представительной формѣ правленія дѣлается лишь въ крайности, когда правительство уже сознало, что дальше идти безъ поддержки общественнаго мнѣнія оно не можетъ. И если это примѣнимо къ какому либо государству, то именно къ Россіи въ настоящемъ ея состояніи.

Въ такомъ положеніи вещей создавать народное представительство въ такой постановкѣ, что оно не можетъ имѣть нравственнаго авторитета, достаточнаго для примиренія общественнаго мнѣнія съ правительствомъ, по крайней мѣрѣ безцѣльно.

Даже болѣе, чѣмъ безцѣльно: созданіе народнаго представительства есть единственный легальный способъ для установленія этого примиренія, не надо разочаровывать народъ въ дѣйствительности этого средства.

III. Засѣданія Думы не могутъ происходить тайно, подобно засѣданіямъ Государственнаго Совѣта. Народное представительство, дѣйствующее тайно отъ народа,—это явный абсурдъ. Это положеніе было вполнѣ ясно авторамъ Учр. Гос. Думы; однако установить публичность засѣданій они не рѣшились. Пошли на компромиссъ: находя, что „гласность засѣданій не требуетъ... необходимо публичности ихъ“, въ Учр. Гос. Думы включили постановленіе, что „въ засѣданіи Гос. Думы по общему ея собранію и по отдѣламъ, постороннія лица не допускаются“ (ст. 41); наряду съ этимъ предсѣдателю Думы предоставлено „разрѣшать присутство-

вать въ засѣданіяхъ общаго ея собранія, кромѣ засѣданій закрытыхъ, представителямъ повременной печати, въ числѣ не болѣе одного отъ каждаго изданія“ (ст. 42), и, наконецъ, Учр. Гос. Думы устанавливаетъ составленіе отчетовъ о засѣданіяхъ Думы присяжными стенографами, при чемъ эти отчеты, „по одобреніи предсѣдателемъ Думы, допускаются къ оглашенію въ печати, кромѣ отчетовъ о засѣданіяхъ закрытыхъ“ (ст. 44).

Двойственность, половинчатость и полная непрактичность этихъ постановленій удивительны. Засѣданія Думы гласны, но публика не допускается. Публика не допускается, но журналисты допускаются. Журналисты допускаются, но не болѣе, какъ по одному отъ изданія. Отчеты стенографическіе оглашаются, но съ „одобренія“ предсѣдателя.

Къ чему это одобреніе? Кому и для чего оно нужно? Для того, чтобы слѣдить за правильностью отчета и удостовѣрять ее? Но членъ Думы, слова котораго были бы переданы невѣрно, самъ или черезъ единомышленниковъ, конечно, позаботится возстановленіемъ того, что имъ дѣйствительно было сказано. Если же онъ этого не сдѣлаетъ, то надо думать, что это будетъ сдѣлано его противниками.

Далѣе, во всякомъ отчетѣ всегда возможны ошибки, и никакой просмотръ предсѣдателемъ груды стенограммъ не устранитъ всѣхъ ошибокъ, но лишь переложитъ отвѣтственность за нихъ на ни въ чемъ неповиннаго предсѣдателя и придастъ этимъ ошибкамъ характеръ официально засвидѣтельствованнаго документа.

Во всякомъ случаѣ этотъ просмотръ потребуетъ отъ предсѣдателя огромной работы, отвлечетъ его отъ прямыхъ и нужныхъ для дѣла его обязанностей, и неминуемо вызоветъ запозданіе въ публикаціи отчетовъ, тогда какъ огромная доля значенія этихъ отчетовъ и ихъ интереса обусловливаются именно появленіемъ отчета непосредственно послѣ каждаго засѣданія.

Но традиціонная манера бюрократіи на все требовать одобренія начальства, повидимому, сильнѣе всѣхъ другихъ соображеній.

Весьма мало понятными представляются и приведенныя выше постановленія о представителяхъ печати.

Прежде всего, постановленія эти редактированы такъ, что не представителямъ печати предоставляется право присутствовать на засѣданіяхъ Думы, а предсѣдателю Думы разрѣшается допускать этихъ представителей. Такимъ образомъ, присутствіе на засѣданіи для каждаго представителя печати является милостью со стороны предсѣдателя. Положеніе не очень пріятное, и непріятность эта совершенно безцѣльная.

Далѣе, почему отъ каждаго изданія можетъ быть допущенъ только одинъ представитель? Для многихъ изданій и одинъ представитель совершенно излишенъ. Зачѣмъ онъ „Вѣнскому Шику“, „Нивѣ“, или даже тѣмъ газетамъ, которыя по своему объему лишены возможности помѣщать сколько нибудь подробныя отчеты о засѣданіяхъ Думы? Что же касается тѣхъ газетъ, которыя будутъ помѣщать подробные отчеты объ этихъ засѣданіяхъ, то имъ однимъ корреспондентомъ фактически нельзя обойтись: одному не услѣдить за всѣмъ. Застенографировавъ рѣчь одного оратора, корреспондентъ долженъ удалиться, чтобы самому переписать ее и сдать въ наборъ; чтобы продолжать его работу тутъ долженъ быть другой представитель той же газеты.

Повидимому авторы Учр. Гос. Думы въ стремленіи ограничить число лицъ, присутствующихъ на засѣданіи Думы, совершенно упустили изъ виду дѣйствительныя условія и потребности корреспондентской службы.

III.

Предметы вѣдомства Государственной Думы.

1. Участіе въ законодательствѣ.

I. Основнымъ началомъ, опредѣляющимъ роль народнаго представительства въ дѣлѣ законодательства является то положеніе, что только то, что принято палатами, можетъ по утвержденіи королемъ получить силу закона.

Поэтому всѣ законы непремѣнно должны пройти черезъ палаты.

Учрежденіе Государственной Думы стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія.

Согласно ст. 1. учр. Государственной Думы, „Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ, по силѣ основныхъ законовъ, черезъ Государственный Совѣтъ, къ Верховной Самодержавной власти".

Такимъ образомъ, компетенція Государственной Думы ограничивается тѣми законами, которые до сихъ поръ восходили на Высочайшее утвержденіе черезъ Государственный Совѣтъ.

Какъ извѣстно, по дѣйствующему законодательству государственный Совѣтъ отнюдь не является единственнымъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ: дѣла законодательныя восходятъ также черезъ военный и адмиралтействъ-совѣты, главный военный и главный военно-морской судъ, комитетъ сибирской желѣзной дороги, комитетъ финансовъ и опекунскій совѣтъ.

Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ В. М. Гессенъ [1]), Государственная Дума, подобно Государственному Совѣту, явится однимъ изъ законосовѣщательныхъ учрежденій, и только. Законы, нерѣдко огромной важности, хотя бы, напримѣръ, военно-уголовный кодексъ, могутъ и впредь издаваться помимо участія и вѣдома Государственной Думы.

Но и сравнительно съ компетенціей Государственнаго Совѣта, компетенція Государственной Думы по дѣламъ законодательнымъ оказывается существенно съуженною [2]).

Согласно ст. 33 учр. Государственной Думы вѣдѣнію ея подлежатъ: „а) предметы, требующіе изданія законовъ и

---

[1]) „Право", № 34, стр. 2766.

[2]) Нижеслѣдующія соображенія по вопросу о предѣлахъ компетенціи Государственной Думы по дѣламъ законодательнымъ заимствованы нами изъ нашей же статьи въ „Правѣ" (№ 33) „Государственная Дума и ея участіе въ дѣлахъ законодательства".

штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны...“

Это постановленіе Учр. Гос. Думы заимствовано, съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ Учр. Гос. Совѣта. Тамъ, постановленіе, соотвѣтствующее приведенному пункту *a*. ст. 33 Учр. Государственной Думы редактировано такъ: „*Всѣ* предметы, требующіе новаго закона...“ (ст. 31, п. 1).

Пропуску въ Учр. Государственной Думы слова „всѣ“ нельзя не придавать значенія. Благодаря этому пропуску ст. 33-я изъ постановленія, указывающаго, какія акты правительство *обязано* представлять на разсмотрѣніе думы обращается въ статью, опредѣляющую, что оно *можетъ* представлять ей.

Законодательная компетенція думы оказывается съуженною сравнительно съ компетенціей Государственнаго Совѣта не только въ силу пропуска слова „всѣ“ передъ словомъ „законы“, но также и въ силу того, что цѣлый рядъ дѣлъ, которыя по дѣйствующему праву разрѣшаются въ законодательномъ порядкѣ, и которыя особо указаны въ Учр. Государственнаго Совѣта (ст. 31 пункты 2—22) въ качествѣ предметовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, обойдены молчаніемъ въ Учр. Государственной Думы. Таковы, напр., дѣла по принудительному отчужденію (ст. 31, п. 12 и 13), дѣла о сложеніи недоимокъ (ст. 31 п. 19) и др. Что невключеніе этихъ вопросовъ въ число дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію думы, имѣетъ именно то значеніе, что эти вопросы изъемлются изъ ея вѣдѣнія, видно изъ того, что другія дѣла, перечисленныя въ той же ст. 31 Учр. Государственнаго Совѣта (пункты 7, 9а, 11, 18 и 20), воспроизведены въ пунктахъ б—ж статьи 33 учр. Государственной Думы. Но тотъ, qui dicit de uno, de altero negat.

Но если Думѣ будутъ представляться не „всѣ“ законопроекты и не всѣ дѣла, разрѣшаемыя въ законодательномъ порядкѣ, то Дума лишается всего своего значенія; ей будутъ представляться проекты, въ политическомъ отношеніи совершенно безразличные, а все, могущее вызвать для министровъ сколько нибудь непріятные разговоры, будетъ издаваться или

въ видѣ Выс. утв. мнѣній Гос. Совѣта и разнаго рода комитетовъ (безъ Думы), или же въ видѣ именныхъ указовъ (и безъ Думы и безъ Совѣта).

Участіе народнаго представительства въ законодательствѣ только при томъ условіи и представляетъ практическую цѣнность, чтобы ни одинъ законъ не могъ пройти мимо него. Какой смыслъ Думѣ добиваться изданія того или другого закона или настаивать на данной его редакціи, если на другой день послѣ изданія этого закона можетъ, помимо народнаго представительства, состояться другой законъ, который его отмѣнитъ или сведетъ на нѣтъ.

Въ опредѣленіи законодательной компетенціи Думы имѣется еще одинъ пробѣлъ, крайне существенный для дѣла установленія у насъ законности и для укрѣпленія правопорядка.

Основное требованіе для законности,—это, чтобы законы исполнялись, исполнялись вездѣ и всегда.

Поэтому въ современное понятіе закона, какъ высшаго по своей авторитетности государственнаго акта, входитъ то, что законъ можетъ быть отмѣненъ или дѣйствіе закона можетъ быть вовсе устранено въ опредѣленной ли мѣстности, на опредѣленное ли время или въ отдѣльномъ дѣлѣ, не иначе, какъ законодательною же властью: если въ государствѣ есть власть, которая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ, помимо закона, устранять дѣйствіе каждаго законодательнаго постановленія, то авторитета и незыблемости закона не существуетъ.

Въ виду этого во всѣхъ современныхъ государствахъ принято то правило, что для того, чтобы въ частномъ случаѣ разрѣшить отступленіе отъ общаго закона, надо издать спеціальный законъ, т. е. по этому вопросу должно состояться соглашеніе монарха съ народнымъ представительствомъ. Согласно п. 1 статьи 33 Учр. Гос. Думы, въ компетенцію Думы входятъ вопросы о „пріостановленіи дѣйствія“ [1]) и

---

[1]) Подъ этимъ разумѣется общая пріостановка дѣйствій закона на опредѣленное время или въ опредѣленной мѣстности.

объ „отмѣнѣ“ законовъ, но объ установленіи изъятій для частныхъ случаевъ ничего не сказано [1]).

Такимъ образомъ, созданіе Гос. Думы не вноситъ никакого измѣненія въ нынѣ существующую практику, согласно которой изъятіе изъ любого закона можетъ быть установлено простымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, испрашиваемымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ министра.

Но къ чему Думѣ стараться выработать тотъ или иной законъ, если у нея не можетъ быть увѣренности, что онъ исполняется, если она не будетъ знать, когда онъ исполняется, когда нѣтъ.

II. Посмотримъ теперь, въ какомъ порядкѣ Думѣ предоставлено осуществлять свои со всѣхъ сторонъ урѣзанныя права по участію въ законодательствѣ.

Дѣла эти могутъ вноситься въ Думу или министрами (ст. 36), или же по иниціативѣ отдѣльныхъ членовъ Думы (ст. 34). Послѣднее право ограничено тѣмъ, что „предположенія“, вносимыя членами Думы, не могутъ „касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ основными законами“. Послѣднее постановленіе, къ сожалѣнію, редактировано довольно туманно: не видно, чего собственно нельзя касаться: монархической ли формы правленія [2]), ея ли самодержавнаго характера или, наконецъ, чего либо третьяго.

Самое право возбуждать законодательныя предположенія предоставлено не каждому члену Думы въ отдѣльности, но лишь группамъ въ 30 человѣкъ (ст. 54). Отъ самого предположенія, вносимаго въ Думу, Учр. Гос. Думы какъ-то странно требуетъ, чтобы къ нему былъ „приложенъ проектъ *основныхъ положеній* предлагаемаго измѣненія въ законѣ или новаго закона, съ объяснительною къ проекту запискою“ (ст. 54).

---

[1]) Вообще объ изъятіяхъ не сказано, но объ изъятіяхъ изъ дѣйствующихъ законовъ при учрежденіи акціонерныхъ компаній упомянуто (ст. 33 и. г.). Этимъ подчеркивается то, что вообще изъятія изъ законовъ въ кругъ вѣдѣнія Думы не входятъ.

[2]) Ср., напр., французскій законъ 13 августа 1884 г., воспретившій возбуждать вопросъ объ измѣненіи республиканской формы правленія.

Для того, чтобы Дума могла обсуждать тотъ или иной проектъ, ей надо имѣть предъ глазами текстъ не только его основныхъ положеній, но и его самого. Повидимому, разсматриваемое постановленіе Учр. Гос. Думы имѣетъ тенденцію сдѣлать предложенія, вносимыя ея членами, по возможности безформенными и наименѣе стѣсняющими свободу дѣйствій министровъ. Эта тенденція въ особенности сказывается въ постановленіяхъ о дальнѣйшей судьбѣ внесеннаго проекта.

Если Дума и подлежащій министръ признаютъ желательность проектированный реформы, то министръ „даетъ дѣлу движеніе въ законодательномъ порядкѣ“ (ст. 55). Какъ понимать это постановленіе? Во всѣхъ государствахъ, если одна изъ законодательныхъ палатъ принимаетъ данный проектъ, то передаетъ его въ другую палату. Такъ какъ Госуд. Дума сносится съ Госуд. Совѣтомъ черезъ своего предсѣдателя, и онъ въ потребныхъ случаяхъ передаетъ дѣла изъ Думы въ Совѣтъ (ст. 57), то естественно было бы, чтобы проектъ, принятый Думою и одобренный подлежащимъ министромъ, препровождался въ Совѣтъ предсѣдателемъ Думы. Почему же Учр. Госуд. Думы говоритъ, что *министръ* даетъ дѣлу ходъ въ законодательномъ порядкѣ? Разгадка дается статьею 56-ою, согласно которой министръ даетъ дѣлу ходъ, „если раздѣляетъ *соображенія* Госуд. Думы о *желательности* отмѣны или измѣненія... закона“.

Учр. Госуд. Думы допускаетъ, напр., такое положеніе вещей: 30 членовъ Думы внесутъ предложеніе, напр., о томъ, чтобы члены и предсѣдатели земскихъ управъ вступали въ должность въ силу самаго избранія, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи. Дума и министръ внутреннихъ дѣлъ раздѣлятъ соображенія о желательности такой реформы, и министръ дастъ дѣлу ходъ въ законодательномъ порядкѣ, т. е. начнетъ собирать свѣдѣнія, потомъ начнетъ писать представленіе, наконецъ, вступитъ въ сношеніе съ вѣдомствами. Дума все будетъ ждать. Наконецъ, если лѣтъ черезъ 14 терпѣніе у нея лопнетъ, и она (путемъ длинной процедуры, описанной въ ст. 35, 58—61) спроситъ у ми-

нистра, въ какомъ положеніи находится дѣло, то министръ пошлетъ въ думу столоначальника, который сообщитъ, что дѣло пока стоитъ безъ движенія за неполученіемъ отзыва отъ государственнаго коннозаводства.

Учр. Госуд. Думы, повидимому, представляетъ себѣ дѣло такъ, что Дума будетъ высказывать общія пожеланія о желательности того или другого, а министры сохранятъ полную свободу дѣйствій и бездѣйствія.

Общій характеръ разсматриваемыхъ постановленій далъ В. М. Гессену основаніе прійти къ тому выводу, что Учр. Госуд. Думы предоставляетъ ей не право законодательной инициативы, но лишь право возбужденія ходатайствъ по дѣламъ законодательнымъ [1]).

Но Думѣ ничто не мѣшаетъ выработать точный текстъ предлагаемаго ею закона. Учр. Гос. Думы этого не предполагаетъ и на случай, если дума выработаетъ проектъ закона, и министръ признаетъ его резонность, требуетъ, чтобы министръ далъ дѣлу ходъ въ законодательномъ порядкѣ (ст. 56), т. е. внѣсъ бы этотъ проектъ на заключеніе въ ту же самую Думу (ст. 46), которая сама только что предложила и одобрила этотъ проектъ. Процедура безсмысленная, но юридически ничего невозможнаго въ себѣ не заключающая.

Если министръ не раздѣляетъ мнѣнія Думы о желательности того или другого проекта, то проектъ или падаетъ,—если онъ принятъ простымъ большинствомъ голосовъ, или же,—если онъ принятъ большинствомъ двухъ третей,—передается въ Государственный Совѣтъ, а отъ него къ Государю (повидимому, независимо отъ того, раздѣляетъ ли Государственный Совѣтъ мнѣніе Думы или противное проекту мнѣніе министра). Если Государь раздѣлитъ мнѣніе Думы, то „ближайшая разработка дѣла“ возлагается на подлежащаго министра, т. е. на министра, враждебнаго тому проекту, который ему поручается разработать (ст. 57). Но стоитъ ли въ такомъ случаѣ думѣ подымать весь вопросъ лишь для

---

[1]) „Право“, № 34, стр. 2765 и сл.

того, чтобы онъ попалъ въ руки министру, который подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ всегда будетъ имѣть возможность тормозить его дальнѣйшее движеніе. Несомнѣнно, что практически разсматриваемое постановленіе до крайности затрудняетъ для Думы возможность пользоваться правомъ законодательной иниціативы, хотя формально и не отмѣняетъ его.

Проекты, вносимые въ Думу министрами, имѣютъ совершенно иное движеніе.

По этимъ проектамъ Дума составляетъ свое „заключеніе", каковымъ признается мнѣніе большинства общаго собранія Думы. Къ этому заключенію законъ (ст. 47) предъявляетъ одно требованіе: чтобы въ немъ было „опредѣлительно указано согласіе или несогласіе Думы съ внесеннымъ предложеніемъ".

„Предлагаемыя думою измѣненія должны быть выражены въ точно установленныхъ положеніяхъ" (ст. 47).

Чего же требуютъ отъ Думы: общаго ли заключенія о ея согласіи или несогласіи съ проектомъ, внесеннымъ министромъ, или же переработки проекта, сообразно съ ея пониманіемъ существа дѣла?

Судя по ст. 48 („законодательныя предположенія, разсмотрѣнныя Госуд. Думою, вносятся съ ея заключеніемъ въ Госуд. Совѣтъ"), можно думать, что „заключенія" Думы, по мысли Учр. Госуд. Думы, есть нѣчто, прилагаемое къ проекту, такъ что Госуд. Совѣтъ будетъ разсматривать параллельно и проектъ министра, внесенный въ Думу, и ея заключеніе о согласіи или несогласіи съ этимъ проектомъ.

Такому представленію о ходѣ будущихъ работъ Думы нельзя отказать въ полной самобытности.

Ни одно представительное учрежденіе не даетъ „заключеній" по вносимымъ въ него проектамъ. Во всѣхъ парламентахъ міра работа ихъ сводится къ тому, что они, разсматривая вносимые въ нихъ проекты, либо принимаютъ предлагаемый текстъ, либо измѣняютъ его, внося въ него новыя статьи, устраняя изъ него другія, измѣняя редакцію третьихъ. Результатомъ работы является установленіе текста проекта, соотвѣтствующаго взглядамъ палаты. Всякое иное направленіе работъ, въ особенности составленіе общихъ заключеній о же-

лательности установленія того или другого правила, придало бы работѣ характеръ чего-то расплывчатаго, лишеннаго всякаго практическаго содержанія или значенія.

Стремленіе свести работу Государственной Думы къ составленію общихъ заключеній не можетъ оправдываться и ея совѣщательнымъ характеромъ: Государственный Совѣтъ тоже совѣщательное учрежденіе, но его работа состоитъ именно въ созданіи вмѣсто проекта, внесеннаго министромъ, новаго, соотвѣтствующаго мнѣнію Совѣта, и въ дальнѣйшемъ движеніи законодательнаго механизма проектъ, составленный Государственнымъ Совѣтомъ, вполнѣ заступаетъ мѣсто того, который былъ внесенъ въ Совѣтъ.

Дальнѣйшая судьба проекта, разсмотрѣннаго Думою, такова: если проектъ министра отклоненъ большинствомъ двухъ третей голосовъ общихъ собраній и Думы, и Государственнаго Совѣта, то онъ возвращается подлежащему министру (ст. 49), и такимъ образомъ Государю на утвержденіе не подносится.

Съ перваго взгляда это постановленіе наводитъ на мысль, что Думѣ въ извѣстныхъ рамкахъ предоставляется не только совѣщательный, но (совмѣстно съ Совѣтомъ) и рѣшающій голосъ.

Но еслибы Дума ограничивалась составленіемъ общихъ заключеній по разсматриваемому ею проекту, то тогда бы еще могло получиться положеніе вещей, предусмотрѣнное этой статьею. Но надо предполагать, что Дума будетъ пользоваться статьею 46-ою („предлагаемыя Думою измѣненія“— во вносимыхъ въ нее законопроектахъ—„должны быть выражены въ точно установленныхъ положеніяхъ“) и вмѣсто проекта, внесеннаго министромъ, будетъ вырабатывать другой. Вопросъ, не отвергнуть ли проектъ въ цѣломъ, не пытаясь внести въ него какія либо улучшенія или обезвредить его, врядъ ли можетъ когда либо возникнуть. Но даже если бы такое предположеніе когда либо и возникло, Дума не имѣла бы нравственнаго права ограничиться однимъ огульнымъ осужденіемъ проекта и отказаться отъ его исправленія; вѣдь Дума одна даже и единогласнымъ поста-

новленіемъ не можетъ помѣшать проекту стать закономъ: нуженъ еще Государственный Совѣтъ, двѣ трети его голосовъ; а развѣ Дума можетъ навѣрняка на нихъ расчитывать?

Что касается Государственнаго Совѣта, то въ его общемъ собраніи трудно представить себѣ отклоненіе проекта министра въ его цѣломъ. Согласно ст. 83 учр. Гос. Сов., внесенные проекты обсуждаются по статьямъ. Вопроса о проектѣ въ цѣломъ по закону вовсе и не ставится.

Въ нормальномъ случаѣ, т. е. если Дума внесла въ проектъ, представленный министромъ, отдѣльныя измѣненія, и Государственный Совѣтъ съ своей стороны сдѣлалъ то же самое, то оба проекта, и тотъ, который получился отъ переработки Думою, и тотъ, какой получился отъ переработки проекта министра Государственнымъ Совѣтомъ, предоставляются на утвержденіе Государю (ст. 48).

Въ конституціонныхъ государствахъ, если въ проектъ, принятый одною палатою, другая вноситъ какія либо измѣненія, то сообщаетъ ихъ первой для того, чтобы та или приняла ихъ, или отвергла, и тогда ищутъ соглашенія, или же проектъ падаетъ.

Отношеніе Думы и Государственнаго Совѣта въ этомъ отношеніи совершенно иное, чѣмъ отношеніе палатъ на западѣ. Заключенія Думы не только не обязательны для Государя, они вполнѣ безразличны и для Государственнаго Совѣта. Дума, согласно ли съ представленіемъ министра, или на основаніи предложенной поправки, приняла ту или другую статью проекта. Государственный Совѣтъ, ни мало не смущаясь, можетъ установить совершенно иную редакцію той же статьи и поднести ее Государю для утвержденія.

Тотъ фактъ, что одновременно Государю будетъ представлено и заключеніе Думы, интересовъ народнаго представительства не обезпечиваетъ: послѣднее слово остается за Государственнымъ Совѣтомъ, и Дума лишена возможности его опровергнуть, какъ бы оно нерезонно ни было.

Положимъ, министръ внутреннихъ дѣлъ вноситъ законъ, первая статья котораго гласитъ: „всѣ могутъ составлять об-

щества для цѣлей, уголовнымъ законамъ не противныхъ, не спрашивая предварительнаго разрѣшенія". Въ Думѣ оно возраженій не встрѣчаетъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ въ ту же статью вносится поправка: послѣ слова „всѣ" вставляютъ „лица православнаго исповѣданія", и въ такомъ видѣ проектъ подносится Государю съ меморіей Государственнаго Совѣта, гдѣ эта поправка подробно мотивируется. Чего достигнетъ Дума отъ того, что къ меморіи будетъ приложено и ея заключеніе, въ которомъ объ этой поправкѣ ничего ровно не говорится?

Даже и по тѣмъ вопросамъ, по которымъ въ заключеніи Думы содержатся какія либо соображенія, положеніе Думы не можетъ быть признано завиднымъ: Государственный Совѣтъ на каждый доводъ Думы можетъ отвѣтить своимъ доводомъ, котораго Дума не можетъ опровергнуть уже потому, что она не имѣетъ права требовать, чтобы онъ былъ ей сообщенъ хотя бы впослѣдствіи.

Дума имѣетъ лишь совѣщательный голосъ, но и этотъ голосъ можетъ доходить до Государя лишь подъ тѣмъ соусомъ, какой будетъ угоденъ бюрократіи въ лицѣ Государственнаго Совѣта.

Тотъ фактъ, что Думѣ предоставленъ лишь совѣщательный голосъ, объясняется желаніемъ сохранить въ неприкосновенномъ видѣ самодержавную власть Государя. Подавляющія прерогативы Государственнаго Совѣта, очевидно, имѣютъ цѣлью охранить, и при существованіи Думы, всемогущество бюрократіи.

Надо, впрочемъ, отмѣтить, что Учрежденіе Государственной Думы даетъ средство для установленія соглашенія между Государственнымъ Совѣтомъ и Думою; Государственный Совѣтъ можетъ назначить коммисію изъ членовъ Государственнаго Совѣта и Думы для выработки согласпительнаго предложенія (ст. 50 и 51).

Но на дѣлѣ и эти статьи никакихъ интересовъ Думы не ограждаютъ. Государственный Совѣтъ не обязанъ назначать согласительную коммисію даже въ случаѣ своего несогласія съ единогласнымъ постановленіемъ Думы. Затѣмъ, согласи-

тельное предложеніе, принятое коммисіею и Думою, не связываетъ Государственный Совѣтъ, который, безъ вѣдома Думы, можетъ поднести Государю проектъ, отличающійся отъ выработаннаго коммисіей [1]).

Итакъ, права, предоставляемыя народному представительству въ дѣлахъ законодательства, сводятся къ слѣдующему:

Заключенія Думы спрашиваются не по всѣмъ законопроектамъ, а по тѣмъ, по какимъ пожелаютъ министры.

Заключенія Думы имѣютъ лишь совѣщательное значеніе:

---

[1]) Возможность выработки согласительныхъ текстовъ установлена многими конституціями. Чаще всего вопросъ отлагается до слѣдующей сессіи, но иногда это оказывается невозможнымъ, главнымъ образомъ въ случаѣ конфликта между палатами по какому либо такому вопросу, который практически долженъ быть такъ или иначе разрѣшенъ,—къ такимъ вопросамъ относится прежде всего бюджетъ, затѣмъ опредѣленіе размѣра призыва новобранцевъ;—для дѣлъ подобнаго характера въ конституціяхъ иногда создаются тѣ или другія средства для приведенія палатъ къ соглашенію.

Что касается отдѣльныхъ конституцій, то ими для устраненія конфликта устанавливаются слѣдующіе способы: въ Австріи, если палаты разошлись по вопросу объ установленіи размѣра какого либо расхода или размѣра налога, или же наконецъ числа новобранцевъ, то за вотированную палатами принимается наименьшая изъ двухъ вотированныхъ цифръ. Въ Саксоніи и въ Аргентинской республикѣ, если законъ, принятый одною палатою, отвергнутъ другою, то онъ возвращается въ первую изъ разсматривавшихъ его палатъ, и если та вторично приметъ этотъ законъ и притомъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, то другая палата можетъ снова отвергнуть только такимъ же большинствомъ.

Во Франціи каждая палата можетъ назначить коммисію для выработки согласительной редакціи проекта; если коммисіи не могли прійти къ соглашенію, или если которая либо изъ палатъ настаиваетъ на своемъ первоначальномъ проектѣ, то законъ падаетъ, и не можетъ быть снова предложенъ палатамъ ранѣе, чѣмъ черезъ два мѣсяца, если только правительство не будетъ просить внесенія его въ палаты ранѣе этого срока.

Въ Даніи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки дѣйствуетъ система, аналогичная принятой въ Учрежденіи Государственной Думы: коммисія, избранная обѣими палатами, вырабатываетъ текстъ согласительнаго проекта, который подвергается однако новому обсужденію въ палатахъ и долженъ быть принятъ обѣими.

Въ Португаліи окончательное рѣшеніе принимается коммисіею, составленною изъ равнаго числа членовъ обѣихъ палатъ.

Въ Норвегіи, если проектъ, принятый Нижнею Палатою (Одельстингъ) отвергнутъ Верхнею (Лагтингъ), то онъ все таки считается принятымъ окончательно, если при вторичномъ разсмотрѣніи въ Нижней Палатѣ за него тамъ выскажется двѣ трети голосовъ.

Государь можетъ принять проектъ, одобренный Думою, можетъ отвергнуть его, можетъ вмѣсто него принять и утвердить какой либо другой проектъ.

Заключенія Думы представляются Государю съ доводами Государственнаго Совѣта, быть можетъ, направленными противъ этого заключенія, причемъ Дума не только лишена права представлять какія либо соображенія по поводу написаннаго Государственнымъ Совѣтомъ, но и лишена права знать, что Государственный Совѣтъ написалъ Государю по поводу ея заключенія.

Заключеніе Думы спрашивается не по поводу той редакціи проекта, которая подносится Государю при меморіи Государственнаго Совѣта, а по поводу первоначальной редакціи, впослѣдствіи, быть можетъ, совершенно измѣненной.

III. Стремленіе свести роль Думы къ высказыванію общихъ пожеланій и общихъ заключеній вызывается главнымъ образомъ желаніемъ подчеркнуть и усилить законосовѣщательный характеръ Думы.

Государственной Думѣ приданъ совѣщательный характеръ главнымъ образомъ въ виду желанія охранить самодержавный характеръ власти русскихъ государей. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы уже останавливались принципіально на несовмѣстимости самодержавія съ народнымъ представительствомъ и теперь къ этому вопросу возвращаться не будемъ.

Здѣсь отмѣтимъ только дѣловую, практическую невозможность совѣщательнаго народнаго представительства:

Дума съ рѣшающимъ голосомъ раздѣляла бы съ бюрократіей и правительственную работу, и отвѣтственность за ея ходъ. Своею поддержкою и своимъ участіемъ въ рѣшеніи дѣлъ, хотя бы только законодательныхъ, она дала бы нравственную силу правительству, и по тѣмъ или инымъ вопросамъ примирила бы его съ общественнымъ мнѣніемъ.

Дума совѣщательная, конечно, не стѣсняетъ свободы дѣйствій бюрократіи, но за то такая Дума, не несущая прямой правительственной работы, а только высказывающая свои но-

---

[1]) „Право“, 1905 г., № 33, стр. 2672 и сл.

желанія естественно обращается въ совокупность оппозиціонныхъ партій, критикующихъ дѣйствія правительства съ либеральной или съ реакціонной точки зрѣнія. Именно въ силу того, что Дума, лишенная рѣшающаго голоса, не несетъ отвѣтственности за положеніе дѣлъ, въ ней отсутствуютъ условія, при которыхъ могли бы выработаться дѣловыя партіи, и что практически существеннѣе всего, партіи, поддерживающія правительство.

Такая партія могла бы получиться въ Думѣ только при томъ условіи, если бы наша бюрократія пользовалась широкою популярностью въ народѣ. Но вѣдь этого нѣтъ и выборы сторонниковъ бюрократіи не дадутъ. Поэтому у насъ совѣщательная Дума можетъ дѣлать только одно: громко на всю Россію критиковать дѣйствія правительства, и тѣмъ вмѣсто облегченія его работы только создавать ему новыя затрудненія и все болѣе возстановлять противъ него общественное мнѣніе. А рознь между правительствомъ и народомъ есть нѣчто такое, что вообще приводитъ къ печальнѣйшимъ результатамъ, и что въ случаѣ дальнѣйшаго увеличенія грозитъ государству великими катастрофами.

Представительное учрежденіе съ совѣщательнымъ голосомъ, не несущее никакой отвѣтственности и только критикующее и высказывающее пожеланія, представляетъ серьезную опасность и для монархической власти. До созданія подобнаго учрежденія народъ во всѣхъ неурядицахъ и во всѣхъ недостаткахъ управленія винитъ министровъ, которые скрываютъ правду отъ Царя, и потому Государь стоитъ самъ внѣ упрековъ. Съ созданіемъ учрежденія, черезъ которое голосъ народа непосредственно доходитъ до Государя, отвѣтственность за всѣ несовершенства государственнаго строя, за всѣ недостатки управленія можетъ начать падать во мнѣніи народа на самого Государя [1]).

Мы не представляемъ себѣ, чтобы совѣщательный характеръ Государственной Думы могъ удержаться сколько

---

[1]) См. по этому вопросу Б. Н. Чичеринъ. О народномъ вредставительствѣ. Первое изд. (1866 г.), стр. 97—108; второе изданіе (1899 г.) стр. 135—154.

нибудь продолжительное время. Но если бы онъ удержался, то это грозило бы серьезною опасностью и для Россіи, и для монархической власти.

2. Участіе Думы въ дѣлахъ управленія.

I. По отношенію къ администраціи наша будущая Дума явится учрежденіемъ совершенно безпомощнымъ и лишеннымъ всѣхъ тѣхъ правъ, которыми по отношенію къ министерствамъ надѣлены учрежденія народнаго представительства. Ни права преданія министровъ суду въ случаѣ совершенія ими преступленія по должности, ни, тѣмъ болѣе, права требовать выхода министровъ въ отставку Думѣ не предоставлено. Правда, Дума можетъ дѣлать министрамъ запросы, или какъ выражается Учр. Гос. Думы, „заявлять министрамъ ... о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны министровъ ..., а также подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, коими нарушаются, по мнѣнію Думы, существующія узаконенія“ (ст. 33). Но на дѣлѣ это право Думы, напоминающее западно-европейское право запросовъ, получило такую постановку, что оказалось лишеннымъ всякаго реальнаго значенія.

Прежде всего законъ затрудняетъ самую подачу въ Думу заявленія о необходимости требовать отъ министра объясненій: подобному заявленію дается ходъ только въ томъ случаѣ, если оно подписано не менѣе, какъ тридцатью членами Думы (ст. 58). Но и этихъ 30-ти подписей недостаточно, чтобы запросъ могъ быть сообщенъ министру: надо, чтобы онъ былъ принятъ большинствомъ общаго собранія Думы (ст. 59). Затѣмъ министру дается мѣсяцъ со дня передачи ему запроса на то, чтобы сообщить Думѣ или требуемыя ею объясненія, или же причины, по которымъ онъ ей этихъ объясненій сообщить не можетъ (ст. 60); министръ можетъ, напр., сообщить, что мѣстнымъ губернаторомъ ему не присланы нужныя свѣдѣнія. Даже если большинство Думы не удовлетворится отвѣтомъ министра, дѣло никакого дальнѣйшаго

хода получить не можетъ (ст. 61). Законъ даже не требуетъ, чтобы министръ лично отвѣчалъ на запросъ, ничто не мѣшаетъ ему отвѣтить Думѣ „отношеніемъ“. Правда, Учр. Гос. Думы предоставляетъ ей требовать личнаго присутствія министра (ст. 25), но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ министру замѣнять себя любымъ должностнымъ лицомъ (ст. 24), такъ что законъ ограждаетъ министровъ даже отъ необходимости выслушивать отъ Думы какія либо горькія истины.

Если Дума не удовлетворится объясненіемъ министра, то дѣлу дается дальнѣйшій ходъ только въ томъ случаѣ, если это неблагопріятное для министра постановленіе принято большинствомъ двухъ третей голосовъ (ст. 61). Но въ чемъ состоитъ этотъ дальнѣйшій ходъ? Дѣло поступаетъ въ Госуд. Совѣтъ, который за свое столѣтнее существованіе достаточно доказалъ свою солидарность съ министрами, и при его меморіи, не допускающей оглашенія во всеобщее свѣдѣніе и даже не сообщаемой Думѣ, дѣло передается на благовоззрѣніе Государя (ст. 61). Тутъ даже не прибавлено (какъ это сдѣлано въ Учр. Гос. Думы относительно заключеній Гос. Думы по внесеннымъ въ нее законопроектамъ,—ст. 48), чтобы помимо мнѣнія Гос. Совѣта Государю представлялось и заключеніе Думы.

Пока право запросовъ поставлено такъ, и въ особенности пока это право запросовъ является единственнымъ правомъ Думы по отношенію къ министрамъ, не въ Думѣ можно искать ограниченія самовластія министровъ.

Свобода дѣйствій бюрократіи на дѣлѣ останется ничѣмъ не стѣсненною.

II. Но по существу дѣла, для того, чтобы внести существенное улучшеніе въ нашъ внутренній строй, надо не столько улучшить наше законодательство, сколько именно упорядочить нашу администрацію.

Къ чему Думѣ стремиться къ улучшенію законовъ, если она не можетъ быть увѣрена, что эти улучшенные законы не будутъ столь же свободно нарушаться, какъ раньше нарушались другіе законы? И если въ чемъ либо нуждается наша многострадальная Россія, то это именно въ уздѣ, которую

надѣли бы на всевластіе бюрократіи, въ подчиненіи администраціи закону.

Поэтому въ числѣ измѣненій настоящаго Учр. Гос. Думы, на необходимость которыхъ сама жизнь укажетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, несомнѣнно должно будетъ оказаться и сообщеніе Думѣ какихъ либо дѣйствительныхъ правъ по отношенію къ министрамъ.

По этому поводу постоянно приходится наталкиваться на то возраженіе, что установленіе отвѣтственности министровъ передъ Гос. Думою невозможно у насъ на томъ основаніи, что въ самодержавномъ государствѣ министры могутъ быть отвѣтственными только передъ Государемъ. Положеніе это должно быть признано совершенно неправильнымъ и съ точки зрѣнія тѣхъ, кто допускаетъ возможность существованія въ государствѣ самодержавія на ряду съ народнымъ представительствомъ.

По общему правилу министръ, какъ и всякое должностное лицо (въ этомъ отношеніи различія никакого нѣтъ), отвѣчаетъ передъ судомъ за совершенное имъ преступленіе должности. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между министромъ въ самодержавномъ и въ несамодержавномъ государствѣ, кромѣ развѣ того, что въ первомъ ему легче прикрыться Государемъ.

Вообще, когда говорятъ (на Западѣ) объ отвѣтственности министровъ, то имѣютъ въ виду не ихъ обще-судебную отвѣтственность, а совершенно особую: отвѣтственность передъ палатами въ томъ видѣ, въ какомъ она выработалась въ Англіи и оттуда перешла на континентъ, т. е. или отвѣтственность въ порядкѣ такъ называемаго impeachment, или же отвѣтственность чисто политическую, состоящую въ обязанности выхода министерства въ отставку въ случаѣ утраты большинства въ парламентѣ.

Тотъ порядокъ полу-судебной отвѣтственности министровъ, который въ Англіи носитъ названіе impeachment, который въ Англіи не исключаетъ возможности гражданской и уголовной отвѣтственности министровъ также и въ порядкѣ обще-судебномъ, и который въ видѣ специфическаго для министровъ по-

рядка отвѣтственности перешелъ съ тѣми или другими измѣненіями во многія государства континента Европы, состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что палата общинъ выступаетъ противъ министра обвинительницею передъ палатою лордовъ, дѣйствующею въ качествѣ верховнаго уголовнаго суда. Отличіе этой процедуры отъ обще-судебной состоитъ въ томъ, что въ порядкѣ impeachment основаніемъ для обвиненія могутъ быть не только, какъ въ общемъ судѣ, допущенныя министромъ нарушенія законовъ, но и тотъ фактъ, что его дѣйствія не были „честными, полезными и справедливыми".

Такимъ образомъ, при этомъ видѣ отвѣтственности вопросъ ставится не только о законности, но и о цѣлесообразности дѣйствій министра, что придаетъ этому виду отвѣтственности полу-судебный, полу-политическій характеръ.

Охотно допускаемъ, что въ самодержавномъ государствѣ судьею цѣлесообразности дѣйствій министровъ можетъ быть одинъ государь, и что потому политическая отвѣтственность министровъ возможна только передъ нимъ.

Поэтому самодержавіе можетъ являться препятствіемъ къ установленію того правила, чтобы министры выходили въ отставку, утративъ большинство въ Думѣ, а равно можетъ явиться препятствіемъ къ установленію порядка отвѣтственности министровъ, аналогичнаго англійскому.

Но существо самодержавной власти отнюдь не требуетъ того, чтобы уголовныя преступленія, совершенныя или допущенныя министромъ, всегда оставались безнаказанными, или, что практически то же самое, преслѣдовались судомъ только въ томъ случаѣ, если Государь, и притомъ по докладу дѣла самимъ виновнымъ министромъ или лицомъ ему близкимъ, признаетъ наличность преступленія.

Нельзя забывать результатовъ столѣтняго существованія нынѣ дѣйствующей системы отвѣтственности, и надо наконецъ признать, что и по должностнымъ преступленіямъ предоставленіе дѣла непосредственно вѣдѣнію судебной власти является единственнымъ средствомъ установить правосудіе.

Что же касается первоначальнаго возбужденія дѣла передъ судомъ, то на это недостаточно уполномочить однихъ

потерпѣвшихъ, такъ какъ вполнѣ возможны такія дѣла, въ которыхъ непосредственно потерпѣвшихъ или вовсе нѣтъ, или они по своему положенію не посмѣютъ поднять своего голоса противъ министра.

Поэтому необходимо признать за Думою право передавать дѣло судебной власти, если она изъ дошедшихъ до нея свѣдѣній и изъ затребованныхъ по нимъ объясненій министра убѣдится, что въ дѣйствіяхъ его имѣются признаки должностного преступленія. Если же Дума усмотритъ, что дѣйствія министра были не противозаконны, но лишь нецѣлесообразны, то тутъ существо самодержавной власти дѣйствительно могло бы требовать, чтобы Дума ограничивалась представленіемъ дѣла на благовоззрѣніе Государя.

При подобномъ расширеніи правъ Думы отвѣтственность министровъ передъ однимъ Государемъ за цѣлесообразность своихъ дѣйствій была бы согласована съ потребностями правосудія, и была бы устранена существующая нынѣ фактическая безотвѣтственность министровъ, на дѣлѣ прикрывающая собою и тѣ преступленія должности, которыя совершаются подчиненными министру должностными лицами.

3. Участіе Думы въ разсмотрѣніи бюджета.

Бюджетныя права народнаго представительства принадлежатъ къ числу наиболѣе цѣнныхъ его правъ, какъ по тому, что благодаря этимъ правамъ народное представительство можетъ дѣйствительно охранять интересы плательщиковъ налоговъ, такъ и потому, что контроль надъ ассигнованіемъ и расходованіемъ денежныхъ средствъ является самымъ дѣйствительнымъ способомъ для контроля надъ всею дѣятельностью министерствъ.

Учрежденіе Государственной Думы, согласно основнымъ началамъ конституціоннаго права, постановляетъ, что вѣдѣнію Думы подлежатъ: „финансовыя смѣты министерствъ и главныхъ управленій и государственная роспись доходовъ и расходовъ, равно какъ денежныя изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя . . . .“ (ст. 33, б).

Но при существованіи нынѣ дѣйствующихъ и не отмѣненныхъ Учрежденіемъ Государственной Думы законовъ представленіе Думѣ на разсмотрѣніе государственной росписи практически безполезно и даже юридически невозможно. Приведенное постановленіе Учрежденія Государственной Думы носитъ, по крайней мѣрѣ пока, характеръ словъ, лишенныхъ всякого реальнаго содержанія.

На Западѣ обсужденіе росписи представляетъ одну изъ сложнѣйшихъ и кропотливѣйшихъ работъ парламента. Разсмотрѣніе росписи требуетъ отъ палатъ отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ ежегодно, при чемъ производится нѣсколько сотъ или даже нѣсколько тысячъ голосованій [1]).

Такая работа требуется отъ палатъ, не смотря на то, что смѣты вносятся въ нихъ солидарнымъ, согласнымъ между собою министерствомъ.

У насъ же, по дѣйствующему закону [2]), порядокъ составленія смѣты таковъ: въ разные сроки, колеблющіеся отъ 1-го августа до 15 сентября, разные вѣдомства представляютъ составленныя ими росписи своихъ доходовъ и расходовъ въ Государственный Совѣтъ, министру финансовъ и государственному контролеру. Эти смѣты, составленныя каждымъ вѣдомствомъ безъ участія государственнаго контроля и министерства финансовъ, всегда вызываютъ въ тѣхъ или иныхъ частяхъ ихъ несогласіе, и все время отъ внесенія смѣты по 1-ое ноября уходитъ на то, что по отдѣльныхъ вопросамъ устанавливается соглашеніе между заинтересованнымъ вѣдомствомъ, государственнымъ контролеромъ и министромъ финансовъ. Въ этотъ промежутокъ времени, къ 1 октября, государственный контролеръ представляетъ отчетъ объ исполненіи росписи за предыдущій годъ, и этотъ отчетъ служитъ весьма существеннымъ матерьяломъ для установленія смѣтныхъ продположеній на будущій годъ.

---

[1]) Какъ указываетъ В. М. Гессенъ въ Правѣ, № 35, стр. 2861. Въ Англіи, благодаря консолидированному фонду, утвержденіе бюджета требуетъ 200 отдѣльныхъ голосованій; во Франціи—700, въ Пруссіи—до 2.000.

[2]) Смѣтныя правила 22 мая 1862 г. (П. С. З. № 38309)—Ср. Н. М. Коркуновъ. Русское Государственное Право, томъ II, стр, 95 (изд. 1892 г.).

Къ 1-ому ноября министръ финансовъ на основаніи смѣтъ, внесенныхъ отдѣльными министрами, и на основаніи достигнутыхъ съ ними соглашеній, составляетъ общую государственную роспись, въ которой всегда остается еще много вопросовъ, по которымъ соглашенія между вѣдомствами и министерствомъ финансовъ или государственнымъ контролеромъ оказалось невозможнымъ достигнуть. Роспись эта вносится въ Государственный Совѣтъ, главною задачею котораго является примиреніе вѣдомствъ по тѣмъ статьямъ росписи, по которымъ имъ не удалось прійти къ соглашенію. Эта согласительная работа Государственнаго Совѣта по закону оканчивается имъ къ 15 декабря, но на дѣлѣ обыкновенно значительно позже. И затѣмъ, во всякомъ случаѣ до 1-го января, т. е. до начала новаго смѣтнаго періода смѣта должна быть поднесена на Высочайшее утвержденіе.

Такимъ образомъ, только къ 15 декабря (а на дѣлѣ и позже) смѣта принимаетъ такой видъ, что въ ней устранены разногласія вѣдомствъ, т. е. такой видъ, въ которомъ она можетъ быть представлена на разсмотрѣніе Думы. Но такъ какъ, очевидно, смѣта должна быть утверждена къ началу новаго смѣтнаго періода, къ первому января, то для работы Думы надъ смѣтою и даже для обсужденія смѣты Думою рѣшительно времени нѣтъ.

И время это нельзя создать механическимъ отодвиганіемъ срока представленія смѣтъ по отдѣльнымъ министерствамъ съ 1-го августа на четыре мѣсяца назадъ. Къ 1-ому апрѣля, когда еще только что окончился предыдущій періодъ, и еще не истекли льготные сроки для производства расходовъ по открытымъ кредитамъ (сроки эти истекаютъ не 31 декабря даннаго года, а 30 апрѣля слѣдующаго года) роспись предыдущаго года не можетъ быть положена въ основаніе смѣтныхъ назначеній, какъ того требуетъ законъ. Къ 1-ому іюню государственный контролеръ не можетъ поспѣть съ составленіемъ отчета по послѣднему смѣтному періоду. Словомъ, перенесеніе сроковъ потребовало бы измѣненія смѣтныхъ правилъ по самому существу ихъ.

Во всякомъ случаѣ, легко ли измѣнить наше смѣтное за-

конодательство или трудно, но этого измѣненія не сдѣлано, а пока сдѣланное постановленіе Учрежденія Государственной Думы о разсмотрѣніи государственной росписи Думою осуществлено быть не можетъ.

Что же касается тѣхъ правъ народнаго представительства по финансовому контролю, которыя во всѣхъ странахъ предоставлены народному представительству, и которыя Думою осуществлены быть могутъ, какъ, напр., разрѣшеніе государственныхъ займовъ, то этихъ правъ Думѣ не предоставлено вовсе.

Въ своемъ представленіи въ Совѣтъ Министровъ гофм. Булыгинъ по поводу необходимости предоставленія думѣ правъ и въ области надзора за финансовымъ хозяйствомъ писалъ: „всего опаснѣе по своимъ послѣдствіямъ то чувство неудовлетворенности, которое можетъ охватить плательщиковъ при ... ограниченіи правъ Государственной Думы по разсмотрѣнію бюджета, чувство, легко переходящее въ недовольство и потому подрывающее надежду на постепенное успокоеніе съ призывомъ избранныхъ отъ населенія лицъ“.

Нельзя не согласиться съ правильностью этого положенія, и врядъ ли въ какой либо другой области неправильная постановка Государственной Думы и лишеніе ея основныхъ правъ народнаго представительства можетъ вызвать такое разочарованіе общественнаго мнѣнія, какъ именно въ вопросахъ бюджетныхъ.

IV.

Выборы.

I. Система выборовъ установлена для губерній Европейской Россіи „Положеніемъ о выборахъ въ Государственную думу“, утвержденнымъ и распубликованнымъ одновременно съ самимъ Учрежденіемъ Государственной Думы. Что же касается Царства Польскаго, Кавказа, губерній сибирскихъ, а также генералъ-губернаторствъ Степного и Туркестанскаго и областей Уральской и Тургайской, то правила о выборахъ въ нихъ поручено выработать особой коммисіи.

На подробностяхъ выборной системы мы останавливаться не будемъ и разсмотримъ нѣкоторые основные для народнаго представительства вопросы, выдвигаемые этою системою.

Правила, дѣйствующія въ Европейской Россіи, устанавливаютъ выборы тайные, съ подачею голосовъ закрытыми записками или шарами.

Не смотря на требованія, столь настойчиво выражавшіяся нашимъ общественнымъ мнѣніемъ за весь послѣдній годъ, всеобщаго избирательнаго права не установлено, равно какъ не установлено и равнаго избирательнаго права: права крестьянъ имѣютъ совершенно иное основаніе, чѣмъ права всѣхъ остальныхъ сословій. Для всѣхъ сословій, кромѣ крестьянскаго, установленъ имущественный цензъ; крестьянамъ же избирательное право предоставлено независимо отъ опредѣленнаго имущественнаго ценза.

Положеніемъ о выборахъ принята система косвенныхъ выборовъ, которые, по разнымъ разрядамъ избирателей, устанавливаются въ видѣ выборовъ двухъ, трехъ и четырехстепенныхъ.

Выборы членовъ Государственной Думы производятся губернскимъ избирательнымъ собраніемъ, которое образуется подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ выборщиковъ, избранныхъ: 1) съѣздомъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, 2) съѣздомъ городскихъ избирателей и 3) съѣздомъ уполномоченныхъ отъ волостей.

Съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ составляется: 1) изъ лицъ, владѣющихъ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія землею или горнозаводскою дачею, въ количествѣ приблизительно томъ же самомъ, какое установлено для участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, а въ губерніяхъ не земскихъ—количествомъ земли, приблизительно равнымъ этому по цѣнности, 2) изъ лицъ, владѣющихъ какимъ-либо инымъ, кромѣ земли, недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ по земской оцѣнкѣ не дешевле 15.000 р., и 3) изъ двухъ разрядовъ уполномоченныхъ, избранныхъ на двухъ предварительныхъ съѣздахъ, состоящихъ: одинъ изъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ имущественнымъ цензомъ, въ размѣрѣ болѣе

одной десятой указаннаго въ первыхъ двухъ пунктахъ, а другой изъ священнослужителей, владѣющихъ церковною землею.

Въ *съѣздѣ городскихъ избирателей* участвуютъ: 1) лица, владѣющія въ городскихъ поселеніяхъ уѣзда имуществомъ, по земской оцѣнкѣ не ниже 1.500 р., или промышленнымъ предпріятіемъ, съ котораго уплачивается промыслового налога не менѣе 50 р., 2) лица, уплачивающія государственный квартирный налогъ, начиная съ 10-го разряда и выше (т. е., напр., въ столицахъ не менѣе 45 р. налога), и 3) лица, владѣющія въ городѣ или въ уѣздѣ торговымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства перваго или второго разряда [1]).

Лица, удовлетворяющія требованіямъ имущественнаго ценза въ нѣсколькихъ уѣздахъ, могутъ участвовать въ выборахъ по всѣмъ этимъ уѣздамъ (въ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ или городскихъ избирателей).

Лица женскаго пола, удовлетворяющія требованіямъ того же ценза, сами въ выборахъ участвовать не могутъ, но могутъ уполномочивать къ тому своихъ мужей и сыновей.

Съѣздъ уполномоченныхъ отъ волостей состоитъ изъ выборныхъ отъ волостныхъ сходовъ, по два лица отъ каждаго схода.

Всѣ эти три съѣзда (уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ избирателей и уполномоченныхъ отъ волостей) поуѣздно избираютъ „выборщиковъ“, въ совокупности по губерніи составляющихъ губернское избирательное собраніе.

Количество выборщиковъ, избираемыхъ каждымъ изъ трехъ уѣздныхъ избирательныхъ съѣздовъ, установлено закономъ разъ навсегда для каждаго уѣзда и не подлежитъ измѣненію въ зависимости отъ того, какъ велико окажется число лицъ, имѣющихъ право въ тотъ или иной избирательный періодъ участвовать въ немъ въ выборахъ.

---

[1]) Въ столицахъ этотъ имущественный цензъ значительно повышается: такъ, напр., обладаніе торгово-промышленнымъ заведеніемъ даетъ право голоса, если съ него уплачивается промысловаго налога не менѣе 500 р.; недвижимость должна быть оцѣнена не ниже 3.000 р.

Число членовъ губернскаго избирательнаго собранія колеблется отъ 32-хъ (Архангельская губернія) до 225-ти (Кіевская).

Ни участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ, ни быть избраннымъ „выборщикомъ“ не могутъ, помимо женщинъ, лица моложе 25-ти лѣтъ, всѣ обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ, воинскіе чины арміи и флота, полицейскіе чины, губернаторы и вице-губернаторы, а также лица, обвиненныя или даже обвиняемыя въ длинномъ спискѣ указанныхъ въ самомъ законѣ преступленій (Положеніе о Выборахъ, ст. 7).

Выборщикомъ или уполномоченнымъ отъ предварительнаго съѣзда (мелкихъ собственниковъ или священно-служителей) можетъ быть только лицо, принадлежащее къ составу избирающаго его съѣзда.

Каждое губернское избирательное собраніе избираетъ установленное разъ навсегда въ законѣ число членовъ государственной думы. Число это колеблется отъ 2-хъ (Архангельская губ.) до 16-ти (Кіевская). Всего же губернскими избирательными собраніями избирается 384 члена думы.

Хотя всѣ выборщики, избранные съѣздами данной губерніи, составляютъ одно избирательное собраніе, но дѣйствуютъ они частью совмѣстно, частью же по разрядамъ. Такъ, въ каждомъ избирательномъ собраніи, прежде всего, всѣ выборщики отъ съѣздовъ, уполномоченныхъ отъ волостей, избираютъ обязательно изъ своей среды одного члена государственной думы.

Затѣмъ, всѣ выборщики губернскаго избирательнаго собранія совмѣстно избираютъ остальное положенное на губернію число членовъ Думы.

Помимо членовъ Думы, избираемыхъ губернскими избирательными собраніями, Положеніе о Выборахъ устанавливаетъ еще членовъ Думы, избираемыхъ отъ наиболѣе крупныхъ городовъ. Въ этихъ городахъ, перечисленныхъ въ особомъ спискѣ [1]), образуются особыя избирательныя собранія, въ сто-

---

[1]) Пол. о Выб., ст. 1, б.—Города эти слѣдующіе: С.-Петербургъ, Москва, Астрахань, Баку, Варшава, Вильна, Воронежъ, Екатеринославъ, Иркутскъ, Казань, Кіевъ, Кишиневъ, Курскъ, Лодзь, Нижній-Новгородъ, Одесса, Орелъ, Рига,

лицахъ изъ 160 выборщиковъ, а въ прочихъ городахъ изъ 80-ти выборщиковъ, избранныхъ лицами, удовлетворяющими общимъ условіямъ имущественнаго ценза для городскихъ избирателей: эти избирательныя собранія избираютъ въ Петербургѣ 6 членовъ думы, въ Москвѣ 4-хъ, а въ прочихъ городахъ по одному.

Такимъ образомъ, всего членовъ, избранныхъ городами и губерніями Европейской Россіи, будетъ въ думѣ 412.

Члены думы избираются на пять лѣтъ. Но Учрежденіе Государственной Думы предусматриваетъ возможность роспуска Думы Государемъ и до истеченія этого срока. Въ такомъ случаѣ, тѣмъ же Именнымъ указомъ, которымъ распускается дума, назначается срокъ для новыхъ выборовъ, опять-таки на пять лѣтъ.

II. Изложенная избирательная система есть пожалуй наиболѣе искусственная, сложная и неудачная изъ всѣхъ избирательныхъ системъ, существующихъ въ настоящее время.

Всякая избирательная система должна удовлетворять нѣкоторымъ основнымъ требованіямъ: она должна быть справедливою и равною, должна никого не обижать и никому не предоставлять ни на чемъ не основанныхъ преимуществъ; во вторыхъ, она должна создавать собраніе работоспособное, соединяющее въ себѣ лучшія силы страны, и могущее давать представленіе о распредѣленіи въ ней политическихъ партій и о настроеніи общественнаго мнѣнія; наконецъ, въ третьихъ, выборы должны дать такое учрежденіе, на которое правительство могло бы положиться въ своей дѣятельности на благо народа, а въ настоящее время въ этомъ отношеніи отъ народнаго представительства, и только отъ него, мы можетъ ждать, чтобы оно примирило общество съ правительствомъ и внесло успокоеніе въ настоящее тревожное, можно прямо сказать революціонное настроеніе нѣкоторыхъ и довольно широкихъ круговъ населенія.

1. Справедливо ли и равномѣрно ли распредѣлено изби-

Ростовъ-на-Дону совмѣстно съ Нахичеванью, Самара, Саратовъ, Ташкентъ, Тифлисъ, Тула. Харьковъ, Ярославль.

рательное право? На этотъ вопросъ возможенъ одинъ отвѣтъ: до удивительности несправедливо и неравномѣрно. Прежде всего, выборы построены на началѣ имущественнаго ценза. Это само по себѣ несправедливо. Но мало того, что установленъ цензъ, онъ для разныхъ разрядовъ обывателей разный. Для всѣхъ, кромѣ крестьянъ, законъ требуетъ имущественнаго ценза опредѣленнаго размѣра; для крестьянъ довольствуется тѣмъ, что данное лицо имѣетъ право участвовать въ волостныхъ выборахъ. И это мало: для некрестьянъ имущественный цензъ установленъ въ разномъ размѣрѣ: въ предѣлахъ городскихъ поселеній право голоса въ избирательномъ собраніи даетъ имущество, оцѣненное въ 1.500 р., а въ уѣздѣ лишь въ 15.000 р.

Имущественный цензъ вообще несправедливость, но почему для выборовъ въ Государственную Думу основаніемъ ценза взято не всякое имущество, а только то, которое обложено сборами въ пользу земства или города? Что земское или городское избирательное право обусловливается платежемъ земскихъ или городскихъ сборовъ, это еще можно утверждать, притворяясь, что не знаешь закона переложенія налоговъ. Но какое же имѣется основаніе ставить платежъ земскихъ и городскихъ сборовъ условіемъ для выборовъ въ госуд. Думу?

Правда, помимо ценза имущественнаго (или по промысловому обложенію) имѣется еще цензъ по квартирному налогу. Но этотъ цензъ настолько высокъ, что изъ лицъ, не владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ или промышленнымъ предпріятіемъ, только самое имущественно-обезпеченное меньшинство удовлетворяетъ этому цензу. Его размѣры могутъ быть выяснены слѣдующимъ примѣромъ: въ городахъ второго класса по квартирному налогу, т. е. въ крупныхъ губернскихъ городахъ, а изъ уѣздныхъ лишь въ самыхъ большихъ въ родѣ Одессы, право голоса дается при квартирѣ въ 1000 р. въ годъ, что предполагаетъ годовой доходъ не менѣе пяти тысячъ; въ тѣхъ же городахъ владѣніе недвижимымъ имуществомъ даетъ право голоса при оцѣнкѣ этого имущества въ 1.500 р., что, если принять его доходность въ 10%, даетъ доходъ въ 150 р.—

Такимъ образомъ, недвижимое имущество даетъ право голоса при доходѣ въ 33 раза меньшемъ, чѣмъ всякій другой доходъ. И съ точки зрѣнія сторонниковъ имущественнаго ценза такая неравномѣрность должна быть признана явно несправедливою.

Несправедливость и неравенство избирательнаго права, помимо ценза, создается еще и установленіемъ разъ на всегда въ самомъ законѣ числа выборщиковъ отъ каждаго избирательнаго съѣзда и числа депутатовъ отъ каждаго избирательнаго собранія. Это распредѣленіе наталкиваетъ на неразрѣшимыя затрудненія.

Напр., относительно городовъ, выдѣленныхъ въ особыя избирательныя единицы, нельзя сообразить, почему одни города выдѣлены, а другіе нѣтъ. Какъ показалъ г. Водовозовъ въ „Нашей жизни“ (№ 214), вообще выдѣлены въ особыя единицы города съ населеніемъ свыше 50.000 (наименьшее число—Курскъ съ 52.000), но при этомъ, напр., Витебскъ съ 66.000, Оренбургъ съ 72.000 или Минскъ съ 91.000 почему-то въ особыя единицы не выдѣлены.

Распредѣленіе числа выборщиковъ между отдѣльными родами избирательныхъ собраній поражаетъ своею неожиданностью. Возмемъ, напр., число крестьянскихъ выборщиковъ: изъ всего числа выборщиковъ по Россіи (5754) крестьянскіе выборщики (2500) составляютъ 43,4%, что не находится ни въ какомъ видимомъ соотвѣтствіи ни съ общимъ отношеніемъ числа крестьянскаго населенія къ остальному населенію Россіи, ни съ числомъ той земли, которую они владѣютъ, ни съ уплачиваемыми ими налогами. По крайней мѣрѣ, никому изъ доискивающихся до какого либо объясненія этихъ цифръ найти его не удалось.

Догадаться, на чемъ основано распредѣленіе числа выборщиковъ по данной губерніи между отдѣльными собраніями, тоже врядъ ли возможно. Почему, напр., изъ 165 всего числа выборщиковъ по Воронежской губерніи крестьянскіе выборщики составляютъ крупное абсолютное большинство (101), а въ Полтавской губ. тѣ же крестьянскіе выборщики составляютъ ничтожное меньшинство, такъ какъ ихъ всего 23 на 181 выборщика по всей губерніи?

Говорить, является ли справедливымъ распредѣленіе числа выборщиковъ между съѣздами уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, рѣшительно невозможно, такъ какъ вообще отсутствуетъ всякое объективное основаніе для какого бы то ни было разрѣшенія этого вопроса. Но если мы въ предѣлахъ той же губерніи сравнимъ число выборщиковъ, предоставленное тому же избирательному собранію по разнымъ уѣздамъ, то получимъ данныя, которыя нѣкоторое сравненіе допускаютъ. И тутъ оказывается, что числа выборщиковъ совершенно непонятны: какъ указалъ Водовозовъ въ цитированной уже статьѣ, напр. въ Бессарабской губ. всего „21 городской выборщикъ; изъ нихъ одинъ отъ кишиневскаго уѣзда, по 2 отъ аккерманскаго и бендерскаго, одинъ отъ бѣлецкаго, по 3 отъ измаильскаго и хотинскаго и по 4 отъ оргѣевскаго, сорокскаго. Въ измаильскомъ уѣздѣ городского населенія числится 69.000, и онъ посылаетъ трехъ выборщиковъ, въ оргѣевскомъ—13.000 жителей, и онъ посылаетъ четырехъ выборщиковъ, точно такъ же, какъ Сороки, имѣющіе 15.000 жителей. Хотинъ, имѣющій 18.000 жителей, представленъ почему-то только тремя выборщиками. Такую же точно непослѣдовательность можно отмѣтить по городамъ всѣхъ губерній, да и по другимъ классамъ избирателей тоже“.

2. Но, можетъ быть, эта избирательная система, съ виду столь произвольная и несправедливая, хороша тѣмъ, что дастъ Думу, цѣнную по своей работоспособности, привлекая въ нее лучшія силы страны? Или можетъ быть, благодаря этому избирательному праву, Дума въ точности воспроизведетъ соотношеніе разныхъ теченій въ общественномъ мнѣніи Россіи? Или, быть можетъ, окажутся болѣе или менѣе равномѣрно представленными всѣ интересы?

На эти вопросы не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ самаго категорическаго отрицанія.

Отъ участія въ выборахъ устранены именно всѣ интеллигентные классы, кромѣ лицъ, имѣющихъ исключительное матеріальное обезпеченіе. Представители либеральныхъ профессій, всюду составляющіе главную рабочую силу парламентовъ, отъ выборовъ устранены, за то въ нихъ участвуютъ мѣщане, владѣющіе домишкомъ въ 1.500 р.

Въ Думѣ не можетъ быть менѣе 50-ти крестьянъ; возможно, что ихъ будетъ гораздо больше. Крестьяне являются не рѣдко цѣнными земскими гласными; но работа въ земскомъ собраніи, собирающемся на нѣсколько дней и выслушивающемъ доклады управы, совсѣмъ не то, что разработка въ представительномъ учрежденіи внесенныхъ въ него законопроектовъ; и какова будетъ роль крестьянъ въ Думѣ, этого заранѣе точно сказать нельзя.

Что же касается того, отразитъ ли Дума на своемъ личномъ составѣ существующее общественное настроеніе и взаимное отношеніе разныхъ партій, то отъ заранѣе произвольно сдѣланнаго распредѣленія числа выборщиковъ такого соотношенія ожидать во всякомъ случаѣ трудно. И врядъ ли кто станетъ утверждать, что въ общественномъ мнѣніи Россіи роль крестьянства выражается именно 43,4%, или что роль крестьянства въ общественной жизни въ Россіи вообще выражается этою цифрою.

Что же касается представленности всѣхъ интересовъ, то достаточно указать, напримѣръ, на то, что всѣ фабричные рабочіе вовсе лишены избирательнаго права, что его лишена всякая мелкая торговля, чтобы отвергнуть и предположеніе о томъ, чтобы равномѣрность представительства всѣхъ интересовъ была цѣлью авторовъ этой избирательной системы.

3. Намъ остается послѣдній вопросъ, возбуждаемый избирательнымъ правомъ, вопросъ, въ настоящій моментъ общественной жизни Россіи представляющій совершенно исключительное значеніе: дастъ ли это избирательное право такую Думу, которая могла бы правильно указывать правительству на требованія общественнаго мнѣнія, которая могла бы поддержать правительство въ его благихъ начинаніяхъ и могла бы, обезпечивая популярность одобряемыхъ ею правительственныхъ мѣропріятій, примирить общество съ правительствомъ и внести успокоеніе въ умы.

Въ этомъ отношеніи создаваемая Дума во всякомъ случаѣ еще менѣе удовлетворительна, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ.

Съ этой точки зрѣнія гибельнымъ для Думы и для пра-

вительства, которое пожелало бы на нее положиться, является имущественный цензъ. Цензъ имѣлъ смыслъ при такой структурѣ общества, когда руководящая въ идейномъ отношеніи сила принадлежала богатымъ классамъ или тѣмъ людямъ, которые были у нихъ на службѣ, когда misera plebs contribuens могла не приниматься въ расчетъ. Теперь положеніе вещей не то, и если гдѣ нибудь оно измѣнилось, такъ это именно въ Россіи, гдѣ послѣднее общественное движеніе почти цѣликомъ провели именно такъ называемая интеллигенція и рабочій классъ, т. е. какъ разъ тѣ два класса, которые, благодаря установленному имущественному цензу, оказываются не представленными въ Думѣ.

Такимъ образомъ Дума не является представительницею двухъ наиболѣе активныхъ и убѣжденныхъ направленій русскаго общественнаго мнѣнія, а слѣдовательно и вообще не можетъ считаться его выразительницею.

Но даже если оставить въ сторонѣ эти два элемента русскаго общественнаго мнѣнія и признать, что правительство намѣренно его отстраняетъ, желая впредь считаться лишь съ общественнымъ мнѣніемъ трехъ привилегированныхъ группъ: уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ избирателей и крестьянъ, то можно ли расчитывать, что Дума вѣрно отразитъ на своемъ составѣ существующія въ этихъ группахъ настроенія? Намъ думается, что и это нѣтъ.

Дума не можетъ точно отразить настроеній избирателей уже по тому одному, что выборы многостепенны. При нашихъ многостепенныхъ выборахъ извѣстное число выборщиковъ избирается каждымъ съѣздомъ, извѣстное число членовъ Думы избирательнымъ собраніемъ. При такой системѣ достаточно, чтобы одна изъ партій имѣла въ съѣздѣ большинство хотя бы одного голоса, чтобы всѣ выборщики оказались принадлежащими къ этой партіи. Достаточно, чтобы въ избирательномъ собраніи одна партія получила хотя бы минимальнѣйшій перевѣсъ, чтобы всѣ члены Думы отъ этой губерніи оказались принадлежащими къ этой партіи. Прикинемъ результаты этой системы на конкретномъ примѣрѣ. Положимъ, что выборы по всей Россіи, кромѣ Юго-Западнаго края, дали

на 370 избранныхъ членовъ Думы равное число либераловъ и консерваторовъ [1]), примѣрно по 185 членовъ Думы, принадлежащихъ къ каждой изъ этихъ партій. Положимъ далѣе, что въ Юго-Западномъ краѣ эти двѣ партіи тоже распредѣлены болѣе или менѣе равномѣрно, но что при избраніи выборщиковъ по тѣмъ или другимъ случайнымъ причинамъ, безъ которыхъ выборы не обходятся, либералы получили незначительнѣйшій перевѣсъ въ избирательныхъ собраніяхъ этихъ трехъ губерній, по два, по три лишнихъ голоса въ каждой, даже по одному. Этого незначительнаго перевѣса достаточно, чтобы либералы провели 16 членовъ Думы по Кіевской губ. и по 13-ти по двумъ другимъ, и благодаря перевѣсу въ трехъ избирательныхъ собраніяхъ всего, быть можетъ, трехъ, четырехъ голосовъ, губерніи Юго-Западнаго края пошлютъ въ Думу 42 либеральныхъ члена, и тѣмъ создадутъ въ Думѣ сильное либеральное большинство (227 противъ 185 консерваторовъ). Если бы въ нашемъ примѣрѣ въ этихъ трехъ губерніяхъ самый незначительный перевѣсъ получили консерваторы, то въ Думѣ крупное либеральное большинство оказалось бы замѣненнымъ крупнымъ консервативнымъ большинствомъ (227 консерваторовъ противъ 185 либераловъ).

Разъ такимъ образомъ измѣненіе на незначительное число голосовъ въ избирательныхъ собраніяхъ можетъ влечь за собою громадное измѣненіе въ распредѣленіи голосовъ въ Думѣ, составъ ея долженъ быть признанъ совершенно случайнымъ, и высказываемыя ею мнѣнія отнюдь нельзя принимать за точное выраженіе общественнаго мнѣнія Россіи.

Случайности неизбѣжны при всякихъ выборахъ, но когда каждый округъ избираетъ по одному депутату, какая либо изъ ряду вонъ выдающаяся случайность отражается на неправильномъ избраніи одного человѣка, а мелкія случайности въ одномъ округѣ вообще балансируются такими же случайностями въ другомъ. У насъ же, когда нѣкоторыя губерніи избираютъ болѣе десятка депутатовъ, случайности пріобрѣтаютъ

---

[1]) Принимаемъ для простоты, что на будущихъ выборахъ выступятъ только двѣ партіи, которыя и назовемъ либералами и консерваторами.

гораздо большее значеніе, а при неравенствѣ избираемаго въ разныхъ губерніяхъ числа членовъ Думы (отъ двухъ до шестнадцати) одна губернія не можетъ балансировать другую. Но этого мало. Не только Дума можетъ дать совершенно случайное и искаженное отраженіе настроенія и распредѣленія партій въ избирательныхъ собраніяхъ, но и самыя эти собранія, въ свою очередь опять-таки будутъ носить совершенно случайный характеръ и не будутъ отражать на себѣ распредѣленіе мнѣній между избирателями, такъ какъ эти выборщики избираются на съѣздахъ, гдѣ опять-таки число избранныхъ выборщиковъ, будучи установленнымъ закономъ, не стоитъ ни въ какой зависимости отъ соотношенія партій и представляетъ только одно большинство. Какой нибудь Елизаветградскій съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ посылаетъ въ Херсонское губернское избирательное собраніе 17 выборщиковъ. Эти 17 человѣкъ усилятъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи либеральную или консервативную партію всей массой своихъ голосовъ въ зависимости вовсе не отъ того, что въ Елизаветградскомъ уѣздѣ среди землевладѣльцевъ та или другая партія имѣетъ огромный численный перевѣсъ: въ губернскомъ собраніи на 17 голосовъ усилится та партія, которая въ уѣздѣ получитъ перевѣсъ хотя бы одного голоса.

Не забудемъ, что положеніе о выборахъ предоставляетъ громадное число голосовъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ представителямъ волостныхъ сходовъ. Это уже есть элементъ, относительно котораго даже и догадокъ дѣлать нельзя, за кого и какъ онъ будетъ голосовать.

Выборы уѣздныхъ выборщиковъ отъ крестьянъ производятся на волостныхъ сходахъ: сами волостные сходы не для того были избраны, чтобы участвовать въ выборахъ въ Думу, а для исполненія скучной и ненужной службы въ волости. Избираются на это далеко не тѣ крестьяне, которые пользуются наибольшимъ довѣріемъ и уваженіемъ односельчанъ. Подъ чьимъ давленіемъ волостные сходы будутъ избирать уѣздныхъ выборщиковъ?—подъ какими вліяніями тѣ будутъ избирать губернскихъ крестьянскихъ выборщиковъ?—подъ какія вліянія эти послѣдніе подпадутъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи? На всѣ эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣта.

Неопредѣленность и случайность Думы, обусловливаемая многостепенностью выборовъ, во много разъ еще увеличивается, благодаря введенію въ избирательныя собранія такого элемента, какъ крестьяне, политически не оформившагося и подверженнаго всякимъ вліяніямъ и воздѣйствіямъ, въ особенности административнымъ.

Въ особенности опасною для состава Думы является та обстановка, въ которой будутъ происходить выборы; обстановка эта характеризуется двумя условіями выборовъ: чрезвычайными полномочіями администраціи и отсутствіемъ партійной организаціи при невозможности къ тому же создать эту организацію ко времени выборовъ.

Что касается какъ административнаго воздѣйствія на неугодныхъ избирателей и выборщиковъ, такъ и репрессивныхъ административныхъ мѣръ по отношенію къ нимъ, то въ настоящее время по закону (пол. усиленной охраны), и по фактически установившемуся положенію вещей, возможность этого воздѣйствія по истинѣ безгранична, и свободный ходъ выборовъ является совершенно неправдоподобнымъ. Отсюда неизбѣжная фальсификація общественнаго мнѣнія; отсюда неустранимое недовѣріе общества къ тѣмъ депутатамъ, которые будутъ въ Думѣ поддерживать правительство, и отказъ общества отъ того, чтобы видѣть въ этихъ депутатахъ своихъ представителей.

При отсутствіи партійной организаціи всякіе выборы вообще принимаютъ случайный характеръ. Но для Россіи опасность выборовъ безъ планомѣрной партійной дѣятельности увеличивается, сравнительно съ другими государствами, во много разъ, въ виду того, что, какъ мы уже указывали, при каждыхъ выборахъ у насъ будетъ избираться не одно лицо, а обыкновенно цѣлая группа выборщиковъ или членовъ Думы. Засимъ, повсюду партійная организація и партійная агитація являются безусловно необходимымъ средствомъ для того, чтобы дать возможность широкимъ кругамъ избирателей сознательно разобраться въ выставляемыхъ программахъ и сознательно отнестись къ предлагаемымъ кандидатамъ. И эта дѣятельность партій являлась бы особенно цѣнною для предстоящихъ выбо-

ровъ, къ участію въ которыхъ призваны классы населенія, въ политическомъ отношеніи наименѣе развитые и освѣдомленные.

Что же касается возможности созданія партійной организаціи, то она безусловно исключена отсутствіемъ свободы союзовъ, свободы собраній и свободы слова устнаго и печатнаго.

Такимъ образомъ, предстоящіе выборы будутъ происходить безъ заранѣе установленнаго плана, безъ того, чтобы партіи могли выяснить избирателямъ свои программы и выставить своихъ кандидатовъ. Личныя симпатіи избирателей или административное воздѣйствіе—вотъ что будетъ рѣшать судьбу выборовъ.

Резюмируя, мы можемъ сказать, что наша будущая Дума можетъ явиться лишь случайнымъ отраженіемъ состава губернскихъ избирательныхъ собраній, которыя, въ свою очередь, явятся случайнымъ, а можетъ быть и умышленно фальсифицированнымъ отраженіемъ настроеній нѣкоторыхъ, далеко не наиболѣе авторитетныхъ круговъ русскихъ обывателей.

Кого такая Дума представляетъ? Кому она нужна, кого она можетъ удовлетворить и успокоить?

Н. Лазаревскій.

ВЪ МІРѢ УСМОТРѢНІЯ.

(Ст. 140 и 156 уст. о ценз. и печ.).

Русской печати никогда не было дано права, всецѣло ей, казалось бы, принадлежащаго: жить по закону.....

И это не риторическая фигура, а совершенно точное констатированіе столѣтней дѣйствительности. Съ 1804 года, когда былъ изданъ первый русскій уставъ о цензурѣ и печати, и до 1905 года, когда мы присутствуемъ при оригинальномъ зрѣлищѣ насажденія одной рукой всевозможныхъ вполнѣ конкретныхъ стѣсненій слова, а другой—фантастическихъ плановъ будущей свободы (не желая въ то же время отказаться отъ главнаго основанія нашей политики, такъ прекрасно выраженнаго Щедринымъ: „liberté jamais, „ура“ toujours“),—всѣ уставы о цензурѣ (1804, 1826, 1828 и 1865 г.г.) со дня ихъ введенія въ дѣйствіе сейчасъ же „дополнялись“ самыми разнообразными административными циркулярами, сплошь и рядомъ явно нарушающими и отмѣняющими основной законъ. Министръ народнаго просвѣщенія, а съ 1863 года—внутреннихъ дѣлъ были полными хозяевами русской гласности и распоряжались въ ней вполнѣ невозбранно. Никто не смѣлъ и не смѣетъ даже подумать основывать свою литературную дѣятельность только на законѣ—такой смѣльчакъ немедленно чувствовалъ силу хозяевъ литературы.....

Въ 1873 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, Тимашевъ, сдѣлалъ въ этотъ направленіи большой шагъ впередъ: онъ

достигъ юридической поддержки своему произволу, узаконилъ произволъ и своихъ преемниковъ.

Въ результатѣ его стараній мы имѣемъ въ уставѣ статьи 140 и 156, вошедшія туда въ качествѣ Высочайше утвержденнаго 16 іюня 1873 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта.

Первая изъ нихъ гласитъ:

„Если по соображеніямъ высшаго правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ“.

Правда, русская кодификація и здѣсь оставила слѣды своего значительнаго несовершенства, но во всякомъ случаѣ ясно:

1) что право на признаніе неудобства оглашенія или обсужденія въ печати какого-либо вопроса принадлежитъ только *высшему правительству;*

2) что такое изъятіе можетъ и должно быть лишь *временнымъ*;

3) что изъятію изъ обсужденія или оглашенія въ печати подлежали лишь вопросы *государственной важности* и

4) что распоряженіе *о сообщеніи* безцензурнымъ органамъ о сдѣланномъ при такихъ *непремѣнныхъ* условіяхъ изъятіи исходитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ,—и именно сообщеніи, а не о самомъ *производствѣ* изъятія.

Что такое пониманіе статьи 140 только и возможно, ясно доказываетъ самое мнѣніе государственнаго совѣта, который находилъ, что „изданіемъ этого постановленія, созидающаго законную основу для распоряженій, неизбѣжно вызываемыхъ иногда *высшими интересами государства*, нисколько не стѣсняются тѣ предѣлы, въ которыхъ донынѣ предоставлялось печати обсуждать политическіе и общественные вопросы. Новое постановленіе, по своему разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ *чрезвычайно рѣдкихъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что органы печати, правильно по-

нимающіе призваніе свое служить пользамъ отечества, и сами собою, безъ всякаго понужденія, подчинялись бы въ сихъ обстоятельствахъ приглашенію правительства. Посему особое о семъ правило и взысканіе за неисполненіе онаго можетъ относиться лишь къ тѣмъ *совершенно исключительнымъ*, однако, какъ показываетъ опытъ, возможнымъ случаямъ, когда одно чувство долга и нравственной отвѣтственности не удержитъ отъ опасной по своимъ послѣдствіямъ нескромности“ [1]).

Между тѣмъ, практика съ самаго 1873 года пошла по совершенно другому пути, по пути изъятія изъ обсужденія печати цѣлаго ряда вопросовъ громадной важности, а изъ оглашенія—фактовъ, заслуживающихъ самаго серьезнаго вниманія. Получилось нѣчто совершенно неожиданное и для государственнаго совѣта: русская печать перестала отражать русскую жизнь.

„Высшее правительство“ синонимировалось всегда съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, иногда же и съ начальниками главнаго управленія по дѣламъ печати.

„Нѣкоторое время“ протекаетъ иногда 25—30 лѣтъ; лишь *два* изъятія изъ 564 дѣлались на заранѣе точно опредѣленный срокъ, большинство же подъ видомъ временнаго псключенія обращалось просто въ новыя статьи закона, санкціонированнаго рукою министра.

Къ „вопросамъ государственной важности“ прибавлена масса другихъ, ничего общаго съ ними неимѣющихъ. Пользуясь статьей 140, министры внутреннихъ дѣлъ позволяли себѣ самое безцеремонное, чтобъ не сказать больше, нарушеніе элементарныхъ правъ печати. Все, что тому или другому изъ нихъ или ихъ коллегамъ было почему либо неугодно видѣть въ печати, все это воспрещалось къ оглашенію или обсужденію и притомъ всегда „на точномъ основаніи статьи 140“.... Неисполненіе же подобныхъ предписаній предупреждалось статьей 156: „министру внутреннихъ дѣлъ представляется, въ случаѣ неисполненія редакторомъ выходящаго безъ предварительной

---

[1]) Собр. узакон. и распор. прав. 1873 г. № 754.

цензуры повременнаго изданія распоряженія о неоглашеніи или необсужденіи въ печати какого либо вопроса государственной важности, пріостановить выпускъ въ свѣтъ такого изданія не свыше трехъ мѣсяцевъ". И пріостанавливали, двадцать три раза пріостанавливали въ теченіе 1873—1904 гг....

Подъ ферулой ст. 140 сводились личные счеты, оказывались любезности, гнались враги, добивались милостей и прочности положенія, защищались беззаконія, хищенія и мошенничества,—словомъ, творился самый явный произволъ.

Недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" была напечатана въ извлеченіяхъ анонимная записка, составленная, по порученію Плеве, незадолго до его смерти, о недостаткахъ дѣйствующаго цензурнаго законодательства. Не въ мѣру услужливый ея авторъ, между прочимъ, утверждаетъ, что изъ массы циркуляровъ, изданныхъ въ силу 140-й статьи „можетъ быть, 10% являлись по иниціативѣ министровъ внутреннихъ дѣлъ, остальные же 90% вызывались другими вѣдомствами, ограждавшими свои интересы и переносившими всю отвѣтственность за тѣхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ и прессой, на министерство внутреннихъ дѣлъ" [1]). Услужливость, да еще за опредѣленную подачку, вообще рѣдко знаетъ предѣлы... На основаніи внимательнаго анализа и подсчета приводимыхъ ниже циркуляровъ, могу увѣрить читателя, что циркуляровъ, изданныхъ по иниціативѣ, министерства внутреннихъ дѣлъ, никакъ не меньше 55—60%. Разница довольно существенная... Но общество и не интересуется особенно выясненіемъ виновности сегодня Иванова, завтра Петрова. Оно твердо знаетъ, что виноваты и Ивановы и Петровы...

Иногда, читая циркуляры объ изъятіяхъ, просто недоумѣваешь, какъ могла печать считать нѣкоторые изъ нихъ обязательными для себя, какъ она соблюдала эти явно беззаконныя приказанія:... Вѣдь есть циркуляры, подлежащіе не исполненію, а немедленному обжалованію въ Сенатъ. Конечно, причиной

---

[1]) „Москов. Вѣд." 1905 г., № 220, „къ исторіи русской цензуры".

этой овечьей покорности является полное безправіе русскаго печатнаго слова и его представителей, но все же бывали и есть распоряженія, которыя даже при наличности и этого условія, всетаки, не должны были быть исполняемы.

Не говорю уже о томъ, что самый текстъ циркуляровъ главнаго управленія часто былъ очень не только грубъ, но даже дерзокъ по отношенію къ печати, редакторамъ и пр. Сплошь и рядомъ встрѣчаются фразы: „зная постоянное стремленіе печати къ намѣренному искаженію истины", „изъ желанія имѣть большее распространеніе въ публикѣ", „не дорожа достоинствомъ своего отечества" etc., подкрѣпляемыя всевозможными неприличными угрозами каръ и стѣсненій.... Впрочемъ, иногда, чувствуя всю беззаконность самого циркуляра, начальники главнаго управленія вдругъ дѣлались вѣжливы и даже „покорнѣйше просили, г. г. редакторовъ, если они признаютъ нужнымъ", исполнить ихъ приказаніе, но такихъ случаевъ немного....

Читатель хорошо знаетъ, къ чему привела тридцати двухлѣтняя циркулярная система: ему ли разъяснять, какъ отразилась она на обществѣ, на немъ самомъ, на литературѣ, на государствѣ. Частью это понимаетъ даже и комитетъ министровъ. Въ засѣданіяхъ 28 и 31 декабря 1904 г. онъ высказался довольно категорически: „Путемъ полнаго запрещенія печати касаться того или другого вопроса, цѣлыя области русской жизни могли быть закрываемы для освѣщенія ихъ въ печати, которая при такихъ условіяхъ, конечно, не являла дѣйствительнаго отраженія государственныхъ потребностей и общественнаго мнѣнія. Нерѣдко повременнымъ изданіямъ, за невозможностью вовсе касаться извѣстныхъ темъ, приходилось сосредоточивать все свое вниманіе на другихъ, невоспрещенныхъ къ обсужденію вопросахъ и тѣмъ самымъ придавать имъ значеніе, преувеличенное по сравненію съ дѣйствительною ихъ важностью въ жизни. Съ другой стороны запрещеніе касаться какого-либо вопроса или внушеніе быть по отношенію къ тому или другому вѣдомству особенно осторожнымъ приводило къ вынужденному молчанію печати по предмету нерѣдко дѣйствительно спорному и въ

интересахъ государственныхъ нуждавшемуся во всесторонемъ освѣщеніи“ [1]).

Конечно, это не значитъ, чтобы комитетъ министровъ склоненъ былъ къ логическому отсюда шагу: къ рекомендаціи отмѣнить статьи 140 и 156; вѣдь, многіе изъ его членовъ пользовались или лично или чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ просторомъ первой и страхомъ второй... Но во всякомъ случаѣ платонически печать получила сочувствіе.

Мнѣ кажется, очень полезно ознакомиться съ циркулярами главнаго управленія на основаніи ст. 140, и потому я рѣшилъ собрать ихъ за 1873—1904 годы и систематизировать [2]).

Хронологически они укладываются въ такую таблицу:

Годы	Число	Годы	Число	Годы	Число	Годы	Число
1873	8	1881	35	1889	14	1897	29
1874	10	1882	22	1890	15	1898	24
1875	11	1883	14	1891	11	1899	19
1876	12	1884	5	1892	34	1900	29
1877	6	1885	13	1893	34	1901	38
1878	—	1886	12	1894	32	1902	32
1879	1	1887	9	1895	13	1903	14
1880	2	1888	9	1896	30	1904	27
							564

И эти сводныя данныя и всѣ ниже приводимые циркуляры будутъ гораздо понятнѣе при такихъ еще двухъ историческихъ справкахъ.

Министры Внутреннихъ Дѣлъ.

9 марта 1868 г.—1878 г. А. Е. Тимашевъ
27 ноября 1878 — 1880 — Л. С. Маковъ

---

[1]) „Новое Время“, 1905 г., № 10378.

[2]) До сихъ поръ такой работы еще никто не выполнилъ. Въ немногочисленной по этому вопросу литературѣ есть лишь части подобной работы: „Матеріалъ по исторіи русской печати“, вып. I, „Самодержавіе и печать въ Россіи“, М я к о т и н ъ — „Одна страница изъ новѣйшей исторіи русской печати“ (въ сборникѣ „Въ защиту слова“, Спб., 1905 г.) и замѣтка Богучарскаго въ томъ же сборникѣ.

Приношу благодарность за любезное содѣйствіе въ отысканіи циркуляровъ В. А. Мякотину, Н. М. Лисовскому и А. П. М.

6 августа	1880 —	1881 —	гр. Лорисъ-Меликовъ
4 мая	1881 —	1882 —	гр. Н. П. Игнатьевъ
30 мая	1882 —	1889 —	гр. Д. А. Толстой
25 апрѣля	1889 —	1895 —	И. Н. Дурново
15 октября	1895 —	1899 —	И. Л. Горемыкинъ
20 октября	1899 —	1902 —	Д. С. Сипягинъ
4 апрѣля	1902 —	1904 —	В. К. Плеве
	1904 —	1905 —	кн. Святополкъ-Мирскій

Начальники главнаго управленія.

1871—1874	Н. М. Лонгиновъ.
1874—1880	В. В. Григорьевъ
1880—1881	Н. С. Абаза
1881—1882	кн. П. П. Вяземскій
1883—1896	Е. М. Ѳеоктистовъ
1896—1900	М. П. Соловьевъ
1900—1902	кн. Н. И. Шаховской
1902—1905	Н. А. Звѣревъ

Теперь о самихъ циркулярахъ.

По возможности я избѣгалъ дословной ихъ передачи съ начала до конца, потому что грамотность нашей бюрократіи слишкомъ общеизвѣстна, да и мѣстомъ я располагаю ограниченнымъ, но за точность смысла ихъ и содержаніе ручаюсь. Циркуляры, объявленные не обычнымъ путемъ—приходитъ городовой къ редактору и предъявляя циркуляръ, проситъ росписаться на немъ въ прочтеніи,—а словесно, я свѣрялъ въ нѣсколькихъ источникахъ и потому смыслъ ихъ тоже переданъ вѣрно.

Номера мною при циркулярахъ поставлены; подлинную ихъ нумерацію я не сохранилъ, потому что она все равно не выражетъ номера ихъ по порядку, а лишь показываетъ номеръ, подъ какимъ циркуляръ даннаго года записанъ въ исходящемъ журналѣ главнаго управленія.

Практика установила порядокъ, въ силу котораго каждый циркуляръ, объявленный такъ или иначе редакціи органа, выходящаго съ послѣдующей цензурой, въ теченіе нѣсколькихъ дней разсылается всѣмъ цензурнымъ комитетамъ, отдѣль-

нымъ цензорамъ и губернаторамъ для руководства при выпускѣ изданій, выходящихъ съ предварительной цензурой. Сами редакціи этихъ циркуляровъ никогда не видятъ—это для нихъ тайна, потому что въ верхнемъ правомъ углу стоитъ неизмѣнное: „конфиденціально“. Благодаря этому пропадаетъ много труда редакторовъ, сотрудниковъ и наборщиковъ.

Случается, что главное управленіе издаетъ еще и сепаратные циркуляры, объявляя ихъ только или въ Петербургѣ или въ соотвѣтственномъ мѣстѣ (напримѣръ, въ Екатеринославѣ былъ циркуляръ не писать ничего о расколѣ и старообрядствѣ, а также въ защиту штундистовъ). Объявленные въ Петербургѣ включены мною въ общій списокъ.

Въ общемъ, мнѣ кажется, что въ предлагаемомъ ниже перечнѣ циркуляровъ съ іюля 1873 года по 1 января 1905 года, если и есть пропуски, то ихъ не болѣе 3—5% приведеннаго числа.

Итакъ, при 302 статьяхъ основного устава о цензурѣ мы имѣемъ 97 нынѣ дѣйствующихъ циркуляра, т. е. 32% количества статей...

Мих. Лемке.

I. Высочайшія особы [1]).

1. *19 апрѣля 1873 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію ст. 73 устава о цензурѣ и печати [2]).

---

[1]) Изъ №№ 1—37 циркуляромъ 14 февраля 1897 г. сохранены № 34, подтвержденный и 4 августа 1899 г., когда были отмѣнены №№ 38—41. Циркуляромъ 22 іюля 1902 г. отмѣнены №№ 42—48, а №№ 49—51 дѣйствительны и по настоящее время.

[2]) Ст. 73 устава по изд. 1890 г. (къ которому мною и пріурочены всѣ циркуляры съ указаніемъ статей устава) гласитъ: „сочиненія и статьи, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, въ коихъ описываются личныя дѣйствія или излагаются изустныя выраженія Государя Императора и прочихъ особъ императорской фамиліи, или же приводятся обращенныя къ нимъ рѣчи, а также статьи, содержащія въ себѣ разсказы и сужденія, до Высочайшихъ особъ относящіеся, во всѣхъ безъ исключенія изданіяхъ, повременныхъ и другихъ, печатаются не иначе, какъ съ разрѣшенія министра императорскаго двора. Разрѣшеніе къ печати обыкновенныхъ извѣстій о путешествіи Высочайшихъ особъ предоставляется и мѣстнымъ губернаторамъ“.

2. *8 августа 1874 г.* То же.
3. *26 декабря 1874 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о великомъ князѣ Николаѣ Константиновичѣ, „не исключая и факта его ссылки“.
4. *23 августа 1875 г* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 3.
5. *2 января 1880 г.* Въ статьяхъ, кои будутъ посвящены 25-лѣтію царствованія Государя Императора, не помѣщать никакихъ сравненій съ 25-лѣтіемъ предыдущаго царствованія Николая I.
6. *13 марта 1881 г.* То же, что въ № 1.
7. *8 апрѣля 1881 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей, касающихся „послѣдняго происшествія въ жизни вел. кн. Николая Константиновича“.
8. *27 августа 1881 г.* То же, что въ № 1.
9. *3 декабря 1881 г.* Слѣдить съ особымъ вниманіемъ за точностью печатанія Высочайшаго имени и титула [1])

10. *31 мая 1882 г.*
11. *7 мая 1883 г.*
12. *16 декабря 1883 г.*
13. *23 января 1884 г.*
14. *20 марта 1888 г.*
15. *12 іюля 1888 г.*

То же, что въ № 1.

16. *4 февраля 1889 г.* Кромѣ точнаго и строгаго исполненія ст. 73 устава о цензурѣ и печати, редакторы должны представлять въ цензурный комитетъ каждый разъ, одновременно съ нумерами своихъ изданій, подлинныя рукописи статей съ подписями, удостовѣряющими, что къ напечатанію ихъ нѣтъ препятствій со стороны министра императорскаго двора.
17. *12 іюля 1889 г.* Не перепечатывать изъ отдѣла „хроника“ „Новаго Времени“ неточнаго извѣстія о происходившемъ въ Павловскомъ дворцѣ семейномъ торжествѣ по случаю дня тезоименитства Е. В. королевы эллиновъ.
18. *1 августа 1889 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію № 16.
19. *10 іюня 1890 г.* То же, что въ № 1.

---

[1]) Любопытно, что и этотъ циркуляръ, въ которомъ нѣтъ никакого изъятія, изъ круга вопросовъ, доступныхъ печати, изданъ на основаніи ст. 140, а неисполненіе его обѣщано карать по ст. 156... Какъ видно будетъ дальше, такихъ циркуляровъ набирается не мало...

20. *30 іюня 1890 г.* Извѣстія и статьи, касающіяся предметовъ, указанныхъ въ ст. 73 уст. о ценз. и печ., могутъ быть перепечатываемы безъ всякаго разрѣшенія лишь изъ „Правительственнаго Вѣстника“ [1]), изъ всѣхъ же другихъ изданій, не исключая и финляндскихъ газетъ, перепечатывать можно лишь съ разрѣшенія министерства импер. двора.

21. *8 января 1891 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію № 9.

22. *18 января 1891 г.* То же, что въ № 1.

23. *8 августа 1891 г.* Избѣгать опечатокъ въ титулахъ и именахъ Высочайшихъ особъ [2])

24. *23 марта 1892 г.* Не перепечатывать изъ протоколовъ о засѣданіи и конференціи И. В.—Мед. Академіи извѣстія о посѣщеніи 3 марта означенной академіи Государемъ Императоромъ.

25. *29 ноября 1892 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній о присутствованіи вел. кн. Сергѣя Михайловича при распредѣленіи новобранцевъ по полкамъ.

26. *17 января 1894 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о ходѣ болѣзни Государя Императора.

27. *18 января 1894 г.* Кромѣ указаннаго въ № 26, не помѣщать никакихъ извѣстій и о молебствіяхъ, совершаемыхъ за здравіе Государя Императора.

28. *21 сентября 1894 г.* Не помѣщать никакихъ статей и извѣстій о болѣзни Государя Императора, кромѣ офиціальныхъ бюллетеней.

29. *6 октября 1894 г.* Принять всѣ мѣры къ тому, чтобы въ экземплярахъ газетъ, отправляемыхъ въ Ливадію, были исключаемы всѣ извѣстія и статьи о болѣзни Государя Императора [3]).

30. *14 октября 1894 г.* Не только не перепечатывать, но и не дѣлать никакихъ указаній на совершенно нелѣпое извѣстіе о причинѣ болѣзни Государя Императора, помѣщенное въ газетѣ „Secolo“ и „Le journal“, и на другія имъ подобныя.

31. *21 октября 1894 г.* Не перепечатывать статьи „Болѣзнь

---

[1]) Ниже будемъ называть: „П. В.“

[2]) Необходимо прочесть выноску къ циркуляру № 9.

[3]) То же, въ сущности, ужъ совсѣмъ не подходитъ даже подъ самое произвольное толкованіе ст. 140, но, несомнѣнно, она играла здѣсь роль, сопровождаемая статьею 156.

царя и знаменіе времени", помѣщенной въ „Москов. Вѣдомостяхъ" 19 октября 1894 г.

32. *28 октября 1894 г.* То же, что въ № 1.

33. *9 ноября 1894 г.* Не помѣщать совершенно статей о болѣзни и лѣченіи въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.

34. *9 іюля 1896 г.* Акты, отъ Высочайшихъ особъ исходящіе, могутъ быть помѣщаемы не прежде опубликованія ихъ въ офиціальныхъ изданіяхъ или не иначе, какъ всякій разъ съ особаго на то разрѣшенія министерства импер. двора.

35. *іюль 1896 г.* [1]) То же, что въ № 1.

36. *14 августа 1896 г.* То же, что въ № 1.

37. *16 января 1897 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и упоминаній о пріѣздѣ въ Россію Е. И. В. вел. кн. Михаила Михайловича, о пребываніи его здѣсь и обратномъ отъѣздѣ за границу.

38. *27 марта 1898 г.* То же, что въ № 1.

39. *17 іюня 1898 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о болѣзни принца Сіамскаго, кромѣ печатаемыхъ въ „П. В.".

40. *18 ноября 1898 г.* Не помѣщать ничего объ иностранныхъ высочайшихъ особахъ, во время пребыванія ихъ въ Россіи, безъ разрѣшенія министерства импер. двора.

41. *7 іюля 1899 г.* То же, что въ № 1.

42. *27 марта 1900 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о заграничномъ путешествіи Е. И. В. вел. кн. Георгія Михайловича.

43. *22 апрѣля 1900 г.* Отмѣняется циркуляръ № 42.

44. *7 іюня 1900 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о присутствованіи Е. И. В. вел. кн. Анастасіи Михайловны на спускѣ въ Тулонѣ броненосца „Баянъ".

45. *29 ноября 1900 г.* Не помѣщать, безъ разрѣшенія министерства импер. двора, извѣстій о выздоровленіи Государя Императора и о благодарностяхъ его за выраженныя по сему случаю чувства.

46. *30 мая 1901 г.* Не помѣщать никакихъ слуховъ, замѣтокъ и извѣстій по поводу какихъ-либо сухопутныхъ или морскихъ путешествій Е. И. В. Государя Императора, о которыхъ не будетъ сообщено въ „П. В."

47. *23 августа 1901 г.* Все, что касается путешествія Ихъ И.

---

[1]) Число неизвѣстно.

В. за границею, редакторы могутъ заимствовать изъ „Рус. Инвалида“ и „П. В.“ Самостоятельныя корреспонденціи помѣщать лишь съ разрѣшенія путевой канцеляріи Е. И. В.; перепечатки изъ иностранныхъ газетъ—съ разрѣшенія министерства импер. двора; снимки съ фотографій и рисунковъ иностранныхъ изданій—съ разрѣшенія путевой канцеляріи или министерства импер. двора.

48. *16 мая 1902 г.* Не печатать никакихъ сообщеній о выѣздѣ за границу Е. И. В. вел. кн. Павла Александровича.

49. *14 августа 1902 г.* Предлагается болѣе тщательно относиться къ корректурѣ извѣстій придворной хроники и печатать описанія торжествъ и пріемовъ, происходящихъ при Высоч. дворѣ, въ томъ именно видѣ, какъ они разрѣшены канцеляріей министерства импер. двора. Въ случаѣ невозможности помѣстить статью полностью, необходимо дѣлать сокращенія не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія той же цензуры на точномъ основаніи ст. 73 уст. о ценз. и печати [1]).

50. *4 октября 1902 г.* При сокращеніи придворныхъ извѣстій представляется цѣлесообразнымъ установить, чтобъ редакторы точно преподали своимъ корректорамъ: 1) чтобы поименованіе всѣхъ Выс. особъ не повторялось нѣсколько разъ; 2) чтобы перечислялись по званіямъ и титуламъ лишь лица, находящіяся въ исключительныхъ условіяхъ, какъ-то: дежурные, несущіе какія либо обязанности при тѣхъ или другихъ церемоніяхъ и т. п. Весьма дѣйствительною мѣрою было бы сокращеніе статей при участіи самихъ придворныхъ корреспондентовъ. Кромѣ того, сообщать о пріѣздахъ главъ иностранныхъ державъ не иначе, какъ послѣ справки о томъ въ министерствѣ импер. двора.

51. *30 марта 1903 г.* Извѣстія придворной хроники изъ Москвы, передаваемыя по телефону, помѣщать не иначе, какъ по полученіи письменной корреспонденціи, удостовѣренной разрѣшительною подписью придворной цензуры.

II. Церковь [2]).

52. *9 января 1874 г.* „При описаніи безпорядковъ, происшедшихъ въ уніатскихъ приходахъ Сѣдлецкой губ., воздерживаться отъ

---

[1]) Циркуляръ весьма оригинальный, совершенно не считающійся съ правомъ редакціи вполнѣ распоряжаться мѣстомъ въ своихъ изданіяхъ. . .

[2]) №№ 52—56 были отмѣнены циркуляромъ 14 февраля 1897 г., № 57—цир-

сообщенія подробностей слишкомъ рѣзкихъ, могущихъ возбудить общественное мнѣніе противъ административныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ".

53. *15 іюня 1874 г.* Не помѣщать извѣстій о греко-уніатскихъ дѣлахъ въ Холмской епархіи.

54. *26 іюля 1889 г.* Въ случаѣ помѣщенія святоотческихъ поученій или иныхъ статей, подлежащихъ духовной цензурѣ, на основаніи стат. 8, 31, 32 и 226, одновременно съ представленіемъ нумера въ цензурный комитетъ, представлять и дозволенной духовной цензурой оригиналъ статьи.

55. *22 апрѣля 1894 г.* Въ свѣтскихъ повременныхъ изданіяхъ не должны быть помѣщаемы сочиненія и статьи церковнаго и догматическаго характера безъ дозволенія ихъ духовно-цензурными комитетами.

56. *14 октября 1894 г.* Въ январѣ н. года въ Воронежской городской тюрьмѣ умеръ послѣдователь толстовскаго ученія, крестьянинъ Евдокимъ Никитичъ Дрожжинъ, который, будучи въ 1891 г. призванъ къ отбыванію воинской повинности, отказался отъ принятія присяги, ношенія оружія и изученія военнаго дѣла, за что былъ переведенъ въ дисциплинарный батальонъ и затѣмъ въ тюрьму. Теперь послѣдователи толстовскаго ученія озабочены возможно широкимъ оглашеніемъ въ печати исторіи Дрожжина съ цѣлью выставить его мученикомъ за свои религіозныя убѣжденія. Не помѣщать никакихъ статей и замѣтокъ о Дрожжинѣ.

57. *8 января 1898 г.* Не помѣщать, впредь до разъясненія, заявленіе бывшаго члена Іерусалимской духовной миссіи, іеромонаха Павла, о существующихъ будто бы въ миссіи безпорядкахъ.

58. *11 января 1900 г.* Не перепечатывать изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 7) и „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 9) сообщенія о предстоящемъ будто бы разсмотрѣніи въ особой коммиссіи вопроса о мѣрахъ къ предупрежденію распространія раскола и вообще не касаться мѣръ правительства по расколу за послѣднее время.

59. *11 декабря 1900 г.* Не именовать старообрядческихъ наставниковъ архіереями.

куляромъ 4 августа 1899 г., а изъ №№ 58—66 циркуляромъ 22 іюля 1902 г. сохранены №№ 58, 60 и 62, которые дѣйствительны и въ настоящее время.

60. *24 февраля 1901 г.* Не помѣщать никакихъ обсужденій опредѣленія св. синода 20 и 22 февраля объ отлученіи отъ церкви гр. Л. Н. Толстого.

61. *мартъ 1901 г.* [1]). Не помѣщать телеграммъ и извѣстій о выраженіи сочувствія отлученному отъ церкви гр. Л. Н. Толстому.

62. *22 іюня 1901 г.* Не перепечатывать изъ іюльской книжки „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ статью „Новая исповѣдь гр. Л. Н. Толстого“, гдѣ помѣщенъ его „отвѣтъ“ св. синоду.

63. *23 августа 1901 г.* Не перепечатывать письма гр. Сергѣя Толстого изъ № 231 „Новостей“.

64. *3 января 1902 г.* Не помѣщать никакихъ статей и сужденій по поводу доклада М. А. Стаховича на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ о свободѣ совѣсти.

65. *11 февраля 1902 г.* Не помѣщать статей и корреспонденцій, рисующихъ въ преувеличенно благопріятномъ свѣтѣ положеніе и условіе жизни выселившихся изъ Россіи въ Америку духоборовъ.

66. *18 марта 1902 г.* Не перепечатывать изъ № 9351 „Новаго Времени“ циркуляра виленскаго епископа, а равно не помѣщать никакихъ статей по поводу этого циркуляра.

III. Государственный строй, бюрократія, полиція и жандармерія [2]).

67. *6 января 1873 г.* Не помѣщать никакихъ толковъ иностранной прессы о поѣздкѣ графа П. А. Шувалова въ Лондонъ, равно не сообщать и другихъ извѣстій подобнаго рода.

68. *8 іюня 1873 г.* Не помѣщать документовъ или какихъ-либо извѣстій по поводу слуховъ, что совѣтъ Цюрихскаго университета намѣренъ обратиться къ русскому правительству съ протестомъ противъ заявленнаго русскимъ правительствомъ распоряженія о русскихъ женщинахъ, слушающихъ лекціи въ Цюрихскомъ университетѣ.

69. *17 января 1874 г.* Не помѣщать слуховъ объ ожидаемыхъ

---

[1]) Число неизвѣстно.

[2]) Изъ №№ 67—109 этого отдѣла циркуляромъ 14 февраля 1897 г. сохранены №№ 71, 77, 81, 84, 101 и 105.

Изъ №№ 71, 77, 81, 84, 101, 105 и 110—111 циркуляромъ 4 августа 1899 г. сохранены №№ 71, 77, 81, 84 и 105.

Изъ №№ 71, 77, 81, 84, 105 и 111—119 сохранены первые пять и съ № 120—124 они дѣйствительны по настоящій день.

перемѣщеніяхъ въ личномъ составѣ высшихъ административныхъ должностныхъ лицъ.

70. *28 мая 1875 г.* Не помѣщать статей, оскорбительныхъ для лицъ, находящихся на государственной службѣ.

71. *18 іюня 1877 г.* Не помѣщать какіе бы то ни было акты государственнаго значенія ранѣе опубликованія ихъ въ установленномъ закономъ порядкѣ.

72. *4 марта 1881 г.* „Нѣкоторые органы печати, ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства, позволяютъ себѣ помѣщать статьи, въ которыхъ выражаютъ вполнѣ неумѣстныя сужденія о необходимости измѣненія нашего государственнаго строя, а также высказываются сомнѣнія въ недостаткѣ истиннаго патріотизма въ высшихъ слояхъ общества, будто бы равнодушнаго къ интересахъ народа. Принимая въ соображеніе, что чрезвычайныя обстоятельства именно и обязываютъ печать къ особой сдержанности въ сужденіяхъ, дабы не усиливать смуты, порожденной въ обществѣ страшнымъ постигшимъ Россію событіемъ, главное управленіе по дѣламъ печати предупреждаетъ, что на будущее время помѣщеніе статей подобнаго содержанія неминуемо повлечетъ за собою принятіе мѣры взысканія, указанной въ ст. 156, т. е. пріостановленіе изданія“ [1]).

73. *21 апрѣля 1881 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о выходѣ въ отставку гр. Лорисъ-Меликова, Д. А. Милютина и А. Абазы, какъ вмѣстѣ, такъ и порознь.

74. *1 мая 1881 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о слухахъ по поводу перемѣнъ въ личномъ составѣ государственныхъ чиновъ.

75. *25 мая 1881 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 74.

76. *10 іюля 1881 г.* Не помѣщать никакихъ „намековъ на необходимость измѣненія нашего государственнаго строя, о земскомъ соборѣ, о центральныхъ съѣздахъ представителей земства и т. п.“.

77. *16 іюля 1881 г.* Не оглашать, безъ разрѣшенія подлежащаго начальства, офиціальные документы и свѣдѣнія.

---

[1]) Циркуляровъ съ подобнымъ концомъ, какъ этотъ, я привожу очень много, но лишь для сокращенія мѣста опускаю, какъ уже было указано выше, подлинный ихъ текстъ.

78. *17 августа 1881 г.* Не помѣщать никакихъ неблагопріятныхъ отзывовъ о дѣятельности бывшаго петербургскаго градоначальника, генерала Баранова.
79. *4 октября 1881 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о расхищеніи земель въ Оренбургской губерніи.
80. *6 ноября 1882 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 74.
81. *25 апрѣля 1883 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній какъ о личномъ составѣ сыскной полиціи, такъ и о дѣятельности ея.
82. *17 сентября 1883 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о полицейскихъ распоряженіяхъ по случаю похоронъ И. С. Тургенева.
83. *7 октября 1884 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 74.
84. *18 февраля 1888 г.* Не помѣщать никакихъ статей, свѣдѣній и извѣстій о происходящихъ въ государственномъ совѣтѣ сужденіяхъ.
85. *10 іюня 1888 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ административныхъ мѣропріятіяхъ въ Одессѣ.
86. *24 іюня 1889 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей по дѣлу объ оскорбленіи курскимъ дворяниномъ Жиляевымъ уѣзднаго предводителя дворянства впредь до полнаго выясненія обстоятельства этого дѣла.
87. *4 января 1889 г.* Относиться съ особою осторожностью къ широкому толкованію такихъ опредѣленій сената, которыя обращены къ мѣстнымъ властямъ по отдѣльнымъ дѣламъ и вопросамъ, не придавая имъ характеръ общихъ разъясненій, которымъ они и по закону не пользуются.
88. *10 декабря 1889 г.* Не помѣщать никакихъ обсужденій и извѣстій объ административныхъ мѣрахъ временнаго одесскаго генералъ-губернатора, принятыхъ имъ въ послѣднее время.
89. *23 марта 1892 г.* Не помѣщать ничего о болѣзни предсѣдателя комитета министровъ, Н. Х. Бунге.
90. *29 ноября 1892 г.* Не касаться больше фактовъ, разъясненныхъ въ № 245 „П. В.“ въ сообщеніи С. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи о дѣлахъ воспитательнаго дома въ Любанскомъ округѣ.
91. *28 сентября 1893 г.* Не помѣщать судебнаго отчета по слу-

шавшемуся 22 сентября въ публичномъ засѣданіи Одесской судебной палаты дѣлу о винницкомъ уѣздномъ исправникѣ Пенежкевичѣ, обвинявшемся въ преступленіяхъ по должности, и не сообщать никакихъ свѣдѣній по этому дѣлу.

92. *10 ноября 1893 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о дѣлѣ по оскорбленію полицейскаго пристава Брикингофа, которое назначено къ слушанію въ Спб. окружномъ судѣ на 11 ноября.

93. *7 декабря 1893 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о бывшемъ казанскомъ полицеймейстерѣ Панфиловѣ, которое на дняхъ будетъ слушаться въ сенатѣ.

94. *8 марта 1894 г.* Не помѣщать никакихъ отчетовъ по дѣлу, слушавшемуся на дняхъ въ Одесскомъ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ о присяжномъ стряпчемъ Пеликанѣ, обвинявшемся въ нанесеніи оскорбленія одесскому полицеймейстеру.

95. *26 марта 1894 г.* „Въ одной московской газетѣ появилась статья о необходимости празднованія 750-лѣтняго юбилея Москвы. По сему поводу главное управленіе считаетъ необходимымъ предупредить г.г. редакторовъ, что возбужденіе вопросовъ объ юбилеяхъ, имѣющихъ государственное значеніе, вовсе не подлежитъ частной иниціативѣ, а потому никакія статьи въ этомъ смыслѣ не должны быть печатаемы".

96. *5 апрѣля 1894 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ имѣющемъ быть сегодня чествованіи 25-лѣтняго юбилея начальника петербургской рѣчной полиціи, полковника Васенка.

97. *5 апрѣля 1894 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій, „тѣмъ болѣе разсужденій объ одномъ полицейскомъ чиновникѣ по поводу его денежныхъ разсчетовъ съ купцомъ Шифлеромъ".

98. *4 іюля 1894 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о слѣдствіи произведенномъ о жандармскомъ офицерѣ Бруни, убитомъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ.

99. *22 марта 1895 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 74.

100. *3 мая 1895 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 84.

101. *17 апрѣля 1896 г.* Не помѣщать слуховъ о назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ на государственной службѣ.

102. *19 мая 1896 г.* Не помѣщать невѣрныхъ и преувеличенныхъ слуховъ, несогласныхъ съ правительственнымъ сообщеніемъ,

которое появится въ „П. В.“, о происшествіи на народномъ гуляньѣ на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ.

103. *9 іюля 1896 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 101.

104. *18 іюля 1896 г.* „Обсужденіе Высочайшихъ указовъ относительно несчастій, случившихся на Ходынскомъ полѣ въ дни священнаго коронованія, производить въ духѣ безпристрастія и спокойствія, избѣгая тона и выраженій, могущихъ волновать страсти, и тщательно воздерживаясь отъ всякихъ разглагольствованій о дѣйствіяхъ высшей мѣстной администраціи по устройству народнаго гулянья на Ходынскомъ полѣ. При этомъ редакціи не преминутъ держаться въ предѣлахъ правительственныхъ сообщеній относительно фактической стороны ходынскаго происшествія, какъ то было указано въ распоряженіи отъ 9 мая“.

105. *11 октября 1896 г.* Печатать всякаго рода циркулярныя распоряженія правительственныхъ учрежденій и лицъ не ранѣе опубликованія ихъ офиціальнымъ порядкомъ или же по представленіи цензурѣ удостовѣреній подлежащаго начальства о неимѣніи препятствій къ отпечатанію сдѣланнаго имъ распоряженія.

106. *26 октября 1896 г.* Не помѣщать въ губернскихъ вѣдомостяхъ и другихъ офиціальныхъ органахъ общихъ итоговъ переписи, выведенныхъ мѣстными переписными коммисіями. Что же касается сообщеній о дѣйствіяхъ мѣстныхъ переписныхъ органовъ во время самаго производства переписи, то не помѣщать ихъ вообще въ печати совершенно впредь до окончанія на мѣстахъ всей переписной операціи, т. е. до 1 февраля 1897 года.

107. *25 ноября 1896 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 106.

108. *3 декабря 1896 г.* Всякія свѣдѣнія, касающіяся переписи, помѣщать не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія вице-предсѣдателя главной переписной коммисіи.

109. *31 января 1897 г.* Отмѣняется циркуляръ № 108.

110. *24 марта 1899 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ отъѣздѣ министра внутреннихъ дѣлъ изъ Петербурга на нѣкоторое время.

111. *29 іюля 1899 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о столкновеніи Нотеса съ одесскою полиціею.

112. *31 октября 1899 г.* Невѣрно передавшимъ содержаніе рѣчей министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина и барона Икскуля предлагается перепечатать подлинныя рѣчи изъ № 238 „П. В".

113. *4 іюля 1900 г.* Не подлежатъ оглашенію: 1) обстоятельства дѣла объ арендѣ Липецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, ст. сов. Кожинымъ и Тамбовскимъ металлургическимъ обществомъ надѣльныхъ земель одинадцати сельскихъ обществъ Липецкаго уѣзда для разработки рудныхъ мѣсторожденій, 2) имѣющія послѣдовать распоряженія высшаго правительства по сему дѣлу и 3) иски и судебныя производства по спорамъ между названнымъ обществомъ и Кожинымъ, подлежащимъ слушанію какъ въ Елецкомъ окружномъ судѣ 5 іюля, такъ въ Московскомъ судѣ и другихъ судахъ.

114. *10 марта 1901 г.* Временно не помѣщать никакихъ отчетовъ о судебныхъ процессахъ, возбуждаемыхъ противъ чиновъ полиціи, и обсужденій этихъ дѣлъ.

115. *5 мая 1901 г.* Не помѣщать извѣстій по поводу растратъ въ Императорскомъ женскомъ патріотическомъ обществѣ, кромѣ оглашенія самаго факта растраты.

116. *11 мая 1901 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 115.

117. *11 іюля 1901 г.* Помѣщать всякаго рода извѣстія о путешествіи министра внутреннихъ дѣлъ только съ разрѣшенія помощника управляющаго земскимъ отдѣломъ въ званіи камергера Высочайшаго двора ст. сов. Арбузова, сопровождающаго министра въ его путешествіи.

118. *11 августа 1901 г.* Всѣ циркулярныя и другія распоряженія правительственныхъ лицъ и учрежденій печатать не ранѣе опубликованія ихъ во всеобщее свѣдѣніе тѣми учрежденіями и лицами, отъ коихъ они исходятъ.

119. *29 марта 1902 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о происшествіи, бывшемъ съ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ 27 марта.

120. *13 августа 1902 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о прибытіи и пребываніи въ Петербургѣ харьковскаго губернатора, кн. Оболенскаго.

121. *11 ноября 1903 г.* Не помѣщать никакихъ статей до окончанія судебнаго процесса о кишиневскихъ безпорядкахъ.

122. *29 іюля 1904 г.* Не помѣщать никакихъ статей о кабинетѣ министровъ.

123. *6 ноября 1904 г.* Не перепечатывать никакихъ статей изъ № 1 „Нашей Жизни“ и вообще ничего не помѣщать о народномъ представительствѣ.

124. *14 ноября 1904 г.* Не перепечатывать изъ № 46 „Право“ статьи „Война и отечество“.

IV. Армія и флотъ [1]).

125. *29 іюля 1873 г.* Не перепечатывать изъ № 68 „Кавказа“ и № 160 „Москов. Вѣдомостей“ статьи о красноводскомъ отрядѣ.

126. *14 марта 1876 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о мобилизаціи нашей арміи и о военныхъ приготовленіяхъ вообще.

127. *2 ноября 1876 г.* Не помѣщать никакихъ распоряженій военнаго вѣдомства, особенно же о дислокаціи и передвиженіи войскъ, кромѣ официально объявленныхъ въ „Рус. Инвалидѣ“.

128. *19 ноября 1876 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о нашихъ военныхъ приготовленіяхъ, а равно о предварительныхъ соображеніяхъ и разъясненіяхъ касательно могущихъ послѣдовать военныхъ дѣйствій съ нашей стороны, за исключеніемъ печатаемаго въ „Рус. Инвалидѣ“ и „П. В“.

129. *28 января 1881 г.* Подтверждается по строгому и точному исполненію циркуляръ № 126.

130. *3 октября 1881 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 127.

131. *24 декабря 1881 г.* Не помѣщать никакихъ статей и извѣстій о происшествіяхъ въ арміи и явленіяхъ во внутренней жизни ея отдѣльныхъ частей.

---

[1]) Изъ №№ 125—172 циркуляромъ 14 февраля 1897 года оставлены въ силѣ №№ 126, 129, 131, 150 и 171.

Изъ №№ 126, 129, 131, 150, 171 и 173—177 циркуляромъ 4 августа 1899 г. сохранены №№ 126, 131, 150, 171 и 173.

Изъ №№ 126, 131, 150, 171, 173 и 178—183 циркуляромъ 22 іюля 1902 г. оставлены въ силѣ №№ 126, 131, 150, 173, 178 и 181, которые вмѣстѣ съ №№ 184—200 и дѣйствительны до настоящаго времени.

132. *6 мая 1882 г.*
133. *9 мая 1882 г.*
134. *12 іюля 1882 г.*
135. *2 ноября 1882 г.*

То же, что и въ № 129.

136. *28 января 1883 г.* [1])
137. *14 мая 1883 г.* [1])
138. *24 августа 1883 г.* То же что и въ № 129.
139. *22 сентября 1883 г.* [1]).
140. *9 сентября 1884 г.* То же, что и въ № 129.
141. *12 февраля 1885 г.* [1]).
142. *7 октября 1885 г.*
143. *15 декабря 1885 г.*
144. *27 марта 1886 г.*

То же, что и въ № 129.

145. *22 мая 1886 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о столкновеніи, происшедшемъ въ 1885 г. между командующимъ одной изъ кавалерійскихъ дивизій и командиромъ полка.
146. *22 іюня 1886 г.* [1]).
147. *12 августа 1886 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній и сужденій объ имѣющихъ происходить въ окрестностяхъ Брестъ-Литовска маневровъ, кромѣ печатаемыхъ въ „Р. И.“ и „П. В“.
148. *21 августа 1886 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о столкновеніи въ Крестовскомъ саду вечеромъ 20 августа между двумя гвардейскими офицерами и публикой.
149. *23 октября 1886 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о Закаспійской военной жел. дорогѣ.
150. *24 ноября 1886 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и слуховъ о нашихъ военныхъ силахъ и боевой готовности.
151. *16 января 1887 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 129.
152. *21 августа 1887 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 145.
153. *15 ноября 1890 г.* Не помѣщать неосновательныхъ и невѣрныхъ свѣдѣній о всякаго рода предположеніяхъ военнаго министерства, особенно же о покупкѣ помѣстій въ Юго-Западномъ краѣ.
154. *20 марта 1891 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 145.

---

[1]) Содержаніе этихъ циркуляровъ мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

155. *28 апрѣля 1892 г.* [1]).
156. *24 сентября 1892 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ убіеніи сотника Иловайскаго сотникомъ Жеребцовымъ.
157. *25 сентября 1892 г.* Не помѣщать отчетъ о дѣлѣ ген.-лейт. Розенкампфа, слушавшагося при закрытыхъ дверяхъ.
158. *7 ноября 1892 г.* Но помѣщать по дѣлу ген.-лейт. Розенкампфа приговора и вообще какихъ-либо свѣдѣній.
159. *8 декабря 1892 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 150.
160. *1892 г.* [2]). Не помѣщать статей и извѣстій, оскорбительныхъ для чести русскаго войска, или могущихъ ослабить уваженіе публики къ военному сословію.
161. *4 февраля 1893 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній о публичной лекціи художника В. В. Верещагина, читанной имъ въ городской думѣ, особенно же о его заявленіи объ офицерахъ, уклоняющихся отъ дѣйствія въ сферѣ губительнаго огня и въ то же время, посылающихъ туда солдатъ.
162. *13 сентября 1893 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о дуэли, состоявшейся 12 сентября между двумя гвардейскими офицерами съ кн. Накашидзе.
163. *6 октября 1893 г.* [3]).
164. *24 ноября 1893 г.* Не помѣщать никакихъ статей, касающихся морского ценза.
165. *23 декабря 1893 г.* Не помѣщать ничего о скоропостижной смерти лейтенанта Шведе I, возвращавшагося изъ Енисейской экспедиціи.
166. *12 октября 1894 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и извѣстій объ арестѣ офицера одного изъ полковъ, расположенныхъ въ Петербургѣ.
167. *11 ноября 1894 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о дуэли, состоявшейся въ Кавалергадскомъ Ея Величества полку.
168. *22 апрѣля 1895 г.* То же, что и въ № 154.
169. *29 апрѣля 1895 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 131.
170. *28 іюля 1895 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о происшестіи 27 іюля въ 90-мъ пѣх. Онежскомъ полку.

---

[1]) Содержаніе этого циркуляра мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.
[2]) Число и мѣсяцъ неизвѣстны.
[3]) Содержаніе неизвѣстно.

171. *2 ноября 1895 г.* Не помѣщать никакихъ самостоятельныхъ извѣстій о Черноморскомъ флотѣ.

172. *30 января 1896 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ убійствѣ и пораненіяхъ, совершонныхъ на Подольской ул. (Петербурга) 29 января казакомъ (шорникомъ) л.-гв. Казачьяго Его Величества полка.

173. *22 октября 1897 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей объ организаціи охраны Китайской Восточной жел. дороги и о формируемой обществомъ ея охранной стражѣ для строющейся линіи черезъ Манчжурію.

174. *6 февраля 1898 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о злоупотребленіяхъ при поставкѣ угля для Черноморскаго флота одесскимъ купцомъ Шполянскимъ и др. подрядчиками.

175. *12 іюля 1898 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о вооруженныхъ силахъ цивилизованныхъ государствъ ранѣе обнародованія ихъ въ „П. В.“.

176. *9 сентября 1898 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о смотрахъ севастопольскимъ морскимъ и военнымъ силамъ.

177. *20 января 1899 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 173.

178. *14 октября 1899 г.* Не помѣщать статей или извѣстій объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, а равно свѣдѣній о предположеніяхъ по этому предмету военнаго министерства.

179. *4 іюля 1900 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о предстоящихъ перевозкахъ войскъ и военныхъ грузовъ на Дальній Востокъ и о дѣйствіяхъ правительства по сему предмету.

180. *11 іюля 1900 г.* „Въ 1877 г., на время русско-турецкой войны были установлены особыя правила о предварительномъ просмотрѣ въ особой коммисіи при Главномъ Штабѣ, подъ предсѣдательствомъ начальника его, всѣхъ касающихся дѣйствій нашей арміи извѣстій и статей, предназначаемыхъ къ напечатанію въ повременныхъ изданіяхъ. Хотя въ настоящее время правительство, въ надеждѣ на благоразуміе и патріотичность, и не прибѣгаетъ пока къ учрежденію подобной коммисіи, тѣмъ не менѣе управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, обративъ вниманіе на помѣщаемыя въ газетахъ совершенно ложныя свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ и признавая, что опубликованіе подобныхъ извѣстій не можетъ быть терпимо, приказать изволилъ (! sic), чтобы редакціи повременныхъ изданій соблюдали осо-

бую осторожность при печатаніи означенныхъ извѣстій и статей, относящихся до столкновенія съ Китаемъ, и не помѣщали непровѣренныхъ тревожныхъ слуховъ, могущихъ волновать публику".

181. *16 іюля 1900 г.* Разъяснено, что циркуляръ № 179 имѣетъ въ виду необходимое во время военныхъ дѣйствій сохраненіе тайны о движеніи нашихъ войскъ и военныхъ грузовъ во время пути, о конечномъ пунктѣ ихъ направленія, а равно и о распоряженіяхъ правительства по сему предмету.

182. *26 августа 1901 г.* Не перепечатывать изъ № 98 „Степного Края" приказъ по Сибирскому военному округу о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, наложенныхъ на нѣсколькихъ офицеровъ Омскаго резервнаго баталіона.

183. *17 іюня 1902 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о состоявшейся въ Николаевской Морской Академіи военно-морской стратегической игрѣ.

184. *4 декабря 1903 г.* Сообщенія, касающіяся войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, если они не заимствуемы изъ „Русск. Инв.", печетать не иначе, какъ съ разрѣшенія военнаго цензора, генеральнаго штаба подполковника Бѣляева.

185. *7 февраля 1904 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и извѣстій о принятіи мѣръ къ обезпеченію могущихъ возникнуть потребностей въ транспортныхъ средствахъ для перевозки войскъ и военныхъ грузовъ на Дальній Востокъ и въ предѣлахъ Европейской Россіи.

186. *24 февраля 1904 г.* Не помѣщать депешъ начальниковъ частей о прибытіи ихъ въ опредѣленные пункты.

187. *16 марта 1904 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о покупкѣ нашимъ правительствомъ большого нѣмецкаго парохода.

188. *16 марта 1904 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и извѣстій объ усиленіи нашего флота.

189. *19 марта 1904 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о крейсерѣ „Бояринъ".

190. *26 марта 1904 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и извѣстій, получаемыхъ съ мѣста сраженія или изъ частей, бывшихъ въ бояхъ, безъ разрѣшенія особой коммисіи по цензированію военныхъ извѣстій.

191. *24 апрѣля 1904 г.* Не помѣщать свѣдѣній о мѣрахъ къ усиленію нашего флота, о нашихъ судахъ, приготовляющихся

къ уходу въ Тихій океанъ, о ходѣ на нихъ работъ, объ испытаніяхъ, времени ихъ готовности и т. п.

192. *12 мая 1904 г.* Не помѣщать во время военныхъ дѣйствій никакихъ свѣдѣній о пропускной и провозной способности сибирскихъ дорогъ, о планахъ ихъ усиленія, о планахъ перевозки войскъ, объ организаціи Байкальской переправы и вообще никакихъ свѣдѣній о выполненіи военныхъ перевозокъ.

193. *26 мая 1904 г.* Не помѣщать совершенно никакихъ сообщеній о прибытіи и отбытіи военныхъ и частныхъ судовъ во Владивостокъ и изъ него, безъ разрѣшенія военной цензуры.

194. *15 іюня 1904 г.* Не перепечатывать изъ вечерняго номера „Биржевыхъ Вѣдомостей“ 15 іюня телеграмму изъ Лондона отъ словъ: „эскадренный броненосецъ *Севастополь*“ и кончая словами: „крейсеръ *Діана* также потерялъ боевую способность“.

195. *19 іюня 1904 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній объ отбытіи изъ Либавы подъ коммерческимъ флагомъ „Дона“, „Терека“, „Кубани“ и „Урала“ и изъ Севастополя „С.-Петербурга“ и „Смоленска“.

196. *28 іюня 1904 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній о передвиженіи судовъ даже изъ одного порта въ другой.

197. *12 іюня 1904 г.* Не помѣщать ничего о захватѣ иностранныхъ судовъ нашими крейсерами въ Красномъ морѣ.

198. *29 іюля 1904 г.* Не перепечатывать изъ „Котлина“ приказъ вице-адмирала Бирилева о началѣ кампаніи эскадрою контръ-адмирала Рожественскаго.

199. *17 ноября 1904 г.* Всѣ свѣдѣнія о происходящихъ въ Высочайшемъ присутствіи смотрахъ флота, парадовъ, маневровъ и и пр. направлять на предварительное разсмотрѣніе главнаго морского штаба.

200. *6 декабря 1904 г.* Частныя сообщенія о сегодняшнемъ несчастномъ случаѣ во время водосвятія у Зимняго Дворца могутъ печататься лишь съ разрѣшенія министерства Императорскаго Двора.

V. Общественная жизнь [1]).

201. *7 октября 1876 г.* Не помѣщать всеподданнѣйшій адресъ

---

[1]) Изъ №№ 201—220 этого отдѣла циркуляромъ 14 февраля 1897 г. были сохранены №№ 202 и 219.

Изъ №№ 202, 219 и 221—223 циркуляромъ 4 августа 1899 г. сохранены всѣ, кромѣ № 221.

Изъ №№ 202, 219, 222 и 223 циркуляромъ 22 іюля 1902 г. сохранены и дѣйствуютъ по сей день всѣ; №№ 224—229 тоже все еще въ силѣ.

московской городской думы, о которомъ было возвѣщено въ газетахъ 6 октября.

202. *8 октября 1876 г.* Не помѣщать всеподданнѣйшихъ адресовъ безъ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, а равно слуховъ о предполагаемомъ составленіи и представленіи ихъ.

203. *11 октября 1876 г.* Не помѣщать никакихъ коллективныхъ заявленій, писемъ и т. п.

204. *6 ноября 1876 г.* Не помѣщать никакихъ всеподданнѣйшихъ адресовъ ранѣе обнародованія ихъ въ „П. В.“

205. *28 мая 1881 г.* Не помѣщать сообщеній о противозаконныхъ заявленіяхъ, дѣлаемыхъ на земскихъ собраніяхъ и въ городскихъ думахъ, о ихъ постановленіяхъ и приговорахъ и въ особенности адресахъ, безъ предварительнаго рязрѣшенія подлежащихъ властей.

206. *4 іюня 1881 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 205.

207. *22 іюня 1882 г.* Не помѣщать постановленій земскихъ собраній и городскихъ думъ, несоотвѣтствующихъ правамъ и обязанностямъ этихъ учрежденій.

208. *2 января 1883 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 207.

209. *29 января 1883 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній о мѣрахъ, принятыхъ по отношенію Новгородскаго губернскаго земства.

210. *25 іюля 1887 г.* Въ случаѣ помѣщенія рѣчи московскаго городскаго головы о кончинѣ Каткова, печатать ее только въ томъ видѣ, въ какомъ она, съ разрѣшенія московскаго генералъ-губернатора, напечатана въ № 202 „Москов. Вѣдомостей“.

211. *28 ноября 1888 г.* „Въ послѣднее время въ газетахъ начали появляться статьи о городскихъ выборахъ, отличающіяся крайнею запальчивостью и которыя подъ видомъ защиты министерскихъ циркуляровъ, вводятъ непосвященныхъ въ заблужденіе относительно истиннаго положенія вещей. Воздерживаться отъ излишнихъ и страстныхъ сужденій по поводу происходящихъ выборовъ и правительственныхъ мѣропріятій къ ихъ упорядоченію“.

212. *27 апрѣля 1889 г.* Не помѣщать никакихъ статей о городскихъ выборахъ въ Петербургѣ.

213. *26 января 1890 г.* Не помѣщать, до окончанія слѣдствія, ни-

какихъ подробностей о растратѣ земскихъ суммъ въ Калужской губерніи и не высказывать о ней никакихъ сужденій.

214. *23 сентября 1892 г.* Не перепечатывать изъ „Новостей“ адресъ и дипломъ предсѣдателю санитарной коммисіи петербургской городской управы Н. А. Нечаеву.

215. *2 апрѣля 1893 г.* „Воздержаться отъ полемики по дѣлу выборовъ въ Петербургскую городскую думу и вообще не печатать по этому предмету никакихъ статей, такъ какъ всякое постороннее вмѣшательство, разжигая страсти и не принося существенной пользы дѣлу, можетъ лишь обострить отношенія между избирателями и напрасно волновать общество“.

216. *7 мая 1893 г.* Не помѣщать болѣе никакихъ статей, какъ оригинальныхъ, такъ и заимствованныхъ изъ иностранныхъ изданій, касательно порядка пополненія недоизбранныхъ гласныхъ Петербургской городской думы по новому городовому положенію и о распоряженіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ Плеве.

217. *22 апрѣля 1895 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и слуховъ о предположеніяхъ правительства относительно преобразованія комитетовъ грамотности, впредь до окончательнаго, въ установленномъ порядкѣ, разрѣшенія этого дѣла.

218. *2 октября 1896 г.* Не помѣщать никакихъ статей и замѣтокъ по поводу увольненія врача И. И. Молессона отъ должности завѣдующаго медико-статистическимъ отдѣленіемъ Саратовской губ. земской управы.

219. *29 октября 1896 г.* Подтверждается въ отношеніи С.-Петербурга ст. 82 устава о цензурѣ и печати [1]).

220. *10 февраля 1897 г.* Не помѣщать изложенія обстоятельствъ и постановленія Тамбовскаго губ. дворянскаго собранія о Вельяминовѣ и Кожинѣ, бывшаго 9 февраля при закрытыхъ дверяхъ.

221. *24 марта 1897 г.* Не помѣщать никакихъ статей и замѣтокъ, касающихся службы врача Молессона въ Саратовской женской фельдшерской школѣ за время управленія имъ этою школою.

---

[1]) Статья 82 гласитъ: „Состоявшіяся на земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ, а также сужденія, пренія и рѣчи печатаются не иначе, какъ съ разрѣшенія: въ Петербургѣ—градоначальника, въ Москвѣ—генералъ-губернатора, а въ прочихъ городахъ—губернатора“.

222. *19 мая 1897 г.* Не помѣщать никакихъ статей и извѣстій о занятіяхъ совѣщанія по дѣламъ дворянскаго сословія, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Дурново, а равно не печатать какихъ либо по сему предмету сообщеній, приписываемыхъ отдѣльнымъ членамъ этого совѣщанія.

223. *20 апрѣля 1898 г.* Не помѣщать ничего о преобразованіи въ устройствѣ И. Вольно-Экономическаго общества, а также о засѣданіяхъ этого общества, сообщеніяхъ и докладахъ, въ немъ читанныхъ, и о преніяхъ по поводу прочитанныхъ рефератовъ.

224. *22 іюля 1902 г.* „Печатаніе всеподданнѣйшихъ адресовъ, а равно слуховъ о предполагаемомъ или уже послѣдовавшемъ составленіи или представленіи ихъ можетъ быть допущено только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ“.

225. *25 февраля 1903 г.* Не перепечатывать полностью или частями помѣщенное въ № 53 „Русскихъ Вѣдомостей“ письмо предсѣдателя Московской губ. земской управы Д. Н. Шипова, а также не позволять и его обсужденія.

227. *29 ноября 1904 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 224.

228. *1 декабря 1904 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію ст. 82 устава о цензурѣ и печати. Не перепечатывать и не обсуждать сообщенія о засѣданіи Московской городской думы, напечатаннаго 30 ноября въ „Новомъ Времени“ и 1 декабря въ „Руси“.

226. *1 ноября 1904 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о совѣщаніи предсѣдателей земскихъ управъ, предназначенномъ на 6 ноября, а также и никакихъ объ этомъ сужденій.

229. *2 декабря 1904 г.* „Не помѣщать никакихъ статей, сообщеній и извѣстій о какихъ либо касающихся измѣненія нашего государственнаго строя адресахъ, постановленіяхъ, заявленіяхъ и рѣчахъ, имѣвшихъ мѣсто въ земскихъ, городскихъ или сословныхъ собраніяхъ, въ собраніяхъ ученыхъ и иныхъ обществъ и частныхъ лицъ (такъ называемыхъ банкетахъ)“.

VI. Образованіе [1]).

230. *21 октября 1874 г.* Не помѣщать статей непріятныхъ Академіи Художествъ по поводу полемики, возникшей изъ-за отказа художника В. В. Верещагина отъ званія профессора.

231. *25 октября 1874 г.* Не помѣщать ничего о полемикѣ, возбужденной по поводу дѣятельности и сочиненій проф. И. Ѳ. Ціона, равнымъ образомъ о волненіяхъ въ Медико-Хирургической академіи и о принимаемыхъ по этому поводу административныхъ мѣрахъ, за исключеніемъ извѣстій, которыя будутъ обнародованы официально.

232. *18 ноября 1875 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о безпорядкахъ въ Технологическомъ институтѣ, вслѣдствіе которыхъ исключены студенты Варинскій и Кауфманъ, оба высланные уже на родину.

233. *25 января 1877 г.* Не перепечатывать коллективное заявленіе профессоровъ Казанскаго университета противъ профессора Московскаго университета Любимова.

233 bis. *16 февраля 1877 г.* Не помѣщать никакой полемики по поводу дѣла проф. Любимова.

234. *16 апрѣля 1881 г.* Не помѣщать никакихъ статей и извѣстій о какихъ бы то ни было происшествіяхъ и явленіяхъ внутренней жизни всевозможныхъ учебныхъ заведеній.

235. *31 мая 1881 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 234.

236. *4 ноября 1881 г.* То же, что и въ № 235.

237. *26 февраля 1884 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о поздравительныхъ привѣтствіяхъ, посылаемыхъ воспитанниками учебныхъ заведеній.

238. *20 мая 1885 г.* Не помѣщать статей, затрогивающихъ честь И. Академіи Художествъ.

239. *1886 г.* [2]). Не помѣщать никакихъ извѣстій о безпорядкахъ

---

[1]) Изъ №№ 230—255 этого отдѣла циркуляромъ 14 февраля 1897 г. были сохранены №№ 236, 244 и 250.

Изъ №№ 236, 244, 250 и 256—264 циркуляромъ 4 августа 1899 г. сохранены №№ 236, 244, 250, 262 и 263.

Изъ №№ 236, 244, 250, 262, 263 и 265—275 циркуляромъ 22 іюля 1902 г. сохранены и дѣйствуютъ по сей день №№ 236, 244, 250, 262, 266, 272 и 273.

[2]) Число и мѣсяцъ неизвѣстны.

въ Петровско-Разумовской Академіи и въ Московскомъ университетѣ.

240. *26 ноября 1887 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о безпорядкахъ въ Московскомъ университетѣ.

241. *2 февраля 1888 г.* „Въ виду прискорбныхъ событій въ нашихъ университетахъ представляется крайне нежелательнымъ появленіе статей, подобныхъ появившейся 1 февраля въ № 32 „Новостей“: „Студенческіе безпорядки въ Италіи“.

242. *8 марта 1890 г.* „Воздержаться отъ обсужденія правительственнаго сообщенія о задачахъ коммисіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, для пересмотра программы гимназическаго курса, а также вообще вопроса о гимназическомъ преподаваніи, ибо мнѣнія, которыя нерѣдко были высказываемы въ печати по этому поводу, клонились даже къ тому, чтобы поколебать самыя основы существующей учебной системы и тѣмъ самымъ причинять только вредъ“.

243. *11 марта 1890 г.* То же, что и въ № 239.

244. *30 января 1892 г.* Не сообщать никакихъ ложныхъ или тенденціозныхъ извѣстій, касающихся внутренней жизни учебныхъ заведеній какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, а также не помѣщать обсужденія мѣръ взысканій, налагаемыхъ на воспитанниковъ въ дисциплинарномъ порядкѣ.

245. *23 сентября 1892 г.* Не помѣщать извѣстій о случаѣ, бывшемъ съ помощницей надзирательницы лазарета Павловскаго института.

246. *23 ноября 1892 г.* Не помѣщать сообщеній о предполагаемомъ будто бы пересмотрѣ программъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, объ отмѣнѣ въ текущемъ году рождественскихъ каникулъ, о сокращеніи гимназическаго курса и т. п. невѣрныхъ и сенсаціонныхъ извѣстій.

247. *14 декабря 1892 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 244.

248. *13 января 1893 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о безпорядкахъ на Рождественскихъ акушерскихъ курсахъ и о распоряженіи по этому предмету попечителя этихъ курсовъ бар. Корфа.

249. *9 апрѣля 1893 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о московскомъ училищѣ живописи и ваянія и о недоразумѣніяхъ въ его совѣтѣ.

250. *28 апрѣля 1894 г.* Не помѣщать извѣстій о внутренней жизни

учебныхъ заведеній безъ разрѣшенія подлежащаго учебнаго начальства.

251. *29 апрѣля 1896 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 246.

252. *28 сентября 1896 г.* Не помѣщать никакихъ адресовъ недавно уволенному отъ службы профессору Московскаго университета Эрисману и выраженій сочувствія его служебной дѣятельности.

253. *20 ноября 1896 г.* Не помѣщать, впредь до особаго распоряженія, извѣстій о безпорядкахъ въ московскомъ университетѣ.

254. *28 ноября 1896 г.* То же, что и въ 247.

255. *4 декабря 1896 г.* Перепечатать полностью, безъ всякихъ измѣненій, въ ближайшихъ номерахъ, имѣющее появиться въ „П. В.“ сообщеніе о бывшихъ въ недавнее время безпорядкахъ среди студентовъ университетовъ и дозволяется обсуждать его лишь на почвѣ фактовъ, выясненныхъ въ правительственномъ сообщеніи.

256. *3 октября 1897 г.* Не помѣщать никакихъ статей и извѣстій по поводу Высоч. повелѣнія объ освобожденіи учениковъ-иновѣрцевъ отъ обязательнаго посѣщенія православнаго богослуженія въ табельные дни, а равно о происшествіи 20 августа въ Шавельской гимназіи.

257. *27 октября 1897 г.* Не помѣщать никакихъ статей и извѣстій о безпорядкахъ въ Варшавскомъ университетѣ, впредь до водворенія въ немъ спокойствія.

258. *1 ноября 1897 г.* Отмѣняется циркуляръ № 256.

259. *12 ноября 1897 г.* Отмѣняется циркуляръ № 257.

260. *15 ноября 1897 г.* Не перепечатывать изъ „Свѣта“ сообщенія о студенческихъ безпорядкахъ въ Варшавскомъ университетѣ.

261. *18 января 1899 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ оскорбленіи врачемъ Лебедевымъ директора Новгородской гимназіи.

262. *14 марта 1899 г.* Не помѣщать, безъ разрѣшенія учебнаго начальства, объявленія, выставляемыя начальствомъ учебныхъ заведеній въ стѣнахъ послѣднихъ.

263. *18 марта 1899 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и заявленій о нежеланіи нѣкоторыми лицами продолжать полученіе изданій, не сочувствующихъ безпорядкамъ среди студентовъ.

264. *3 апрѣля 1899 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 262.

265. *8 января 1900 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о занятіяхъ учрежденной съ Высоч. соизволенія при министерствѣ народ. просвѣщенія коммисіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней школѣ, за исключеніемъ свѣдѣній, официально публикуемыхъ.

267. *9 декабря 1900 г.* Подтверждаются къ строгому и точному исполненію циркуляры №№ 244, 262, 263 и 266.

266. *11 марта 1900 г.* Не помѣщать коллективныхъ заявленій всякаго рода учащихся.

268. *31 января 1901 г.* Не перепечатывать изъ „Новостей Дня“ отъ 30 января объявленія правленія московскаго университета къ студентамъ.

269. *2 апрѣля 1901 г.* Перепечатать въ ближайшихъ номерахъ правительственное сообщеніе изъ № 73 „П. В.“ о порядкѣ возстановленія правильнаго теченія учебной жизни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

270. *5 сентября 1901 г.* Не помѣщать безъ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія о работѣ коммисіи по учебному дѣлу.

271. *10 ноября 1901 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о разбиравшемся въ Ярославлѣ, у городскаго судьи, дѣлѣ по обвиненію нѣкоторыхъ студентовъ Демидовскаго лицея въ нарушеніи общественной тишины и въ нанесеніи оскорбленій дѣйствіемъ полицейскому чину.

272. *15 декабря 1901 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о безпорядкахъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

273. *5 января 1902 г.* Не помѣщать статей, обсуждающихъ временныя правила о студенческихъ организаціяхъ, утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенія 22 декабря 1901 г.

274. *5 февраля 1902 г.* Подтверждаются къ строгому и точному исполненію циркуляры №№ 244 и 250.

275. *26 мая 1902 г.* Впредь до особаго распоряженія не помѣщать никакихъ извѣстій, касающихся лицъ служебнаго персонала и воспитанниковъ Петербургскаго сиротскаго института императора Николая I.

VI. Финансы, промышленность и торговля [1]).

276. *22 октября 1875 г.* „Соблюдать всевозможную осторожность при сообщеніи извѣстій о торговой несостоятельности".

277. *1882 г.* [2]) Не помѣщать никакихъ извѣстій о совѣщаніи трехъ министровъ и свѣдущихъ людей по питейному вопросу, безъ разрѣшенія министра вн. дѣлъ.

278. *11 августа 1885 г.* Не печатать никакихъ извѣстій по дѣлу о полученіи изъ государственнаго банка 225.000 рублей по подложнымъ документамъ.

279. *6 марта 1886 г.* Не помѣщать слуховъ о проектѣ конверсій нѣкоторыхъ государственныхъ займовъ.

280. *27 іюня 1886 г.* При обсужденіи распоряженія о закрытіи порто-франко въ Батумѣ редакціи должны сообразоваться съ взглядами, высказанными въ правительственномъ сообщеніи, опубликованномъ въ „П. В."

281. *11 марта 1888 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о проектѣ введенія въ Россіи золотой валюты.

282. *8 сентября 1889 г.* Не помѣщать протоколовъ засѣданій биржевыхъ комитетовъ и экономическихъ обществъ о тарифѣ.

283. *23 сентября 1889 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о злоупотребленіяхъ въ С.-Петербургскомъ кредитномъ обществѣ.

284. *9 ноября 1890 г.* Впредь до особаго извѣщенія не помѣщать никакихъ извѣстій по вопросу о хлѣбныхъ тарифахъ.

285. *17 іюня 1891 г.* Не помѣщать никакихъ извлеченій изъ неопубликованнаго еще въ установленномъ порядкѣ новаго таможеннаго трактата съ Германіей, впредь до обнародованія его въ „Собраніи узаконеній".

286. *3 февраля 1892 г.* Не помѣщать неблагопріятныхъ извѣстій о кредитоспособности и состоятельности торгово-промышленныхъ лицъ и учрежденій впредь до признанія ихъ несостоятельными по суду.

---

[1]) Изъ №№ 276—296 этого отдѣла циркуляромъ 14 февраля 1897 г. были сохранены №№ 286 и 296.

Изъ №№ 286, 296, 297 и 298 циркуляромъ 4 августа 1899 г. сохранены два первые.

Изъ №№ 286, 296, 299 и 300 циркуляромъ 22 іюля 1902 года сохранены первые три, которые, такимъ образомъ, съ №№ 301—305 въ силѣ и по сей день.

[2]) Мѣсяцъ и число неизвѣстны.

287. *23 сентября 1892 г.* Не помѣщать никакихъ статей о соляномъ налогѣ.

288. *3 января 1893 г.* Отмѣняется циркуляръ № 287.

289. *17 марта 1893 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о преніяхъ, которыя будутъ происходить въ открывающихся сегодня совѣщаніяхъ представителей биржевыхъ комитетовъ по вопросу о допущеніи въ Россіи сдѣлокъ въ металлической валютѣ наравнѣ съ кредитными билетами, а также о рѣшеніяхъ этихъ совѣщаній. Поэтому не перепечатывать статью изъ №70 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

290. *7 іюня 1893 г.* „Въ скоромъ времени предстоитъ публикованіе закона о двойномъ таможенномъ тарифѣ, а за симъ, по всей вѣроятности. и основаній торговаго соглашенія съ Франціей. Мѣры эти, чуждыя всякаго политическаго значенія, внушены правительству исключительно желаніемъ охранить интересы нашей вывозной торговли и добывающей промышленности. Между тѣмъ, нельзя не согласиться, что печать наша, особенно въ виду могущихъ появиться за границей отзывовъ по сему предмету, станетъ при обсужденіи предстоящихъ распоряженій доискиваться въ нихъ политическаго значенія и можетъ изъявить задоръ по отношенію вообще къ иностраннымъ государствамъ, въ частности же къ Германіи. Въ предупрежденіе такихъ нежелательныхъ отзывовъ прессы, главное управленіе считаетъ необходимымъ предварить гг. редакторовъ, что правительство, сохраняя за ними полную свободу обсужденія дѣла съ единственно ему присущей экономической точки зрѣнія, предлагаетъ имъ соблюдать чрезвычайную сдержанность въ оцѣнкѣ означенныхъ мѣропріятій съ точки зрѣнія международныхъ отношеній, отнюдь не высказывая по сему поводу никакихъ предположеній, сопоставленій или намековъ политическаго характера, хотя бы съ цѣлью возраженія иностраннымъ изданіямъ“.

291. *23 сентября 1893 г.* Не помѣщать извѣстій и статей о положеніи дѣлъ страховаго и транспортнаго общества „Россіянинъ“, безъ особаго разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ.

292. *20 октября 1893 г.* „Въ настоящее время, когда при переговорахъ нашего правительства съ германскимъ по тарифнымъ вопросамъ обѣ стороны обнаруживаютъ стремленіе привести эти переговоры къ взаимному удовлетворительному ре-

зультату, нѣкоторыя изъ нашихъ періодическихъ изданій позволяютъ себѣ высказывать рѣзкія и запальчивыя сужденія о дѣйствіяхъ германскаго правительства, могущія только повредить успѣху дѣла. Подобный образъ дѣйствій г.г. редакторовъ не можетъ быть терпимъ".

293. *18 февраля 1894 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о внесеніи министромъ финансовъ на обсужденіе государственнаго совѣта проекта договора между Россіей и Германіей о торговлѣ и мореплаваніи, а также ничего о содержаніи этого представленія и о преніяхъ по нему въ государственномъ совѣтѣ.

294. *27 марта 1894 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 286.

295. *18 іюня 1894 г.* Не помѣщать „въ теченіе нѣкотораго времени" статей, касающихся правленія „Россійскаго общества морскаго, рѣчнаго, сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей и товарныхъ складовъ съ выдачею ссудъ".

296. *18 апрѣля 1895 г.* Не помѣщать извѣстій о состоявшихся послѣ указаннаго часа для окончанія биржевыхъ сдѣлокъ на процентныя бумаги.

297. *24 февраля 1897 г.* При помѣщеніи извѣстій и статей о несостоятельности банковъ точно указывать ихъ названія.

298. *21 августа 1897 г.* Не помѣщать никакихъ подробныхъ телеграммъ и корреспонденцій о предстоящей поѣздкѣ министра финансовъ по Россіи, а печатать лишь самыя короткія сообщенія о пріѣздѣ его въ тотъ или другой городъ или о выѣздѣ изъ него.

299. *3 сентября 1899 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ отправляемыхъ государственнымъ банкомъ партіяхъ монеты.

300. *28 марта 1900 г.* Не перепечатывать изъ № 8650 „Новаго Времени" замѣтки объ отъѣздѣ въ Персію члена совѣта министра финансовъ Голубева и другихъ чиновъ министерства, а также не оглашать никакихъ свѣдѣній о командировкахъ въ Персію агентовъ министерства финансовъ.

301. *23 іюля 1902 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ отъѣздѣ министра финансовъ въ Одессу, о пребываніи его тамъ и вообще о настоящемъ его путешествіи.

302. *9 сентября 1902 г.* Не помѣщать „излишнихъ" подробностей и разсужденій по поводу поѣздокъ министра финансовъ для обозрѣнія Манчжурской желѣзной дороги.

303. *15 ноября 1902 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о производящемся въ московскомъ коммерческомъ судѣ дѣлѣ о несостоятельности торговаго дома бр. Плотицыныхъ.

304. *8 мая 1904 г.* При пользованіи статьею проф. Мигулина— „Наша бытовая политика“ соблюдать особую осторожность, особенно же ея главою, гдѣ идетъ рѣчь объ операціяхъ государственнаго банка.

305. *28 іюля 1904 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и соображеній о торговомъ соглашеніи съ Германіею.

VII. Крестьяне [1]).

306. *3 іюня 1881 г.* Съ крайней осторожностью хотя бы на первое время, относиться къ организаціи и дѣятельности Высочайше утвержденнаго особаго совѣщанія по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей.

307. *12 іюня 1881 г.* Не помѣщать статей, подобныхъ статьямъ „Русскихъ Вѣдомостей“ о Люторичскомъ дѣлѣ, и вообще сообщеній тенденціозныхъ слуховъ и свѣдѣній объ отношеніяхъ крестьянъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ.

308. *10 октября 1881 г.* Относиться къ вопросу о переселеніяхъ съ особою осторожностью и спокойствіемъ, воздерживаясь отъ всего, могущаго возбуждать народъ или вызывать въ немъ неосновательныя и гибельныя для сельскаго населенія стремленія къ переселенію.

309. *17 марта 1882 г.* Не помѣщать статей и извѣстій о передѣлахъ, равненіи земли, слушномъ часѣ, о пользѣ или справедливости измѣненія поземельнаго положенія крестьянъ.

310. *12 іюня 1882 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 309.

311. *26 іюля 1882 г.* Не изображать въ дурномъ видѣ отношенія между землевладѣльцами и крестьянами и не помѣщать ничего о тяжбѣ кн. Щербатовыхъ съ крестьянами.

312. *18 сентября 1885 г.* Не помѣщать никакихъ статей и замѣтокъ о предстоящемъ будто бы празднованіи 25-лѣтія освобожденія крестьянъ, котораго не можетъ быть за отсутствіемъ разрѣшенія правительства.

---

[1]) Въ этомъ отдѣлѣ №№ 306—315 отмѣнены циркуляромъ 4 февраля 1897 г. № 316 отмѣненъ циркуляромъ 22 іюля 1902 г. Такимъ образомъ къ сегодняшнему дню дѣйствителенъ № 317.

313. *5 апрѣля 1894 г.* Не помѣщать статей о переселенческомъ дѣлѣ, разсматривающемся въ особой коммисіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ камергера Сипягина.

314. *2 іюля 1895 г.* „Совершенно не допускать появленія какихъ бы то ни было извѣстій о самовольномъ переселеніи крестьянъ и о распоряженіяхъ по этому поводу правительственныхъ учрежденій“.

315. *1896 г.* [1]). Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей объ особомъ совѣщаніи для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, соприкасающихся съ переселенческимъ дѣломъ.

316. *12 мая 1902 г.* Не перепечатывать изъ № 19 „Хозяина“ передовой статьи о безпорядкахъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ.

317. *7 ноября 1902 г.* Не перепечатывать изъ № 307 „Новостей“ статью Сакмарова: „Подведеніе итоговъ“, а также не касаться вопроса о національзаціи земли.

VIII. Неурожаи и голодовка [2]).

318. *28 декабря 1873 г.* Не сгруппировывать подъ общею рубрикою извѣстія о неурожаѣ и явленіяхъ, происходящихъ отъ онаго, какъ, напр.: „Самарскій голодъ“, „Хроника народнаго голода“ и т. п.

319. *9 января 1874 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 318.

320. *14 января 1892 г.* „Дѣло о покупкѣ хлѣба Петербургскою городскою управою достаточно выяснилось, а потому прекратить дальнѣйшую полемику по этому предмету“.

321. *21 іюня 1892 г.* Не помѣщать статей о необходимости устроить пышную встрѣчу американскимъ судамъ, везущимъ хлѣбъ для голодающихъ.

322. *18 сентября 1893 г.* Не помѣщать никакихъ статей и извѣстій о паденіи цѣнъ на хлѣбъ и объ увеличивающихся вслѣдствіе этого затрудненіяхъ.

---

[1]) Мѣсяцъ и число неизвѣстны.

[2]) Изъ настоящаго отдѣла №№ 318—322 отмѣнены циркуляромъ 14 февраля 1897 года. № 323—циркуляромъ 4 августа 1899 года. №№ 324 и 325 отмѣнены циркуляромъ 22 іюля 1902 года. Такимъ образомъ этотъ отдѣлъ въ настоящее время не существуетъ.

323. *3 іюля 1898 г.* Не перепечатывать ни въ цѣломъ ни въ извлеченіяхъ изъ №№ 4, 5 и 6 „Руси“ статью Л. Н. Толстого: „Голодъ или не голодъ“.

324. *25 іюля 1901 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о принимаемыхъ правительствомъ мѣрахъ по заготовкѣ хлѣба.

325. *20 августа 1901 г.* Не помѣщать никакихъ ложныхъ фактовъ или тенденціозныхъ свѣдѣній и статей о продовольствіи бѣдствующаго населенія.

IX. Рабочіе [1]).

326. *28 іюня 1893 г.* Не помѣщать никакихъ статей объ отношеніяхъ хозяевъ-фабрикантовъ къ рабочимъ, „ибо, отличаясь тенденціознымъ направленіемъ или сообщая невѣрныя свѣдѣнія, онѣ могутъ причинить существенный вредъ“.

327. *8 іюня 1896 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 326.

328. *18 іюля 1896 г.* „Въ № 158 „П. В.“ опубликовано изложеніе событій, имѣвшихъ мѣсто во время забастовки на петербургскихъ фабрикахъ въ маѣ и іюнѣ сего года. Сообщеніе „П. В.“ вполнѣ исчерпываетъ фактическую сторону этого явленія и основано на точныхъ, тщательно провѣренныхъ данныхъ. Въ виду сего редакціи приглашаются въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ не выходить за предѣлы напечатаннаго сообщенія и съ крайнею осторожностью пользоваться свѣдѣніями, которыя могли бы дойти до нихъ изъ другихъ источниковъ, а равнымъ образомъ съ осмотрительностью переходить отъ разсмотрѣнія этихъ событій, какъ усматривается изъ сообщенія „П. В.“, возникшихъ единственно изъ особенностей внутренняго распорядка на бумагопрядильныхъ фабрикахъ, къ заключеніямъ относительно общаго положенія всѣхъ вообще фабричныхъ рабочихъ“.

329. *4 января 1897 г.* Не помѣщать никакихъ статей и замѣтокъ по рабочему вопросу, о заработной платѣ, рабочемъ днѣ и отношеніяхъ фабричныхъ рабочихъ къ фабрикантамъ хозяевамъ.

---

[1]) Изъ №№ 326—329 этого отдѣла циркуляромъ 14 февраля 1897 г. были сохранены лишь №№ 326 и 329, сохраненные и циркуляромъ 4 августа 1899 г. Изъ №№ 326, 329, 330, 331 циркуляромъ 22 іюля 1902 года сохраненъ № 330, который дѣйствителенъ и до настоящаго дня.

330. *11 мая 1901 г.* Циркуляры №№ 326 и 329 не надо понимать, какъ совершенно исключающіе рабочій вопросъ изъ обсужденія печати. Соблюдая ихъ, необходимо лишь, чтобы всѣ статьи и замѣтки излагались въ строгомъ согласіи съ дѣйствительностью. Поэтому представлять всѣ ихъ въ департаментъ полиціи и печатать лишь съ его разрѣшенія.

331. *23 января 1902 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній по дѣлу о безпорядкахъ на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, которое назначено къ слушанію въ Сенатѣ на 25 января.

X. Цензура, пресса, литература, наука и искусство [1]).

332. *30 апрѣля 1874 г.* Не перепечатывать изъ „Указателя по дѣламъ печати“ заглавія книгъ, запрещенныхъ иностранною цензурою.

333. *28 декабря 1875 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о насильственной смерти императора Петра III, разрѣшенныхъ къ напечатанію въ XXV томѣ „Исторія Россіи“ С. М. Соловьева.

334. *9 сентября 1881 г.* „Не помѣщать заимствованій, цѣликомъ или въ выдержкахъ и отрывкахъ, такихъ историческихъ и критическихъ изслѣдованій, статей и документовъ, которые помѣщаются въ спеціальныхъ или строго научныхъ повременныхъ и другихъ изданіяхъ, преслѣдуютъ исключительно научныя цѣли и, по содержанію своему, не предназначаются для распространенія среди широкаго круга читателей, что могло бы имѣть нежелательныя послѣдствія. Поэтому, при позаимствованіяхъ изъ спеціальной или ученой литературы, гг. редакторомъ рекомендуется соблюдать должный тактъ и необходимую осмотрительность, принимая въ соображеніе, что они имѣютъ дѣло съ читателями разной степени образованія и развитія“.

335. *3 сентября 1883 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 334.

336. *28 марта 1890 г.* Прекратить всякую полемику по поводу „Крейцеровой сонаты“ гр. Л. Н. Толстого.

---

[1]) Изъ №№ 332—341 этого отдѣла циркуляромъ 14 февраля 1897 г. были сохранены №№ 334 и 340. Изъ №№ 334, 340 и 342—347 циркуляромъ 4 августа 1899 года сохранены №№ 334, 340 и 343. Изъ №№ 334, 340, 343 и 348—363 сохранены №№ 334, 340 и 343, которые съ № 364 и дѣйствуютъ до настоящаго времени.

337. *18 мая 1890 г.* „Въ газетахъ появилось письмо нѣсколькихъ литераторовъ, принявшихъ на себя инициативу задуманнаго ими празднованія 25-лѣтія годовщины дѣйствующаго нынѣ закона о печати. Ничего подобнаго не можетъ быть допущено, такъ какъ юбилейныя празднованія въ родѣ того, о которомъ идетъ рѣчь, воспрещены Высоч. повелѣніемъ 1885 года".

338. *23 января 1892 г.* Не перепечатывать изъ „Daily Telegraph" и № 22 „Москов. Вѣдомостей" письмо гр. Л. Н. Толстого.

339. *17 августа 1892 г.* Не помѣщать никакихъ отзывовъ и разсужденій, а также выписокъ изъ книгъ: „Прогрессъ нравственности" Летурно и „М. Н. Катковъ" Р. Сементковскаго [1]).

340. *1 іюня 1804 г.* Не помѣщать сенсаціонныхъ извѣстій и телеграммъ, получаемыхъ отъ неизвѣстныхъ редакціямъ авторовъ.

341. *4 іюля 1894 г.* Не перепечатывать, полностью или въ извлеченіяхъ, изъ иностранныхъ газетъ никакихъ свѣдѣній о гр. Л. Н. Толстомъ, его сочиненіяхъ и частной жизни.

342. *28 іюля 1897 г.* Не перепечатывать, полностью или въ извлеченіяхъ, статьи „Русскіе предъ Константинополемъ" изъ „Revue de Paris" отъ 15 іюля.

343. *13 октября 1897 г.* Не помѣщать никакихъ статей и выдержекъ изъ недозволенныхъ къ ввозу въ Имперію митавскихъ заграничныхъ изданій.

344. *13 октября 1897 г.* Не помѣщать временно статей проф. Герсеванова о техническомъ образованіи [2]).

345. *31 октября 1897 г.* Отмѣняется циркуляръ № 344.

346. *7 мая 1898 г.* „Въ виду того, что наборщикъ Алексѣй Николаевъ умышленно исказилъ телеграмму о кровопролитіи въ Римѣ, замѣнивъ въ ней слово „Римъ" словомъ „Петербургъ", какъ это и было напечатано въ „Кіевлянинѣ"—не печатать ничего, написаннаго Алексѣемъ Николаевымъ [3]).

347. *8 мая 1898 г.* Не помѣщать статей и извѣстій о предстоящемъ юбилеѣ гр. Л. Н. Толстого.

347. bis. *1 іюня 1899.* Указаніе въ программахъ подцензурныхъ газетъ на дозволеніе печатать извлеченія изъ другихъ газетъ

---

[1]) Объ книги до сожженія недѣли 2—3 продавались.

[2]) Проф. Герсевановъ тогда былъ директоромъ института путей сообщенія.

[3]) И этотъ циркуляръ основывался на статьяхъ 140 и 156...

и журналовъ не освобождаетъ редакціи оцѣнивать заимствуемый матеріалъ самымъ тщательнымъ образомъ и все несогласное съ общими цензурными правилами исключать изъ подобныхъ заимствованій.

348. *4 февраля 1900 г.* Не перепечатывать изъ февральской книги „Рус. Старины“ 3-ю строку снизу на стр. 321, послѣднія 18 строкъ на стр. 322 и первыя 5 строкъ на стр. 323 „Изъ записокъ барона М. А. Корфа“.

349. *24 февраля 1900 г.* Не помѣщать рецензій, извлеченій и пересказовъ изъ отпечатанныхъ въ Парижѣ на французскомъ языкѣ книги: *N. Schilder* „Histoire anecdotique de Paule I“ 1899“.

350. *6 іюня 1900.* Не помѣщать, безъ разрѣшенія главнаго управленія, портретовъ подсудимыхъ и рисунковъ, относящихся до уголовныхъ процессовъ.

351. *5 августа 1900 г.* Не перепечатывать статьи С. Шарапова: „Цифры и выводы“ изъ „Урала“.

352. *8 ноября 1900 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и извѣстій о предстоящемъ юбилеѣ издателя—редактора „Русскаго Богатства“ Николая Михайловскаго.

353. *28 ноября 1900 г.* Не помѣщать никакихъ статей по поводу пьесы Крылова и Литвина „Контрабандисты“ („Сыны Израиля“, а также сообщеній о безпорядкахъ на представленіи ея въ Маломъ театрѣ (СПБ) 23 ноября.

354. *6 января 1901 г.* Отмѣняется часть первая циркуляра № 353.

355. *24 февраля 1901 г.* О гр. Л. Н. Толстомъ и его сочиненіяхъ [1]).

356. *12 іюня 1901 г.* Высочайше утвержденное 4 іюня мнѣніе Госуд. совѣта о дополненіи ст. 144 устава о печати въ смыслѣ указанія сроковъ дѣйствія предостереженій, объявляемыхъ министромъ вн. дѣлъ, вовсе не измѣняетъ по существу отношеній правительственной власти къ органамъ печати въ случаѣ обнаруженія имъ вреднаго направленія, а лишь устанавливаетъ правильныя и опредѣленныя нормы въ примѣненіи закона [2]).

357. *7 августа 1901 г.* Въ случаѣ замѣны сдѣланныхъ цензурою исключеній въ текстѣ пробѣлами, пунктиромъ, черными поло-

---

[1]) Точно содержаніе этого циркуляра мнѣ неизвѣстно.

[2]) Этотъ циркуляръ весьма характеренъ для эпохи Сипягина: печать не имѣла права, если бы вдругъ вздумала, заявить, что правительство начинаетъ относиться къ печати благожелательно... Хорошо, что она никогда еще за сто лѣтъ не воображала себя персоной, стоющей вниманія правительства.

сами и т. п., такія повременныя изданія будутъ лишены льготы, указанной въ ст. 55 устава о цензурѣ и печати, т. е. права выхода въ свѣтъ до полученія позволительнаго билета.

358. *8 августа 1901 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о переѣздѣ гр. Л. Н. Толстого на югъ и о привѣтствіяхъ, обращенныхъ къ этому писателю со стороны его почитателей.

359. *8 сентября 1901 г.* Не перепечатывать изъ № 246 „Петербургской Газеты“ извѣстія объ отъѣздѣ гр. Л. Н. Толстого въ Крымъ.

360. *14 января 1902 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о пріостановкѣ выхода въ свѣтъ „Россіи“ и о причинахъ, ее вызвавшихъ, иначе, какъ съ разрѣшенія главнаго управленія.

361. *29 января 1902 г.* „Въ виду возможности въ ближайшемъ времени кончины гр. Л. Н. Толстого и не встрѣчая препятствій къ помѣщенію тогда статей, посвященныхъ его жизнеописанію и литературной дѣятельности, министръ вн. дѣлъ призналъ необходимымъ, чтобы распоряженіе № 335 оставалось въ силѣ и чтобы во всѣхъ извѣстіяхъ и статьяхъ о гр. Л. Н. Толстомъ была соблюдаема необходимая объективность и осторожность“.

362. *28 февраля 1902 г.* Появленіе въ какомъ бы то ни было періодическомъ изданіи, хотя бы и официальномъ, за исключеніемъ „П. В.“, свѣдѣній, оглашеніе коихъ запрещено распоряженіями главнаго управленія, не должно служить основаніемъ для перепечатки ихъ другими изданіями.

363. *10 марта 1902 г.* Перепечатавшіе изъ № 56 „П. В.“ сообщеніе о недѣйствительности избранія соединеннымъ собраніемъ отдѣленій русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности И. Академіи Наукъ въ почетные академики А. М. Пѣшкова (Максима Горькаго) должны помѣстить его теперь вторично съ оглавленіемъ: „Отъ Императорской Академіи Наукъ“.

364. *19 февраля 1903 г.* Относиться болѣе строго и осторожно къ сообщеніямъ репортерами о всевозможныхъ сенсаціонныхъ происшествіяхъ.

XI. Здоровье народа [1]).

365. *1 іюня 1885 г.* Не помѣщать фармакопею и аптечную таксу безъ разрѣшенія медицинскаго совѣта.

366. *19 апрѣля 1891 г.* Не помѣщать объявленій о продажѣ капсюлей Матико и К°.

367. *27 іюня 1891 г.* О заболѣваніяхъ холерою въ различныхъ мѣстностяхъ, хотя бы и заграничныхъ, помѣщать по провѣркѣ свѣдѣній въ медицинскомъ департаментѣ.

368. *13 іюня 1892 г.* Не помѣщать о холерѣ ничего, кромѣ объявляемаго въ „П. В.“.

369. *13 іюля 1902 г.* Не помѣщать статей и извѣстій о холерныхъ безпорядкахъ.

370. *16 іюля 1892 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 368.

371. *10 февраля 1903 г.* То же, что и въ № 370.

372. *21 августа 1893 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній о засѣданіяхъ больничной и санитарной коммисіи при петербургской городской управѣ.

373. *25 августа 1893 г.* „Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, выходящихъ въ свѣтъ въ Петербургѣ, въ послѣднее время начали называть дома, признанные въ санитарномъ отношеніи неудовлетворительными,—„клоаками“, „гробами“ и т. п., при чемъ дома эти представляются въ статьяхъ газетъ весьма опасными для общественнаго здравія въ смыслѣ разсадниковъ холеры въ народѣ, что въ большинствѣ случаевъ далеко не соотвѣтствуетъ настоящему положенію дѣла. Такого рода статьи не могутъ не возбуждать негодованіе общества противъ домохозяевъ, въ особенности, когда домохозяевыми состоятъ гласные думы. Кромѣ того, подобныя статьи косвенно бросаютъ неблагопріятную тѣнь и на администрацію, допускающую существованіе подобныхъ санитарныхъ безпорядковъ. Не помѣщать подобнаго рода статей, возбуждающихъ неудовольствіе одной части гражданъ и поселяющихъ недовѣріе жителей къ избраннымъ ими гласнымъ думы“.

---

[1]) Изъ №№ 365—377 этого отдѣла циркуляромъ 14 февраля 1897 г. сохранены № 365.

Изъ №№ 365, 378—381 циркуляромъ 4 августа 1899 г. сохранены №№ 365, 378 и 380, которые вмѣстѣ съ № 384 дѣйствительны и до настоящаго времени.

374. *10 февраля 1894 г.* Не помѣщать статей о самопомощи при всякаго рода болѣзняхъ безъ разрѣшенія главнаго управленія.

375. *1 іюня 1894 г.* Подтверждается къ точному и строгому исполненію циркуляръ № 368.

376. *5 іюля 1894 г.* Не помѣщать свѣдѣній, касающихся холеры въ Петербургѣ, безъ разрѣшенія градоначальника.

377. *15 января 1897 г.* Не помѣщать безъ разрѣшенія директора медицинскаго департамента сообщеній о докладахъ, преніяхъ и постановленіяхъ съѣзда по обсужденію мѣръ противъ сифилиса въ Россіи.

378. *8 декабря 1897 г.* Не помѣщать извѣстій о появленіи чумной и другихъ эпизоотій въ Россіи ранѣе опубликованія о томъ: въ Петербургѣ ветеринарнымъ управленіемъ, въ остальныхъ пунктахъ Имперіи—губернскими и областными властями.

379. *1897 г.* Не помѣщать никакихъ статей и замѣтокъ о случаяхъ заболѣванія рогатаго скота въ Петербургѣ, сходныхъ съ чумною эпизоотіей, до надлежащаго разслѣдованія сихъ случаевъ и официальнаго опубликованія результатовъ этого разслѣдованія.

380. *15 октября 1898 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о появленіи чумныхъ заболѣваній въ Россіи и сопредѣльныхъ съ нею государствахъ, безъ разрѣшенія ихъ Его Выс. предсѣдателемъ Выс. учр. коммисіи о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумною заразою.

381. *14 іюля 1899 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 380.

382. *13 мая 1900 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о заразной болѣзни, похожей на чуму, появившейся въ Кутаисской губ., впредь до правительственнаго объ этомъ сообщенія.

383. *13 января 1901 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній, извѣстій и слуховъ объ остро-заразныхъ заболѣваніяхъ, борьба съ распространеніемъ которой подлежитъ вѣдѣнію Е. В. принца Ольденбургскаго.

384. *22 іюля 1902 г.* Не помѣщать сообщенія о появленіи чумныхъ заболѣваній среди населенія или распространенія чумной эпидеміи въ Россіи и сопредѣльныхъ съ нею государствахъ, безъ предварительнаго разрѣшенія имъ медицинскимъ департаментомъ.

XII. Общественная благотворительность [1]).

385. *23 августа 1876 г.* Помѣщать заявленія отъ имени Славянскаго благотворительнаго комитета разрѣшается лишь съ разрѣшенія главнаго управленія.

386. *24 сентября 1892 г.* Не помѣщать никакихъ воззваній къ пожертвованіямъ отдѣльнымъ лицамъ или семействамъ безъ разрѣшенія мѣстной полиціи.

387. *19 октября 1892 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 386.

388. *17 сентября 1893 г.* Не помѣщать призывовъ къ частной благотворительности въ пользу семей погибшихъ на „Русалкѣ", потому что обезпеченіе ихъ лежитъ на попеченіи государства.

389. *январь 1900 г.* Не помѣщать никакихъ репортерскихъ отчетовъ о концертѣ въ пользу общества вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ И. Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, имѣющаго быть 15 января.

390. *30 марта 1900 г.* Не помѣщать никакихъ статей и замѣтокъ о сборѣ пожертвованій на земледѣльческую артель крестьянъ д. Малыя Свѣтицы, Боровичскаго уѣзда Новгородской губерніи.

391. *20 іюня 1901 г.* Не помѣщать никакихъ приглашеній къ пожертвованію, независимо отъ формы изложенія, иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія мѣстнаго полицейскаго начальства,—и при томъ съ точнымъ указаніемъ лицъ и учрежденій, коимъ предположено пересылать собранныя пожертвованія.

XIII. Политическія преступленія [2]).

392. *5 января 1873 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о ходѣ политическаго процесса Нечаева, кромѣ сообщенныхъ въ „П. В".

---

[1]) Циркуляромъ 14 февраля 1897 года были отмѣнены циркуляры №№ 385—388; циркуляромъ 22 іюля 1902 года оставленъ въ силѣ до настоящаго времени циркуляръ № 391.

[2]) Изъ циркуляровъ №№ 392—417 этого отдѣла циркуляромъ 14 февраля 1897 сохранены №№ 398, 399, 407 и 408, сохраненные и 4 августа 1899 г. Изъ №№ 398, 399, 407, 408, и 418—423 циркуляромъ 22 іюля 1902 года сохранены №№ 399, 408 и 419, которые съ № 424 дѣйствуютъ по настоящее время.

393. *10 января 1873 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 392.

394. *8 іюля 1874 г.* Не помѣщать отчетовъ о политическихъ процессахъ, кромѣ напечатанныхъ въ „П. В.“

395. *15 іюля 1875 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 394.

396. *17 января 1877 г.*
397. *19 февраля 1877 г.* } То же, что и въ № 394.

398. *20 января 1879 г.* Отчеты о дѣлахъ по поводу государственныхъ преступленій, слушающихся въ Верховномъ уголовномъ судѣ, заимствовать изъ „П. В.“, о разбирающихся же въ судебныхъ палатахъ и военныхъ судахъ—изъ мѣстныхъ офиціальныхъ изданій, но отнюдь не помѣщать никакихъ самостоятельныхъ отчетовъ и сообщеній.

399. *18 января 1880 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ арестахъ по политическимъ дѣламъ и о производящихся по нимъ слѣдствіяхъ и дознаніяхъ.

400. *12 марта 1881 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 399.

401. *24 марта 1881 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 398.

402. *26 марта 1881 г.* То же, что и въ № 400.

403. *15 мая 1881 г* То же, что и въ № 400.

404. *27 мая 1881 г.* Не помѣщать объ арестахъ политическихъ преступниковъ даже такихъ краткихъ свѣдѣній, какія помѣщены въ № 144 „Голоса“.

405. *21 марта 1882 г.* То же, что и въ № 401.

406. *14 сентября 1882 г.* То же, что и въ № 400.

407. *29 сентябая 1882 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о политическихъ преступникахъ.

408. *13 ноября 1882 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о лицахъ, исполняющихъ смертные приговоры надъ преступниками.

409. *24 ноября 1882 г.* Не помѣщать никакихъ „свѣдѣній и разсужденій о существующемъ будто бы (sic!) тайномъ обществѣ, поставившемъ себѣ задачею дѣйствовать противъ террористовъ“.

410. *17 декабря 1883 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній объ убійствѣ Судейкина, кромѣ офиціально объявленныхъ.

411. *24 апрѣля 1883 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 407.

412. *25 января 1885 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о взрывѣ, происшедшемъ въ городѣ Якобштадтѣ.

413. *1 марта 1885 г.* То же, что и въ № 400.

414. *4 марта 1887 г.*
415. *13 октября 1887 г.* } То же, что и въ № 411.

416. *16 марта 1889 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній о взрывахъ динамитныхъ бомбъ за границей и въ Россіи.

417. *27 августа 1892 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій ни о какихъ политическихъ преступленіяхъ.

418. *21 іюля 1900 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о личности убійцы итальянскаго короля, о его прежней жизни, воспитаніи, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, а также и портрета.

419. *24 іюля 1900 г.* Не помѣщать портретовъ, а также свѣдѣній и біографическихъ данныхъ о личности и дѣятельности преступниковъ, покушающихся на жизнь особъ царскихъ домовъ и главъ государствъ.

420. *14 февраля 1901 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій, кромѣ прилагаемаго, о сегодняшнемъ покушеніи П. Карповича на жизнь министра народнаго просвѣщенія.

421. *11 марта 1901 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній, кромѣ излагаемыхъ въ „П. В.“, о Карповичѣ и о времени слушанія его дѣла въ судѣ.

422. *12 марта 1901 г.* Перепечатать изъ № 57 „П. В.“ циркуляръ министра вн. дѣлъ губернаторамъ о мѣрахъ предупрежденія уличныхъ безпорядковъ.

423. *18 апрѣля 1901 г.* Не помѣщать отчетъ о судебномъ засѣданіи сената по кассаціонной жалобѣ Карповича на приговоръ петербургской судебной палаты, а также сужденій по этому дѣлу.

424. *22 іюля 1902 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о важныхъ нарушеніяхъ скопомъ общественнаго порядка и спокойствія, безъ разрѣшенія высшей полицейской власти.

XIV. Еврейскій вопросъ [1]).

425. *сентябрь 1881 г.* Не помѣщать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не только статей, но и правительственныхъ распоряженій по еврейскому вопросу.

---

[1]) Циркуляры №№ 425—431 отмѣнены циркуляромъ 14 февраля 1897 г., №

426. *20 апрѣля 1882 г.* [1]).

427. *8 ноября 1890 г.* „Въ виду распространившихся слуховъ, что нѣкоторыя лица имѣютъ безсмысленное и дерзкое намѣреніе составить протестъ противъ какого то мнимаго угнетенія евреевъ, главное управленіе предупреждаетъ г.г. редакторовъ, что ничего подобнаго не должно появляться на страницахъ русскихъ повременныхъ изданій".

428. *7 іюня 1891 г.* „Съ нѣкотораго времени замѣчается, къ сожалѣнію, въ нашей періодической печати отсутствіе спокойнаго и хладнокровнаго обсужденія столь крупнаго вопроса нашей внутренней жизни, какъ вопросъ еврейскій; одни изданія стараются вопреки истинѣ выставить положеніе евреевъ въ печальномъ свѣтѣ, другія обрушиваются на все еврейское населеніе исключительно съ огульнымъ порицаніемъ, но статьи по этому предмету не содержатъ большею частью никакихъ указаній, которыя служили бы полезнымъ матеріаломъ для разрѣшенія упомянутаго вопроса. Главное управленіе предлагаетъ редакторамъ воздерживаться отъ печатанія такихъ статей, которыя, не отличаясь основательнымъ содержаніемъ, порождаютъ лишь безплодную и раздражительную полемику".

429. *31 іюня 1891 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 428.

430. *1 августа 1891 г.* Не помѣщать воззваній и не сообщать ничего о пожертвованіяхъ въ пользу переселенія евреевъ.

431. *1 августа 1893 г.* Не перепечатывать изъ газетъ „Гамелицъ" объявленіе о порядкѣ сбора суммъ на нужды комитета общества для вспомоществованія евреямъ-ремесленникамъ и земледѣльцамъ въ Сиріи и Палестинѣ.

432. *9 марта 1898 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и статей о пріѣздѣ изъ Франціи въ Петербургъ трехъ уполномоченныхъ отъ фонда барона Гирша и объ ихъ дѣятельности и сношеніяхъ въ Россіи.

433. *22 марта 1903 г.* Впредь до особаго распоряженія, не помѣщать никакихъ извѣстій и статей по дѣлу о „будто бы ритуальномъ убійствѣ въ г. Дубоссарахъ Херсонской губ. крестьянскаго мальчика Рыбаленко".

432—циркуляромъ 4 августа 1899 г., въ настоящее время дѣйствителенъ лишь № 433.

[1]) Содержаніе мнѣ неизвѣстно.

XV. Окраины [1]).

434. *9 сентября 1875 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о предполагаемомъ введеніи въ Остзейскомъ краѣ новаго городового положенія.

435. *20 февраля 1876 г.* Не упоминать объ упраздненіи Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго генералъ-губернаторства.

436. *4 августа 1876 г.* „Государь Императоръ находитъ неумѣстнымъ искаженіе географическихъ названій: Юрьевъ вмѣсто Дерптъ, Рижская губернія вмѣсто Лифляндская и т. п.“.

437. *25 мая 1882 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о ревизіи по управленію Прибалтійскими губерніями.

438. *15 марта 1884 г.* Не помѣщать извѣстій и разсужденій по проекту освобожденія татаръ отъ отбыванія обязательной воинской повинности.

439. *11 октября 1893 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о незаконномъ ввозѣ товаровъ въ Финляндію изъ-за границы.

XVI. Дипломатія [2]).

440. *29 апрѣля 1881 г.* „Въ виду совершившагося въ Болгаріи поворота и необходимости поддержать князя Александра, потому что удаленіе его повлекло бы анархію, желательно, чтобы наша пресса относилась съ осторожностью къ настоящимъ событіямъ въ Софіи, тѣмъ болѣе, что неосторожныя сужденія могли бы дурно повліять на весь Балканскій полуостровъ“.

441. *1 мая 1881 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 440.

442. *1 іюля 1882 г.* „Предписывается безусловное уваженіе къ князю Болгарскому, принцу Баттенбергскому, какъ родственнику Императорской фамиліи“.

443. *27 марта 1885 г.* Не помѣщать иначе, какъ съ разрѣшенія главнаго управленія, никакихъ извѣстій и статей по поводу

---

[1]) Циркуляры №№ 434—439 отмѣнены циркуляромъ 14 февраля 1897 года.

[2]) Циркуляры этого отдѣла №№ 440—455 были отмѣнены циркуляромъ 14 февраля 1897 г., №№ 456 и 457 отмѣнены циркуляромъ 4 августа 1899 г. Изъ циркуляровъ №№ 458—464 циркуляромъ 22 іюля 1902 г. сохраненъ лишь № 462, который съ №№ 465—471 и дѣйствителенъ до настоящаго дня.

столкновенія между русскими и афганскими войсками на Кушкѣ.

444. *22 апрѣля 1885 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 443.

445. *30 октября 1887 г.* Въ сужденіяхъ о берлинскомъ свиданіи императоровъ необходима возможно большая осмотрительность.

446. *10 октября 1888 г.* Не помѣщать ничего. затрагивающаго честь турецкаго султана, состоящаго главою дружественнаго Россіи государства.

447. *25 января 1889 г.* Не помѣщать статей, въ которыхъ проводится мысль, будто бы наше правительство должно нести отвѣтственность за результаты путешествія архимандрита Паисія въ Африку.

448. *31 марта 1889 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей, какъ о происшествіи въ Сагалло, такъ и вообще о путешествіи архимандрита Паисія и Николая Агинова въ Африку.

449. *1889 г.* Соблюдать наибольшую осторожность и сдержанность при обсужденіи отношеній Россіи къ Персіи и къ Англіи.

450. *26 ноября 1890 г.* Не помѣщать никакихъ статей и извѣстій о третейскомъ разбирательствѣ спора Франціи и Нидерландовъ о владѣніяхъ ихъ въ Гвіанѣ.

451. *1890 г.* Не помѣщать статей, выражающихъ „преувеличенныя опасенія за сохраненіе спокойствія въ Европѣ вслѣдствіе новаго направленія германской политики послѣ смерти императора Фридриха III.

452. *1 марта 1893 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 446.

453. *4 октября 1893 г.* „Не помѣщать статей, могущихъ раздражать Германію, о встрѣчѣ русскихъ моряковъ въ Тулонѣ и Парижѣ“.

454. *4 апрѣля 1896 г.* Не помѣщать „дерзкихъ нападокъ на наслѣднаго германскаго принца“.

455. *19 апрѣля 1896 г.* „Воздерживаться отъ сообщеній непровѣренныхъ извѣстій по иностранной политикѣ и въ томъ числѣ о нашихъ отношеніяхъ къ Кореѣ“.

456. *7 декабря 1897 г.* „Соблюдать величайшую осмотрительность и сдержанность въ извѣстіяхъ и статьяхъ о посѣщеніи русскими судами Порта-Артура и не позволять никакихъ оскор-

бительныхъ сужденій о дѣйствіяхъ германской эскадры въ Кіау-чау".

457. *4 іюля 1898 г.* Не помѣщать письма интимнаго характера сербской королевы Наталіи къ королю Милану.

458. *29 мая 1900 г.* Во избѣжаніе невѣрныхъ свѣдѣній по внѣшней политикѣ, редакторы столичныхъ газетъ приглашаются получать достовѣрныя свѣдѣнія у особо назначеннаго для этого чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, статскаго совѣтника Нератова.

459. *24 іюня 1900 г.* Не помѣщать рѣзкихъ и преждевременныхъ обсужденій образа дѣйствій германскаго правительства по поводу происходящихъ въ Китаѣ событій, „тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ берлинскій кабинетъ дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ нашимъ правительствомъ".

460. *2 августа 1900 г.* Не помѣщать никакихъ статей, извѣстій и телеграммъ о прибытіи въ Россію бурскихъ делегатовъ, о встрѣчѣ ихъ, пребываніи и выѣздѣ.

461. *25 апрѣля 1901 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о происшедшемъ, по слухамъ, въ Тяньцзинѣ случай убійства германскимъ солдатомъ русскаго офицера, впредь до официальнаго разъясненія всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла.

462. *1 ноября 1901 г.* Не помѣщать никакихъ статей и извѣстій о состоявшемся между Россіей и Персіей соглашеніи о взаимныхъ торговыхъ отношеніяхъ, а равно и о предстоящихъ въ Константинополѣ переговорахъ между Турціей и Персіей касательно пересмотра Эрзерумскаго трактата.

463. *31 января 1902 г.* „Во избѣжаніе превратныхъ толкованій относительно состоявшагося соглашенія между Англіей и Японіей объ охраненіи цѣлости и независимости Китая и Кореи, редакторы должны знать, что наше правительство можетъ совершенно спокойно принять это соглашеніе къ свѣдѣнію, такъ какъ существенныя постановленія его представляютъ собою именно тѣ начала, которыя Россія первая провозгласила основой политики своей въ отношеніи Китая и Кореи".

464. *28 марта 1902 г* Не обсуждать свѣдѣній о переговорахъ нашихъ съ Китаемъ по Манчжурскому вопросу.

465. *28 іюля 1902 г.* Не оглашать прощальныхъ сигналовъ, коими обмѣнялись яхты „Гогенцоллернъ" и „Штандартъ" при отъѣздѣ изъ Ревеля 26 іюля германскаго императора, и вообще не по-

мѣщать ничего по этому поводу, не исключая и заимствованій изъ иностранной прессы.

466. *2 декабря 1902 г.* Относиться съ особой осторожностью къ извѣстіямъ и статьямъ о событіяхъ въ Македоніи, а при обсужденіи происходящихъ тамъ событій и дѣлаемыхъ Россіею сообща съ Австріею и другими державами представленій руководствоваться общимъ смысломъ правительственнаго сообщенія; избѣгать неблагопріятныхъ отзывовъ объ Австро-Венгріи.

467. *30 января 1903 г.* Не помѣщать „излишнихъ нападокъ“ на турецкое правительство, и въ особенности на самого султана, и обсуждать Балканскія событія въ духѣ правительственныхъ сообщеній.

468. *30 января 1903 г.* Не перепечатывать изъ № 6271 тифлисской газеты „Новое Обозрѣніе“ корреспонденціи изъ Решта о постройкѣ въ Персіи шоссейныхъ дорогъ и вообще не помѣщать никакихъ статей и извѣстій по вопросамъ, касающимся участія русскаго правительства и его мѣстныхъ агентовъ въ постройкѣ путей сообщенія въ Персіи.

469. *23 сентября 1903 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 467.

470. *13 декабря 1903 г.* Не помѣщать статей враждебныхъ Персіи.

471. *18 сентября 1904 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній о пріѣздѣ въ Петербургъ и о пребываніи въ немъ бывшаго французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Кореѣ, Виконта-де-Фонтенэ.

XVII. Министерство Императорскаго Двора [1]).

472. *27 августа 1888 г.* Въ извѣстіяхъ и статьяхъ объ императорскихъ театрахъ соблюдать должное приличіе тона и быть сдержанными въ критикѣ ихъ.

743. *7 мая 1890 г.* При обсужденіи распоряженій дирекціи императорскихъ театровъ обязательно соблюденіе сдержанности и приличія.

474. *10 октября 1893 г.* Подтверждаются къ строгому и точному исполненію циркуляры №№ 472 и 473.

---

[1]) Циркуляры этого отдѣла №№ 472—475 отмѣнены циркуляромъ 14 февраля 1897 г., а № 476—циркуляромъ 4 августа 1899 г. Дѣйствителенъ № 477.

475. *11 сентября 1895 г.* Не помѣщать статей и замѣтокъ, которыя „подъ видомъ критической оцѣнки игры артистовъ императорскихъ, а также частныхъ театровъ, наполняются почти исключительно всевозможными инсинуаціями противъ личностей артистовъ и доходятъ даже до вторженія въ ихъ частную жизнь“.

476. *26 іюля 1897 г.* „Не помѣщать безусловно никакихъ свѣдѣній объ участіи министерства императорскаго двора въ предоставленіи какихъ либо льготъ и облегченій собравшимся въ Петербургъ представителямъ русской и иностранной прессы, объ организаціи цензуры придворныхъ извѣстій или сообщеній о лицахъ, на которыхъ эта обязанность возложена“.

477. *20 сентября 1903 г.* Не помѣщать извѣстій и статей о внутреннихъ распорядкахъ въ дирекціи императорскихъ театровъ.

XVIII. Министерство Юстиціи [1]).

478. *8 іюня 1876 г.* Не помѣщать извѣстій и свѣдѣній о судебномъ вѣдомствѣ въ царствѣ Польскомъ.

479. *12 ноября 1894 г.* Не помѣщать статей бывшаго члена Сыръ-Дарьинскаго областнаго суда въ Ташкентѣ, С. И. Гуссена, безъ предварительного просмотра ихъ главнымъ управленіемъ.

480. *28 іюня 1895 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о выѣздахъ изъ Петербурга и возвращеніи въ него министра юстиціи.

481. *16 января 1903 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей, впредь до опубликованія въ официальномъ порядкѣ, объ обстоятельствахъ смерти Р. Золотовой, а также не перепечатывать письма кн. М. Андронникова и статьи Мечтателя изъ № 15 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

---

[1]) Незначительное число циркуляровъ, охраняющихъ министерство юстиціи, нельзя, разумѣется, объяснять любовью министровъ къ гласности. Просто имъ не было надобности прибѣгать къ министру внутреннихъ дѣлъ, когда въ собственныхъ рукахъ имѣется такое прекрасное средство, какъ закрытыя двери судовъ, которыя очень любилъ Н. В. Муравьевъ.

№№ 478—480 отмѣнены циркуляромъ 14 февраля 1897 г., а № 481 сохраняетъ силу и до сихъ поръ.

XIX. Министерство Государственныхъ Имуществъ [1]).

482. *18 апрѣля 1883 г.* Не помѣщать невѣрныхъ извѣстій о санитарномъ состояніи мѣстностей, въ которыхъ расположены наши минеральныя воды и другія лѣчебныя заведенія.

483. *14 мая 1892 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о совѣщаніяхъ, бывшихъ у управляющаго министерствомъ, А. С. Ермолова, по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ.

XX. Министерство Путей Сообщенія [2]).

484. *12 іюля 1882 г.* „Появились статьи, заключающія въ себѣ не только неосновательныя обвиненія противъ отдѣльныхъ лицъ вѣдомства путей сообщенія, но и рѣзкое систематическое порицаніе всей дѣятельности этого министерства по желѣзнодорожной части. Дальнѣйшее появленіе подобныхъ, имѣющихъ агитаціонный характеръ, статей вызоветъ соотвѣтствующія кары".

485. *15 іюня 1885 г.* „Въ печати появляются позоряшія и неосновательныя обвиненія съ наименованіемъ даже фамилій высшихъ должностныхъ лицъ департамента желѣзныхъ дорогъ, помѣщаемыя въ статьяхъ лицъ, раздраженныхъ противъ министра путей сообщенія за непринятіе ихъ предложеній коммерческаго свойства. Къ таковымъ изданіямъ главное управленіе будетъ примѣнять взысканіе, указанное въ ст. 156 устава о цензурѣ и печати" [3]).

486. *15 января 1886 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и сужденій по дѣлу о злоупотребленіяхъ по ремонту Орловско-Харьковскаго шоссе за 1872—1876 г.г. вообще и о лицахъ, имена коихъ съ ними связаны.

487. *30 января 1892 г.* Не помѣщать ничего о раздорахъ между министромъ путей сообщенія, Гюббенетомъ, и желѣзнодорожнымъ инспекторомъ, полковникомъ Вендрихомъ.

---

[1]) Оба циркуляра отмѣнены 14 февраля 1897 года.

[2]) Изъ №№ 484—490 этого отдѣла циркуляромъ 14 февраля 1897 г. сохраненъ № 488.

Изъ №№ 488 и 491 циркуляромъ 4 августа 1899 г. сохраненъ № 488, который вмѣстѣ съ № 492 дѣйствителенъ и по настоящее время.

[3]) Это одинъ изъ образчиковъ угрозы закономъ, который въ данномъ случаѣ, конечно, совершенно не подходитъ.

488. *16 марта 1893 г.* Не помѣщать самостоятельныхъ свѣдѣній о засѣданіяхъ комитета Сибирской желѣзной дороги, а заимствовать ихъ изъ „П. В.“, обсужденіе же этихъ свѣдѣній не должно выходить изъ предѣловъ обстоятельствъ, бывшихъ на разсмотрѣніи комитета и описанныхъ въ „П. В.“.

489. *26 января 1894 г.* Не помѣщать извѣстій и статей о всевозможныхъ несчастныхъ случаяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, если нѣтъ твердой увѣренности въ ихъ полной правдоподобности.

490. *19 января 1895 г.* Не помѣщать извѣщеній о началѣ и концѣ навигаціи, полученныхъ не офиціальнымъ порядкомъ.

491. *4 ноября 1898 г.* Помѣщать всѣ опроверженія министерства путей сообщенія о несчастныхъ случаяхъ въ поѣздахъ и пр.

492. *30 апрѣля 1903 г.* „Относиться съ особою осторожностью къ газетнымъ статьямъ и сообщеніямъ, касающимся Китайской Восточной желѣзной дороги, и не печатать статей и сообщеній, если они будутъ направлены къ дискредитированію въ глазахъ русскаго общества этого по существу правительственнаго предпріятія“.

XXI. Частныя лица [1]).

493. *31 января 1875 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и статей о самоубійствѣ Порфирія Ламанскаго.

494. *5 апрѣля 1875 г.* Не помѣщать свѣдѣній по дѣлу Майкова и Крестовской, разбиравшемся 1 апрѣля при закрытыхъ дверяхъ, а также о столкновеніи поручика Крестовскаго съ присяжнымъ повѣреннымъ Соколовскимъ.

495. *15 іюля 1875 г.* Не сообщать никикихъ свѣдѣній о самоубійствѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лампе.

496. *21 апрѣля 1876 г.* Не помѣщать никакихъ отчетовъ по дѣлу поручика Крестовскаго.

497. *3 апрѣля 1881 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и догадокъ о причинахъ самоубійства члена государственнаго совѣта, Л. Макова.

---

[1]) Нѣкоторые изъ циркуляровъ этого отдѣла касаются видныхъ лицъ администраціи, но отнесены къ этой группѣ потому, что защищаютъ ихъ, какъ частныхъ лицъ.

№№ 493—524 отмѣнены циркуляромъ 14 февраля 1897 г.

№№ 525—536 отмѣнены циркуляромъ 4 августа 1899 года.

№№ 537—544 отмѣнены циркуляромъ 22 іюля 1902 г., а № 545 дѣйствителенъ и до настоящаго времени.

498. *18 мая 1881 года.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ избраніи гр. М. Т. Лорисъ-Меликова петербургскою думою почетнымъ гражданиномъ.

499. *13 ноября 1881 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о покушеніи на жизнь генерала Черевина.

500. *4 февраля 1882 г.* „Не касаться семейныхъ отношеній тайнаго совѣтника Маркуса".

501. *23 ноября 1882 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о недоразумѣніяхъ между почетнымъ опекуномъ Нейгардтомъ и докторомъ Кватцомъ.

502. *22 октября 1887 г.* „Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве проситъ г.г. редакторовъ не помѣщать свѣдѣній о покушеніи на самоубійство воспитанника морского корпуса, Николая Муравьева".

503. *20 ноября 1887 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о покушеніи на самоубійство воспитинника морского корпуса, Николая Муравьева.

504. *11 февраля 1890 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о несчастномъ случаѣ, происшедшемъ въ ночь на 11 февраля съ сыномъ великобританскаго посла, сэра Роберта Моріера.

505. *21 мая 1891 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о болѣзни тайнаго совѣтника Аракина.

506. *1 сентября 1892 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о самоубійствѣ кн. Крапоткина, офицера л.-гв. Кавалергардскаго полка.

507. *29 ноября 1892 г.* Не помѣщать извѣстій о дѣлѣ Важинскаго и о подобномъ же дѣлѣ въ Надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи.

508. *1 марта 1893 г.* „Не упоминать о гимназистѣ Литвиновѣ".

509. *16 марта 1893 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій и сообщеній о смерти и лѣченіи убитаго московскаго городского головы Алексѣева.

510. *19 марта 1893 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній объ отравленіи лаборанта Петербургскаго университета Н. Н. Хамонтова.

511. *4 мая 1893 г.* Не помѣщать ничего о главномъ врачѣ л.-гв. Павловскаго полка Кондратьевѣ, выбросившемся изъ окна.

512. *16 декабря 1893 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ оскорбленіи епископа Оренбургскаго Макарія.

513. *23 декабря 1893 г.* Не помѣщать ничего объ офицерѣ генеральнаго штаба Геркунѣ, ранившемъ себя въ грудь.

514. *20 января 1894 г.* Не помѣщать ничего о несчастіи въ семействѣ доктора Вельяминова.

515. *10 мая 1894 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній и статей объ убійствѣ Болдыревой въ Пензѣ, до окончанія слѣдствія.

516. *22 ноября 1894 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній о дѣлѣ Звержинскаго, назначенномъ въ Петербургскомъ окружномъ судѣ на 22 ноября.

517. *21 іюня 1895 г.* Не перепечатывать изъ „П. В.“ указъ Сенату о предоставленіи дѣтямъ капитана I ранга Огановича правъ по роду и наслѣдію, принадлежащихъ законнымъ дѣтямъ.

518. *12 января 1896 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о самоубійствѣ доктора т. с. Выводцева.

519. *22 февраля 1896 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій объ обстоятельствахъ смерти члена Александровскаго комитета о раненыхъ, ген.-лейт. Д. П. Григорьева.

520. *27 марта 1896 г.* Не помѣщать больше никакихъ сообщеній о дѣлѣ гравера П., вполнѣ уже выяснившемся.

521. *30 сентября 1896 г.* „Въ непродолжительномъ времени въ Петербургскомъ окружномъ судѣ будетъ разсматриваться дѣло о Владимірѣ Щелгачевѣ, находящемся въ домѣ предварительнаго заключенія. Мать обвиняемаго обратилась ко мнѣ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы дѣло не получило огласки, крайне тяжелой для братьевъ Щелгачева, воспитывающихся въ учебныхъ заведеніяхъ, и могущей вредно повліять на ихъ занятія и положеніе. Признавая вполнѣ уважительными поводы къ сему ходатайству, я покорнѣйше прошу гг. редакторовъ, если признаютъ возможнымъ, воздержаться отъ сообщенія публикѣ какихъ-либо свѣдѣній о семъ дѣлѣ и отъ обнародованія отчетовъ о судебномъ разбирательствѣ этого дѣла“ [1]).

522. *31 октября 1896 г.* Печатая судебный отчетъ по дѣлу гласнаго Петербургской думы, Е. И. Кедрина, обвиняемаго по ст. 1535 улож. о наказ., ограничиваться стенографическимъ отчетомъ о засѣданіи суда, содержаніемъ оглашенныхъ документовъ и краткой резолюціи суда, не допуская никакихъ

---

[1]) Начальники главнаго управленія не разъ издавали циркуляры и своею собственною властью.

разъясненій и выводовъ впредь до объявленія судебнаго рѣшенія въ окончательной формѣ.

523. *9 ноября 1896 г.* Не помѣщать рѣчей, могущихъ быть произнесенными на совершенно частномъ товарищескомъ обѣдѣ, даваемомъ гласному петербургской думы, Е. И. Кедрину, его товарищамъ по адвокатурѣ.

524. *30 января 1897 г.* Не помѣщать статей и отчетовъ по дѣлу Е. И. Кедрина въ судебной палатѣ ранѣе объявленія ея рѣшенія въ окончательной формѣ.

525. *21 апрѣля 1897 г.* Не помѣщать ничего о дѣлѣ кн. Долгорукихъ и Таубе, кромѣ стенографическаго отчета и резолюціи суда.

526. *28 апрѣля 1897 г.* Не помѣщать статей и извѣстій о дѣлѣ Берлинскаго (обвиненіе въ мошенничествѣ), кромѣ стенографическаго отчета и рѣшенія суда въ окончательной формѣ.

527. *29 августа 1897 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 525.

528. *13 марта 1898 г.* Не сообщать о происшествіи 13 марта у подъѣзда Бель-Вю, гдѣ чиновника особыхъ порученій, гр. В. С. Татищева, побилъ неизвѣстный человѣкъ (А. А. Плотниковъ).

529. *18 марта 1898 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 528.

530. *8 мая 1898 г.* Не помѣщать свѣдѣній объ усыновленіи Романова Игнатьевой.

531. *11 мая 1898 г.* Не перепечатывать ни въ цѣломъ, ни въ извлеченіяхъ изъ № 127 „С.-Петерб. Вѣдомостей“ открытаго письма гр. Бобринскаго къ П. К. Шлиппе.

532. *17 октября 1898 г.* На время не помѣщать извѣстій о покушеніи на жизнь и ограбленіи въ Швейцаріи статсъ секретаря Половцева.

533. *6 ноября 1898 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о смерти бывшаго лейтенанта Гурко.

534. *22 ноября 1898 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній объ ученикѣ коммерческаго училища Лозинскомъ и его братѣ, ксендзѣ.

535. *31 марта 1899 г.* Не помѣщать свѣдѣній и статей по поводу судебнаго разбирательства столкновенія кн. Щербатова съ Ольховскимъ.

536. *20 мая 1899 г.* Не помѣщать отчетовъ и извѣстій по судебному дѣлу дворянина Николая Эрна.

537. *3 сентября 1899 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о предварительномъ слѣдствіи по дѣлу объ убійствѣ Болдыревой.

538. *12 сентября 1899 г.* Не помѣщать свѣдѣній о дѣлѣ графини Нирод̀ъ.

539. *5 декабря 1899 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній о происшедшемъ 19 ноября на углу Б. Морской и Синяго моста (Спб.) столкновеніи причисленнаго къ Госуд. Канцеляріи В. Н. Рембелинскаго съ полиціей.

540. *1 іюня 1900 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 538.

541. *16 февраля 1901 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній по дѣлу Тальма и Карпова, кромѣ стенографическаго отчета о сенатскомъ судѣ.

542. *7 марта 1901 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 541.

543. *27 ноября 1901 г.* Впредь до особаго распоряженія не помѣщать никакихъ свѣдѣній о самоубійствѣ предсѣдателя Владимірскаго окружнаго суда, Чайковскаго.

544. *22 декабря 1901 г.* Не помѣщать никакихъ свѣдѣній, а также и отчета о дѣлѣ мѣщанина Янкеля Сосны.

545. *28 августа 1902 г.* Не помѣщать отчета о засѣданіи Харьковскаго окружнаго суда по дѣлу помощ. присяж. пов. Рогачевскаго.

XXII. Смѣсь [1]).

546. *19 марта 1873 г.* Не перепечатывать извѣстія объ изнасилованіи какимъ то педерастомъ гимназиста.

547. *23 января 1875 г.* Не помѣщать объявленій Лондонскаго общества страхованія проигрышей на скачкахъ, какъ равнымъ образомъ ничего, касающагося тотализатора.

548. *19 іюня 1877 г.* Не называть „Agence Générale Russe“ офиціальнымъ изданіемъ.

549. *7 декабря 1885 г.* Не помѣщать никакихъ сообщеній по вопросу о натурализаціи иностранцевъ, возбужденному въ правительственныхъ сферахъ.

---

[1]) №№ 546 — 555 отмѣнены циркуляромъ 14 февраля 1897 г. Изъ №№ 556—559 циркуляромъ 4 августа 1899 г. сохранены №№ 556 и 559, изъ которыхъ первый и №№ 560 и 561 дѣйствительны и въ настоящее время (№ 559 отмѣненъ циркуляромъ 22 іюля 1902 года).

550. *13 августа 1886 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 549.

551. *8 апрѣля 1890 г.* Не помѣщать ничего по поводу слуховъ о попыткахъ нѣкоторыхъ лицъ пріобрѣсти секретные документы.

552. *26 марта 1892 г.* Не называть судовъ Добровольнаго флота крейсерами.

553. *19 октября 1892 г.* „Въ № 5975 „Новаго Времени“ напечатана, по поводу экипажей съ резиновыми шинами, замѣтка крайне неумѣстная, ибо въ ней прямо сказано, что неудивительно, если выведенная изъ терпѣнія публика прибѣгнетъ когда-нибудь къ расправѣ съ владѣльцами такихъ экипажей. Не прибѣгать къ подобнымъ дерзкимъ выходкамъ“.

554. *14 января 1892 г.* Ограничиться сегодняшнимъ правительственнымъ сообщеніемъ и не помѣщать ничего по поводу ареста злоумышленниковъ.

555. *14 апрѣля 1893 г.* Ничего не печатать объ убійствѣ на ст. Плюсса.

556. *27 іюня 1897 г.* Не оглашать свѣдѣній о самоубійствахъ, если на то не послѣдуетъ письменнаго разрѣшенія родителей или ближайшихъ родственниковъ, или же, въ случаѣ отсутствія ихъ, письменнаго разрѣшенія высшаго мѣстнаго полицейскаго начальства. Воспрещается печатаніе о покушеніяхъ на самоубійство, если таковыя происходятъ не въ публичныхъ мѣстахъ.

557. *22 іюля 1897 г.* Подтверждается къ строгому и точному исполненію циркуляръ № 556.

558. *7 ноября 1898 г.* Не помѣщать никакихъ извѣщеній о произведенной, по ошибкѣ, продажѣ траурныхъ убранствъ съ могилы Александра III.

559. *18 ноября 1898 г.* Не указывать такъ называемыхъ фаворитовъ, т. е. лошадей, имѣющихъ лучшіе шансы на выигрышъ приза.

560. *28 апрѣля 1903 г.* Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ въ № 96 „П. В.“ пропущено въ одномъ мѣстѣ слово „Высочайше“—при перепечаткѣ исправить.

561. *13 сентября 1903 г.* Не помѣщать статей о допингѣ.

562. *22 ноября 1903 г.* Не помѣщать никакихъ извѣстій о продѣлкахъ хулигановъ.

КЪ УЧЕНІЮ ОБЪ ОБЪЕКТАХЪ ПРАВЪ.

I.

Вступительныя замѣчанія.

По справедливому замѣчанію Беккера [1]) „понятіе объекта правъ разработано римлянами не болѣе удовлетворительно и въ настоящее время представляется не менѣе спорнымъ, чѣмъ понятіе субъекта правъ“.

1) Общій недостатокъ современной доктрины—отсутствіе разграниченія конкретныхъ отношеній и абстрактныхъ типовъ—отражается и на постановкѣ настоящаго ученія, и прежде всего въ смыслѣ невыдержанности терминологіи. Въ другомъ мѣстѣ [2]) мы уже имѣли случай замѣтить, что „какъ конкретныя отношенія, конкретныя субъективныя права, такъ и абстрактные типы отношеній, абстрактные типы правъ мыслятся состоящими изъ субъектовъ и объектовъ: мы одинаково говоримъ о субъектахъ и объектахъ отдѣльныхъ конкретныхъ правъ, напр. даннаго конкретнаго права собственности, залога и т. д., и о субъектахъ и объектахъ права собственности, залога и т. д. вообще. Между тѣмъ, ясно, что эти термины въ первомъ случаѣ имѣютъ совершенно иной смыслъ и значеніе, чѣмъ во второмъ: субъекты и объекты

---

[1]) Bekker, System des h. Pandektenrechts I, § 20, стр. 61.

[2]) См. *мою* статью „къ ученію о субъектахъ правъ“ въ Вѣстникѣ права за Ноябрь 1904 г., стр. 164 и сл.

конкретныхъ жизненныхъ отношеній, конкретныхъ субъективныхъ правъ сами представляютъ собою извѣстныя *конкретныя, реальныя величины*, которыя могутъ оказывать извѣстное воздѣйствіе на окружающее ихъ, и на которыя можетъ быть оказано воздѣйствіе. Наоборотъ, субъекты и объекты абстрактныхъ типовъ отношеній, правъ in abstracto, сами суть *абстракціи*,—ближе, это абстрактные же типы соотвѣтствующихъ *элементовъ* отношеній, для которыхъ установлены извѣстные характерные, юридически существенные признаки".

Итакъ, терминъ „объектъ права" служитъ не только: 1) для обозначенія *конкретныхъ объектовъ*, характеризующихся извѣстными юридически существенными признаками, благодаря которымъ они подходятъ подъ тотъ или иной абстрактный типъ объекта правъ (напр. подъ типъ движимыхъ или недвижимыхъ вещей, дѣлимыхъ или недѣлимыхъ, главныхъ или принадлежностныхъ вещей, и т. д. и т. д.), но также 2) для обозначенія соотвѣтствующихъ *абстрактныхъ типовъ объектовъ правъ*, (напр. когда мы въ законѣ или въ догматическомъ курсѣ опредѣляемъ общее понятіе вещи, понятіе оборотныхъ и внѣоборотныхъ, главныхъ и принадлежностныхъ, простыхъ и сложныхъ вещей, universitas facti и universitas juris и т. д. въ смыслѣ возможныхъ разновидностей объектовъ правъ).

Неудобства этой невыдержанности терминологіи сказываются особенно рѣзко, какъ будетъ показано ниже, въ ученіи о совокупностяхъ вещей (universitates facti) и объ имущественныхъ массахъ (universitates juris), а также въ ученіи о т. н. нематеріальныхъ благахъ.

2) Но этого мало. Какъ въ примѣненіи къ конкретнымъ отношеніямъ, такъ и въ примѣненіи къ абстрактнымъ типамъ терминъ „объектъ правъ" служитъ не только для обозначенія подлежащаго *элемента* конкретнаго отношенія или абстрактнаго типа,—но также для обозначенія того *результата*, на достиженіе котораго направлено данное конкретное отношеніе или который имѣетъ быть достигнутъ установленіемъ соотвѣтствующаго абстрактнаго типа.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на ходячее разграниченіе вещныхъ и обязательственныхъ правъ.

Первыя характеризуются обыкновенно какъ права непосредственнаго господства надъ вещью, вторыя—какъ права на чужія дѣйствія. Соотвѣтственно съ этимъ объектомъ первыхъ признаются вещи, объектомъ вторыхъ—дѣйствія. Не трудно видѣть, что терминъ „объектъ правъ“ употребляется при этомъ не въ одинаковомъ смыслѣ. Въ первомъ случаѣ (въ примѣненіи къ вещнымъ правамъ) онъ означаетъ тотъ элементъ отношенія, который подвергается воздѣйствію субъекта ради достиженія того или иного результата; такъ напр. объектомъ права собственности является участокъ, который обрабатывается собственникомъ; результатъ, на который направлена обработка, можетъ заключаться, въ зависимости отъ времени года и разныхъ другихъ обстоятельствъ, въ посѣвѣ хлѣба, или въ сборѣ урожая, въ сооруженіи какой-нибудь постройки или въ сносѣ таковой, и т. д. и т. д.; во всякомъ случаѣ, этотъ результатъ, который имѣетъ быть достигнутъ путемъ использованія участка, строго отличается отъ самаго участка.

Напротивъ, когда мы говоримъ, что объектомъ обязательственныхъ требованій являются тѣ или иныя дѣйствія третьихъ лицъ, то терминъ „объектъ“ очевидно не обозначаетъ элемента отношенія, а то, къ чему отношеніе должно привести, что отъ него ожидается какъ результатъ его. Въ самомъ дѣлѣ, *отношеніе какъ таковое возможно между лицами A и B, но не между лицомъ A и дѣйствіемъ лица B:* ибо не говоря уже о томъ, что дѣйствіе не отдѣлимо отъ личности, совершающей его,—оно, пока оно не совершено, вообще не есть in rerum natura, не представляетъ собою какой нибудь реальности, чего либо уже существующаго, а лишь нѣчто *возможное*, могущее имѣть мѣсто *въ будущемъ*. Между тѣмъ, воздѣйствіе можно оказывать только на то, что уже находится in rerum natura.

Поэтому, дѣйствіе другого лица никоимъ образомъ не можетъ служить элементомъ отношенія.

А разъ это такъ, то говорить о чужихъ дѣйствіяхъ какъ объектахъ обязательственныхъ правъ, никоимъ образомъ не слѣдуетъ: подобная характеристика лишь содѣйствуетъ смѣшенію понятій.

Тоже самое mutatis mutandis слѣдуетъ сказать и относительно

тѣхъ попытокъ характеристики обязательственныхъ правъ, которыя усматриваютъ сущность ихъ въ обязанности должника къ доставленію чего либо кредитору, (то, что̀ нѣмцы называютъ Pflicht zu einer Leistung). Правда, Leistung между прочимъ можетъ быть направлена на доставленіе какой нибудь реальной вещи, которая какъ таковая составляетъ элементъ (или точнѣе одинъ изъ элементовъ) подлежащаго отношенія. Но самый *актъ доставленія*, въ которомъ собственно и усматривается сущность обязательственнаго отношенія, предполагая совершеніе извѣстныхъ дѣйствій, несомнѣнно относится къ будущему времени, и поэтому элементомъ наличнаго отношенія сочтенъ быть не можетъ. Поэтому и Leistung неправильно называть объектомъ отношенія [1]).

3). Для довершенія путаницы понятій говорятъ не только объ объектахъ (субъективныхъ) правъ, но и объ *объектахъ права (въ объективномъ смыслѣ)*, Objekte des Reichts въ противоположность Reichtsobjekte. Это очевидно чисто метафорическій способъ выраженія. Понимаютъ подъ этимъ съ одной стороны то, что съ точки зрѣнія критическаго наблюдателя составляетъ или уже составило предметъ юридической регламентаціи, т. е. соотвѣтствующія массовыя соціальныя отношенія,—съ другой стороны то, что имѣетъ быть достигнуто подлежащей регламентаціей, результаты, къ которымъ она стремится, и которые мыслятся въ видѣ *особыхъ, подлежащихъ охранѣ абстрактныхъ „правовыхъ благъ“*, какъ то честь, свобода, неприкосновенность личности и имущества, святость брака, незыблемость существующаго политическаго или соціальнаго строя, и т. д. и т. д.

Эта послѣдняя терминологія особенно распространена въ доктринѣ публичнаго права вообще и уголовнаго права въ особенности. Въ доктринѣ гражданскаго права нѣкоторыя изъ названныхъ правовыхъ благъ, какъ то честь, свобода, не-

---

[1]) Другая область, въ которой наблюдается то же смѣшеніе объекта въ смыслѣ элемента отношенія съ объектомъ въ смыслѣ результата, на достиженіе котораго направлено отношеніе, составляютъ т. н. права личности и тѣсно связанныя съ ними права на т. н. нематеріальныя блага. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

прикосновенность личности, вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ „нематеріальныхъ“ благъ разсматриваются какъ объекты особой категоріи субъективныхъ правъ, т. н. правъ личности (Persönlichkeitsrechte): такъ говорятъ объ особомъ правѣ на жизнь, на честь, на свободу...

4). Подводя итоги всему сказанному, мы вынуждены констатировать полное отсутствіе яснаго пониманія интересующаго насъ термина „объектъ правъ“. A priori ясно, что невыдержанность терминологіи должна была повлечь за собою путаницу понятій и по существу настоящаго ученія. Въ этомъ окончательно долженъ будетъ убѣдить насъ обзоръ литературы вопроса, къ которому мы теперь и обращаемся.

II.

Литература вопроса.

I. Савинѣи не останавливается ближе на понятіи объекта правъ. Лишь вскользь онъ характеризуетъ объектъ юридическихъ отношеній какъ „то, что чрезъ посредство нихъ (т. е. юридическихъ отношеній) собственно подчиняется нашей волѣ“ [1]).

Гораздо подробнѣе трактуетъ объ этомъ Пухта [2]). Онъ начинаетъ съ того, что „всякое право есть господство надъ предметомъ, который въ силу этого права подчиняется волѣ управомоченнаго лица“. Въ частности, онъ различаетъ: 1) право на собственную личность (Recht an der eigenen Person), куда онъ относитъ и право владѣнія; 2) право на вещь, предполагающее полное или частичное подчиненіе вещи; 3) право на дѣйствіе другаго лица или обязательство; 4) право на другую личность внѣ насъ (какъ то potestas, manus, mancipium); наконецъ 5) право на вошедшую въ насъ личность (Recht an einer in uns übergegangenen Person), т. е. право наслѣдованія. Такимъ образомъ, согласно ученію Пухты воз-

---

[1]) System d. h. röm. Rechts, т. I, § 58, стр. 386, съ ссылкой на Пухту.

[2]) Cursus der Institutionen, т. II[8], стр. 60—63. Ср. т. I[8], § 30, стр. 47 и сл.

можными объектами правъ признаются: собственная личность, вещи, чужія дѣйствія, чужая личность, существующая отдѣльно отъ насъ, чужая личность, вошедшая въ насъ.

Классификація Пухты вызываетъ цѣлый рядъ возраженій: достаточно отмѣтить, что онъ, причисляя къ объектамъ правъ наряду съ лицами и вещами также дѣйствія, явно смѣшиваетъ объекты въ смыслѣ элементовъ отношеній съ объектами въ смыслѣ результатовъ, на достиженіе которыхъ отношенія направлены; сверхъ того онъ выдѣляетъ въ качествѣ самостоятельнаго объекта „личность, вошедшую въ насъ“, т. е. попросту говоря, лицъ умершихъ, выбывшихъ разъ на всегда изъ числа реальныхъ субъектовъ и объектовъ.

II. Одну изъ первыхъ попытокъ разобраться въ установившейся сбивчивой терминологіи сдѣлалъ Унгеръ, который обсуждаетъ вопросъ объ объектахъ правъ въ связи съ вопросомъ о предметѣ частныхъ правъ [1]). „Выраженіе *предметъ права* (Gegenstand des Rechtes), говоритъ онъ, благодаря различному смыслу, которымъ обладаетъ терминъ предметъ вообще, служитъ для обозначенія нѣсколькихъ существенно отличныхъ другъ отъ друга понятій“. Въ частности, онъ различаетъ слѣдующія комбинаціи.

Во 1-хъ, говоритъ онъ, „субъективное право есть власть, которую имѣетъ одна воля надъ другими волями: въ силу признаннаго за нами права воля другихъ лицъ подчиняется нашей волѣ. И вотъ, поскольку всякое господство предполагаетъ нѣчто, что господствуетъ, и нѣчто, надъ чѣмъ господствуютъ, и поскольку то, надъ чѣмъ господствуютъ, въ качествѣ объекта господства составляетъ предметъ его (das Beherrschte als das Objekt der Herrschaft Gegenstand derselben genannt),—можно сказать, что *общимъ предметомъ всякаго права является воля третьихъ лицъ*“.

Во 2-хъ, продолжаетъ Унгеръ, „выраженіе предметъ часто обозначаетъ и то, на что нѣчто направлено (dasjenige, worauf etwas gerichtet ist)“. Въ этомъ смыслѣ, поясняетъ онъ, гово-

---

[1]) Unger, System des österr. allgem. Privatrechts, I⁴, § 59, стр. 499 и сл.

рять напр. о дѣйствіи, какъ о предметѣ обязательственнаго права, и даже о (полномъ или частичномъ) господствѣ надъ тѣлесной вещью какъ о предметѣ вещнаго права. „Въ этомъ смыслѣ предметъ означаетъ то, что человѣкъ при посредствѣ (своего) права въ состояніи достигнуть, что̀ въ силу своего права онъ можетъ предпринять или чего онъ можетъ потребовать отъ другихъ, т. е. въ этихъ случаяхъ *предметъ* означаетъ то-же, что̀ иначе обозначаютъ словомъ *содержаніе* (in diesen Fällen bedeutet Gegenstand dasjenige, was man sonst mit dem Ausdruck Inhalt bezeichnet)“. Такъ, дѣйствіе составляетъ содержаніе обязательственнаго права, господство надъ тѣлесной вещью составляетъ содержаніе вещнаго права, и т. д.

Наконецъ, въ 3-хъ, „выраженіе предметъ права въ совершенно особомъ смыслѣ употребляется для обозначенія *субстрата*, надъ которымъ ближайшимъ образомъ и непосредственно проявляется покоящееся на правѣ и охраняемое правомъ физическое господство. Здѣсь предметъ права означаетъ подчиненные нашему физическому господству *объекты чувственнаго міра*, т. е. (тѣлесныя) вещи, надъ которыми человѣкъ осуществляетъ свое господство“. О предметѣ въ этомъ смыслѣ, замѣчаетъ Унгеръ, можно говорить только въ примѣненіи къ вещному праву: „ни у какого другаго права не имѣется такой отдѣльный отъ воли третьихъ лицъ, самостоятельный субстратъ, надъ которымъ могли бы проявиться наша власть и господство“. „Неправильно поэтому говорить, прибавляетъ Унгеръ, хотя это часто и дѣлается, будто въ обязательственномъ правѣ непосредственнымъ предметомъ права является дѣйствіе, въ вещномъ правѣ вещь. Дѣло въ томъ, что *дѣйствіе нельзя ставить въ одинъ рядъ съ вещью, такъ какъ оно не есть реально существующій субстратъ*, надъ которымъ могли бы быть проявлены власть или господство... Въ обязательственномъ правѣ нѣтъ вовсе субстрата права, дѣйствіе составляетъ предметъ права лишь постольку, поскольку подъ предметомъ понимаютъ содержаніе права“...

Переходя засимъ къ анализу понятія *объектъ права*, Унгеръ отмѣчаетъ, что и этотъ терминъ не имѣетъ устано-

вившагося значенія [1]). „Нѣкоторые прилагаютъ выраженіе объектъ права только къ (тѣлеснымъ) вещамъ, но въ большинствѣ случаевъ этотъ терминъ служитъ для обозначенія какъ (тѣлесныхъ) *вещей*, которыя составляютъ субстратъ нашего физическаго и юридическаго господства, такъ и *дѣйствій* (безтѣлесныхъ предметовъ правъ), которыхъ мы въ силу нашего права можемъ требовать отъ другихъ".

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Унгера содержится немало цѣннаго. Правда, попытка разграниченія понятій „предмета" и „объекта" правъ по существу своему не можетъ быть признана удачной. Поскольку терминъ „предметъ права" служитъ для обозначенія того же, какъ и терминъ „объектъ права", онъ представляется излишнимъ; поскольку онъ означаетъ то же, что и терминъ „содержаніе права", употребленіе его грозитъ постояннымъ смѣшеніемъ понятій. Можно также спорить противъ утвержденія Унгера, будто одни только вещныя права обладаютъ реальнымъ субстратомъ, надъ которымъ проявляется надлежащее господство: онъ при этомъ упускаетъ изъ виду, что такимъ реальнымъ субстратомъ наряду съ вещами могутъ служить и лица, и въ частности тѣ лица, отъ которыхъ требуется совершеніе извѣстныхъ дѣйствій.

Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что „*общимъ* предметомъ всякаго права является воля третьихъ лицъ: самое понятіе „общаго" предмета (который противополагается Унгеромъ „непосредственному" предмету или реальному субстрату) совершенно искусственное: это явствуетъ изъ того, что воля въ смыслѣ абстрактной способности вообще не есть нѣчто эмпирически данное, а въ смыслѣ конкретнаго волевого акта она имѣетъ для права значеніе лишь постольку, поскольку она проявляется во внѣ въ какомъ нибудь дѣйствіи. Поэтому, утвержденіе, что общимъ предметомъ всякаго права является воля третьихъ лицъ, равносильно утвержденію, что общимъ предметомъ всякаго права являются дѣйствія другихъ лицъ. Между тѣмъ, дѣйствіе въ смыслѣ предмета или объекта права отождествляется самимъ Унгеромъ съ содержа-

[1]) Тамъ же, стр. 501.

ніемъ права. Отсюда слѣдуетъ, что съ его собственной точки зрѣнія понятія „общаго предмета права“ и „содержанія права“ въ данномъ случаѣ сливаются.

За всѣмъ тѣмъ, нельзя не признать крупной заслуги Унгера въ самомъ указаніи его на неустойчивость и сбивчивость существующей терминологіи.

Весьма цѣнно также его замѣчаніе, что дѣйствія нельзя ставить въ одинъ рядъ съ вещами, такъ какъ только послѣднія составляютъ самостоятельные реальные „субстраты“ или точнѣе элементы отношеній, на которые можетъ быть оказано воздѣйствіе. Жаль только, что онъ самъ ставитъ на одну доску собственныя дѣйствія субъектовъ правъ и дѣйствія третьихъ (съ точки зрѣнія этихъ субъектовъ) лицъ, сводя тѣ и другія къ понятію „содержанія“ правъ, въ томъ смыслѣ, что первыя составляютъ содержаніе вещныхъ, а вторыя—содержаніе обязательственныхъ правъ. Это приводитъ въ свою очередь къ смѣшенію понятій: прежде всего смѣшивается содержаніе отношеній управомоченности (которыя одни выражаются въ собственныхъ дѣйствіяхъ подлежащихъ субъектовъ правъ) и содержаніе корреспондирующихъ имъ отношеній долженствованія (которыя выражаются въ дѣйствіяхъ третьихъ лицъ, именно подлежащихъ субъектовъ обязанностей); вмѣстѣ съ тѣмъ упускается изъ виду, что если даже признать исчерпывающимъ опредѣленіе обязательственныхъ правъ какъ правъ, направленныхъ на тѣ или иныя дѣйствія должника, все же съ точки зрѣнія управомоченнаго лица, кредитора, дѣйствіе противной стороны составляетъ не содержаніе его права, а *результатъ*, котораго онъ желаетъ добиться въ качествѣ ближайшаго средства для достиженія того или иного дальнѣйшаго эффекта, результатъ, на который направлено его отношеніе къ противной сторонѣ.

III. Обращаясь отъ критической оцѣнки разсужденій Унгера къ вопросу о вліяніи, которое они оказали на дальнѣйшую литературную разработку настоящей проблемы, нельзя не отмѣтить, что на первыхъ порахъ его анализъ повлекъ за собою довольно неожиданное послѣдствіе. А именно, большинство пандектистовъ и цивилистовъ стало весьма береж-

но обходить понятіе объекта правъ, избѣгая вовсе касаться его, или касаясь его лишь вскользь. Достаточно указать въ этомъ отношеніи хотя бы на Виндшейда и Дернбурга.

Виндшейдъ въ своемъ знаменитомъ учебникѣ пандектнаго права нигдѣ ex professo не упоминаетъ объ объектахъ правъ: въ его систематикѣ этотъ отдѣлъ совершенно отсутствуетъ: послѣ ученія о субъектахъ правъ слѣдуетъ прямо ученіе о возникновеніи, прекращеніи и измѣненіи правъ. Лишь вскользь встрѣчаются указанія на „предметъ правъ“, Gegenstand der Rechte. Такъ, касаясь вопроса о различіи вещныхъ и обязательственныхъ правъ [1]), Виндшейдъ замѣчаетъ между прочимъ, что „нѣкоторые говорятъ, что вещное право есть право на вещь, и что оно имѣетъ своимъ *предметомъ* вещь“; тутъ же въ выноскѣ лаконическая ссылка такого рода: „см. о „предметѣ права“ Унгеръ I, стр. 499—503“. Въ другомъ мѣстѣ [2]), останавливаясь на вопросѣ о томъ, могутъ ли права служить предметами правъ, Виндшейдъ, вмѣсто того, чтобы начать съ анализа понятія предмета правъ, ограничивается констатированіемъ того, что „смыслъ получается неодинаковый, когда говорятъ о вещи и когда говорятъ о правѣ какъ объ объектѣ права“; это положеніе не выигрываетъ въ ясности отъ дальнѣйшаго утвержденія, что „нельзя говорить о правѣ на собственное право, и что хотя въ отношеніи права на чужое право *непосредственнымъ предметомъ* является право, но *дальнѣйшимъ предметомъ* чрезъ посредство этого права является вещь, на которую существуетъ право, а также, если предметомъ личнаго права угодно называть обязанное лицо, то и это лицо“ [3]).—О предметахъ правъ говорится у Виндшейда еще въ связи съ анализомъ понятія вещи [4]). И

---

[1]) Lehrbuch, изд. 7, I, § 38.

[2]) Тамъ же, I, § 48a.

[3]) „Dass auch das Recht an einem fremden Recht zwar zum unmittelbaren Gegenstand das Recht, aber durch dieses Recht hindurch als ferneren Gegenstand die Sache, an welcher das Recht stattfindet, und, wenn man als Gegenstand des persönlichen Rechts die verpflichtete Person bezeichnen will, auch diese Person hat“.

[4]) Тамъ же, I, § 137. Ученіе о „понятіи и юридически существенныхъ различіяхъ вещей“ предпосылается у Виндшейда ученію о вещныхъ правахъ, составляя въ систематическомъ отношеніи первую главу этого ученія.

здѣсь онъ не вдается въ ближайшее выясненіе этого понятія, а просто говоритъ, что въ понятіе вещи входитъ моментъ реальнаго бытія, тѣлесности, но что „положительному праву не возбраняется уподоблять существующіе лишь въ нашемъ мышленіи объекты (bloss gedachte Dinge), въ качествѣ предметовъ правоотношеній, вообще или въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отношеніяхъ, тѣлеснымъ вещамъ. Поскольку оно (положительное право) это дѣйствительно дѣлаетъ, вполнѣ допустимо говорить о безтѣлесныхъ вещахъ“. Наконецъ, касаясь спеціальнаго вопроса о предметѣ обязательственныхъ правъ, Виндшейдъ констатируетъ, что этотъ терминъ употребляется въ различномъ смыслѣ [1]). „Подъ этимъ терминомъ можно подразумѣвать, какъ это дѣлается здѣсь (т. е. въ указанномъ мѣстѣ у Виндшейда), то *дѣйствіе*, котораго можно требовать въ силу обязательственнаго права. Но можно также понимать подъ нимъ *лицо*, которое должно совершить дѣйствіе, если только исходить изъ неточнаго, но распространеннаго представленія, согласно которому въ вещномъ правѣ господство распространяется на вещь, а въ обязательственномъ правѣ на личность обязаннаго лица. Наконецъ, трудно избѣжать и еще одно словоупотребленіе, хотя и оно неточное,—а именно, словоупотребленіе, согласно которому и *вещь*, доставленія которой (во владѣніе, въ пользованіе, въ собственность) можно требовать въ силу обязательственнаго права, характеризуется какъ предметъ обязательственнаго права“. Къ этому Виндшейдъ прибавляетъ: „было бы весьма желательно, если бы оказалось возможнымъ устранить употребленіе одного и того же термина въ различномъ смыслѣ (Mehrdeutigkeit) путемъ введенія новыхъ терминовъ, но такихъ терминовъ не имѣется. Въ виду этого остается лишь одно—обращать вниманіе на указанное различіе въ смыслѣ и предупреждать отъ опасности употребленія этого термина незамѣтно то въ одномъ, то въ другомъ смыслѣ“.

Такимъ образомъ, и Виндшейдъ въ конечномъ результатѣ приходитъ къ признанію того, что въ ученіи объ объектѣ

---

[1]) Тамъ же, II, § 252, прим. 1.

или предметѣ правъ нѣтъ твердо установившейся терминологіи, напротивъ, одни и тѣ же термины употребляются въ различномъ смыслѣ. Правда, онъ непосредственно устанавливаетъ это положеніе только въ примѣненіи къ ученію о предметѣ обязательственныхъ правъ. Но то, что вѣрно по отношенію къ этому спеціальному ученію, не менѣе вѣрно по отношенію къ общему ученію о предметѣ или объектѣ правъ вообще, въ составъ котораго входитъ и названное спеціальное ученіе. Лучшимъ доказательствомъ этого является отсутствіе сколько нибудь опредѣленной постановки всего этого ученія у самого Виндшейда и вытекающая отсюда отрывочность, неясность и неточность отдѣльныхъ его разсужденій о предметѣ правъ, разсужденій, не объединенныхъ какими нибудь опредѣленными руководящими положеніями.

Весьма характерную постановку интересующаго насъ вопроса мы встрѣчаемъ у Дернбурга. Замѣчательная способность этого ученаго обходить неудобныя проблемы сказывается и въ данномъ случаѣ. Съ внѣшней стороны все обстоитъ благополучно: послѣ отдѣла о субъектахъ правъ слѣдуетъ отдѣлъ, озаглавленный „von den Rechtsobjecten“ [1]). Но напрасно мы бы стали искать подъ этимъ заглавіемъ самаго ученія объ объектахъ правъ. Дернбургъ не даетъ даже простого опредѣленія этого понятія, а ограничивается изложеніемъ ученія о вещахъ, которыя онъ въ данномъ мѣстѣ видимо отождествляетъ съ объектами правъ. При такой постановкѣ вопроса весьма понятно, что Дернбургъ избѣгаетъ также касаться по существу вопроса о „правѣ на право“. Останавливаясь на немъ въ связи съ изложеніемъ ученія о quasi ususfructus [2]), онъ просто замѣчаетъ, что „допущеніе понятія права на право не можетъ быть признано логически невозможнымъ. Другой однако вопросъ, знаетъ ли *римское* право подобныя права на права. Это не можетъ быть доказано. Римское право ограничиваетъ вещныя права кругомъ тѣлес-

---

[1]) Pandecten I, изд. 7, стр. 154 и сл.

[2]) Тамъ же I, § 249, пр. 8. Begrifflich „unmöglich“ kann also das Recht am Rechte nicht sein.

ныхъ вещей". Также свободно онъ обходитъ общую проблему тамъ, гдѣ ему приходится касаться предмета обязательственныхъ отношеній. По этому поводу оно замѣчаетъ [1]): „Предметомъ обязательства *въ зависимости отъ точки зрѣнія, которую занимаютъ*, считается или *дѣйствіе*, къ которому лицо обязано, или *личность* должника, или *воля* его или его *имущество*, или наконецъ то, *что имѣетъ быть исполнено*. Въ практической жизни однако предметомъ обязательства считаютъ, пропуская всѣ промежуточныя звенья, исключительно только то, что подлежитъ исполненію". Къ этому прибавляется успокоительное заявленіе, что съ такой постановкой вопроса согласны и римскіе юристы...

IV. Намъ нѣтъ нужды приводить дальнѣйшіе примѣры аналогичнаго отношенія къ интересующей насъ проблемѣ: ихъ не перечесть [2]). Мы предпочитаемъ перейти къ тѣмъ изъ новѣйшихъ писателей, у кого встрѣчаются серьезныя попытки выбраться изъ всей этой путаницы и прійти къ тѣмъ или инымъ опредѣленнымъ положеніямъ. Въ этомъ отношеніи изъ романистовъ обращаютъ на себя вниманіе Беккеръ и Регельсбергеръ.

Вотъ основныя положенія Беккера [3]): 1) слѣдуетъ прежде всего признать, что возможны *права безъ объекта*. 2) Римское право допускаетъ въ качествѣ объектовъ правъ только *тѣлесные предметы*, лицъ и вещи; современное право сверхъ того знаетъ и *безтѣлесныя вещи*. Кромѣ того, и *права* могутъ служить въ извѣстномъ смыслѣ объектами правъ... Эти

---

[1]) Тамъ же, II, § 23, стр. 67.

[2]) Ср. напр. Wendt, Lehrbuch der Pandecten, который отождествляетъ понятія объекта правъ и вещи, стр. 65, заглавіе; Baron, Pandecten, у котораго терминъ „объектъ правъ" вовсе не встрѣчается; Bruns—(Eck-Mitteis), das Pandectenrecht въ Encyclopädie der Rechtswissenschaft Holtzendorf'a, 6 изд. Kohler'a, т. I, стр. 318, который ограничивается установленіемъ факта, что терминъ „предметъ правъ" употребляется въ весьма различномъ смыслѣ, обозначая то лицъ и вещи, надъ которыми пріобрѣтается юридическое господство, то дѣйствія, которыя лицо имѣетъ право совершать, то обязанность третьихъ лицъ, а въ обязательственныхъ отношеніяхъ также дѣйствія должника и даже вещи, которыя кредиторъ имѣетъ получить при посредствѣ обязательства.

[3]) System d. Pandectenrechts, I, § 20, стр. 61 и сл.

основныя положенія въ рядѣ особыхъ приложеній (Beilagen) подвергаются болѣе детальной разработкѣ.

Изъ приведенныхъ положеній слѣдуетъ прежде всего остановиться на первомъ. Беккеръ утверждаетъ [1]), что „противоположеніе правъ, имѣющихъ опредѣленный объектъ, и правъ безъобъектныхъ (Rechte an einem Objekt und ohne Objekt) покоится на непосредственномъ воспріятіи. Никто прежде всего не усумнится въ томъ, что собственность, jus possessionis, patria potestas суть права, имѣющія опредѣленный объектъ, и что право гражданства, jus honorum и jus suffragii, testamenti factio и т. д. лишены объекта". При ближайшемъ анализѣ, продолжаетъ Беккеръ, возникаетъ правда рядъ сомнѣній, напр., что̀ именно in concreto составляетъ объектъ даннаго права, напр. въ примѣненіи къ обязательствамъ личность ли должника или его дѣйствіе; имѣетъ ли данное право одинъ объектъ или два, напр. въ обязательствѣ личность и имущество должника; обладаютъ ли извѣстныя права, напр. отрицательныя, объектомъ или нѣтъ. „Но за всѣмъ тѣмъ сущность противоположенія сохраняетъ полную опредѣленность (aber trotz alledem bleibt dem kern des Gegensatzes seine handfeste Haltbarkeit)".

Нетрудно убѣдиться, что въ основѣ этого положенія о существованіи особой категоріи *безъобъектныхъ правъ* лежитъ явное *смѣшеніе понятій:* Беккеръ не отличаетъ права въ смыслѣ извѣстнаго конкретнаго отношенія отъ права въ смыслѣ извѣстной абстрактной способности. Конкретное отношеніе столь же немыслимо безъ объекта, сколь оно немыслимо безъ субъекта: гдѣ нѣтъ субъекта и объекта, тамъ нѣтъ и не можетъ быть реальнаго отношенія Напротивъ, абстрактная „способность" или точнѣе правоспособность, (общая или спеціальная), служа лишь сокращеннымъ обозначеніемъ извѣстной суммы юридическихъ фактовъ, юридически существенныхъ признаковъ, которыми характеризуется данный субъектъ какъ таковой, независимо отъ того, въ какихъ спеціальныхъ отношеніяхъ онъ состоитъ in concreto [2]), конечно, не предпола-

---

[1]) Тамъ же I, § 18, стр. 50, прилож. III.

[2]) См. объ этомъ мою статью „къ ученію о субъектахъ правъ" въ В. Пр. за Ноябрь 1904 г., стр. 166—167.

гаетъ опредѣленнаго объекта. Такое именно значеніе имѣютъ безъобъектныя права Беккера: „право“ гражданства, „право“ избирать и быть избираемымъ, „право“ составленія завѣщаній, и т. д.: все это не „права“, а элементы „правоспособности“, которыми лишь предрѣшается, въ какихъ предѣлахъ тѣ или иныя конкретныя отношенія, въ которыя вступаютъ подлежащіе субъекты, могутъ пріобрѣсти юридическое значеніе.

Такимъ образомъ мысль о существованіи безъобъектныхъ правъ столь же несостоятельна, какъ и мысль о существованіи безъсубъектныхъ правъ.

Обращаясь, засимъ, къ перечню возможныхъ объектовъ правъ, даваемому Беккеромъ, мы видимъ, что въ одномъ мѣстѣ [1]) онъ сводитъ ихъ къ четыремъ рубрикамъ: объектами могутъ быть *лица* (въ сферѣ чисто личныхъ и семейственныхъ правъ), *лица и имущества* или одни только *имущества* (въ сферѣ обязательственныхъ правъ), *тѣлесныя вещи* (въ сферѣ вещныхъ правъ), и, наконецъ, *безтѣлесныя вещи* или нематеріальныя блага. Въ другомъ мѣстѣ [2]) онъ различаетъ тѣлесные предметы, т. е. лицъ и вещи, и безтѣлесные предметы; сверхъ того въ качествѣ возможныхъ объектовъ правъ упоминаются, не безъ колебаній, также права.

Въ томъ и въ другомъ перечнѣ уже не встрѣчаются дѣйствія въ качествѣ объектовъ правъ: зато, наряду съ тѣлесными вещами, упоминается категорія безтѣлесныхъ вещей. Относительно послѣднихъ Беккеръ замѣчаетъ [3]), что „уразумѣніе сущности этихъ безтѣлесныхъ вещей связано съ особыми затрудненіями. Очевидно, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ новымъ и своеобразнымъ субстратомъ человѣческаго юридическаго господства“. Такія неопредѣленныя фразы, конечно, мало разъясняютъ сущность дѣла.

Гораздо опредѣленнѣе и точнѣе формулируетъ свои мысли Регельсбергеръ [4]). Сказанное имъ едва ли не лучшее, что

---

[1]) System, I, § 25, стр. 76.
[2]) Тамъ же, § 20, стр. 62.
[3]) Тамъ же, § 20 прилож. 1, стр. 63.
[4]) Pandekten, I, § 94, стр. 357 и сл.

мы встрѣчаемъ въ литературѣ по вопросу объ объектахъ правъ.

Онъ прежде всего отмѣчаетъ, что терминъ объектъ правъ или предметъ правъ имѣетъ нѣсколько значеній. Говорятъ какъ объ объектѣ юридическихъ нормъ, такъ и объ объектѣ субъективныхъ правъ.

„Объектъ правъ“ и въ послѣднемъ смыслѣ служитъ для обозначенія различныхъ вещей: иногда имъ обозначается *вещь*, которая въ силу права подчинена господству правообладателя, иногда *то, на что право направлено*. Такъ, объектомъ въ примѣненіи къ обязательствамъ называютъ и самое доставленіе чего либо, (die Leistùng), и тѣлесный предметъ, имѣющій быть доставленнымъ. Правильнѣе, однако, замѣчаетъ Регельсбергеръ, называть то, на что право напрэвлено, содержаніемъ его, и сохранить выраженіе „объектъ права“ для обозначенія *предмета господства* (Gegenstaud der Beherrschung), того, съ чѣмъ въ нашемъ представленіи право связано.

Установивъ такимъ образомъ точный смыслъ основнаго понятія „объекта правъ“, Регельсбергеръ дальше замѣчаетъ, что возможными объектами правъ являются вещи и лица. Въ частности, лицо является предметомъ юридическаго господства въ области семейственныхъ и обязательственныхъ отношеній. Правда, послѣднее не является общепризнаннымъ. Предметомъ обязательственныхъ отношеній одни считаютъ (имѣющее быть исполненнымъ) дѣйствіе, другіе волю, третьи имущество должника.

Однако, первая теорія смѣшиваетъ цѣль съ предметомъ (verwechselt das Ziel mit dem Gegenstand). Противъ второй слѣдуетъ возразить, что воля не имѣетъ обособленнаго отъ носителя ея бытія: разъ связана моя воля, я связанъ. Что касается третьей теоріи, то независимо отъ того, что встрѣчаются обязательства неимущественнаго характера (von nicht vermögensrechtlichem Jnhalt), нельзя не замѣтить, что хотя обязательственное право и охватываетъ въ настоящее время активное имущество должника, однако, связь эта все же весьма слаба и никоимъ образомъ не минуетъ личности должника,

а устанавливается лишь чрезъ посредство личности его (geht immerhin durch die Person des Schuldners hindurch).

Въ новѣйшемъ правѣ въ кругъ объектовъ правъ вступили сверхъ того *безтѣлесные продукты духовной дѣятельности* (die unkörperlichen Schöpfungen der geistigen Thätigkeit), именно научныя и художественныя творенія, изобрѣтенія, образцы и модели. „*Эти продукты съ момента производства ихъ пріобрѣтаютъ нѣкоторое самостоятельное бытіе*, допускаютъ обособленную хозяйственную эксплоатацію, могутъ быть сдѣланы предметомъ передачи и въ отношеніи ихъ юридическая охрана становится столь же возможной, сколько они въ ней нуждаются“ [1]).

Далѣе, Регельсбергеръ останавливается на вопросѣ о томъ, мыслимы ли права на права, или иначе, могутъ ли *права* быть признаны объектами правъ. Онъ высказывается противъ этого. Мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ, (напр. при ususfructus nominis, pignus nominis, pignus pignoris и т. п.) „проявленія правомочія на установленіе своеобразныхъ вещныхъ или обязательственныхъ правъ, родственнаго правомочію собственника на установленіе ограниченныхъ вещныхъ правъ“ [2]).

Наконецъ, онъ касается вопроса о томъ, можетъ ли *имущество* быть разсматриваемо какъ объектъ правъ. Онъ высказывается и здѣсь противъ подобной мысли. Имущество есть лишь правовое понятіе (Rechtsbegriff), но не объектъ правъ (kein Rechtsobjekt) [3]).

Обращаясь къ критической оцѣнкѣ приведенныхъ положеній Регельсбергера, нельзя прежде всего не отмѣтить логической стройности и послѣдовательности хода развитія его мыслей, чѣмъ его теорія столь выгодно отличается отъ другихъ теорій. Онъ не довольствуется простымъ констатированіемъ факта, что терминъ „объектъ правъ“ употребляется

---

[1]) Тамъ же, стр. 359.

[2]) Тамъ же, стр. 360. Wie haben in den genannten Rechten Ausflüsse einer Befugniss zur Begründung eigenartiger dinglicher oder obligatorischer Rechte vor uns, verwandt der Befugniss des Eigenthümers zur Bestellung von beschränkten Sachenrechten.

[3]) Тамъ же, стр. 360.

въ различныхъ смыслахъ, не довольствуется также механическимъ перечнемъ различныхъ значеній этого термина. Онъ указываетъ, какой техническій смыслъ и почему именно этотъ, а не иной смыслъ, слѣдуетъ придавать данному термину; онъ анализируетъ дальше кругъ возможныхъ объектовъ правъ и строго очерчиваетъ его въ соотвѣтствіи съ принятой имъ исходной точкой, всюду, хоть и вкратцѣ, мотивируя свой взглядъ, объясняя, почему онъ смотритъ такъ, а не иначе. Нигдѣ нѣтъ неясныхъ, расплывчатыхъ фразъ, вездѣ точныя, ясныя положенія.

Можно, конечно, спорить противъ отдѣльныхъ пунктовъ, и въ частности противъ допущенія особой категоріи „безтѣлесныхъ продуктовъ духовной дѣятельности“. Мы къ этому еще вернемся. Но все же въ общемъ теорія Регельсбергера представляетъ громадный шагъ впередъ: онъ въ значительной мѣрѣ расчистилъ путь для правильнаго построенія ученія объ объектахъ правъ. Въ этомъ его весьма большая заслуга.

V. Для полноты можно указать еще на своеобразную теорію Московскаго профессора Соколовскаго [1]), который, впрочемъ, непосредственно касается только вопроса объ объектахъ *вещныхъ* правъ. Задавшись цѣлью выяснить вліяніе античной философіи на римскую юриспруденцію и римское право въ указанной области, Соколовскій до того увлекся построеніями античныхъ философовъ о соотношеніи между формой и матеріей, между идеей и реальнымъ бытіемъ, что самъ поддался ихъ вліянію. По его мнѣнію, объектами правъ и въ частности вещныхъ правъ являются, съ одной стороны, *тѣлесныя вещи*, съ другой стороны, *понятія*. Вотъ какъ онъ обосновываетъ это положеніе: [2]) „все, что подчиняется волѣ правоспособнаго субъекта, носитъ названіе res. Область, которую обнимаютъ эти объекты, весьма обширна, ихъ главный признакъ *конкретная опредѣленность* (die konkrete Bestimmtheit). Засимъ предметомъ господства можетъ быть *нѣчто*

---

[1]) Sokolowski, die Philosophie im Privatrecht. Подзаглавіе: Sachbegriff und Körper in der klassischen Jurisprudenz und der modernen Gesetzgebung.

[2]) Ук. соч., стр. 28.

существующее матеріально или въ идеѣ (etwas materiell oder begrifflich Existentes).

Ибо—продолжаетъ Соколовскій—*человѣческая воля подчиняетъ себѣ не только одно тѣлесное, но въ особой степени понятія, такъ какъ именно они создаются и разграничиваются въ представленіи индивида и содержатся только въ немъ.* (Denn der menschliche Wille ordnet sich nicht nur das Körperliche unter, sondern in einem besonderen Grade die Begriffe, weil gerade sie in der Vorstellung des Individuums geschaffen und begrenzt werden, hier allein ihren Bestand haben)". Дальше слѣдуютъ указанія на то, какъ античная философія, и въ частности Аристотель, мыслили соотношеніе между міромъ идей и міромъ чувственныхъ воспріятій. „Оба міра, міръ тѣлъ и міръ идей, тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ. Ибо хотя въ процессѣ становленія единичной тѣлесной вещи матерія является первичнымъ (элементомъ), все же по существу (dem Bestande und Wesen nach) ей предшествуетъ форма или идея вещи". Въ заключеніе приводится извѣстное изреченіе Аристотеля: домъ отнюдь не существуетъ ради кирпичей и камней, а напротивъ, они (т. е. кирпичи и камни) существуютъ ради дома.

И въ дальнѣйшемъ изложеніи тѣлесныя вещи и понятія всюду упоминаются, какъ двѣ самостоятельныя категоріи объектовъ правъ, притомъ отнюдь не съ точки зрѣнія однихъ только римскихъ юристовъ, но и съ точки зрѣнія самого автора. Достаточно указать на слѣдующія слова его [1]): „реализмъ понятій (Begriffsrealismus), который наше изложеніе отстаиваетъ, нѣкоторымъ современнымъ юристамъ можетъ показаться страннымъ. Вѣдь мы приходимъ къ положенію, что *и понятія*, которыя сами не суть тѣлесные предметы, а лишь имѣютъ таковые въ качествѣ субстрата, тѣмъ не менѣе *могутъ служить объектами вещнаго господства* или вещнаго права. Съ точки зрѣнія частнаго права *и они суть вещи*—res". Къ этому Соколовскій прибавляетъ, что несмотря на кажущуюся парадоксальность этого вывода не слѣдуетъ про-

[1]) Ук. соч., стр. 400.

тивиться ему, тѣмъ болѣе что онъ встрѣтилъ признаніе и въ гражданскомъ уложеніи германской имперіи.

Понятно, что съ этой точки зрѣнія моментъ тѣлесности имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Вѣдь не даромъ, замѣчаетъ авторъ [1]), нынѣ формулируется положеніе, что „всѣ явленія природы могутъ быть подведены подъ понятіе *энергіи*“. Это понятіе можетъ помочь окончательному разрѣшенію проблемы, содержащейся въ понятіи субстанціи. Понятіе матеріи представляетъ лишь препятствіе на этомъ пути: „Возможно, прибавляетъ къ этому авторъ, что господствующее мнѣніе еще не возвысилось до этого простаго взгляда, во всякомъ случаѣ однако *одностороннее выдвиганье матеріи или тѣлеснаго никѣмъ нынѣ уже не поддерживается*. Такъ наз. вещное право имѣетъ своей задачей урегулировать человѣческое господство надъ окружающей насъ природой соотвѣтственно объективнымъ нормамъ (entsprechend den objektiven Normen zu regeln). *Всякая естественная реальность, которую человѣческая воля подчиняетъ себѣ, представляется подходящимъ объектомъ длительнаго господства.* Единственное конкретное предположеніе составляетъ здѣсь опредѣленность и ограниченность предмета (Bestimmtheit und Begrenzheit des Gegenstandes)“. „Въ самомъ дѣлѣ, вопрошаетъ дальше нашъ авторъ, обладаетъ ли тѣлесное особыми свойствами, которыя придаютъ ему въ большей степени или даже исключительно способность служить вещному правообороту? Является ли прежде всего протяженность (die Ausdehnung im Raum) необходимымъ условіемъ человѣческаго господства? Къ юридической сферѣ принадлежатъ такіе предметы, къ которымъ это (условіе) неприложимо. Правда, такіе объекты, благодаря существующей доселѣ узкой точкѣ зрѣнія, находили не въ вещномъ правѣ, но зато все же въ другихъ областяхъ“ [2]).

Итакъ, понятія обладаютъ такою же реальностью, какъ и тѣлесныя вещи, это для Соколовскаго внѣ спора.

Любопытно, что при всемъ томъ Соколовскій все же

---

[1]) Ук. соч., стр. 402.
[2]) Тамъ же, стр. 403.

признаетъ, что излагаемыя имъ римскія ученія „покоятся на такомъ міросозерцаніи, котораго мы уже не въ состояніи принять. Основаніе, говоритъ онъ дальше, по которому мы переросли эту метафизику, состоитъ однако не въ огромныхъ успѣхахъ современнаго естествознанія и его экспериментальнаго метода, а въ обогащеніи нашихъ философскихъ знаній. Великая и вѣчная мысль Канта, противоположеніе вещи самой по себѣ ея явленію, стала неограниченнымъ элементомъ нашей духовной жизни. Ни самая вещь, ни ея элементы не имѣютъ для насъ того простого значенія, исходя изъ котораго ее разсматривали и подвергали обсужденію древніе“ [1]).

Но если это такъ, то естественно возникаетъ вопросъ: какъ можетъ авторъ такъ некритически, такъ догматически прямолинейно проповѣдывать и рекомендовать современной юриспруденціи „реализмъ понятій“, весьма понятный въ свое время, но совершенно не укладывающійся въ рамки нашего современнаго міросозерцанія. Вѣдь по меньшей мѣрѣ слѣдовало сдѣлать попытку самостоятельнаго теоретико-познавательнаго обоснованія этого реализма понятій, разъ ужъ авторъ считалъ, что онъ имѣетъ самостоятельную цѣнность и право на дальнѣйшее существованіе даже послѣ исчезновенія того общаго міросозерцанія, на почвѣ котораго онъ выросъ. Вмѣсто этого авторъ заявляетъ, что для насъ понятіе, идея вещи „уже не составляетъ первичнаго бытія въ противоположность тѣлесному явленію, но все же мы противополагаемъ его физической вещи въ качествѣ *эмпирическаго назначенія* (als empirische Zweckbestimmung), въ качествѣ представленія, которое эмпирически (erfahrungsgemäss) опредѣляетъ границы и употребленіе цѣлаго. Въ этомъ, въ perfectio rei, въ perpetuus usus мы, несмотря на различныя точки отправленія, вновь соприкасаемся съ древними“ [2]). „Такимъ образомъ, резюмируетъ Соколовскій, *съ точки зрѣнія современнаго взгляда понятіе распространяется не на самую вещь, а на ея положеніе въ оборотѣ*“ [3]). Короче, понятіе вещи отождествляется съ хо-

[1]) Тамъ же, стр. 304.
[2]) Тамъ же, стр. 366.
[3]) Тамъ же, стр. 367.

зяйственнымъ назначеніемъ ея, съ *цѣлью*, для которой эта вещь служитъ средствомъ. Эта цѣль является самостоятельной реальностью наряду съ самой вещью, она можетъ служить самостоятельнымъ объектомъ правъ! Дальше некуда идти въ смѣшеніи понятій! Въ результатѣ такихъ построеній только и можетъ получиться глубокая двойственность, глубокое противорѣчіе: то, что въ лучшемъ случаѣ имѣетъ значеніе *историческаго фактора*, проливающаго свѣтъ на извѣстные взгляды, на извѣстныя формулы римскихъ юристовъ, тому приписывается *абсолютное* значеніе, забвеніе его ставится въ упрекъ современной юридической мысли.

Кстати сказать, и упрекъ то въ отсутствіи реализма понятій совершенно незаслуженный. Намъ думается, что если ужъ упрекать въ чемъ либо современную юридическую мысль, то слѣдуетъ направить упрекъ какъ разъ въ обратную сторону: не о забвеніи „реализма понятій“, а о чрезмѣрномъ все еще преклоненіи предъ нимъ слѣдовало бы повести рѣчь. Этотъ реализмъ понятій, вѣра въ слова и установившіеся технические обороты, до сихъ поръ является однимъ изъ главныхъ тормазовъ для поступательнаго хода развитія науки права: онъ виною тому, что до сихъ поръ при изученіи правовыхъ явленій придерживаются неправильныхъ, ненаучныхъ пріемовъ изслѣдованія, игнорируютъ реальную дѣйствительность, конкретныя жизненныя отношенія, и вмѣсто этого прямо начинаютъ съ анализа соотвѣтствующихъ абстрактныхъ типовъ, презумируя совершенно незаконно и ненаучно соотвѣтствіе подлежащихъ терминовъ въ установившемся ихъ смыслѣ и значеніи, подлежащихъ застывшихъ общихъ понятій, съ реальными явленіями, отраженіемъ которыхъ они являются.

Нигдѣ мы не встрѣчаемъ столько облыжныхъ „реальностей“, какъ въ наукѣ права. Нѣтъ, можно сказать, той абстракціи, которая не была бы превращена путемъ самой грубой, самой примитивной объективаціи въ самостоятельную реальность. Начиная отъ „воли“ въ качествѣ самостоятельной душевной способности, переходя отсюда къ „праву“

объективному и субъективному, которыя постоянно разсматриваются какъ особыя, самостоятельныя силы, способныя самостоятельно дѣйствовать, возникать и исчезать, обращаясь отъ правъ къ „государству“, которое равнымъ образомъ мыслится какъ самостоятельное существо, и кончая разнаго рода „общественными организмами“, „безтѣлесными вещами“, universitates facti и т. д. и т. д. мы всюду встрѣчаемся все съ тѣмъ же реализмомъ понятій. И вотъ этотъ то злосчастный реализмъ понятій, отъ котораго мы никакъ отдѣлаться не можемъ, намъ рекомендуютъ теперь чуть ли не какъ послѣднее слово науки, встрѣчающіяся въ доктринѣ робкія и нерѣшительныя попытки отрѣшиться отъ него хотя бы въ примѣненіи къ отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ, клеймятся какъ проявленія отсутствія надлежащаго „философскаго“ пониманія.

Къ тому же, хоть бы самъ Соколовскій былъ послѣдователенъ въ своемъ поклоненіи реализму понятій. Но и этого нѣтъ. Съ одной стороны, исходя изъ того, что объектами правъ могутъ служить и понятія, онъ считаетъ напр. самостоятельнымъ объектомъ правъ universitas facti [1]) и идеальныя части вещей (partes pro indiviso) [2]), а съ другой стороны онъ отрицаетъ значеніе самостоятельнаго объекта за выдѣленнымъ имуществомъ. „Выдѣленное имущество—наслѣдство, dos или peculium—не есть совокупная вещь (Sachgesammtheit), такъ какъ оно обнимаетъ въ качествѣ составныхъ частей не только тѣлесные субстраты, но также *права и требованія*. Поэтому здѣсь остается лишь обсуждать отдѣльныя res corporales, которыя входятъ въ составъ его, какъ самостоятельные объекты виндикаціи“ [3]). Но во 1-хъ, еще вопросъ, не имѣютъ ли и „права“ и „требованія“ тѣлеснаго субстрата въ такомъ же смыслѣ, какъ „стадо“ или „инвентарь“. Во 2-хъ, вѣдь самъ же Соколовскій находитъ, что тѣлесность не является необходимымъ условіемъ человѣческаго господства вообще и вещнаго господства въ частности. Мало того, онъ прямо утверждаетъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 49 и сл., стр. 383 и сл.
[2]) Тамъ же, стр. 417, 424 и сл.
[3]) Тамъ же, стр. 58.

что къ юридической сферѣ относятся предметы, которые не удовлетворяютъ требованію тѣлесности,—правда, онъ ихъ не перечисляетъ, но вѣдь это и не нужно,—ходячая категорія „безтѣлесныхъ вещей“ достаточно извѣстна. Въ результатѣ получается явная непослѣдовательность, которая прямо указываетъ на то, что дѣло не въ реализмѣ понятій, а въ чемъ то другомъ,—именно, въ терминологіи, въ способѣ выраженія подлежащихъ источниковъ, которымъ придается неподобающее (между прочимъ и съ точки зрѣнія основныхъ посылокъ теоріи самого Соколовскаго) значеніе. Дѣйствительно, вышеприведенное разсужденіе заканчивается самой обыкновенной ссылкой на изреченіе Юліана (l. 56 D. d. R. V. 6. 1), который признаетъ vindicatio gregis, но высказывается противъ vindicatio peculii: отсюда выводъ, что̀ grex составляетъ самостоятельный объектъ правъ, а peculium—нѣтъ.

Въ этомъ отношеніи весьма характерно и то, что въ другомъ мѣстѣ, рекомендуя свой реализмъ понятій, Соколовскій для бо̀льшей убѣдительности замѣчаетъ, что и гражданское уложеніе германской имперіи въ извѣстныхъ случаяхъ (именно въ примѣненіи къ universitates facti), признаетъ объектами правъ понятія [1]). Не говоря уже о томъ, что это вовсе не можетъ считаться доказаннымъ, нельзя не возбудить вопроса: *неужели же та или иная редакція, тотъ или иной способъ выраженія источниковъ способны служить основаніемъ для разрѣшенія чисто теоретическаго вопроса о томъ, что можетъ быть признано объектомъ правъ?* Вѣдь папская непогрѣшимость не распространяется на гражданскіе кодексы и ихъ авторовъ. Разсуждать иначе значитъ допускать явную petitio principii.

Въ виду всего изложеннаго мы приходимъ къ выводу, что теорія Соколовскаго построена на совершенно несостоятельныхъ посылкахъ и сама грѣшитъ тѣмъ, въ чемъ авторъ такъ часто и многословно (и надо сказать, не безъ основанія), обвиняетъ современную юриспруденцію,—именно отсутствіемъ настоящаго философскаго пониманія [2]).

[1]) Тамъ же, стр. 400.

[2]) Насколько самъ авторъ, не смотря на прочтеніе имъ цѣлаго ряда фило-

Что касается приложенія пресловутаго „реализма понятій“ къ отдѣльнымъ вопросамъ и въ частности къ ученію объ universitates facti и partes pro indiviso, то къ первому изъ этихъ вопросовъ мы еще вернемся. Пока замѣтимъ лишь, что въ этомъ случаѣ объективируется простое цѣлевое единство. Что касается второго случая, то, не вдаваясь въ подробности, мы ограничимся указаніемъ на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло

софскихъ книгъ, слабъ въ области философіи, явствуетъ, между прочимъ, изъ его своеобразнаго пониманія Канта. На стр. 304, отмѣтивъ кантовское противоположеніе вещи самой по себѣ „*ея*“ явленію (die Unterscheidung des Dinges an sich von seiner Erscheinung), онъ дальше замѣчаетъ: „вещь, матерія сама по себѣ *по причинѣ своей абстрактности* (vermöge seiner Abstraktheit) есть нѣчто недоступное для нашего конкретнаго уразумѣнія (etwas unserer konkreten Auffassung Entrücktes), идеальность трансцендентальна, реальность эмпирична. *Явленіе* же *вещей* (die Erscheinung der Dinge) покоится на субъективныхъ формахъ нашего интеллекта, только при помощи ихъ *эмпирическій объектъ становится распознаваемымъ* для насъ (nur mittelst ihrer wird uns der empirische Gegenstand erkennbar). Однако, эти субъективныя формы интеллекта, которыя опредѣляютъ формы и *качества* всѣхъ явленій (welche die Formen und Qualitäten aller Erscheinungen bestimmen), принципіально не приближаютъ насъ къ сущности вещи и поэтому въ принципѣ не могутъ имѣть значеніе абсолютнаго критерія“. Въ этихъ немногихъ словахъ содержится цѣлый рядъ грубыхъ ошибокъ: 1) говоря о противоположеніи вещи „ея“ явленію, Соколовскій implicite допускаетъ, что между тѣмъ и другимъ существуетъ категорія соотношенія (Kathegorie der Relation), тогда какъ Кантъ прямо учитъ, что эта категорія, также какъ и всѣ остальныя, примѣнима только къ явленіямъ; 2) утверждать, что ноумены (которые Соколовскій къ тому же непостижимымъ образомъ отождествляетъ съ матеріей) недоступны для насъ по причинѣ своей абстрактности, значитъ обнаружить такую бездну непониманія Канта, передъ которой молча приходится складывать оружіе,—какъ извѣстно, настоящая причина не въ абстрактности ноуменовъ, а въ особенностяхъ нашей родовой психической организаціи; кстати, нельзя не замѣтить, что конецъ соотвѣтствующей фразы Соколовскаго (идеальность трансцендентальна и т. д.) не имѣетъ никакой связи съ началомъ ея; 3) говоря, что эмпирическій объектъ при помощи субъективныхъ формъ нашего интеллекта становится *распознаваемымъ* для насъ, Соколовскій противополагаетъ самый эмпирическій объектъ этимъ формамъ, допуская какъ бы самостоятельное существованіе его *внѣ* этихъ формъ, при посредствѣ которыхъ онъ только распознается нами, что̀ опять совершенно невѣрно: эмпирическій объектъ есть по Канту *продуктъ* нашего родового, чистаго разума съ его апріорными формами созерцанія и мышленія, и внѣ ихъ о немъ вообще говорить не приходится; 4) наконецъ, качества явленій не опредѣляются формами интеллекта, соотвѣтствующія ощущенія какъ разъ составляютъ тотъ матеріалъ, который наша чувственность привноситъ извнѣ, и который лишь располагается благодаря апріорнымъ формамъ созерцанія въ порядкѣ пространства и времени.

съ одной изъ многихъ комбинацій встрѣчныхъ, конкуррирующихъ правъ ряда лицъ на одинъ и тотъ же объектъ.

III.

Литература вопроса. Продолженіе.

I. Переходя къ постановкѣ настоящаго вопроса внѣ романистической доктрины, слѣдуетъ замѣтить, что особое вниманіе обращаетъ на себя германистическая доктрина. Въ частности, она подвергла детальной разработкѣ ученіе о безтѣлесныхъ вещахъ или нематеріальныхъ благахъ. Конечно, неудовлетворительность исходныхъ положеній, вытекающая изъ общей постановки ученія объ объектахъ правъ, не могла при этомъ не сказаться. Она сдѣлала то, что и данное ученіе не могло дать сколько нибудь удовлетворительныхъ результатовъ.

За доказательствами ходить не далеко. Укажемъ хотя бы на курсы Heussler'a и Gierke по германскому гражданскому праву, курсы Козака и Кроме по новому гражданскому уложенію германской имперіи.

Heussler [1]) различаетъ двѣ категоріи объектовъ правъ: *вещи* и *чужія дѣйствія*. „Подъ понятіе вещи, res, подходитъ все, что допускаетъ *длительное состояніе господства*, которое проявляется или можетъ проявиться въ постоянномъ воздѣйствіи или дѣятельности правообладателя. Въ германскомъ правѣ сюда относятся не только *видимые, осязаемые предметы* природы и искусства, res corparales римлянъ, но также *состоянія правоваго господства* [2]), при которыхъ право обладателя обнаруживается въ активномъ воздѣйствіи его на внѣшнюю природу. — Второй классъ образуютъ отдѣльныя

---

[1]) Institutionen des deutschen Privatrechts, т. I § 66, стр. 330.

[2]) Такъ мы передаемъ своеобразный терминъ Rechtsamen, который противополагается Гейсслеромъ термину Recht, см. тамъ же, стр. 336: „Die unkörperlichen Immobilien des deutschen Rechts ... sind nicht Rechte schlechtweg wie ususfructus, obligatio u. a. im Sinne von Gajus II, 14, Sondern es sind Rechtsame, welche überhaupt nur als Objekte des Sachenrechts... im Rechsleben zur Erscheinung und zur Verwerthung gelangen können".

дѣйствія, которыя извѣстное лицо обязано исполнить въ пользу управомоченнаго. Здѣсь господство выражается *не въ активной дѣятельности* правообладателя, въ видѣ пользованія, эксплуатаціи и т. д. подчиненнаго господству его предмета, а *въ простомъ правомочіи требовать* отъ другого лица совершенія или несовершенія чего либо. Первый классъ, вещи, служатъ объектами вещныхъ правъ, собственности и jura in re aliena, второй классъ, чужія дѣйствія, служать объектами личныхъ правъ".

Уже изъ приведенной общей характеристики явствуетъ, что Heussler, сопоставляя вещи и чужія дѣйствія въ качествѣ двухъ категорій объектовъ правъ, не съумѣлъ возвыситься надъ ходячимъ смѣшеніемъ объекта въ смыслѣ элемента отношенія и объекта въ смыслѣ результата, на который направлено отношеніе. Рука объ руку съ этимъ идетъ весьма неясное представленіе о „вещи" какъ объектѣ правъ. Онъ причисляетъ къ вещамъ, наряду съ „видимыми и осязаемыми предметами внѣшней природы и искусства" также извѣстныя особо квалифицированныя состоянія правоваго господства, именуемыя имъ Rechtsamen.

Что же такое представляютъ собою эти „Rechtsamen"? Съ одной стороны, они характеризуются какъ *безтѣлесныя вещи* [1]). Въ частности, въ составѣ ихъ различаются *недвижимыя* и *движимыя* безтѣлесныя вещи: послѣднія новѣйшаго происхожденія, средневѣковое право знало только безтѣлесныя недвижимости.

Къ безтѣлеснымъ недвижимостямъ германскаго права (unkörperliche Immobilien des deutschen Rechtes) Heussler причисляетъ во 1-хъ, Rechtsamen, которые связаны съ властвованіемъ надъ опредѣленной территоріей, какъ то право управленія, право суда, разныя регаліи (таможенное, монетное право, право охоты и разработки руды), право патроната, разныя монополіи и сборы, такъ какъ „несомнѣнно они (т. е. эти Rechtsamen) въ средніе вѣка пріобрѣли частноправный характеръ и во всѣхъ отношеніяхъ подчинились частноправному обо-

[1]) Тамъ же, стр. 336.

роту, являясь коротко и ясно имущественными объектами, предметами частнаго права"; во 2-хъ, реальныя тягости (Realeasten), во главѣ съ десятиннымъ сборомъ (der Zehnt); наконецъ, въ 3-хъ, предіальные сервитуты, „относительно которыхъ германское право также признаетъ Gewehre и собственность".—Къ безтѣлеснымъ движимостямъ принадлежитъ „право употребленія различныхъ знаковъ (домовыхъ, дворовыхъ марокъ и печатей), въ связи съ чѣмъ наше время съ особой любовью и чрезмѣрнымъ увлеченіемъ разработало право торговыхъ и фабричныхъ знаковъ, этикетокъ и т. д., а также право на использованіе продуктовъ духовнаго творчества, изобрѣтеній и т. д." [1]).

Въ другомъ мѣстѣ, останавливаясь на юридической структурѣ этихъ Rechtsamen, въ особенности первыхъ двухъ категорій ихъ, Heussler характеризуетъ ихъ какъ „*правомочія по осуществленію извѣстной власти*, potestas" (Befugnisse zur Ausübung einer Gewalt, potestas) [2]), которыя предполагаютъ наличность территоріальнаго элемента, „stat", въ предѣлахъ котораго осуществляется подлежащая власть (напр. власть по управленію, по производству суда, по осуществленію регальныхъ правъ, по истребованію извѣстныхъ денежныхъ или натуральныхъ повинностей, связанныхъ съ обладаніемъ даннымъ участкомъ, и т. д.); онъ называетъ ихъ также „*отношеніями власти, господства*, которыя покоятся на „stat", на вещной подкладкѣ, на территоріи, гдѣ они осуществляются" [3]). Правда, замѣчаетъ Heussler, „включеніе предіальныхъ сервитутовъ въ эту категорію безтѣлесныхъ вещей скорѣе могло бы вызвать сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе я считаю это безусловно правильнымъ" [4]); доказательствомъ служитъ то, что сервитутный обладатель безспорно не имѣетъ Gewehre относительно служащаго участка,—доказательство, очевидно, болѣе чѣмъ слабое! Еще труднѣе конечно распространить эту характе-

---

[1]) Тамъ же, стр. 340.

[2]) Тамъ же, стр. 342.

[3]) Тамъ же стр. 375. „Gewalt (Herrschafts) Verhältnisse, welche auf einer „stat", einer dinglichen Unterlage, einem Gebiet, worin sie geübt werden, ruhen".

[4]) Тамъ же, стр. 343.

ристику на право употребленія домовыхъ марокъ, печатей и т. д. Heussler въ этомъ отношеніи ограничивается голословнымъ заявленіемъ, что и это право по содержанію своему относится къ вышеуказаннымъ Rechtsamen, тѣмъ болѣе, что домовымъ маркамъ присущъ и важный элементъ „stat“. Къ этому онъ лаконически прибавляетъ: „новѣйшія права этого рода лишены stat и поэтому разсматриваются какъ движимости“ [1]).

Итакъ, Rechtsamen, съ одной стороны, суть *безтѣлесныя вещи*, съ другой стороны—*отношенія власти или господства*, которыя (по крайней мѣрѣ по общему правилу) проявляются въ предѣлахъ извѣстной территоріи и въ этомъ смыслѣ связаны съ нею. Дальше некуда идти. Въ чемъ выражается данное „отношеніе господства“? Въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ надъ тѣми или иными объектами. Но вѣдь въ этомъ же состоитъ всякое конкретное субъективное право: и право собственности, и право узуфрукта и т. д. и т. д. выражается въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ надъ подлежащими объектами; а право собственности или узуфрукта и т. д. на недвижимости, сверхъ того, обладаетъ и моментомъ „stat“. Въ результатѣ всякое субъективное право можетъ быть разсматриваемо какъ „безтѣлесная вещь“. Но тогда не только различіе между „Rechtsamen“ и „Rechte“ теряетъ всякую почву подъ ногами, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится совершенно яснымъ, что терминъ „безтѣлесная вещь“, прилагаемый къ такого рода отношеніямъ, можетъ означать все, что угодно, но только не можетъ означать объекта правъ, ибо нельзя же отожествлять самыя права съ объектами этихъ же правъ.

Такимъ образомъ, теорія Heussler'a оказывается въ корнѣ несостоятельной. А между тѣмъ, вѣдь эта теорія цѣликомъ построена *на источникахъ* средневѣковаго германскаго права: послѣдніе на каждомъ шагу упоминаютъ объ отчужденіи, о залогѣ и т. д. liberae comiciae, officii sculteti, jurisdictionum, quae centae vocantur, говорятъ о proprietas decimarum, и т. д. и т. д. [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 344.

[2]) См. перечень у Heussler'a, стр. 337 и сл.

Гдѣ же ошибка? Она состоитъ въ томъ, что изъ простого факта употребленія въ примѣненіи къ различнымъ случаямъ *однородныхъ техническихъ оборотовъ* выводятъ заключеніе объ однородномъ характерѣ подлежащихъ юридическихъ институтовъ, которые, въ свою очередь, смѣшиваютъ съ соотвѣтствующими конкретными отношеніями. Это, конечно, пріемъ совершенно ненаучный, и неудивительно, если онъ даетъ непріемлемые результаты.

Отъ Heussler'a переходимъ къ Гирке. Онъ касается вопроса объ объектѣ правъ прежде всего въ связи съ анализомъ общей структуры субъективныхъ правъ [1]). Здѣсь онъ различаетъ четыре элемента: субъектъ, предикатъ, объектъ и предметъ соотношенія (Beziehungsgegenstand). Субъектомъ права является тотъ, кому приписывается извѣстное господство воли (Willensmacht). Съ этимъ субъектомъ, какъ только ему приписывается право, связывается предикатъ, который можетъ быть весьма разнообразенъ, но всегда долженъ вылиться въ извѣстное господство (Machthaben). Такое господство обязательно требуетъ отличнаго отъ субъекта *объекта*, каковымъ на первомъ мѣстѣ можетъ быть ничто иное, какъ *подчиненная свободная воля* (beherrschter freier Wille). „Объектомъ правъ въ этомъ смыслѣ можетъ быть только существо, признанное постановленіемъ права въ качествѣ носителя свободной воли (nur ein durch Rechtssatz als Träger eines freien Willens anerkanntes Wesen), т. е. существо, которое можетъ быть и субъектомъ правъ". Къ этимъ тремъ основнымъ элементамъ во всякомъ правѣ долженъ присоединиться по крайней мѣрѣ еще одинъ четвертый элементъ, который можетъ быть охарактеризованъ какъ *предметъ, къ которому относится право* (Beziehungsgegenstand des Rechts). Въ примѣненіи къ абсолютнымъ правамъ требуется. . . . включеніе *предмета*, по поводу котораго управомоченное лицо должно господствовать надъ чужими волями. Въ примѣненіи къ относительнымъ правамъ господство управомоченнаго лица должно быть ближе опредѣлено путемъ разграниченія отношеній, въ предѣлахъ кото-

---

[1]) Gierke, Deutsches Privatrecht, I, § 29, стр. 257 и сл.

рыхъ обязанное лицо должно быть подчинено чужому господству, такъ какъ абсолютно подчиненная воля болѣе не была бы свободной воли и ея носитель не былъ бы субъектомъ обязанности. Возможно включеніе и дальнѣйшихъ составныхъ элементовъ. Въ частности въ сферѣ относительныхъ правъ опредѣленіе объема господства надъ чужою волею можетъ быть достигнуто опять при помощи включенія болѣе отдаленнаго предмета соотношенія (напр. предмета исполненія обязательства)".

Итакъ, Гирке въ данномъ мѣстѣ различаетъ объектъ и предметъ, къ которому относится право, или короче предметъ соотношенія права. Переходя дальше къ спеціальному анализу понятія объекта правъ, Гирке говоритъ [1]), что ,,объектомъ правъ является всякое лицо, поскольку оно подчинено господству воли другого лица". Однако, ,,объектомъ правъ въ техническомъ смыслѣ является только безличный объектъ права" (Rechtsobjekt im technischen Sinne ist daher nur das unpersönliche Objekt eines Rechtes). ,,Безличный предметъ, за которымъ правопорядокъ признаетъ способность быть объектомъ правъ, именуется *вещью* (въ широкомъ смыслѣ)". Вещи бываютъ *тѣлесныя* и *безтѣлесныя*.

Что же слѣдуетъ понимать подъ безтѣлесными вещами? ,,Безтѣлесная вещь есть *вырѣзъ*, мысленно выдѣленный изъ годныхъ для правоваго господства отношеній міра внѣшнихъ благъ [2])". ,,Безтѣлесная вещь пріобрѣтаетъ свои границы и вмѣстѣ съ тѣмъ свое обособленное существованіе лишь благодаря объему и содержанію права, предметомъ котораго она мыслится". Однако, ,,не при всякомъ правѣ, которое не имѣетъ предметомъ тѣлесную вещь, мы имѣемъ дѣло съ безтѣлесной вещью; равно не всегда, гдѣ имѣется налицо безтѣлесная вещь, ею исчерпывается предметная сторона права. Напротивъ предметъ права есть безтѣлесная вещь лишь постоль-

---

[1]) Тамъ же, § 31, стр. 269.

[2]) Тамъ же, стр. 270. Unkörperliche Sache ist ein ideel begränzter Abschnitt aus den zu rechtlicher Beherrschung geeigneten Beziehungen der äusseren Güterwelt.

ку, поскольку онъ *согласно выразившимся въ правопорядкѣ житейскимъ взглядамъ* можетъ быть представленъ въ качествѣ безличнаго и обладающаго послѣ такого отдѣленія отъ личности самостоятельной цѣнностью внѣшняго блага".

Въ частности, безтѣлесной вещью является прежде всего предметъ всякаго ограниченнаго права на тѣлесную вещь. Безтѣлесной вещью далѣе можетъ служить полностью или въ части предметъ права на собственную личность (der Gegenstand eines Rechtes an der eigenen Person), именно постольку, поскольку этотъ предметъ можно мыслить внѣ связи съ лицомъ и поскольку онъ въ такой своей обособленности представляетъ самостоятельную цѣнность; такъ, напр. въ отношеніи монопольныхъ правъ эксплуатаціи и производства значеніе самостоятельной безтѣлесной вещи пріобрѣтаетъ соотвѣтствующая монополизированная сфера дѣятельности (охота, рыбная ловля, занятіе опредѣленнымъ ремесломъ), въ отношеніи авторскаго права соотвѣтствующій продуктъ творчества, въ отношеніи право изобрѣтателя—соотвѣтствующее изобрѣтеніе, въ отношеніи права на фирму—самая фирма; напротивъ, при правѣ на жизнь—жизнь, при правѣ на честь—честь, или при обыкновенномъ правѣ на имя—имя не могутъ быть представляемы въ качествѣ самостоятельныхъ безтѣлесныхъ вещей. „Въ какихъ предѣлахъ должна быть признана объективная самостоятельность такихъ безтѣлесныхъ благъ,—это вопросъ, который подлежитъ рѣшенію объективнаго права и который рѣшается притомъ отнюдь не всегда въ одинаковомъ смыслѣ" [1]). Наконецъ, безтѣлесной вещью можетъ быть и *предметъ личнаго права*. Въ частности значеніе безтѣлесной вещи пріобрѣтаетъ предметъ обязательственныхъ правъ, „сущность которыхъ въ томъ именно и состоитъ, что имѣющее быть исполненнымъ дѣйствіе отличается отъ обязаннаго субъекта въ качествѣ самостоятельной цѣнности и слѣд. объективируется въ качествѣ внѣшняго блага".

Въ результатѣ этихъ туманныхъ разсужденій оказывается, что безтѣлесная вещь есть *вырѣзъ* (Ausschnitt) изъ извѣстныхъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 272.

особо квалифицированныхъ отношеній міра внѣшнихъ благъ; есть, однако, вырѣзы и вырѣзы: не всякій вырѣзъ составляетъ самостоятельную безтѣлесную вещь, а только такой вырѣзъ, за которымъ объективное право признаетъ значеніе самостоятельнаго блага; а это въ свою очередь зависитъ отъ ходячихъ житейскихъ воззрѣній, которыя отличаются измѣнчивостью. Такой выводъ едва-ли можетъ удовлетворить кого-либо: общее понятіе „безтѣлесной вещи“ послѣ этихъ объясненій остается столь-же неяснымъ и расплывчатымъ, какимъ оно было и до нихъ, ибо назвать безтѣлесную вещь—вырѣзомъ, очевидно, не значитъ опредѣлить это понятіе: „вырѣзъ“ какъ всякое метафорическое выраженіе ничего не объясняетъ, а самъ нуждается въ объясненіи. Если къ этому прибавить совершенно искусственное разграниченіе понятій объекта и предмета соотношенія, термины, которые самъ Гирке употребляетъ promiscue, и если принять во вниманіе, что объектомъ правъ у него является одновременно и подчиненная воля и носитель ея, то остается лишь признать, что и теорія Гирке не только не разрѣшаетъ затронутой проблемы, но что она не представляетъ собою даже сколько нибудь замѣтнаго шага впередъ: она не разсѣиваетъ тумана, а еще больше сгущаетъ его.

Совершенно внѣшній, механическій характеръ носитъ теорія Козака. Козакъ [1]) различаетъ *двоякое понятіе „предмета правъ“*: если, говоритъ онъ, понимать подъ этимъ терминомъ то, надъ чѣмъ управомоченное лицо въ силу своего права *господствуетъ*, то существуетъ лишь одна категорія предметовъ правъ—*лица*, ибо всякое право есть лишь господство одного лица надъ другими лицами. Возможно однако и такое пониманіе, при которомъ терминъ предметъ права охватываетъ все то, къ чему права относятся (alle Dinge, auf welche die Rechte sich beziehen). Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ различать нѣсколько категорій предметовъ правъ, а именно таковыми могутъ быть: 1) лица, 2) безличныя вещи, которыя онъ называетъ благами (Güter). Блага могутъ быть:

---

[1]) Lechrbuch d. deutschen bürgerl. Rechts, т. I, § 39.

a) тѣлесныя, которыя называются вещами, b) безтѣлесныя, и c) соединенія вещей и безтѣлесныхъ благъ. Въ частности, къ числу безтѣлесныхъ благъ причисляются: во-1-хъ, дѣйствія и упущенія другихъ лицъ; во-2-хъ, изобрѣтенія и другія творенія человѣческаго духа; въ 3-хъ, „безтѣлеснымъ предметомъ права, по крайней мѣрѣ косвенно, можетъ явиться и другое право: напр., если мнѣ отказанъ какой-нибудь ремесленный патентъ, то непосредственнымъ предметомъ моего права отказа служитъ дѣйствіе наслѣдника моего отказодателя, именно, наслѣдникъ обязанъ надлежащимъ образомъ уступить мнѣ патентъ. Но по крайней мѣрѣ косвенно и самый патентъ имѣетъ для меня значеніе въ качествѣ предмета моего права".

Вотъ и все, что̀ мы встрѣчаемъ у Козака: дальше приведеннаго механическаго перечня онъ не идетъ.

Столь же мало даетъ Кроме [1]). Отмѣтивъ вскользь [2]) взглядъ, согласно которому объектами правъ, строго говоря, могутъ считаться только лица, онъ самъ высказывается въ пользу болѣе широкаго пониманія. Въ частности [3]) онъ подраздѣляетъ объекты правъ на лицъ и безличные предметы. Въ составѣ послѣднихъ мы различаемъ вещи и другіе предметы. Вещи суть тѣлесные предметы; всѣ остальные предметы безтѣлесны. Къ безтѣлеснымъ предметамъ относится напр. электричество, далѣе права, поскольку они служатъ предметомъ другихъ правъ, творенія человѣческаго духа, наконецъ, такъ назыв. совокупности вещей.

Подобныхъ примѣрныхъ перечней можно было бы привести еще цѣлое множество. Но они, очевидно, самостоятельной научной цѣны не имѣютъ, указывая въ лучшемъ случаѣ лишь, что̀ принято считать объектами правъ, но не разъясняя основаній, по которымъ это дѣлается. Мы поэтому ограничимся приведенными примѣрами.

II. Въ заключеніе, остается указать на постановку настоя-

---

[1]) Crome, System des deutschen bürgerl. Rechts, I, § 29, § 58 и сл.
[2]) Ук. соч., стр. 162, прим. 3.
[3]) Ук. соч., стр. 273.

щаго вопроса въ общей теоріи права. Она даетъ очень мало. Внимательнѣе другихъ останавливаются на ученіи объ объектахъ правъ Бирлингъ и Коркуновъ.

Суть теоріи Бирлинга сводится къ слѣдующимъ положеніямъ [1]). Онъ различаетъ двоякое пониманіе термина „объектъ правъ“.

„Объектомъ права или объектомъ юридическаго отношенія *въ строгомъ смыслѣ* слѣдуетъ считать *то, чего юридическія нормы*, образующія содержаніе юридическаго отношенія, *требуютъ* отъ того изъ субъектовъ отношенія, къ которому онѣ какъ разъ обращаются, другими словами, *извѣстное будущее*, характеризованное положительнымъ или отрицательнымъ, абсолютнымъ или относительнымъ образомъ, *поведеніе* (дѣйствіе или упущеніе) *обязаннаго лица*.

Однако, ходячее юридическое словоупотребленіе, къ которому мы въ общемъ примыкаемъ (продолжаетъ Бирлингъ), понимаетъ подъ этимъ (т. е. подъ объектомъ права) *то, къ чему* вышеупомянутое, юридически опредѣленное, соотвѣтствующее обязанности *поведеніе относится* (dasjenige, worauf sich jenes rechtlich bestimmte, pflichtmässige Verhalten bezieht). Объектомъ правъ *въ этомъ обыденномъ смыслѣ* можетъ поэтому стать вообще все, къ чему разумно могутъ относиться дѣйствія и упущенія людей; не только *лица* и *вещи* всякаго рода съ ихъ особыми свойствами и составными частями, но также *проявленія дѣятельности* (Thätigkeiten) и *продукты духа* (Geistesproducte), въ особенности же *юридическія дѣйствія, юридическія нормы* и самыя *юридическія отношенія*“.

Любопытно, что по поводу такъ называемаго „строгаго“ пониманія объекта правъ самъ Бирлингъ замѣчаетъ [2]): „намъ пожалуй могутъ возразить, что въ этомъ кроется *смѣшеніе цѣли и объекта юридическаго отношенія* (Verwechselung von Zweck und Objekt eines Rechtsverhältnisses). Истина заключается въ томъ, что *объектъ права въ вышеуказанномъ строго логическомъ смыслѣ слова въ самомъ дѣлѣ тождественъ съ бли-*

---

[1]) Bierling, Juristische Principienlehre, I, § 14, стр. 239 и сл.

[2]) Ук. соч., стр. 242.

жайшей цѣлью подлежащаго юридическаго отношенія, подлежащаго правового притязанія, подлежащей правовой обязанности..... Это тождество объекта и цѣли въ нашемъ частномъ случаѣ вытекаетъ изъ природы той именно дѣятельности, которая составляетъ суть всякаго права: если что̀ либо хотятъ, требуютъ или желаютъ, то тѣмъ самымъ всегда ставятъ—себѣ или другимъ—извѣстную цѣль".

Итакъ, Бирлингъ самъ признаетъ, что его объектъ правъ „въ строгомъ смыслѣ" есть не что иное, какъ ближайшая цѣль, точнѣе, ближайшій конкретный результатъ, на который направлено данное отношеніе. Послѣ этого остается только выразить удивленіе, почему Бирлингъ все же счелъ нужнымъ сохранить терминъ объекта правъ „въ строгомъ смыслѣ" для обозначенія того, для чего существуютъ гораздо болѣе адекватные, подходящіе термины. Это тѣмъ болѣе странно, что онъ дальше прямо заявляетъ [1]), что будетъ придерживаться въ своемъ изложеніи ходячаго словоупотребленія, „главнымъ образомъ потому, что *соотвѣтствующее притязанію и обязанности поведеніе*, которое мы (т. е. Бирлингъ) выше охарактеризовали, какъ объектъ правъ въ самомъ строгомъ смыслѣ, *пріобрѣтаетъ конкретныя, отличительныя черты всегда лишь благодаря свойственному ему объекту*, т. е. благодаря объекту правъ въ ходячемъ юридическомъ смыслѣ". Тутъ же кстати опредѣляется и взаимное отношеніе обоихъ понятій [2]): „за всѣмъ тѣмъ (говоритъ Бирлингъ) не слѣдуетъ упускать изъ виду, что этотъ объектъ правъ въ обыденномъ смыслѣ въ дѣйствительности по общему правилу является лишь объектомъ настоящаго, въ самомъ строгомъ смыслѣ такъ имѣющаго быть называемымъ объекта правъ" (dieses Rechtsobjekt im gewöhnlichen Sinne in Wahrheit regelmässig nur das Objekt des eigentlichen, im strengsten Sinne so zu nennenden Rechtsobjekts ist).

Итакъ, выходитъ, что объектъ права въ обыденномъ смыслѣ есть объектъ права въ строгомъ смыслѣ. Нельзя

---

[1]) Тамъ же, стр. 245.

[2]) Тамъ же, стр. 246.

лучше обрисовать всю сбивчивость и нежелательность принятаго Бирлингомъ двоякаго словоупотребленія, чѣмъ онъ это сдѣлалъ самъ приведенными словами: для всякаго становится яснымъ, что отъ него ничего кромѣ постояннаго смѣшенія понятій ожидать нельзя.

Дальнѣйшее изложеніе у Бирлинга пытается дать классификацію объектовъ правъ „въ обыденномъ смыслѣ“. Оно бѣгло и мало удовлетворительно и страдаетъ притомъ сплошнымъ смѣшеніемъ объектовъ субъективныхъ правъ съ тѣмъ, что принято называть объектомъ объективнаго права, или объектомъ юридическихъ нормъ. Такъ, Бирлингъ причисляетъ къ объектамъ правъ прежде всего *лицъ*, притомъ какъ лицо въ цѣломъ, такъ и отдѣльныя составныя части и свойства его, какъ то жизнь, здоровье, свобода, честь и т. д. [1])... Однако, жизнь, честь, свобода и т. д. не суть самостоятельные объекты, этимъ характеризуются лишь *извѣстныя состоянія подлежащихъ объектовъ, т. е. лицъ*, которыя нуждаются въ самостоятельной охранѣ и охрана которыхъ составляетъ объектъ, или точнѣе цѣль соотвѣтствующей юридической регламентаціи.

Вторую категорію объектовъ правъ составляютъ *вещи*, притомъ какъ вещи въ цѣломъ, такъ и отдѣльныя опредѣленныя свойства и составныя части вещей [2]); доказательствомъ этого служатъ реальные сервитуты и иныя jura in re aliena, равно какъ нѣкоторыя другія абсолютныя имущественныя права, напр. горная регалія. Въ основѣ этого разсужденія лежитъ явная ошибка: *различіе въ объемѣ правъ смѣшивается съ различіемъ въ объектахъ правъ*: Бирлингъ упускаетъ изъ вида, что возможны встрѣчныя права различнаго объема относительно однихъ и тѣхъ же объектовъ: приведенные имъ примѣры относятся именно къ такимъ случаямъ.

Дальше слѣдуютъ въ качествѣ объектовъ правъ *продукты духа* [3]), которые являются объектами литературной собствен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 247.

[2]) Тамъ же, стр. 256, 263.

[3]) Тамъ же, стр. 266. Бирлингъ въ этомъ отношеніи высказывается крайне неопредѣленно

ности, но которые ближе не опредѣляются, и извѣстныя *формы дѣятельности*, которыя составляютъ настоящій объектъ большинства монопольныхъ и запретительныхъ правъ (Bannrechte und Monopole) въ томъ смыслѣ, что „то, что во всѣхъ или почти во всѣхъ случаяхъ этого рода массѣ обязанныхъ лицъ запрещается дѣлать, къ чему—выражаясь положительно—относится предписанное имъ воздержаніе или недѣланіе,—это не опредѣленная вещь или неопредѣленная совокупность вещей, а скорѣе извѣстная форма дѣятельности управомоченнаго субъекта (eine bestimmte Form der Thätigkeit des berechtigten Subjekts)“ [1]). Итакъ, объектами моего права оказываются извѣстныя, запрещенныя другимъ, формы моей собственной дѣятельности, или, иначе, извѣстныя *собственныя* мои *дѣйствія*, если только совершеніе такихъ дѣйствій запрещено другимъ лицамъ! Дальше идти некуда.

Наконецъ, и *субъективныя права и обязанности* могутъ служить объектами другихъ субъективныхъ правъ и обязанностей, и вообще одни *юридическія отношенія* могутъ служить объектами другихъ юридическихъ отношеній [2]). Сюда относятся прежде всего упоминаемыя и прежней доктриной „права на права“, съ другой стороны рядъ отношеній публичнаго права: такъ, напр., объектомъ процессуальнаго отношенія въ гражданскомъ процессѣ является частноправное отношеніе, которое судебное рѣшеніе имѣетъ фиксировать inter partes. О „правахъ на права“ мы еще скажемъ ниже; тамъ мы увидимъ, что мы въ случаяхъ такого рода имѣемъ дѣло съ конкуррирующими правами на одни и тѣ же объекты. Что же касается соотношенія процессуальныхъ и матеріальноправныхъ отношеній, то достаточно отмѣтить, что въ томъ контекстѣ, въ которомъ въ данномъ случаѣ употребляется терминъ „объектъ юридическаго отношенія“, онъ имѣетъ чисто метафорическое значеніе.

Подводя итоги всему сказанному, мы видимъ, что и теорія

---

[1]) Тамъ же, стр. 266. Дальше Бирлингъ открываетъ еще новые случаи, въ которыхъ объектомъ является извѣстная форма дѣятельности, осуществляемая управомоченнымъ лицомъ, см. стр. 269—270.

[2]) Тамъ же, стр. 270.

Бирлинга полна всѣхъ тѣхъ неясностей, неточностей и противорѣчій, которыми вообще характеризуется современное ученіе объ объектахъ правъ.

Весьма оригинальную и стройную теорію объектовъ правъ даетъ на первый взглядъ Коркуновъ [1]). „Объектомъ права, говоритъ онъ, можетъ быть все то, что̀ служитъ средствомъ осуществленія разграничиваемыхъ правомъ интересовъ. Но всѣ наши интересы осуществляются не иначе, какъ съ помощью какой нибудь силы. Поэтому общимъ образомъ можно сказать, что *объектомъ правъ служатъ силы*“. Въ частности, Коркуновъ различаетъ четыре категоріи объектовъ: 1) собственныя силы субъекта; 2) силы природы; 3) силы другихъ людей и 4) силы общества.

Собственныя силы субъекта проявляются въ его собственныхъ дѣйствіяхъ, силы другихъ людей—въ дѣйствіяхъ этихъ другихъ людей, силы природы—„въ отдѣльныхъ частяхъ матеріи, въ вещахъ“. Что касается, наконецъ, силъ общества, то Коркуновъ замѣчаетъ, что „общеніе людей принимаетъ разнообразныя формы“, причемъ „сила не каждаго общественнаго союза получаетъ опредѣленное внѣшнее выраженіе, а только сила тѣхъ, которые имѣютъ опредѣленную организацію. Только сила такихъ *организованныхъ союзовъ*, проявляющаяся какъ *власть* ихъ надъ своими членами, и можетъ быть объектомъ правъ“ [2]).

Обращаясь къ критической оцѣнкѣ этой теоріи, нельзя прежде всего не указать на то, что самое понятіе силы есть понятіе крайне неопредѣленное. Коркуновъ самъ его не опредѣляетъ, а это было бы тѣмъ болѣе необходимо, что онъ употребляетъ этотъ терминъ то въ смыслѣ физической, то въ смыслѣ психической силы. Такъ, говоря о силахъ природы, проявляющихся всегда въ какой нибудь части матеріи, онъ, очевидно, имѣетъ въ виду физическую силу; говоря же о силахъ общественныхъ, онъ замѣчаетъ, что сила здѣсь проявляется въ видѣ власти организованнаго союза надъ своими

---

[1]) Лекціи по общей теоріи права, изд. 3, § 30, стр. 154 и сл.

[2]) Ук. соч., стр. 159.

членами, т. е. имѣетъ въ виду несомнѣнно психическій факторъ.

Засимъ во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни понимали силы, несомнѣнно одно,—что это скрытые факторы, и что мы въ дѣйствительности имѣемъ дѣло не съ ними, а съ внѣшними формами проявленія ихъ. Но въ такомъ случаѣ только эти внѣшнія формы проявленія силъ и могли бы быть признаны объектами правъ. Такими внѣшними формами самъ Коркуновъ признаетъ: 1) *собственныя дѣйствія* субъектовъ правъ; 2) *чужія дѣйствія*; 3) *вещи* и, наконецъ; 4) *власть*, которую проявляетъ организованный союзъ надъ своими членами. Но что такое власть? Это самъ по себѣ тоже скрытый факторъ, который проявляется во внѣ въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ подлежащихъ субъектовъ, органовъ власти, т. е. съ точки зрѣнія этихъ лицъ—въ ихъ собственныхъ же дѣйствіяхъ. Другими словами, *четвертая категорія объектовъ правъ сливается съ первой*,—и тутъ и тамъ объектами правъ оказываются собственныя дѣйствія субъектовъ правъ.

И такъ, въ результатѣ оказывается, что объектами правъ являются или собственныя дѣйствія, или чужія дѣйствія, или вещи.

Будучи приведена въ такой видъ, теорія Коркунова утрачиваетъ свою кажущуюся оригинальность и стройность, и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ нея могутъ быть выдвинуты всѣ тѣ возраженія, которыя были приведены выше противъ параллелизаціи вещей и дѣйствій въ качествѣ объектовъ правъ.

Д. Гриммъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ И ЕЯ СОВРЕМЕННАЯ ПОСТАНОВКА ВО ФРАНЦІИ.

Право привлеченія къ судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ, своими незаконными дѣйствіями нарушившихъ права и интересы частныхъ лицъ, наряду съ правомъ обжалованія такихъ дѣйствій, представляетъ собой одну изъ основныхъ гарантій, коими обезпечивается начало закономѣрности въ управленіи. Въ порядкѣ осуществленія этихъ правъ наблюдаются существенныя различія между отдѣльными государствами западно-европейской культуры, обусловленныя всѣмъ предшествующимъ ходомъ историческаго развитія этихъ государствъ. Опредѣляющимъ моментомъ является установившееся въ государствѣ отношеніе между властями судебной и административной. Въ однихъ государствахъ администрація прямо поставлена подъ контроль судовъ, имѣющихъ право отмѣнять ея незаконныя распоряженія, и, такимъ образомъ, являющихся хранителями закона не только во взаимныхъ отношеніяхъ частныхъ лицъ, но и въ отношеніяхъ ихъ къ администраціи. Такова система англо-американская. Въ другихъ государствахъ, гдѣ въ основѣ системы управленія лежитъ принципъ раздѣленія властей, независимость администраціи отъ общихъ судовъ строго охраняется. Сужденіе о законности тѣхъ или другихъ дѣйствій органовъ власти, отмѣна незаконныхъ распоряженій входитъ въ компетенцію или особыхъ административныхъ судовъ, каковые организованы во Франціи, Испаніи,

Португаліи, Италіи и въ большинствѣ германскихъ государствъ, или же разрѣшается исключительно высшимъ начальствомъ, которое въ такихъ случаяхъ является безапелляціоннымъ судьей законности дѣйствій своихъ подчиненныхъ. Послѣдняя система установилась въ Бельгіи, Греціи, Скандинавскихъ государствахъ, большей части кантоновъ Швейцаріи и нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ Германіи.

Это основное различіе во взаимныхъ отношеніяхъ судебной и административной власти особенно рѣзко сказывается въ постановкѣ отвѣтственности должностныхъ лицъ. По англійскому праву, лицо, подвергшееся противозаконному лишенію свободы, можетъ предъявить въ судъ искъ о неправильномъ заключеніи (action for false imprisonment), все равно, будетъ ли виновникомъ его должностное лицо, отдавшее предписаніе, или задержавшее безъ достаточныхъ основаній, или же всякій частный человѣкъ. Искъ этотъ разсматривается судомъ присяжныхъ, причемъ судья не въ правѣ ни предписывать, ни рекомендовать присяжнымъ размѣръ вознагражденія. Присяжные же при опредѣленіи этого размѣра руководствуются обыкновенно тѣмъ соображеніемъ, что свобода есть слишкомъ драгоцѣнное достояніе человѣка, чтобы можно было произвольно отнять ее хотя бы на нѣсколько минутъ. Вопросъ о томъ, дѣйствовало ли нарушившее ее лицо подъ вліяніемъ ошибки, по неосторожности, или же вполнѣ сознательно, не имѣетъ значенія [1]).

Таково основное начало англійскаго права: всякое незаконное распоряженіе администраціи можетъ дать основаніе для предъявленія къ виновнымъ въ немъ лицамъ иска о возмѣщеніи убытковъ, компетентнымъ для разсмотрѣнія котораго является судъ, при участіи присяжныхъ засѣдателей.

Не только незаконное дѣйствіе, но даже и отказъ въ выполненіи какого либо дѣйствія, составляющаго обязанность должностнаго лица, можетъ дать поводъ къ возбужденію лич-

---

[1]) См. объ этомъ въ книгѣ проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго „Habeas Corpus Act и его пріостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія“. Юрьевъ. 1895 г., стр. 107—113.

ной и имущественной отвѣтственности его передъ судомъ. Тюремный смотритель, и всякое должностное лицо, подъ стражей котораго находится заключенный, обязаны выдать по требованію самого заключеннаго, или третьяго лица, копію съ приказа о задержаніи для представленія высшему суду. Въ случаѣ отказа въ выдачѣ этой копіи должностныя лица, на основаніи ст. V акта 1679 г., подлежатъ штрафу въ пользу обвиняемаго въ первый разъ въ размѣрѣ 100 фунтовъ стерлинговъ, а въ случаѣ вторичнаго отказа въ размѣрѣ 200 фунтовъ съ отрѣшеніемъ отъ должности, безъ права вновь занять или исполнять ее [1]).

Такая постановка отвѣтственности должностныхъ лицъ, разумѣется, лучше обезпечиваетъ осуществленіе начала законности въ управленіи, чѣмъ какая бы то ни была система административныхъ судовъ. Она то и даетъ англійскимъ ученымъ право считать верховенство закона „the rule or supremacy of law“, именно характерною особенностью англійскаго права, въ отличіе отъ права континентальныхъ государствъ [2]).

Но система англійскаго права предполагаетъ въ качествѣ conditio sine qua non своего существованія высокое развитіе чувства законности въ населеніи, традиціонное уваженіе къ суду въ представителяхъ активной администраціи, а равнымъ образомъ, и крѣпость традицій въ судахъ, благодаря которой эта могучая сила судейскаго усмотрѣнія не переходитъ въ произволъ. Гдѣ нѣтъ на лицо такихъ условій, тамъ предоставленіе столь широкихъ полномочій общимъ судамъ можетъ создать почву для злоупотребленія властью уже съ ихъ стороны, и до крайности затруднить дѣятельность администраціи, вызывая безконечныя пререканія, отнюдь не способствующія поддержанію столь необходимаго для власти довѣрія къ ней населенія.

Этими соображеніями, по преимуществу, оправдывается существованіе сложной системы административныхъ судовъ,

---

[1]) Ibidem, стр. 119.

[2]) A. V. Dicey „Introduction to the study of the law of the Constitution“ London, 6 ed., 1902 г., стр. 185.

имѣющихъ за собой солидную историческую давность, но получившихъ теоретическое обоснованіе и соотвѣтствующую своему назначенію организацію лишь во второй половинѣ минувшаго столѣтія. Но при существованіи особыхъ административныхъ судовъ естественно возникаетъ вопросъ о разграниченіи ихъ компетенціи отъ общихъ судовъ. Особое значеніе разграниченія это имѣетъ для правильной постановки отвѣтственности должностныхъ лицъ. Весьма важно, чтобы административными судами не создавалась особая, привилегированная подсудность для лицъ, совершающихъ общія преступленія или правонарушенія, но принадлежащихъ къ составу активной администраціи. Въ противномъ случаѣ, очевидно, эти административные суды являются уже незамаскированными орудіями произвола.

Съ этой точки зрѣнія представляетъ особый интересъ прослѣдить историческое развитіе вопроса о разграниченіи компетенціи общихъ и спеціальныхъ судовъ въ государствѣ, обладающемъ наиболѣе развитой и прочно установившейся системой административной юстиціи, именно во Франціи. Какъ мы надѣемся показать въ дальнѣйшемъ, сознаніе превосходства англійскаго принципа отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ общими судами не чуждо и дѣятелямъ современной Франціи. Лишь вслѣдствіе явнаго несочувствія представителей администраціи, клонившихъ на свою сторону высшаго посредника между судомъ и администраціей, Tribunal des Conflits, принципъ этотъ, несмотря на категорически выраженную волю законодателя, не получилъ примѣненія въ жизни.

II.

Чтобы уяснить себѣ смыслъ какой-либо системы управленія, говоритъ P. Leroy-Beaulieu въ своей книгѣ о мѣстномъ управленіи во Франціи и въ Англіи, недостаточно изучить ее, какова она въ данное время, а нужно обратиться къ процессу

ея образованія. Только наблюдая ея возникновеніе и развитіе, можно понять сущность всей системы [1]).

Справедливость этого соображенія усиливается въ отношеніи къ Франціи тѣмъ обстоятельствомъ, что несмотря на многочисленные историческіе катаклизмы, имѣвшіе мѣсто во внутренней жизни этого государства, система управленія въ немъ, какъ это блестяще доказано было въ свое время Токвилемъ, до сихъ поръ покоится на тѣхъ основаніяхъ, которыя созданы были еще въ эпоху ancien regime'a [2]). Такъ, всемогущій донынѣ префектъ является, какъ извѣстно, законнымъ наслѣдникомъ Ришельевскихъ интендантовъ intendants de justice, police et finance, называвшихся прежде королевскими коммисарами, commissaires departis pour les ordres du Roi. Современный Государственный Совѣтъ исторически связанъ съ совѣтомъ при особѣ короля до революціонной эпохи, Conseil du roi, обладавшимъ весьма обширными полномочіями. Въ качествѣ судебнаго мѣста, этотъ Conseil du roi совмѣщалъ въ себѣ, въ XVII вѣкѣ, компетенцію, распредѣленную нынѣ между тремя учрежденіями—Трибуналомъ конфликтовъ, Кассаціоннымъ судомъ и Государственнымъ Совѣтомъ [3]). Особый интересъ представляетъ для насъ принадлежавшее Conseil du roi право эвокаціи. Самыя разнообразныя дѣла, разсматривавшіяся въ общихъ судахъ, могли быть вытребованы къ нему, если только особыя качества одной изъ сторонъ, или самое существо процесса, оправдывали, по мнѣнію совѣта, такую мѣру. Такимъ образомъ, опредѣленіе компетенціи судовъ, или точнѣе, случаевъ ихъ некомпетентности, предоставлено было высшему административному учрежденію, дѣйствовавшему именемъ короля. Въ этомъ смыслѣ можно, слѣдовательно, утверждать, что начало раздѣленія властей существовало во Франціи задолго до появленія теоріи Монтескье.

Значеніе права эвокаціи для постановки отвѣтственности

---

[1]) Leroy Beaulieu „L'administration locale en France et en Angleterre", стр. 12.

[2]) A. de Tocqueville „L'ancien regime et la revolution".

[3]) E. Laferrière „Traité de la juridiction administrative", 2 ed., t., I p. 162.

должностныхъ лицъ въ дореволюціонную эпоху особенно рельефно выясняется въ приведенномъ у Лаферрьера [1]) рѣшеніи Conseil du roi отъ 19 октября 1656 г., которымъ отмѣнялись, какъ нарушающія права совѣта, постановленія нѣсколькихъ парламентовъ о привлеченіи къ отвѣтственности интендантовъ. Всѣ короли, сказано въ этомъ рѣшеніи, признавали необходимымъ имѣть при себѣ совѣтъ, съ помощью котораго они могли бы въ качествѣ верховной власти и безапелляціонно регламентировать дѣятельность остальныхъ судовъ, разрѣшать пререканія между ними, назначать своимъ подданнымъ безпристрастныхъ судей и сохранять за собой разсмотрѣніе тѣхъ дѣлъ, какія они находятъ нужнымъ въ силу государственныхъ соображеній. Это запрещеніе судамъ разсматривать дѣла, относящіяся къ администраціи, единственнымъ судьей въ которыхъ оказывалась она сама, было въ еще болѣе категорической формѣ повторено въ одномъ изъ первыхъ указовъ Королевскаго совѣта по достиженіи Людовикомъ XIV совершеннолѣтія, именно въ указѣ 8 іюля 1661 г. Судебнымъ мѣстамъ, дерзающимъ вмѣшиваться въ дѣла, разсмотрѣніе коихъ королевская власть желала оставить за собой, угрожали серьезныя взысканія.

Несомнѣнно, этотъ порядокъ отвѣтственности должностныхъ лицъ значительно содѣйствовалъ усиленію административной централизаціи. Центральная власть, благодаря этому порядку, имѣла полную возможность признать правильными такія дѣйствія своихъ мѣстныхъ агентовъ, которыя, хотя и нарушали законъ, но совпадали съ различными политическими соображеніями. Съ другой стороны, мѣстные агенты, имѣвшіе постоянную поддержку въ центрѣ (большая часть интендантовъ числилась дѣлопроизводителями совѣта) привыкли разсчитывать на полную безнаказанность. Въ убыткѣ оставалось одно только населеніе, но его интересы меньше всего принимались въ соображеніе.

Въ смыслѣ ограниченія всевластія администраціи эпоха революціи не представляла благопріятнаго момента. Окру-

---

[1]) Ibidem, стр. 160.

женное со всѣхъ сторонъ врагами внѣшними и внутренними, революціонное правительство еще менѣе, чѣмъ старая монархія, склонно было допускать какое-либо вмѣшательство независимаго суда въ свою дѣятельность. Для такого отношенія къ суду революціонное правительство имѣло нѣкоторое основаніе: судъ, какъ хранитель закона, не былъ въ состояніи правильно судить о дѣйствіяхъ, опирающихся не на законъ, а на требованія даннаго момента, объясняющихся исключительно соображеніями политической необходимости. Въ такой исключительный моментъ, когда полагался фундаментъ новому политическому и соціальному строю, вмѣшательство старыхъ судовъ и засѣдавшей въ нихъ noblesse de robe, насквозь проникнутой феодальными традиціями, могло оказаться значительной помѣхой. Вотъ почему законодательство революціонной эпохи не въ меньшей степени, чѣмъ законодательство старой монархіи, проникнуто недовѣріемъ къ суду и желаніемъ оградить агентовъ правительства отъ отвѣтственности передъ судомъ.

Какъ это обыкновенно бываетъ, обоснованіемъ этой политической необходимости сохранить прежнее обособленіе администраціи отъ суда, явилась научная теорія. Если въ сферѣ общихъ принциповъ вдохновителемъ дѣятелей революціи, теоретикомъ народнаго верховенства является Руссо, то въ отношеніи вопросовъ политическаго устройства и управленія первенствующая роль несомнѣнно принадлежитъ Монтескье. Теорія его, сыгравшая такую огромную роль въ исторіи революціонныхъ конституцій, была, какъ совершенно правильно указалъ цитированный уже нами Дайси [1]), въ отношеніи къ источнику, изъ котораго она заимствована, результатомъ двойного недоразумѣнія. Принципы и практика англійскихъ учрежденій были неправильно поняты уже Монтескье, но его ошибка была доведена до крайнихъ предѣловъ дѣятелями революціи, искавшими прежде всего теоретическаго обоснованія для полнаго устраненія вмѣшательства парламентовъ въ законодательствѣ „Il faut interdire toute fonction politi-

[1]) Dicey, Op. cit., стр. 328.

que aux juges“—эти слова Дюпора, сказанныя въ засѣданіи учредительнаго собранія 29 марта 1790 г., служили какъ бы лозунгомъ дальнѣйшаго законодательства. „Судебныя функціи, гласитъ законъ 16—24 августа 1790 г., сохраняющій свою силу до настоящаго времени, принципіально отличны (sont distinctes), и всегда будутъ отдѣлены отъ функцій административныхъ. Судьи, подъ угрозой наказанія, никакимъ способомъ не должны вмѣшиваться въ дѣятельность административныхъ учрежденій, или требовать къ себѣ должностныхъ лицъ, по поводу отправленія ими своихъ обязанностей“. Эти основныя начала, опредѣляющія соотношеніе властей судебной и административной, и воспроизводившіяся и въ конституціяхъ, и во многихъ законодательныхъ актахъ революціоннаго періода, не слѣдовало, однако, понимать въ смыслѣ полной безнаказанности всѣхъ злоупотребленій, совершаемыхъ должностными лицами. Напротивъ того, учредительное собраніе провозгласило принципъ, въ силу котораго общество имѣетъ право требовать отчета отъ каждаго должностного лица (tout agent public de son administration). Отвѣтственность ихъ должна опредѣляться на основаніи общихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Но необходимость обезпечить администраціи дѣйствительную независимость отъ судебной власти поставила осуществленіе общаго принципа отвѣтственности въ болѣе тѣсныя рамки. Уже законъ объ общинномъ устройствѣ 14 декабря 1789 г., предоставлявшій каждому избирателю (tout citoyen actif) право возбуждать противъ общинныхъ властей обвиненія въ случаѣ ихъ незаконнаго образа дѣйствій, разсмотрѣніе этихъ обвиненій съ точки зрѣнія ихъ основательности и передачу ихъ суду, въ случаѣ необходимости (s’il y a lieu), поручалъ начальству обвиняемаго (l’administration ou directoire du departement). Та же мысль о преданіи суду исключительно по распоряженію начальства выражена и въ законѣ 7—14 октября 1790 г. уже по отношенію ко всѣмъ вообще должностнымъ лицамъ. Никакое должностное лицо не можетъ быть подвергнуто суду за дѣйствія, относящіяся къ его обязанностямъ (pour raison de ses fonctions publiques), если оно не предано суду par l’autorité superieure и согласно за-

конамъ. То же самое постановленіе находимъ и въ конституціи 5 Фруктидора III г. (ст. 196).

Всѣ эти разрозненныя постановленія революціонной эпохи были какъ бы консолидированы въ 75 ст. конституціи VIII г. Въ виду важнаго значенія этой статьи для изучаемаго вопроса намъ придется остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

III.

Система учрежденій, созданная конституціей VIII г. въ сферѣ управленія и административной юстиціи, оказалась наиболѣе жизнеспособной изъ всѣхъ опытовъ, производившихся въ этомъ направленіи законодательствомъ конца XVIII в., и не смотря на всѣ измѣненія, происшедшія съ тѣхъ поръ въ государственномъ строѣ Франціи, въ основѣ своей эта система остается непоколебленной и до сего времени. Причина такой необычайной устойчивости заключается въ самомъ характерѣ конституціи VIII г., явившейся въ сущности умѣлымъ согласованіемъ учрежденій дореволюціонныхъ съ идеями и принципами 1789 г.

Такъ напримѣръ, Государственный совѣтъ есть въ сущности возродившійся, какъ фениксъ изъ пепла Conseil du roi старой монархіи, съ нѣсколько ограниченными полномочіями. Созданная въ 1806 г. въ составѣ Государственнаго совѣта особая commission de contentieux, изъ которой развились функціи его, какъ высшаго административнаго суда, точно также является возобновленіемъ задуманнаго еще при Людовикѣ XVI—Comité du contentieux des departements. Совершенно также установленный конституціей VIII г. порядокъ отвѣтственности должностныхъ лицъ отнюдь не является нововведеніемъ а лишь удачной комбинаціей прежнихъ началъ.

Въ чемъ же, однако, заключался этотъ порядокъ, создавшій такъ называемую административную гарантію должностныхъ лицъ? Въ силу 75 ст. конституціи VIII г. правительственные агенты, кромѣ министровъ, не могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности по поводу поступковъ (faits),

относящихся къ ихъ обязанностямъ, иначе, какъ съ разрѣшенія Государственнаго совѣта. Въ такомъ случаѣ (т. е. при наличности разрѣшенія) дѣло разсматривается общими судами [1]).

По сравненію съ порядками ancien regime'a, когда дѣла о злоупотребленіяхъ администраціи были вовсе изъяты изъ вѣдѣнія общихъ судовъ и разсматривались королевскимъ совѣтомъ по существу или съ установившимся въ революціонную эпоху требованіемъ разрѣшенія ближайшаго начальства, ст. 75 представляетъ несомнѣнный шагъ впередъ по трудному пути обезпеченія начала законности въ управленіи. Государственный совѣтъ уже въ силу своей отдаленности отъ лица, къ которому предъявлено обвиненіе, представлялъ большія гарантіи безпристрастія, нежели ближайшее начальство. Не нужно забывать при этомъ, что самое разрѣшеніе вопроса о томъ, нужно ли въ данномъ случаѣ обращаться въ Государственный совѣтъ, относится ли дѣло къ функціямъ должностнаго лица, предоставлялось суду. Администрація, въ лицѣ префекта, могла, правда, возбудить конфликтъ, приводившій къ тому же результату, но послѣ указа 1 іюня 1828 г. право возбужденія конфликтовъ ограничивается одними гражданскими дѣлами.

Но и при всѣхъ этихъ ограниченіяхъ, нельзя, все таки, считать положеніе, созданное 75 ст. конституціи VIII г., вполнѣ нормальнымъ. Фактическимъ результатомъ практики Государственнаго совѣта въ этомъ отношеніи явилось предоставленіе администраціи права нарушать законъ, такъ сказать, на законномъ основаніи.

Государственный совѣтъ, во всякомъ случаѣ слишкомъ тѣсно связанъ съ администраціей, и если онъ и былъ въ этомъ отношеніи безпристрастнѣе ближайшаго начальства, то все таки въ спорахъ съ администраціей ему гораздо болѣе подобаетъ роль стороны, а не судьи. Для сужденія о

---

[1]) Les agents du gouvernement, autres que les ministres ne peuvent être poursuivis pour des faits relatifs à leurs fonctions qu'en vertu d'une de cision du conseil d'Etat. En ce cas la poursuite a lieu devant les tribunaux ordinaires".

дѣятельности Государственнаго совѣта, на основаніи ст. 75, любопытно взглянуть на статистическія данныя, приведенныя у Ducrocq [1]). Оказывается, что съ 1852—60 г. было отказано въ разрѣшеніи на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія относительно 219 должностныхъ лицъ. Дано было разрѣшеніе относительно 136 должностныхъ лицъ, изъ коихъ 73 были признаны виновными на судѣ. Гражданскихъ исковъ къ должностнымъ лицамъ предъявлялось, среднимъ числомъ, до 20 ежегодно, но въ большинствѣ случаевъ, Государственный совѣтъ не давалъ разрѣшенія на разсмотрѣніе ихъ судомъ. Въ періодъ съ 1861 до 1866 г. просьбы о разрѣшеніи уголовнаго преслѣдованія были отклонены относительно 77 должностныхъ лицъ, дано разрѣшеніе относительно 53, изъ которыхъ 37 были признаны виновными на судѣ. Гражданскихъ исковъ за тотъ же періодъ было предъявлено 150, изъ коихъ лишь по 22 Государственнымъ совѣтомъ дано было разрѣшеніе, по 40 случаямъ разрѣшеніе оказалось излишнимъ, а въ остальныхъ 88 случаяхъ въ разрѣшеніи было отказано.

Изъ приведенныхъ цифръ дѣлается совершенно очевиднымъ, что если уголовная отвѣтственность, хотя и съ большими ограниченіями, существовала и при дѣйствіи „гарантіи должностныхъ лицъ“, то въ смыслѣ имущественной отвѣтственности они могли считать себя совершенно внѣ опасности. Не слѣдуетъ забывать, что необходимость предварительнаго разрѣшенія была прекрасно извѣстна потерпѣвшимъ, и, разумѣется, отсутствіе надежды получить его удерживало большую часть ихъ отъ какихъ бы то ни было жалобъ на администрацію. Мы видѣли выше, какое огромное значеніе имѣетъ правильная постановка гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ въ государственномъ строѣ Англіи, гдѣ она является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для обезпеченія начала законности въ управленіи. При дѣйствіи „гарантіи должностныхъ лицъ“ Франція несомнѣнно была лишена этого средства. Поэтому, на отмѣну этой гарантіи,

---

[1]) Ducrocq „Cours de droit administratif“, изд. 7, т. III, стр. 333.

произведенную декретомъ правительства національной обороны 19 сентября 1870 г., можно смотрѣть именно какъ на подражаніе, быть можетъ и безсознательное, началамъ Англійскаго права.

IV.

Декретъ 19 сентября 1870 г. отличается крайнимъ лаконизмомъ. Онъ состоитъ всего изъ двухъ статей: „Ст. 1, § 1. Статья 75 Конституціи VIII г. отмѣняется. § 2. Равнымъ образомъ отмѣняются всѣ постановленія законовъ общихъ или спеціальныхъ, имѣющія цѣлью воспрепятствовать преслѣдованіямъ, направленнымъ противъ государственныхъ должностныхъ лицъ всякаго рода. Ст. 2. Будетъ выработанъ законъ относительно штрафовъ, которые могутъ быть налагаемы въ интересахъ общества (dans l'intérêt public) на частныхъ лицъ, возбуждающихъ неосновательныя (temeraires) преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ".

Смыслъ этого декрета, составляющаго дѣйствующее право Франціи до сего времени, совершенно ясенъ. Предварительное разрѣшеніе высшей администраціи въ лицѣ Государственнаго Совѣта для возбужденія судебнаго преслѣдованія признается излишнимъ. Судебная процедура возбужденія дѣла представляетъ для должностныхъ лицъ достаточныя гарантіи отъ неосновательныхъ обвиненій. Добавочныя гарантіи долженъ представить и обѣщанный законъ о наложеніи штрафовъ за такія обвиненія. Слѣдовательно, на основаніи декрета, судъ и только судъ долженъ быть признанъ компетентнымъ въ рѣшеніи вопроса о томъ, составляетъ ли данное дѣяніе должностного лица преступленіе или правонарушеніе, даетъ ли оно основаніе къ возмѣщенію убытковъ или нѣтъ.

Именно такой выводъ изъ декрета 19 сентября и сдѣлало высшее судебное учрежденіе Франціи, Кассаціонный Судъ. Вскорѣ послѣ изданія декрета, въ рѣшеніи по дѣлу генерала Мейера [1]), 3 іюня 1873 г., Судъ отклонилъ кас-

[1]) Laferrière, Op. Cit., т. I, стр. 642.

саціонную жалобу отвѣтчика, присужденнаго судомъ первой инстанціи къ возмѣщенію убытковъ по поводу незаконнаго задержанія имъ частнаго лица. Въ мотивахъ рѣшенія Кассаціоннаго Суда указано, что декретъ 19 сентября 1870 г., отмѣнившій ст. 75 конституціи VIII г., равно какъ и всѣ аналогичныя постановленія общихъ и спеціальныхъ законовъ, имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ привлеченіе общихъ судовъ къ оцѣнкѣ и квалификаціи дѣйствій правительственныхъ агентовъ, подавшихъ поводъ къ возбужденію иска. Если бы судъ, къ которому обратился истецъ, долженъ былъ пріостановить производство по существу и ожидать, пока данное распоряженіе будетъ разсмотрѣно какою-либо административною властью, это означало бы возстановленіе, въ нѣсколько иной формѣ, гарантіи должностныхъ лицъ, отмѣненной декретомъ. Далѣе судъ, разсмотрѣвъ по существу мѣру, принятую генераломъ Мейеромъ, въ качествѣ général commandant d'état de siège, и найдя, что онъ не былъ уполномоченъ на нее никакимъ текстомъ закона, призналъ присужденіе его къ возмѣщенію убытковъ совершенно правильнымъ.

Такимъ образомъ, по толкованію кассаціоннаго суда, декретомъ 19 сентября во Франціи вводится та же система отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ общими судами, которая, какъ мы видѣли выше, постоянно примѣняется въ Англіи. Сходство между обѣими системами еще усиливается благодаря тому, что и самое дѣло, послужившее пробнымъ камнемъ для декрета 19 сентября, вполнѣ аналогично вышеуказаннымъ action for false imprisonment англійскаго права. Несомнѣнно, однако, что такимъ толкованіемъ декрета 19 сентября компрометируется основное начало французскаго административнаго устройства, начало раздѣленія властей. Правда, вмѣшательство или, лучше сказать, контроль судовъ теперь уже не представляетъ для администраціи столь серьезной опасности. Полнаго раздѣленія властей нельзя осуществить ни въ какомъ государственномъ устройствѣ, по крайней мѣрѣ въ такомъ, которое существуетъ не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительной жизни. Фактически судебная власть оказывается въ зависимости отъ исполнительной, въ лицѣ министра

юстиціи, такъ же, какъ исполнительная зависитъ отъ законодательной въ лицѣ парламента. Поэтому, бояться потрясенія основъ по поводу присужденія судомъ какого-нибудь должностного лица къ возмѣщенію убытковъ, причиненныхъ его незаконнымъ распоряженіемъ, было, пожалуй, напрасно. Однако, сила традиціи, подкрѣпленная столь обычной взаимной антипатіей отдѣльныхъ вѣдомствъ, заставила администрацію энергично отстаивать принципъ раздѣленія властей. И вотъ новое судебно-административное учрежденіе, призванное спеціально разрѣшать пререканія между судами и административными учрежденіями и имѣющее смѣшанный составъ (Tribunal des Conflits состоитъ изъ представителей Государственнаго Совѣта и кассаціоннаго суда, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи), сдѣлало попытку нѣсколько ограничить значеніе декрета 19 сентября. Поводомъ къ вмѣшательству Трибунала конфликтовъ послужило рѣшеніе Сеплисскаго суда, который призналъ себя компетентнымъ для разсмотрѣнія иска, предъявленнаго собственникомъ закрытаго журнала къ генералу Ладмирольту, являвшемуся во время осаднаго положенія начальникомъ въ департаментѣ Уазы, къ префекту и полицейскому комиссару, выполнившему распоряженіе о закрытіи журнала [1]). При этомъ судъ призналъ, что декретомъ 19 сентября нарушенъ принципъ раздѣленія властей, и суды уполномочены входить въ разсмотрѣніе дѣйствій администраціи. По этому дѣлу былъ возбужденъ конфликтъ, результатомъ котораго было рѣшеніе Трибунала конфликтовъ отъ 26 іюля 1873 г., получившее большое значеніе въ дальнѣйшемъ движеніи вопроса.

Точка зрѣнія Трибунала конфликтовъ такова: слѣдуетъ различать административные акты и личныя дѣйствія должностныхъ лицъ. Первые, попрежнему, подлежатъ разсмотрѣнію исключительно администраціи. Судамъ не предоставляется входить въ ихъ оцѣнку. Что же касается личныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, то здѣсь, за отмѣной требованія предварительнаго разрѣшенія, общіе суды являются

---

[1]) Laferrière, Op. cit., т. I, стр. 643 и слѣд.

вполнѣ компетентными для наложенія взысканія или присужденія къ возмѣщенію убытковъ. Въ данномъ случаѣ, отвѣтчикъ, генералъ Ladmirault не совершилъ никакого личнаго дѣйствія (fait personnel), могущаго обосновать его личную отвѣтственность. Искъ направленъ на самое распоряженіе о закрытіи журнала, и судъ является здѣсь некомпетентнымъ.

Соображенія, высказанныя Трибуналомъ конфликтовъ, получили теоретическое обоснованіе въ неоднократно цитированной нами работѣ Лаферрьера. Если, говоритъ онъ, актъ, причинившій убытки, безличенъ, если въ немъ обнаруживается только администраторъ, уполномоченный государства, болѣе или менѣе подверженный ошибкамъ, а не человѣкъ, со всѣми его слабостями, страстями и неблагоразуміемъ, актъ остается административнымъ и не подлежитъ разсмотрѣнію судовъ. Если, наоборотъ, личность должностного лица проявилась въ какихъ-либо нарушеніяхъ общаго права, въ насиліи, хитрости, тогда это уже вина самого должностного лица. Актъ теряетъ свой административный характеръ и дѣлается подсуднымъ общимъ судамъ.

Есть ли, однако, какая нибудь граница, отдѣляющая актъ административный отъ личной ошибки должностного лица? По мнѣнію самого Лаферрьера, это различіе легче понять, чѣмъ выразить. Оно не укладывается въ математическую формулу. Поэтому, онъ старается пояснить его на примѣрахъ. Итакъ, полицейскій коммисаръ, сказавшій дерзость частному лицу, во время исполненія служебныхъ обязанностей, совершилъ faute personnelle. Такую же faute personnelle совершилъ префектъ, публично заявившій относительно члена одного комитета, что онъ располагаетъ весьма компрометирующими его свѣдѣніями. Почтальонъ, не доставившій письма, телеграфный чиновникъ, перепутавшій телеграмму, супрефектъ, не провѣрившій числа поданныхъ во время выборовъ бюллютеней и тѣмъ вызвавшій недѣйствительность выборовъ, всѣ они совершили личную ошибку и могутъ быть отвѣтственны передъ общими судами. Срываніе избирательныхъ афишъ, запрещенное спеціальнымъ закономъ, также составляетъ лич-

ную вину со стороны супрефекта, распорядившагося объ этомъ, и полицейскихъ агентовъ, выполнившихъ распоряженіе. Но, напримѣръ, выдачу префектомъ разрѣшенія на разносную торговлю книгами, съ требованіемъ продажи книгъ лишь по опредѣленному каталогу, слѣдуетъ считать административнымъ актомъ префекта, не дающимъ основанія для иска въ общихъ судахъ.

Изъ современныхъ спеціалистовъ французскаго административнаго права къ теоріи Лаферрьера вполнѣ присоединяются Berthélémy и Haurion. Berthélémy при этомъ особенно настаиваетъ на томъ, что признаніе некомпетентности общихъ судовъ для сужденія объ административныхъ актахъ отнюдь не нарушаетъ интересовъ потерпѣвшихъ лицъ. Разница заключается лишь въ томъ, что если не обнаружена въ дѣлѣ личная вина должностного лица, возмѣщенія убытковъ слѣдуетъ добиваться отъ самой администраціи, отъ того общественнаго учрежденія, представителемъ котораго является данное должностное лицо [1]). У второго изъ названныхъ авторовъ, Haurion, мы находимъ совершенно правильное освѣщеніе всей теоріи. Весь raison d'être ея заключается въ опасности неосновательныхъ обвиненій, противъ которыхъ, какъ мы видѣли выше, предполагалось принять особыя предосторожности. Въ государствахъ, въ которыхъ судебная власть достаточно сильна и проникнута сознаніемъ своей отвѣтственности, она сама въ состояніи, повидимому, отклонять неосновательныя обвиненія, и администрація не чувствуетъ необходимости охранять своихъ агентовъ. Но въ странахъ централизованныхъ, какъ Франція, гдѣ, нужно сказать прямо, административная власть сильнѣе судебной, она всегда оставляла за собой гарантію должностныхъ лицъ, которую она могла бы прилагать сама, и которая даетъ ей возможность лишать судебную власть права оцѣнки тѣхъ ошибокъ, которыя совершены должностными лицами. Вся разница, которую внесъ въ постановку этого вопроса декретъ 19 сентября,

---

[1]) Berthelemy „Traité élémentaire de droit administratif", 1902 г., стр. 29, прим. 3.

заключается въ томъ, что вмѣсто того, чтобы давать предварительное разрѣшеніе на возбужденіе преслѣдованія, администрація получила возможность пріостанавливать дѣло во время самаго производства, до разсмотрѣнія дѣла Трибуналомъ конфликтовъ [1]).

Нельзя не замѣтить по этому поводу, что такое толкованіе декрета 19 сентября, на которомъ настаиваетъ и Трибуналъ конфликтовъ и всѣ до сихъ поръ цитированные авторы, лишаетъ этотъ декретъ всякаго практическаго значенія. Смыслъ этого декрета и заключался именно въ предоставленіи общимъ судамъ права оцѣнки административныхъ актовъ, съ точки зрѣнія того ущерба, который ими могъ быть причиненъ частнымъ лицамъ. Такое право принадлежало общимъ судамъ до изданія декрета, при наличности разрѣшенія Государственнаго Совѣта. По новой доктринѣ, если имѣется налицо административный актъ, Трибуналъ конфликтовъ признаетъ компетентною для его разсмотрѣнія лишь ту же администрацію, въ лицѣ ея особыхъ судебныхъ органовъ, разумѣется, представляющихъ для потерпѣвшихъ значительно меньшія гарантіи безпристрастнаго разсмотрѣнія.

Однако, судебное толкованіе, или научная доктрина, упраздняющія дѣйствіе законодательнаго акта въ силу общихъ теоретическихъ соображеній, представляютъ собой явленіе не вполнѣ нормальное. Принципъ раздѣленія властей былъ прежде всего нарушенъ тѣмъ отношеніемъ, какое Трибуналомъ конфликтовъ было проявлено относительно декрета 19 сентября. Ибо право толкованія законовъ отнюдь не равносильно праву ихъ отмѣны. Судебная практика и наука должны прежде всего содѣйствовать правильному пониманію закона, а не стараться свести его дѣйствіе къ нулю.

Доктрина Трибунала конфликтовъ не осталась безъ возраженій. По мнѣнію такого авторитетнаго знатока французскаго административнаго права, какимъ по справедливости считается Ducroq, слѣдуетъ или дѣйствительно признать принципъ раздѣленія властей поколебленнымъ, и предоставить

---

[1]) Haurion „Précis de droit administratif“, 1901 г., стр. 271.

судамъ право оцѣнки административныхъ актовъ, или же, если не дѣлать изъ декрета 19 сентября такого вывода, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что должностныя лица поставлены этимъ декретомъ въ еще болѣе привилегированное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ они были при дѣйствіи 75 ст. конституціи VIII г. [1]). Въ послѣднемъ случаѣ, онъ, очевидно, остается безъ всякаго примѣненія.

Весьма обстоятельный разборъ и правильную критическую оцѣнку доктрины Трибунала конфликтовъ находимъ въ работѣ Jacquelin [2]).

Ни въ какую эпоху, и ни въ какой странѣ гарантія должностныхъ лицъ не имѣла, по мнѣнію этого автора, такого значенія, какое она получила въ настоящее время во Франціи, благодаря однообразной практикѣ Трибунала конфликтовъ. Если въ этихъ словахъ и есть доля преувеличенія, то нельзя не согласиться со многими соображеніями, приводимыми Жакеленомъ по поводу тѣхъ аргументовъ, на которыхъ держится теорія Трибунала конфликтовъ, получившая столь сильную поддержку въ лицѣ вицепрезидента Государственнаго Совѣта, Лаферрьера.

Прежде всего, что касается различія между faute personnelle и acte administratif, различіе это отнюдь нельзя считать результатомъ декрета 19 сентября. Уже послѣ рѣшенія кассаціоннаго суда 31 марта 1864 г. (содержаніе рѣшенія Жакеленъ, къ сожалѣнію, не приводитъ) при наличности faute personnelle преслѣдованіе возбуждалось безъ предварительнаго разрѣшенія. Самое различіе, однако, представляется яснымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣйствіяхъ должностного лица обнаруживается преступленіе, или проступокъ, предусмотрѣнный общими уголовными законами. Въ случаяхъ же, когда дѣяніе должностного лица представляетъ лишь гражданское правонарушеніе, дающее основаніе къ иску о возмѣщеніи убытковъ, различіе между административнымъ актомъ и

---

[1]) Ducroq „Cours de droit administratif", т. III, стр. 346, изд. 7.

[2]) „Les principes dominants du contentieux administratif" Paris. 1899 г. стр. 135 и сл.

личной ошибкой представляется, какъ это чувствовалъ и Лаферрьеръ, совершенно неуловимымъ. Въ видѣ примѣра можно привести рѣшеніе Трибунала конфликтовъ отъ 13 декабря 1879 г., которымъ устанавливается наличность faute personnelle въ дѣйствіяхъ привратника табачной фабрики, приманившаго собаку и давшаго ей проглотить ядовитую приманку. Если бы онъ только выставилъ приманку, а не старался привлечь собаку, въ такомъ случаѣ дѣяніе его входило бы въ сферу отправленія его обязанностей, и общій судъ былъ бы некомпетентенъ его разсматривать. Такое различіе, дѣйствительно, слишкомъ тонко и слишкомъ произвольно, а потому и не можетъ имѣть практическаго значенія.

Жакеленъ, также какъ и Дюкрокъ, не находитъ нужнымъ останавливаться въ логическихъ выводахъ изъ декрета 19 сентября, чтобы избѣжать нарушенія принципа раздѣленія властей. Общіе и спеціальные законы, объ отмѣнѣ которыхъ опредѣленно говоритъ декретъ, и есть тѣ самые законы революціонной эпохи, устанавливающіе запретъ судьямъ вмѣшиваться въ дѣйствія администраціи, о которыхъ мы говорили во второй главѣ. Но раздѣленіе властей нарушено, такимъ образомъ, только въ отношеніи отвѣтственности должностныхъ лицъ. Во всемъ остальномъ компетенція органовъ администраціи точно опредѣлена законами, за соблюденіемъ коихъ призванъ слѣдить учрежденный въ 1872 г. Tribunal des Conflits. Учрежденіе его, такимъ образомъ, отнюдь не слѣдуетъ истолковывать въ смыслѣ отмѣны декрета 19 сентября.

Мнѣнія Дюкрока и Жакелена, не смотря на ихъ основательность, не получили должнаго признанія. Англійскія начала отвѣтственности всѣхъ гражданъ передъ общими судами плохо прививаются на французской почвѣ. Неопредѣленность положенія, созданная разногласіемъ высшаго судебно-административнаго учрежденія съ вполнѣ опредѣленнымъ, но быть можетъ, не въ мѣру лаконичнымъ текстомъ декрета 19 сентября, вызвала нѣсколько попытокъ регулировать вопросъ путемъ изданія новаго закона. Двѣ изъ этихъ попытокъ направлены были къ возстановленію системы предварительнаго разрѣшенія Государственнаго Совѣта, и, слѣдовательно, къ

отмѣнѣ декрета 19 сентября. Въ высшей степени характерно, что одинъ изъ этихъ законопроектовъ принадлежалъ сенатору Герольду, бывшему секретарю правительства національной обороны, предполагаемому автору декрета 19 сентября. Очевидно, примѣненіе, или точнѣе, непримѣненіе этого декрета въ теченіе девяти лѣтъ (новые проекты внесены были въ 1879 г.), привели самого автора его къ убѣжденію въ совершенной невозможности для французской администраціи подчиняться рѣшеніямъ суда въ вопросѣ о законности ея дѣйствій. Но ни эти два законопроекта, предложенные въ сенатѣ, ни два законопроекта, внесенные одновременно въ палату депутатовъ, и стремившіеся разрѣшить вопросъ въ ту или другую сторону, не получили законодательной санкціи. Номинально декретъ 19 сентября продолжаетъ существовать, но, въ дѣйствительности, значеніе его весьма невелико.

Не осуществилось и предположенное въ декретѣ изданіе особаго закона о наложеніи штрафовъ за неосновательныя обвиненія. Коммисія, избранная въ 1872 г. Національнымъ собраніемъ для разсмотрѣнія законодательныхъ актовъ правительства національной обороны, признала, что должностныя лица въ этомъ отношеніи совершенно достаточно ограждены дѣйствіемъ общихъ законовъ. Послѣдующая практика Трибунала конфликтовъ сдѣлала изданіе особаго закона дѣйствительно излишнимъ.

Такимъ образомъ, попытку перенести во Францію принципы англійскаго права—начала безусловной личной и имущественной отвѣтственности должностныхъ лицъ за незаконныя дѣйствія, иными словами, создать во Франціи ту же suprematig of law, какая существуетъ въ Англіи, оказалась неудачной. Сила сопротивленія французской администраціи оказалась непреодолимой. Только возможность оказывать воздѣйствіе на администрацію путемъ парламента и свободной печати ослабляетъ значеніе того обстоятельства, что во Франціи администрація до сихъ поръ сама является судьей своихъ дѣйствій. Не нужно забывать, что это относится лишь къ дѣйствіямъ, влекущимъ за собой гражданскую отвѣтственность. Если судебная власть усматриваетъ въ дѣлѣ наличность уголовнаго

преступленія, то никакіе конфликты уже не имѣютъ мѣста. Съ другой стороны, и Государственный Совѣтъ, и Трибуналъ конфликтовъ по своему устройству приближаются къ судебнымъ учрежденіямъ. Всѣ эти обстоятельства въ значительной степени ослабляютъ фактическую отмѣну декрета 19 сентября. Но разсмотрѣніе современной постановки отвѣтственности должностныхъ лицъ во Франціи, даетъ, какъ намъ кажется, полное основаніе сдѣлать заключеніе, что только при наличности всѣхъ перечисленныхъ особыхъ условій система предварительнаго разрѣшенія является мыслимой въ правовомъ государствѣ. Гдѣ нѣтъ этихъ особыхъ условій, и между тѣмъ рѣшеніе вопроса о преданіи суду представляется усмотрѣнію начальства, тамъ компетенція общихъ судовъ чрезвычайно суживается; наоборотъ, компетенція всяческихъ спеціальныхъ юрисдикцій, создающихъ привилегированную подсудность для обвиняемыхъ и отвѣтчиковъ, соотвѣтственно расширяется. Одновременно, понятіе должностныхъ преступленій и служебныхъ проступковъ, влекущихъ за собой мягкія наказанія, или даже простыя дисциплинарныя взысканія, расширяется за счетъ преступленій общеуголовныхъ, и въ результатѣ всего этого процесса населеніе вполнѣ предоставляется на жертву административному произволу.

В. Матвѣевъ.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ АРЕСТЪ ДЛЯ ЦѢЛЕЙ ПРАВОСУДІЯ.

I.

Опредѣленность юридическихъ основаній принудительной дѣятельности административныхъ органовъ, какъ правовая гарантія.

Постановленія о власти административныхъ и полицейскихъ органовъ на принятіе мѣръ, ограничивающихъ законное пользованіе гражданъ принадлежащими имъ правами, и въ особенности постановленія о власти лишать ихъ свободы требуютъ особенной опредѣленности своей законодательной редакціи. Такая точность и опредѣленность ограничиваютъ, съ одной стороны, произволъ исполнительныхъ органовъ, позволяя суду энергично преслѣдовать всякія нарушенія установленныхъ границъ; съ другой стороны, онѣ устраняютъ разногласія, могущія послѣдовать между судомъ и начальствомъ, пользующимся еще значительной силой въ иниціативѣ преслѣдованія органовъ администраціи и полиціи; онѣ сдерживаютъ также и одностороннія тенденціи самого суда, порою склоннаго, за отсутствіемъ внутренней независимости, выносить рѣшеніе, болѣе благопріятное интересамъ власти. Установленіе точныхъ границъ въ этой области намѣчаетъ и предѣлы законной самообороны гражданъ противъ произвола, которая при развитомъ правосознаніи общества служитъ весьма сильнымъ факторомъ законности.

Предоставляя даже весьма энергичную власть въ руки подчиненныхъ органовъ, самъ законодатель живѣйшимъ обра-

зомъ заинтересованъ установить точный объемъ ея, хотя бы въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы дѣйствительно достичь результатовъ, которые онъ имѣлъ въ виду при созданіи закона. Если иногда, при извѣстномъ режимѣ, законодателю представляется желательнымъ сосредоточить въ однѣхъ рукахъ „сильную власть“, могущественныя средства воздѣйствія, строгая формулировка которыхъ представляется затруднительной вслѣдствіе неисчерпаемой возможности индивидуализаціи примѣненія этихъ средствъ, если тогда и устанавливаются имъ нормы неопредѣленно-диспозитивнаго характера, то осуществленіе такой власти поручается не иначе, какъ лицамъ, пользующимся особымъ личнымъ довѣріемъ высшей власти, несущимъ полную отвѣтственность и обладающимъ качествами и положеніемъ, обезпечивающими отъ несправедливостей по отношенію къ ограниченному въ своихъ правахъ населенію. Но такое довѣріе возможно лишь относительно представителей высшей администраціи, имѣвшихъ случай выказать свои качества, но отнюдь не низшей, безконтрольная власть которой, при отсутствіи указанныхъ личныхъ и соціальныхъ свойствъ, можетъ очень легко превратиться въ вредный не только для гражданъ, но и для самой центральной власти произволъ.

Большое общественное значеніе, поэтому, имѣетъ не только указаніе желательныхъ постановки и объема правъ исполнительныхъ органовъ, но и необходимая прежде всего разработка существующихъ постановленій по этому предмету. Между тѣмъ въ нашемъ публичномъ правѣ есть области, догматической разработки которыхъ касались лишь циркуляры и распоряженія отдѣльныхъ начальствующихъ лицъ, а взглядъ юриста скользилъ по нимъ съ безнадежнымъ равнодушіемъ. И это происходило не только потому, что надъ ними тяготѣлъ запретъ обсужденія „мѣръ государственной важности“ или что онѣ „въ виду исключительности“ и „временнаго своего характера“ представлялись неоправдывающими необходимой на разработку ихъ затраты умственной энергіи, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что юридическое толкованіе было порабощено существующей практикой примѣненія такихъ нормъ. Наличность опредѣленной, порою несогласной

даже съ закономъ и невытекающей изъ него, практики являлась безусловнымъ фактомъ, отъ котораго отправлялись всѣ, въ томъ числѣ и юристы, при пониманіи и толкованіи закона. Отсутствіе средствъ обезпеченія административной законности заставляло обывателей подчиняться всякимъ дѣйствіямъ власти, если они покоились на какихъ либо (безразлично) „предписаніяхъ свыше“; интересъ различенія законнаго и внѣзаконнаго пріобрѣталъ лишь абстрактное значеніе, надъ выясненіемъ котораго могъ лишь заниматься досужій мечтатель. Между тѣмъ одна только практика, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ обезпеченіе законности стоитъ высоко, представляется опасной и шаткой основой для умозаключеній объ истинномъ смыслѣ закона. Свободно примѣняющаяся къ практическимъ требованіямъ жизни и управленія административная дѣятельность самостоятельно заполняетъ пробѣлы закона, упраздняетъ устарѣвшія или почему либо неудобныя и несогласныя съ существующимъ порядкомъ нормы закона, и, въ концѣ концовъ, создаетъ особый строй, порою сильно отличающійся отъ того, который имѣлъ въ виду законодатель. Такое положеніе является печальнымъ потому, что основныя внутреннія качества закона—его обдуманность, вслѣдствіе разносторонняго обсужденія его вѣроятнаго дѣйствія и результатовъ въ общественно-воспитательномъ и соціально-прогрессивномъ смыслѣ, общеобязательность и пр. замѣняются при такихъ условіяхъ вліяніемъ чисто временныхъ обстоятельствъ, подчиненіемъ существующему шаблону или шаткому усмотрѣнію отдѣльныхъ руководителей административной системы. И въ такихъ случаяхъ можно наблюдать, какъ министерскіе циркуляры, обязательныя постановленія и сенатскія разъясненія создаютъ, отмѣняютъ или ограничиваютъ существенныя права гражданъ или какъ отдѣльные уставы сохраняютъ цѣлыя кладбища заживо-погребенныхъ законодательныхъ нормъ или серіи урѣзанныхъ или искалѣченнныхъ практикой постановленій.

Вина за такое печальное положеніе законодательства во многомъ падаетъ на юристовъ, замѣнившихъ изученіе и толкованіе законодательства изученіемъ и толкованіемъ практики.

Юриспруденція, какъ соціальная доктрина, постоянно должна приспособлять законодательство къ жизни. Если не отъ нея зависитъ измѣненіе закона, то ея прямой обязанностью является согласованіе нормъ закона съ жизнью. Эта дѣятельность можетъ выражаться въ поддержкѣ пригодныхъ дѣйствующихъ нормъ (положительно-консервативная функція), въ способствованіи разложенію и отмѣнѣ нормъ отжившихъ, неприспособленныхъ (отрицательная функція) и, наконецъ, въ выработкѣ новыхъ нормъ, подготовляющихъ преобразованіе существующаго правопорядка (политическая, или положительно-прогрессивная функція). Примѣненіе такихъ методовъ къ современному законодательству—единственно возможный путь правильнаго его развитія.

Изложенное, нѣсколько обширное, вступленіе вызвано желаніемъ установить принципіальный взглядъ на положеніе одного изъ такихъ заброшенныхъ юриспруденціей институтовъ, именно на предварительный полицейскій арестъ для цѣлей правосудія. Очень смутно и неполно обрисованный въ уставѣ угол. суд., онъ столкнулся съ сохраняющимися еще отъ дореформеннаго времени взглядами и привычками, и породилъ практику, во многомъ отличную отъ той, которую имѣлъ въ виду законодатель. Коммисія пересмотра 1900 г. безсознательно приняла эту практику и исходила отъ нея, какъ отъ дѣйствующаго законодательства; вслѣдствіе этого она сохранила старыя законодательныя постановленія и сдѣлала нѣсколько дополненій, заимствованныхъ изъ „практическаго опыта“, внеся такимъ образомъ еще большую спутанность въ вопросъ. Практика совершенно заслонила крупные законодательные пробѣлы въ этомъ институтѣ, выработавъ наиудобнѣйшую форму его для цѣлей полицейскихъ, а не гражданско-правовыхъ. Что же касается юриспруденціи, то она поразительно мало занималась этимъ вопросомъ, ограничиваясь въ большинствѣ случаевъ дословной передачей статей и не задаваясь цѣлью открыть дѣйствительное ихъ содержаніе [1]).

---

[1]) Изъ работъ, имѣющихся въ русской литературѣ по этому предмету, мы

II.

Отличіе средствъ представленія отъ мѣръ, обезпечивающихъ неуклоненіе обвиняемаго.

Отправленіе правосудія состоитъ изъ цѣлаго ряда актовъ дѣятельности различныхъ лицъ, въ конечной стадіи приводящихъ къ постановкѣ справедливаго приговора и къ примѣненію наказанія къ виновному. Изъ совокупности условій, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ достиженіе такихъ результатовъ, особое вниманіе съ точки зрѣнія интересовъ защиты личной свободы обращаютъ на себя мѣры, направленныя къ обезпеченію личнаго участія обвиняемаго въ процессѣ и дѣйствительнаго примѣненія къ нему наказанія. Такъ какъ достиженіе этихъ цѣлей часто сопряжено съ принудительными дѣйствіями, глубоко проникающими въ область самыхъ дорогихъ благъ гражданина, то вполнѣ понятнымъ будетъ стремленіе возможно правильнѣе и точнѣе опредѣлить границы дѣйствительной необходимости въ примѣненіи такихъ мѣръ.

Указанная потребность правосудія въ присутствіи обвиняемаго при слѣдствіи, въ современномъ строѣ уголовнаго процесса, можетъ быть удовлетворена рядомъ отдѣльныхъ актовъ явки въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ признаетъ необходимымъ для правильнаго производства дѣла участіе обвиняемаго, или когда это присутствіе будетъ необходимо по существу, какъ, напр., при отбытіи наказанія. Парализованіе дѣятельности обвиняемаго съ цѣлью помѣшать ему противодѣйствовать правосудію, психическія вліянія съ цѣлью вырваннымъ отъ него сознаніемъ подкрѣпить доказательства

можемъ указать на И. Тарасова. Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности. 2 т. 1884, 1886 г.г.—трудъ крайне безсистемный, изобилующій ошибками и почти совершенно устарѣвшій. Отдѣльныя замѣчанія у И. Я. Фойницкаго (Курсъ угол. суд., т. II), Квачевскаго (Объ уголовномъ преслѣдованіи 1867 г.), Кистяковскаго (Мѣры пресѣченія 1869 г.). Иностранное законодательство по этому вопросу у насъ совершенно не разсматривалось.

вины, стремленіе изъять его изъ общества въ интересахъ полицейскихъ, которыя могли бы требовать постояннаго заключенія—въ настоящее время не могутъ быть признаны справедливыми условіями правосудія и должны исчезнуть окончательно изъ его сферы.

Періодическая явка обвиняемаго могла бы обезпечиваться рядомъ мѣръ представленія въ судъ, не требуя мѣръ продолжительнаго лишенія свободы, если бы успѣшность этихъ мѣръ была обезпечена. Такой порядокъ мы и видимъ въ древности при неподвижности родового уклада жизни; но современное общество еще не настолько связываетъ отдѣльную личность, чтобы возможно было ограничиваться однѣми только мѣрами представленія въ судъ. Помимо ихъ возникаетъ потребность въ такихъ средствахъ, которыя поставили бы личность обвиняемаго въ положеніе, при которомъ суду предоставлялась бы легкая и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрная возможность примѣненія мѣръ представленія въ судъ, въ случаѣ потребности въ явкѣ. Эти средства создаются *мѣрами, обезпечивающими неуклоненіе обвиняемаго отъ правосудія.* Такимъ образомъ мы будемъ имѣть слѣдующую конструкцію: 1) правосудіе требуетъ неуклоненія обвиняемаго отъ суда; 2) неуклоненіе выражается въ явкахъ къ суду, когда онѣ нужны; 3) дѣйствительное выполненіе такихъ явокъ достигается принятіемъ особыхъ мѣръ обезпеченія на все время потребности въ такихъ явкахъ.

Изъ отдѣльныхъ явокъ къ суду особенное, важнѣйшее значеніе имѣетъ явка первоначальная. Ею обусловливается начатіе противъ извѣстнаго лица уголовнаго преслѣдованія, а часто и поставленіе его въ состояніе несвободы, если признано будетъ необходимымъ назначеніе мѣръ, обезпечивающихъ неуклоненіе. Иногда первоначальная явка совпадаетъ съ открытіемъ судебнаго производства, иногда—съ началомъ производства предварительнаго. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ она служитъ способомъ поставленія обвиняемаго въ зависимость отъ судебной власти, и только при дѣйствительномъ ея выполненіи процессъ можетъ начать свое теченіе. При настоящемъ строѣ процесса значительную роль играютъ еще показанія обвиняемаго. На предварительномъ

слѣдствіи показанія, данныя имъ, служатъ съ одной стороны доказательствомъ, съ другой—средствомъ защиты, предоставляющимъ ему возможность представить свои оправданія. На судебномъ слѣдствіи допросъ обвиняемаго и его активное участіе являются однимъ изъ условій правильнаго процесса. Поэтому для правильнаго отправленія правосудія представляется необходимымъ присутствіе обвиняемаго на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ. Несмотря на то, что по законодательству нѣкоторыхъ государствъ (Англіи, Франціи, Бельгіи и др.) дача показаній при допросѣ и активное участіе въ судѣ есть лишь право обвиняемаго, а не его обязанность, судъ все же обязываетъ обвиняемаго явиться и принимаетъ для того принудительныя мѣры, потому что въ зависимости отъ данныхъ имъ показаній (или если обвиняемый не далъ никакихъ показаній, то въ зависимости отъ его молчанія) судъ назначаетъ мѣру обезпеченія неуклоненія или опредѣляетъ приговоръ. Присутствіе обвиняемаго, такимъ образомъ, является нужнымъ въ интересахъ публичныхъ, что̀ даетъ основаніе для примѣненія принудительныхъ мѣръ въ случаѣ отказа отъ явки со стороны обвиняемаго или при опасеніи этого. Поэтому однимъ изъ самыхъ существенныхъ является вопросъ о средствахъ представленія въ судъ, въ особенности представленія первоначальнаго. Дѣйствительности этихъ средствъ требуютъ какъ интересы частныхъ лицъ, притязающихъ на правосудіе, такъ и интересы государства, для котораго правильное отправленіе правосудія является главной основой правопорядка.

Изъ всего изложеннаго можно вывести слѣдующее различіе между средствами представленія въ судъ и мѣрами, обезпечивающими неуклоненіе обвиняемаго отъ суда: первыя суть способы выполненія отдѣльнаго акта, вторыя—способы поставленія обвиняемаго въ положеніе, обезпечивающее выполненіе многихъ актовъ; первыя примѣняются для привлеченія къ правосудію, вторыя—для правильнаго его исполненія; наконецъ, первыя служатъ предпосылкой вторыхъ, такъ какъ безъ поставленія лица въ зависимость отъ суда невозможно принятіе по отношенію къ нему какихъ либо мѣръ обезпеченія.

Средства представленія въ судъ распадаются на двѣ группы: на средства представленія, принимаемыя по иниціативѣ суда, и на средства представленія, принимаемыя по иниціативѣ другихъ, несудебныхъ органовъ. Въ каждой изъ этихъ группъ имѣются два средства представленія—добровольное, съ указаніемъ срока явки въ будущемъ, и сопряженное съ принужденіемъ, немедленное представленіе. Примѣняя общеупотребительныя обозначенія, мы получимъ:

1. *Судебный призывъ* (Summons, Erscheinungsbefehl, citation, mandat de comparition, mandato di comparizione, Ladung).

2. *Приводъ по повѣсткѣ отъ суда или арестъ по судебному приказу* (mandat d'amener, Vorführungsbefehl, warrant of apprehend, mandato di cattura).

3. *Несудебное обязаніе явкой* (отобраніе подписки о явкѣ, recognizance without sureties).

4. *Приводъ безъ судебнаго постановленія или арестъ безъ судебнаго приказа* (arrestation préventive, vorläufige Festnahme, arrest without warrant, l'arresto preventivo).

Первое и третье средства создаютъ только обязанность явки, второе и четвертое обезпечиваютъ кромѣ того немедленное исполненіе ея принужденіемъ.

Примѣненіе средствъ, разсчитанныхъ на добровольную явку, не вызываетъ спорныхъ вопросовъ: оно является общимъ правиломъ, каждое отступленіе отъ котораго должно быть прочно обосновано. Обязаніе явкой, производимое судебнымъ или несудебнымъ органомъ, есть вполнѣ допустимое и мало затрагивающее права гражданина средство приглашенія въ судъ. Гораздо болѣе сложными являются закономѣрныя предположенія примѣненія принужденія въ случаяхъ требованія немедленной явки.

III.

Начала примѣненія принужденія при представленіи въ судъ.

Примѣненіе принужденія по судебному приказу и безъ него настолько различно съ правовой точки зрѣнія, что при

теоретическомъ разсмотрѣніи необходимо строго обособить эти два вида, несмотря на то, что въ жизни они тѣсно переплетаются другъ съ другомъ.

Общепризнаннымъ тезисомъ, защищающимъ гражданъ отъ произвола, является правило, что свобода можетъ быть ограничена не иначе, какъ по суду. Только органъ вполнѣ безпристрастный и пользующійся довѣріемъ, вслѣдствіе подчиненія своего одному только закону, можетъ рѣшать о необходимости ограниченія свободы. Съ такой точки зрѣнія право суда издавать приказъ о приводѣ не подвергается сомнѣнію, и споръ идетъ лишь о созданіи такихъ условій осуществленія этого права, которыя не стѣсняли бы гражданской свободы сверхъ предѣловъ необходимости.

Болѣе споровъ вызываетъ второй видъ принудительнаго представленія въ судъ—арестъ безъ судебнаго приказа или предварительный арестъ [1]). Вмѣсто суда иниціаторомъ представленія здѣсь является самостоятельная дѣятельность полиціи и частныхъ лицъ. Этотъ видъ представленія—не формальный актъ привлеченія къ суду, но лишь заявленіе лица, приведшаго задержаннаго, о томъ, что данное лицо совершило извѣстное преступленіе и задержано въ интересахъ безопасности и обезпеченія правосудія.

Право такого задержанія предоставляется частнымъ лицамъ и полиціи на томъ основаніи, что не всегда возможно полученіе предварительнаго судебнаго приказа, между тѣмъ какъ необходимость обезпечить выполненіе правосудія дѣлаетъ особенно важнымъ немедленное представленіе преступника въ судъ, послѣ чего уже могутъ быть приняты соотвѣтственныя мѣры обезпеченія. Предварительный арестъ и служитъ этой цѣли, когда существуетъ опасность для правосудія отъ оставленія на свободѣ лица, совершившаго преступленіе. Изъ

---

[1]) Намъ кажется неудобнымъ названіе этого ареста—предупредительнымъ, какъ то дѣлаетъ Тарасовъ, дословно переводя французскій терминъ arrestation préventive, на томъ основаніи, что его легко тогда смѣшивать съ арестомъ для предупрежденія преступленій, носящимъ совершенно иной характеръ. Названіе „предварительный“ указываетъ на временный, подчиненный характеръ этой мѣры.

этого слѣдуетъ, что 1) предварительный арестъ есть мѣра, принимаемая *въ интересахъ правосудія*, хотя и выполняемая не по прямому требованію суда, 2) что онъ можетъ производиться лишь *при дѣйствительномъ совершеніи преступнаго дѣянія* задерживаемымъ, 3) что принятіе этой мѣры возможно лишь *въ случаяхъ опасности уклоненія* и при невозможности безъ ущерба для правосудія предварительнаго полученія приказа судьи и 4) что *отвѣтственность* за арестъ *всецѣло падаетъ на арестующаго*, такъ какъ арестъ производится по его иниціативѣ [1]).

Должно отличать отъ ареста предварительнаго арестъ предупредительный, принимаемый въ интересахъ безопасности, для предупрежденія преступленій или для общественнаго успокоенія а не въ цѣляхъ обезпеченія отъ уклоненія. Впрочемъ, дѣйствующія законодательства германскаго типа расширяютъ понятіе „неуклоненія“, понимая подъ нимъ и отсутствіе такой дѣятельности, которая направлена на затрудненіе хода правосудія, т. е. на сокрытіе слѣдовъ, на стачки со свидѣтелями, экспертами и соучастниками. Наконецъ, подъ ущербомъ для правосудія иногда разумѣютъ не только побѣгъ и сокрытіе слѣдовъ, но и противодѣйствіе быстротѣ производства дѣла. При болѣе близкомъ ознакомленіи съ отдѣльными законодательствами, можно будетъ видѣть, что эти основанія допускаютъ широкое толкованіе.

Среди современныхъ юристовъ широко распространено мнѣніе, что при арестѣ полиція и частныя лица замѣняютъ судъ. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Арестъ, какъ принятіе опредѣленныхъ принудительныхъ мѣръ, всегда лежитъ на обязанности исполнительныхъ органовъ независимо отъ того, совершается ли онъ по приказу суда или безъ него. Центръ различія лежитъ въ моментѣ иниціативы ареста,

---

[1]) Миттермайеръ (Участіе полиціи въ предварительномъ слѣдствіи. Ж. М. Ю. 1865 г. № 1) такъ опредѣляетъ основанія, по которымъ полиціи предоставлено право предварительнаго ареста: 1) большое количество указаній поступаетъ къ полицейскимъ чинамъ, 2) сами объявители настойчиво указываютъ или даже приводятъ въ полицію обвиняемаго и 3) полиція часто сама сталкивается съ необходимостью задержанія.

характеризуемой основаніями и условіями допущенія ея закономъ. А съ такой точки зрѣнія мы замѣтимъ глубокое различіе между арестомъ по приказу суда и арестомъ предварительнымъ.

Судъ издаетъ приказъ о приводѣ въ силу власти, присвоенной ему надъ гражданами и спеціально данной ему для правильнаго отправленія правосудія. Частныя лица и полиція арестуютъ въ силу *отдѣльныхъ правъ* или въ силу возложенной на нихъ обязанности. Дѣятельность ихъ есть актъ не судебной оцѣнки, а или—выполненія закона, или—осуществленія права. Только рѣшеніе судьи создаетъ для арестуемыхъ обязанность явки, и приводъ, производимый полиціей и частными лицами, допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда существуютъ вполнѣ обоснованныя презумпціи изданія судомъ такого приказа. Такимъ образомъ предварительный арестъ производится лишь въ предположеніи вѣроятности ареста по судебному приказу, и предваряетъ, но не замѣняетъ его [1]).

Такъ какъ центръ различія лежитъ въ основаніяхъ задержанія, то спеціально разсмотримъ основанія его, указываемыя для частныхъ лицъ и для полицейскихъ органовъ.

Разсматривая исторію развитія мѣръ, обезпечивающихъ неуклоненіе, мы убѣждаемся, что эти мѣры развились изъ дѣятельности частныхъ лицъ по представленію въ судъ. Потерпѣвшему приходилось, если онъ хотѣлъ добиться правосудія, самому задерживать преступника до суда; въ этой дѣятель-

---

[1]) Нельзя говорить, что полиція въ такихъ случаяхъ „замѣняетъ“ судъ, точно такъ же, какъ нельзя говорить, что необходимая оборона „замѣняетъ“ наказаніе. Судебное разсмотрѣніе задержанія должно имѣть мѣсто, оно незамѣнимо, но въ крайнихъ случаяхъ отдѣльнымъ лицамъ и полиціи дано право „*предварять*“ его, подъ угрозой отвѣтственности. Поэтому и арестъ мы назвали арестомъ „предварительнымъ“. Арестъ долженъ влечь за собою возбужденіе уголовнаго преслѣдованія. Bertelémy. Traité de droit administratif 1902. p. 339 вполнѣ правильно замѣчаетъ, „qu'on remarque cependant, qu'il y aura abus de pouvoir dans l'exercice de ces droits en dehors de toute inculpation de délit ou de crime. Une arrestation, qui ne se serait pas justifieé par l'inculpation fausse peut-être, mais cependant appuyée sur un élément quelconque la rendant vraisemblable, serait arrestation illègale“.

ности ему помогалъ весь родъ. Далѣе, эта функція становится общей обязанностью рода, который выдѣляетъ иногда изъ своей среды особые органы для поимки и содержанія подъ надзоромъ обвиняемыхъ. Мы говоримъ „обязанностью“, потому что уже не только потерпѣвшій, но и князь, получавшій отъ того доходы, былъ заинтересованъ въ обезпеченіи интересовъ правосудія. Подчиняясь требованію рода или общины, каждый членъ ея чувствовалъ себя обязаннымъ къ арестованію; за неисполненіе этой обязанности родъ несъ денежную отвѣтственность передъ княземъ. Въ дальнѣйшемъ, подслѣдственное задержаніе обвиняемыхъ становится дѣломъ государства. Государство само устанавливаетъ, что̀ преступно и что̀—нѣтъ, и переноситъ центръ тяжести наказанія съ возмѣщенія на устрашеніе, не считаясь съ интересами пострадавшаго. Укрѣпленіе центральной власти на счетъ самостоятельности общинъ ведетъ къ усиленію класса „лихихъ людей“, съ которыми сами общины безсильны бороться. Подъ вліяніемъ этого создаются „власти на мѣстахъ“, первой обязанностью которыхъ и является поимка и расправа съ преступниками. Роль мѣстныхъ людей сводится тогда къ помощи этимъ органамъ, къ содѣйствію въ отправленіи возложенныхъ на нихъ полицейскихъ обязанностей, въ успѣшности которыхъ они порою даже не заинтересованы. И, наконецъ, при правовомъ строѣ государство производитъ арестъ исключительно съ помощью своихъ органовъ, дѣйствующихъ подъ условіемъ соблюденія опредѣленныхъ условій, предоставляя частнымъ лицамъ возможность арестовывать, какъ п р а в о, осуществлять которое они могутъ въ случаѣ необходимости въ огражденіи дѣйствительныхъ интересовъ правосудія, подъ условіемъ личной отвѣтственности. Право это можетъ быть или индивидуальнаго характера, принадлежа, напр., потерпѣвшему, желающему задержаніемъ убѣгающаго преступника обезпечить свой гражданскій искъ,— или характера соціальнаго, принадлежа всѣмъ гражданамъ, какъ первымъ блюстителямъ правопорядка. Вообще право ареста частными лицами весьма аналогично праву необходимой обороны, изъ котораго оно иногда и выводится и съ развитіемъ котораго оно шло параллельно. Необходимая обо-

рона также производится какъ въ интересахъ индивидуальныхъ, такъ и соціальныхъ (оборона 3-ьихъ лицъ); она также разсматривалась раньше, какъ обязанность, и также въ настоящее время служитъ одною изъ главныхъ основъ правопорядка тѣмъ, что нарушитель его не всегда осмѣлится совершить посягательство, предвидя возможность обороны или ареста. Но различіе между правомъ необходимой обороны и правомъ ареста заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ отраженію подлежитъ опасность непосредственная, во второмъ—опасность будущая (возможность уклоненія); необходимая оборона имѣетъ въ виду защиту во время преступленія съ цѣлью предупрежденія вредныхъ результатовъ его, и потому можетъ быть интенсивнѣе, чѣмъ право ареста, примѣняемое послѣ преступленія и направленное къ обезпеченію наказанія за совершенное преступное дѣяніе (интересъ меньшій, чѣмъ предупрежденіе). Эти различія опредѣляютъ и неодинаковость объема того и другого [1]).

Право ареста частными лицами, создавшееся при порядкѣ частно-состязательномъ, сохранилось, правда, въ нѣсколько ограниченномъ видѣ, и съ утвержденіемъ порядка публичнаго обвиненія. Право преслѣдовать нарушителя своихъ или общественныхъ правъ въ уголовномъ порядкѣ, служащее опорой всей системы уголовнаго процесса, представляетъ серьозный гражданскій интересъ. Преступленіе, ставъ нарушеніемъ общественнаго строя, тѣмъ не менѣе, еще въ большей степени, осталось нарушеніемъ правъ и интересовъ частнаго лица. Для огражденія ихъ, частнымъ лицамъ предоставлено право обращенія къ суду, а чтобы послѣднее давало дѣйствительные результаты, нельзя отказать имъ въ правѣ задержанія преступника при совершеніи преступленія, когда онъ легко можетъ скрыться, не оставивъ по себѣ слѣдовъ. „Никакой текстъ закона—говоритъ Лярнодъ—не помѣшаетъ по-

---

[1]) Финляндское улож. въ § 8 ставитъ даже право ареста на ряду съ правомъ необходимой обороны (Сергѣевскій, Русск. Уголовное Право, 1903, стр. 281). Въ англійскомъ правѣ постановленія объ убійствѣ при арестованіи вполнѣ аналогичны правиламъ объ убійствѣ при необходимой оборонѣ.

терпѣвшему схватить своего обидчика и представить его въ полицію. Онъ въ подобныхъ случаяхъ разсуждаетъ не о правахъ, а повинуется инстинкту [1])".—Съ другой стороны всякое частное лицо, присутствуя при совершеніи преступленія, можетъ, а нравственно иногда и должно, какъ представитель общественныхъ интересовъ и хранитель законности, принимать мѣры къ обезпеченію правосудія, къ которымъ относится и задержаніе преступника на мѣстѣ преступленія, въ случаѣ опасности побѣга или неизвѣстности его личности. Естественнымъ ограниченіемъ является лишь величина и качество преступленія, опредѣляемыя отчасти тяжестью грозящаго наказанія [2]). Нельзя признавать такое право арестованія частными лицами за пережитокъ эпохи неорганизованной репрессіи [3]): безъ содѣйствія общества никакая репрессія не можетъ быть правильной и сильной. Предоставляя арестъ частнымъ лицамъ, какъ право, а не создавая изъ него обязанности, мы обезпечиваемъ примѣненіе его въ согласіи съ нравственнымъ сознаніемъ общества, такъ какъ отдѣльный гражданинъ арестуетъ преступника только тогда, когда считаетъ примѣненіе правосудія къ нему необходимымъ. Иначе говоря, только сознаніе нравственной обязанности [4]) можетъ служить основаніемъ для примѣненія этого права

---

[1]) Larnaude. Sur les garanties de la liberté individuelle. Revue Penit. 1902. p. 1131.

[2]) Bertrand. Détention préventive 1875. p. 5. „Le besoin de maintenir avant tout l'ordre de société et d'assurer la securité des personnes et des biens a fait autoriser les arrestations sans mandat dans tous les cas d'urgence chez toutes les nations.

[3]) Larnaude, Ibid. p. 190, 191. „L'arrestation privée n'est pas autre chose, qu'une survivance de l'époque reculée où l'Etat est faiblement organisé, où l'autorité publique est en quelque sorte diffuse dans toutes les parties de la population, où la police n'a pas des representants reguliers".. „Seul l'Etat peut porter atteinte à la liberté individuelle. Seul un organe de l'état pourra donc exercer ce droit d'arrestation sauf bien entendu l'hypotèse du flagrant délit, dans laquelle il ne aurait en être autrement". Послѣдняя оговорка уничтожаетъ значеніе выставленнаго принципа.

[4]) Выдача наградъ за поимку и арестованіе преступниковъ, какъ то практикуется въ Англіи,—безнравственна и не должна допускаться, если арестовавшій не состоитъ на службѣ у полиціи.

частными лицами, и это есть признакъ высокой соціальной мотивацiи. Безразлично, признаемъ ли мы, что арестовавшій долженъ обращаться къ ближайшему органу полиціи или къ судьѣ—это вопросъ удобства,—важно лишь, что этимъ актомъ закрѣпляется возможность правосудія. А покоящееся на нравственныхъ основахъ правосудіе не можетъ быть признано интересомъ, ввѣреннымъ исключительно органамъ должностнымъ.

Что касается другой группы лицъ, могущихъ примѣнять арестъ въ случаѣ необходимости до полученія судебнаго приказа, то на первомъ мѣстѣ здѣсь должно поставить органы полиціи. Для должностныхъ лицъ арестованіе въ извѣстныхъ случаяхъ является обязанностью, которая въ зависимости отъ своего законодательнаго выраженія можетъ допускать тотъ или иной объемъ усмотрѣнія. Всякая „должность“ состоитъ изъ ряда обязанностей, осуществляемыхъ въ публичныхъ интересахъ. Въ своей дѣятельности полиція очень часто становится первою свидѣтельницею преступленій; въ цѣляхъ пресѣченія и предупрежденія преступленій она имѣетъ право принимать различныя мѣры; непосредственно соприкасаясь съ жизненной дѣятельностью населенія, она болѣе всего приспособлена къ удовлетворенію потребности правосудія въ немедленномъ представленіи въ судъ. Здѣсь цѣли безопасности и цѣли правосудія близко соприкасаются и почти сливаются вмѣстѣ, и потому объединеніе этихъ функцій въ однѣхъ рукахъ является вполнѣ естественнымъ.

Слѣдуетъ провести только нѣкоторое различіе между арестомъ, производимымъ частнымъ лицомъ, и арестомъ полицейскимъ. 1) Какъ мы указали, для частныхъ лицъ арестъ есть только право, принадлежащее имъ, какъ членамъ общества или какъ потерпѣвшимъ, и сохраняющееся, какъ необходимое слѣдствіе права добиться суда надъ преступникомъ. Для полиціи этотъ арестъ является обязанностью, выполняемой въ интересахъ чисто государственныхъ, основаніемъ ея является нарушеніе закона, угрожаемое наказаніемъ извѣстной тяжести. 2) Частное лицо не обладаетъ такою силой принужденія, какъ полиція, и потому не можетъ такъ зло-

употреблять предоставленнымъ ему правомъ. Полиція же, являясь въ этомъ отношеніи болѣе могущественной, подлежитъ и большей отвѣтственности, и большему надзору. 3) Такъ какъ дѣятельность полиціи по арестованію поставлена подъ сложный контроль какъ администраціи, такъ и суда, и такъ какъ она съ большею опредѣленностью можетъ быть регулирована закономъ, то обыкновенно нѣсколько расширяется сфера дѣятельности полиціи по представленію въ судъ по сравненію съ правами частныхъ лицъ. Однако это расширеніе имѣетъ скорѣе количественный, нежели качественный характеръ, и не даетъ повода видѣть въ немъ какія-либо особыя права.

Сфера примѣненія ареста опредѣляется совокупностью условій, создающихъ опасность уклоненія отъ представленія въ судъ. Эта сфера была опредѣлена во французскомъ законодательствѣ эпохи революціи и съ того времени не подверглась почти никакимъ измѣненіямъ. Ст. 17 Декларації правъ, составленной Учредительнымъ Собраніемъ, опредѣляла лишь общій принципъ: „Никто не можетъ быть арестованъ или заключенъ подъ стражу иначе, какъ въ силу закона съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, предписанныхъ имъ и въ случаяхъ, которые тамъ предусмотрѣны; тѣ лица, которыя будутъ требовать, примѣнять произвольныя распоряженія или принуждать къ примѣненію ихъ должны быть наказаны“. Но такое полное исключеніе предварительнаго ареста на практикѣ не соблюдалось, а повело ко многимъ нарушеніямъ, и уже черезъ 2 года, въ 1791 г., къ этому общему правилу было сдѣлано добавленіе, что „всѣ лица, застигнутыя flagrant délit или преслѣдуемыя общимъ крикомъ, должны быть арестуемы и приводимы къ полицейскому чиновнику“. Соблюденіе законности при такомъ арестѣ достигалось опредѣленіемъ его границъ и установленіемъ отвѣтственности за ихъ нарушеніе [1]). Съ этого времени границы права ареста мало измѣ-

---

[1]) Bertélemy (Droit administratif, 1902 p. 339) такъ выражаетъ правовое основаніе ареста, вполнѣ могущее замѣнить ст. 17 Декларацін: Personne ne peut être arrêté ni détenu que par ordre de l'autorité judiciaire, à la condition de pas-

нлись. Французское право и законодательства, принявшія его систему, въ томъ числѣ и наше, лишь нѣсколько расширили на практикѣ понятіе flagrant délit [1]).

Нѣсколько развило эту систему австрійское законодательство 1873 г., легшее въ основу законодательствъ нѣмецкаго типа, которое опредѣлило точнѣе не только сферу, но и основанія ареста (опасеніе побѣга, опасность сокрытія слѣдовъ и опасность повторенія или довершенія преступнаго дѣянія), установивъ общимъ образомъ возможность примѣненія ареста при опасности промедленія въ полученіи судебнаго приказа.

Самостоятельно стоитъ англійская система, значительно расширяющая право ареста и требующая лишь наличности разумно обоснованнаго, а иногда и безусловно достовѣрнаго подозрѣнія виновности въ опредѣленномъ преступномъ дѣяніи. Расширеніе сферы ареста здѣсь компенсируется усиленіемъ отвѣтственности.

Для опредѣленія преступныхъ дѣяній, за которыя допускается арестъ, можно указать двѣ системы: англійскую и континентальную. Первая состоитъ въ перечисленіи отдѣльныхъ преступленій, за которыя по статутамъ разрѣшается арестовывать, вторая—въ установленіи дѣленія по тяжести грозящаго наказанія (двойственная и тройственная системы). Каждая изъ системъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Выгоды англійской системы состоятъ въ возможности конкретнаго и болѣе приспособленнаго перечисленія случаевъ допустимости ареста; выгоды системы континентальной заклю-

---

ser en jugement pour être frappé s'il y a lieu des peines légales. La police administrative ne donne pas au préfet le poivoir de l'arrêter les citoyens.

[1]) Такъ, по ст. 41 CIC подъ flagrant délit слѣдуетъ разумѣть какъ преступленіе, которое совершается на глазахъ или только что совершилось, такъ и тѣ случаи, когда преступникъ преслѣдуется общественнымъ крикомъ (clameur publique), когда онъ застигнутъ черезъ непродолжительное время послѣ преступленія со слѣдами, орудіями, инструментами или документами, дающими основаніе предполагать, что онъ является виновникомъ или соучастникомъ. Въ комиссіи, обсуждавшей законъ 1863 г. во Франціи, было много противниковъ такого широкаго толкованія. Ст. 257 русск. уст. угол. суд. намѣчаетъ приблизительно тѣ же случаи.

чаются въ ея простотѣ и согласованности съ общимъ построеніемъ уголовнаго уложенія. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть случай подробнѣе обсудить сравнительныя достоинства каждой изъ этихъ системъ.

Основаніями ареста для цѣлей правосудія могутъ служить:

1) Необходимость удостовѣренія личности преступника, если онъ неизвѣстенъ полиціи или мѣстнымъ жителямъ и не можетъ самъ удостовѣрить своей личности.

2) Существованіе опасности побѣга, которое можетъ выражаться въ покушеніи на побѣгъ или въ приготовленіи къ нему.

3) Наличность опасности сокрытія слѣдовъ, въ видѣ ли стачки или въ видѣ уничтоженія различныхъ вещественныхъ доказательствъ. Это основаніе, однако, является спорнымъ. Указываютъ, что одна угроза наказаніемъ за уничтоженіе слѣдовъ не всегда можетъ гарантировать то, что обвиняемый не станетъ совершать этого дѣянія, между тѣмъ важность охраненія слѣдовъ бываетъ весьма велика. Поэтому рекомендуется превентивная мѣра—предварительный арестъ. Противъ этого, однако, можно возразить, что слѣды могутъ быть охранены съ полнымъ успѣхомъ общею дѣятельностью полиціи по пресѣченію преступленій въ теченіе того краткаго срока, который требуется для истребованія судебнаго приказа объ арестѣ. А между тѣмъ установленіе этого весьма растяжимаго основанія можетъ повести къ излишнему стѣсненію свободы. Арестъ предварительный долженъ ограничиваться лишь первыми двумя основаніями, въ остальныхъ случаяхъ намъ кажется вполнѣ возможнымъ, безъ ущерба для правосудія, истребованіе судебнаго приказа.

4) Возможно еще одно основаніе для ареста при совершеніи преступленія для немедленнаго привода въ судъ. Это основаніе—требованіе быстроты преслѣдованія. Въ странахъ, гдѣ существуетъ суммарное производство, дѣла по преступленіямъ, въ которыхъ преступникъ былъ захваченъ на мѣстѣ, подлежатъ обыкновенно такому порядку судопроизводства. При наличности очевидныхъ доказательствъ отсрочка разби-

рательства лишь затруднила бы очевидцевъ новою явкой и повлекла, быть можетъ, излишнее содержаніе подъ стражей. Поэтому въ видахъ быстроты производится полиціей арестъ и приводъ въ судъ по такимъ дѣламъ, въ которыхъ общимъ образомъ арестъ не допускается.

Этими цѣлями ограничивается примѣненіе предварительнаго полицейскаго ареста. Внѣ ихъ уже наступаетъ произволъ и смѣшеніе съ другими видами арестованія. Такъ, этотъ видъ ареста слѣдуетъ отличать отъ полицейскаго ареста въ цѣляхъ безопасности и благочинія (задержаніе пьяныхъ, безпаспортныхъ, подозрительныхъ лицъ, бѣглыхъ и проч.). Послѣдній регулируется самостоятельными правилами. Потребность въ немъ отпадаетъ при достиженіи соотвѣтственной полицейской цѣли, и примѣненіе его не влечетъ за собою возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Сюда же долженъ быть отнесенъ и арестъ для воспрепятствованія повторенію или довершенію преступныхъ дѣяній.

Арестъ предварительный, составляющій неотъемлемую часть судебной организаціи, входитъ въ уставъ уголовнаго судопроизводства и опредѣляется цѣлями правосудія. Строгое разграниченіе его отъ другихъ видовъ ареста является однимъ изъ основныхъ требованій правосудія, потому что при смѣшеніи различныхъ цѣлей получится и смѣшеніе постановленій, регулирующихъ соотвѣтственную область, а въ результатѣ безконтрольное усмотрѣніе полиціи.

Нужно помнить, что полицейскій арестъ законенъ лишь постольку, поскольку онъ дѣйствительно необходимъ и поскольку невозможно полученіе судебнаго приказа. Необходимость можетъ быть опредѣляема лишь по отношенію къ какой-либо цѣли, а потому указаніе законныхъ цѣлей или основаній ареста является существенной гарантіей.

Такъ какъ предварительный арестъ, по сравненію съ арестомъ по приказу судьи, является такою же крайнею мѣрой, какъ и необходимая оборона по сравненію съ назначаемымъ по суду наказаніемъ, то дѣйствіе его должно быть возможно болѣе ограничено. Предварительный характеръ ареста выражается въ томъ, что онъ не можетъ продолжаться болѣе су-

токъ, а по нѣкоторымъ законодательствамъ и 12 часовъ, и что, если онъ произведенъ полицейскимъ органомъ, то всякая стоящая выше власть, которой данный органъ подчиненъ, можетъ отмѣнить его или замѣнить обязательствомъ явки безъ принужденія.

Предварительный арестъ, составляя вмѣстѣ съ арестомъ по приказу суда для представленія въ судъ одну группу, существенно отличается отъ подслѣдственнаго заключенія, какъ мѣры, обезпечивающей неуклоненіе обвиняемаго отъ правосудія. Кромѣ различія *общихъ основаній* мѣръ представленія въ судъ и мѣръ обезпеченія неуклоненія, указанныхъ выше, можно указать еще слѣдующія *спеціальныя различія*: 1) различіе въ органахъ и порядкѣ назначенія того и другого: въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ единоличный судья и даже административные органы, во второмъ—судья (а иногда и судебная коллегія, какъ въ Норвегіи и Швейцаріи, и общимъ образомъ на судебномъ слѣдствіи) вмѣстѣ съ прокуроромъ, обязанный соблюдать различныя гарантіи, главной изъ которыхъ является допросъ; 2) различіе въ продолжительности и силѣ дѣйствія: продолжительность предварительнаго ареста не можетъ быть болѣе сутокъ, продолжительность подслѣдственнаго заключенія неопредѣленна или значительно больше. Предварительный арестъ можетъ быть отмѣненъ высшей административною властью или судьей единолично; подслѣдственное заключеніе для своей отмѣны требуетъ болѣе сложной процедуры; 3) основанія, по которымъ назначается каждый изъ обоихъ, различны; 4) наконецъ, существуетъ различіе въ порядкѣ обжалованія и отвѣтственности. Моментами, обособляющими предварительный арестъ отъ подслѣдственнаго заключенія, является допросъ и начало обвиненія—эти необходимыя гарантіи личной свободы. Все это заставляетъ выдѣлить постановленія о предварительномъ арестѣ въ особую группу, создавъ изъ него институтъ, отличающійся по своимъ правовымъ основаніямъ отъ подслѣдственнаго заключенія.

Въ настоящемъ очеркѣ мы установимъ сначала общія точки зрѣнія на эту мѣру и посмотримъ, въ какомъ объемѣ она можетъ быть допущена въ правовомъ государствѣ, за-

тѣмъ обрисуемъ постановку ея въ главнѣйшихъ западныхъ государствахъ, и, наконецъ, выяснимъ постановленія дѣйствующаго русскаго права по этому предмету въ связи съ желательными улучшеніями.

IV.

I. Исторія англійскаго законодательства.

Развитіе предварительнаго ареста въ Англіи болѣе всего даетъ возможность прослѣдить указанную нами эволюцію.

Наиболѣе ранней формой ареста и расправы, едва даже заслуживающей названія судебнаго производства, являлся law of infangthief (право при поимкѣ съ поличнымъ). Пойманный былъ всецѣло въ рукахъ потерпѣвшаго, отъ котораго зависѣло обратиться ли въ судъ или расправиться самому. Въ законахъ Эдуарда Исповѣдника это производство опредѣлялось, какъ „justitia cognoscentis latronis sua et de homine suo, si captus fuerit super terram suam“ [1]). Право такой расправы, ограниченное лишь отъ крайнихъ проявленій жестокости, существовало даже послѣ завоеванія Норманновъ.

Съ развитіемъ болѣе сложной королевской юстиціи обязанность представленія въ судъ падаетъ на родовую общину, отвѣтственность которой покоилась на системѣ frankpledge. Frankpledge представляла собою группу взрослыхъ мужчинъ, входившихъ порою въ составъ населенія какого либо мѣстечка или особаго дѣленія на десятки—tithing, которые платили штрафъ въ томъ случаѣ, если они не представляли къ правосудію какого либо члена изъ ихъ общества, совершившаго преступленіе. Эта система держалась прочно, и сохранялась даже съ появленіемъ шерифовъ, должностныхъ органовъ, на обязанности которыхъ лежало, между прочимъ, храненіе преступника до пріѣзда судей. По крайней мѣрѣ и послѣ Генриха I шерифы ежегодно созывали собранія frankpledge, на

---

[1]) Stephen. History of criminal law. 1883. t. I p. 64, 66. Pollock and Maitland. History of Engl. law. II, p. 580—583.

которыхъ и собирали упомянутые штрафы [1]). Отдѣльныя общины для выполненія такой возложенной на нихъ функціи выдѣлили особыхъ органовъ—reeve—начальника и четырехъ выборныхъ отъ общины, въ качествѣ помощниковъ. На обязанности этихъ органовъ было возбужденіе преслѣдованія by hue and cru—преслѣдованія по горячимъ слѣдамъ [2]). За представленіе чужеземца, не принадлежавшаго къ составу данной общины, отвѣчалъ тотъ, въ домѣ котораго чужеземецъ оставался болѣе 3-хъ дней [3]).

По Кларендонскимъ ассизамъ 1166 г. Генрихомъ II была организована полиція съ правомъ привода къ судьѣ, хотя и выборная, но состоящая въ подчиненіи правительственному чиновнику. Отъ каждой сотни избирались двое правоспособныхъ лицъ съ четырьмя такими же лицами отъ каждой сельской общины, которые давали королю присягу представлять преступниковъ и подозрительныхъ лицъ своего округа въ суды графствъ, гдѣ представленные преступники подвергались испытанію ордаліями (purgation and ordeal). Такимъ образомъ арестъ являлся для нихъ обязанностью [4]). Норгэмптонскіе ассизы подробнѣе опредѣлили права шерифа. Онъ могъ брать подъ стражу грабителей и убійцъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія. Такое же право имѣлъ и baillif. Если преступникъ не захватывался на мѣстѣ, его выслѣживали, о немъ объявляли въ различныхъ мѣстахъ, и всякій могъ арестовать его повсюду [5]).

Постепенно власть ареста расширялась. Такъ въ XIV вѣкѣ каждое частное лицо могло арестовать преступника за совершеніе фелоніи, не ожидая возбужденія преслѣдованія по горячимъ слѣдамъ. Появились низшіе полицейскіе органы—констебли, имѣвшіе спеціальную обязанность ареста при фелоніи. Самое возбужденіе преслѣдованія by hue and cry (hutesium et clamor) перешло въ руки учрежденныхъ въ 1326 г.

---

[1]) Kenny. Outlines of criminal law. 1904. p. 439.

[2]) Stephen. loc. cit. p. 66, 186.

[3]) Nemo ignotum vel vagantem ultra triduum absque securitatem detineat.

[4]) Franqueville. Système judiciaire de la Grande Bretagne. T. II. 1893 г.

[5]) Stephen. History. I. p. 241.

мировыхъ судей. Должность эта была учреждена для защиты отъ произвола шерифовъ, и въ позднѣйшей англійской исторіи она постепенно сдерживала произволъ полиціи. Послѣдняя обладала большими полномочіями: каждый арестующій могъ употребить оружіе и подвергать различнымъ стѣсненіямъ задерживаемаго; иногда для поимки закрывались даже городскія ворота.

Между тѣмъ борьба за свободу началась въ Англіи рано. Уже Великая Хартія 1215 г. въ ст. 46 выставила великій принципъ, послужившій впослѣдствіи основой для ст. 17 Декларацiи 1789 г. „Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur aut dessaisietur aut utlagetur (outlawed), aut exuletur aut aliquo modo destinatur, nec super eum mittemus legale judicium parium suorum, vel per legem terrae“ [1]). Къ успленію гарантій и послужило развивавшееся въ XIV—XVII вѣкахъ представленіе въ судъ по призыву или приказу судьи (summons, warrants), замѣнившее преслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ. Весьма любопытна исторія появленія этихъ формъ. Мировые судьи указомъ 136[illegible] г. получили право наравнѣ съ констеблями „брать и арестовывать тѣхъ, кого они найдутъ, по обвиненію или подозрѣнію, и заключать ихъ подъ стражу“ [2]). Констебли обыкновенно обращались къ судьѣ за совѣтомъ, особенно когда приходилось розыскивать убѣжавшаго. Письменное удостовѣреніе, которое имъ давалъ въ такихъ случаяхъ судья—лицо уважаемое въ странѣ—оказывало большую помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда при розыскѣ приходилось обращаться за помощью къ констеблямъ другого округа. Такъ какъ варрантъ давалъ преимущество, то полученіе его стало обычною практикою (common law), закрѣпленною закономъ 1848 г. [3]). Такимъ образомъ развилось ограниченіе прежняго полицейскаго ареста необходимостью истребованія по общему правилу предварительнаго приказа судьи.

---

[1]) Предварительный арестъ собственно несовмѣстимъ съ такимъ постановленіемъ хартіи, но практика подъ вліяніемъ необходимости отступала отъ него.

[2]) Ibid. I. p. 189.

[3]) 11 & 12 Vict. act. cap. 42.

Но въ общемъ, по отзывамъ англійскихъ писателей полицейская служба была поставлена слабо до акта 1830 г., изданнаго по иниціативѣ Роберта Пиля, организовавшаго городскую и сельскую полицію. Сельская и городская полиція parish and burgh police [1]), была замѣнена констеблями и полицейскими инспекторами. Лондонская полиція организована на самостоятельныхъ началахъ. Изъ выборной она превратилась въ платную и превосходно организована [2]). Только тѣмъ обстоятельствомъ, что полиція была преимущественно органомъ самоуправленія, а не правительственной власти, объясняется такое широкое право ареста, вполнѣ мирившееся съ личной свободой. Ставъ теперь органомъ правительственнымъ, полиція, однако, стоитъ въ большой зависимости отъ мирового суда. Достаточно судьѣ съ порицаніемъ отозваться о дѣйствіяхъ констебля, чтобы послѣдній подвергся взысканіямъ и даже былъ уволенъ со службы. Полиція отвѣтственна за свои дѣйствія наравнѣ съ каждымъ гражданиномъ, и это избавляетъ ее отъ подчиненія различнымъ стѣсненіямъ, установляемымъ обыкновенно для ареста въ странахъ съ ограниченной административной отвѣтственностью. Сознаніе энергичной гражданской и уголовной отвѣтственности является вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы удерживать ее отъ неосновательныхъ арестовъ. Благодаря такой прекрасной организаціи исполнительныхъ органовъ, англійской системѣ удалось провести въ чистомъ видѣ принципы правильнаго судейскаго усмотрѣнія на предварительномъ слѣдствіи.

Послѣ такого историческаго очерка мы можемъ приступить къ систематическому изложенію дѣйствующей системы въ Англіи о полицейскомъ арестѣ.

---

[1]) Parish's были преемниками reeves, начальниковъ округа и до 1830 г. сохраняли право арестовывать преступниковъ и предупреждать преступленія.

[2]) Vincent. Police Code. 1901. W. Hale. Police and prison cyclopedia. 1892. Franqueville. Système judiciaire. 1893. T. I.

II. Дѣйствующее англійское законодательство.

Трудно правильно усвоить себѣ постановку мѣръ обезпеченія въ Англіи, не ознакомившись первоначально съ организаціей англійской полиціи. Только благодаря прекрасной организаціи исполнительныхъ органовъ, англійской системѣ удалось провести въ чистомъ видѣ принципы правильнаго судейскаго усмотрѣнія на предварительномъ слѣдствіи.

Поручивъ всю столь значительную власть активнаго разслѣдованія полиціи, англійское законодательство могло поставить судью надъ розыскными функціями, вполнѣ обезпечивъ его безпристрастность. Судья, находясь вдали отъ преслѣдованія, можетъ, дѣйствительно, выносить *рѣшеніе* по дѣлу, а не односторонній свой взглядъ. Англичанину странно представить себѣ своего судью облеченнымъ полицейско-инквизиціонными функціями. Онъ достаточно полагается на то, что полиція сдѣлала свое дѣло, и ему предстоитъ лишь провѣрить ея доводы. Судья не боится свѣта гласности, и поэтому общество можетъ контролировать его усмотрѣніе. Этой гарантіи англичане придаютъ особенное значеніе. По словамъ Стифена [1]), „замѣна открытаго слѣдствія предъ магистратомъ тайнымъ была бы ядомъ, способнымъ отравить правосудіе въ самомъ его источникѣ“. Гласность слѣдствія—основа довѣрія ко всему правосудію.

Мы разсмотримъ сначала правила англійскаго законодательства о мѣрахъ представленія въ судъ, а затѣмъ собственно о мѣрахъ, обезпечивающихъ неуклоненіе.

Основываясь на довѣріи къ судьѣ, англійское законодательство предоставляетъ ему широкую область усмотрѣнія въ вопросѣ о средствахъ представленія обвиняемаго въ судъ. Въ случаяхъ treason, felony or indictable misdeamenor, мировые судьи, въ рукахъ которыхъ сосредоточено все предварительное производство, могутъ издавать приказъ о призывѣ (summons)

---

[1]) History I заключеніе.

или о приводѣ (warrant) для обезпеченія явки. Это правило формулировано въ законѣ слѣдующимъ образомъ: „Если судья сочтетъ удобнымъ, то вмѣсто приказа о приводѣ по первому разу издастъ повѣстку о явкѣ обвиняемаго въ судъ. При этомъ такая повѣстка является законною во всѣхъ дѣлахъ и должна быть посылаема по преимуществу (lawful and be preferred)“ [1]). Приводъ можетъ примѣняться противъ обвиняемаго, живущаго въ колоніяхъ, въ портовыхъ городахъ, „откуда удобно бѣжать“, а также въ случаѣ неявки по призыву. Для обезпеченія основательности призыва или привода къ суду, „чтобы граждане напрасно не подвергались неудобствамъ призыва и привода по дѣламъ, къ которымъ они совершенно непричастны“, мировой судья, такъ какъ онъ еще не знаетъ характера уликъ и доказательствъ виновности, имѣющихся у обвинителя, требуетъ отъ послѣдняго гарантіи основательности. Именно, когда по чьему либо донесенію или обвиненію предполагается издать приказъ о приводѣ по первому разу, то требуется, чтобы это донесеніе или жалоба были письменными и подкрѣплялись клятвеннымъ заявленіемъ (upon oath and affirmation) обвинителя или свидѣтеля со стороны обвиненія въ необходимости этой мѣры. Когда же предполагается издать повѣстку о явкѣ, то донесеніе или обвиненіе можетъ быть и словеснымъ и сопровождаться лишь простымъ заявленіемъ о вѣрности. Во всякомъ случаѣ отъ судьи, получившаго донесеніе или обвиненіе зависитъ издать приказъ о приводѣ или о явкѣ обвиняемаго для сообщенія ему обвиненія [2]).

---

[1]) Примѣненіе привода такимъ образомъ поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія судьи. Апелляціонный High Court не можетъ заставить судью измѣнить свое рѣшеніе, если только оно не основано на ненадлежащихъ и произвольныхъ основаніяхъ. Harris. Principles p. 323. Англійское право о приводѣ по приказу судьи систематизировано въ двухъ законахъ, изданныхъ одновременно; одинъ предназначается для дѣлъ, подсудныхъ суду высшему, чѣмъ мировой, другой— summary jurisdiction (11 et 12. Vict. c. 42 и 43).

[2]) Иногда судья можетъ издавать general warrant для ареста всѣхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ извѣстномъ преступномъ дѣяніи. Такъ, въ варрантѣ можно разрѣшать арестъ издателей, авторовъ и типографщиковъ клеветническаго сочиненія, не поименовывая ихъ, арестъ бродягъ, пьяныхъ. См. Harris. Principles, стр. 325.

Эти правила общи какъ для суммарнаго, такъ и для производства по indictable offences. Существуетъ лишь различіе относительно послѣдствій неявки по призыву въ первомъ и во второмъ случаѣ. Такъ, при суммарномъ производствѣ, если обвиняемый не явится къ опредѣленному сроку въ опредѣленное мѣсто и если будетъ доказано, что повѣстка вручена ему надлежащимъ образомъ и за достаточное до срока явки время, то судья во всякомъ такомъ дѣлѣ поступитъ согласно съ закономъ (lawful), если приступитъ къ слушанію дѣла ex parte (при одностороннемъ представительствѣ обвинителя) и постановитъ приговоръ по этому донесенію или обвиненію, который явится такимъ же полнымъ и дѣйствительнымъ, какъ если бы сторона, не явившаяся въ судъ по призыву, присутствовала на судѣ; или же по своему усмотрѣнію судья можетъ отложить дѣло и назначить приводъ. При indictable offences судья не приступаетъ къ заочному разбирательству, а издаетъ приказъ о приводѣ и задержаніи („warrant of apprehend“—ихъ общее названіе), и когда обвиняемый будетъ представленъ въ судъ, то послѣ клятвеннаго подтвержденія тожества его личности, судья можетъ безъ дальнѣйшаго допроса и разслѣдованія заключить приведеннаго въ тюрьму или отпустить на поруки, если это лицо не содержится уже въ тюрьмѣ по другимъ обвиненіямъ. Въ первомъ случаѣ онъ даетъ приказъ начальнику тюрьмы содержать обвиняемаго подъ стражей, „пока посредствомъ Habeas Corpus act или по какому нибудь другому законному распоряженію онъ не будетъ представленъсуду“.

Форма указовъ о призывѣ или приводѣ гарантируетъ отъ неправильности. Въ повѣсткѣ о явкѣ должны быть обозначены 1) сущность обвиненія и 2) требованіе явиться въ извѣстное время и мѣсто. Въ приказѣ о приводѣ: 1) преступленіе, къ отвѣтственности за которое лицо привлекается къ суду; 2) имя или примѣты обвиняемаго; 3) приказъ лицу или лицамъ, къ которымъ обращается повѣстка, задержать обвиняемаго и представить въ судъ, издавшій данный приказъ. Причемъ какъ первый, такъ и второй приказы должны быть скрѣплены подписью и печатью судьи [1]). Сила приказа не

[1]) Образцы приказовъ и другихъ формальныхъ актовъ англійскаго судо-

ограничена какимъ либо срокомъ, онъ дѣйствителенъ до исполненія и не требуетъ возобновленія своей силы. Приводится въ исполненіе онъ можетъ повсюду, съ требованіемъ исполненія его можно обращаться ко всѣмъ констэблямъ и ко всѣмъ мировымъ судьямъ страны для содѣйствія. Въ этомъ преимущество ареста по варранту по сравненію съ простымъ арестомъ полиціи безъ предварительнаго приказа судьи. Въ случаѣ, если лицо, которое данъ приказъ задержать, убѣжавъ, находится въ другомъ округѣ, гдѣ скрывается, то по клятвенному удостовѣренію констэблемъ правильности подписи судьи, издавшаго приказъ, судья того округа, гдѣ находится розыскиваемый, дѣлаетъ на оборотной сторонѣ приказа надпись (indorsement), и тогда этотъ приказъ дѣйствителенъ и въ предѣлахъ округа этого мирового судьи. Вопросъ объ этихъ передаточныхъ надписяхъ и примѣненіи распоряженій одного судьи въ участкѣ другого подробно разработанъ въ законѣ. Для приказовъ лондонскихъ столичныхъ мировыхъ судей, лорда-мэра Лондона и судей King's Bench Division не требуется оборотной надписи, и они могутъ безъ задержки приводиться въ исполненіе повсюду. Безъ „backing“ можно преслѣдовать по варранту въ случаѣ погони in case of fresh pursuite на разстояніи семи миль въ предѣлахъ чужого участка. По исполненіи приказъ возвращается судьѣ.

Дѣйствительность повѣстки и гарантія того, что она дойдетъ до мѣста своего назначенія, обезпечивается также опредѣленнымъ порядкомъ врученія ея. По общему правилу повѣстка о явкѣ вручается лично. Констэбль или иной полицейскій чиновникъ вручаетъ призываемому или приводимому самый текстъ. Если личная передача невозможна, то онъ оставляетъ ее у кого либо въ послѣднемъ и наиболѣе посѣщаемомъ обвиняемымъ мѣстѣ жительства, при чемъ констэбль, воспользовавшійся такимъ правомъ оставленія, долженъ присутствовать въ то время и въ томъ мѣстѣ, которое было обозначено въ повѣсткѣ для дачи показаній, если окажется не-

---

производства см. въ приложеніи къ вышеназванному закону 1848 г. Statutes and law т. 37 стр. 120 сл.

обходимость, о таковомъ способѣ врученія повѣстки. При этомъ не должно служить препятствіемъ для призыва или привода то обстоятельство, что возникнетъ какое либо различіе между повѣсткою и свидѣтельскими показаніями со стороны обвиненія или обнаруживается какая либо ошибка относительно содержанія или формы повѣстки. Обвиняемый можетъ, однако, въ случаѣ наличности разногласія между свидѣтелями и содержаніемъ повѣстки, которымъ онъ былъ введенъ въ заблужденіе и обманутъ, просить судъ объ отсрочкѣ разбирательства дѣла, и на время до новаго разбирательства судъ можетъ отпустить его на поруки или заключить подъ стражу. По дѣламъ суммарнаго производства допускается отпускъ на свободу до разбирательства дѣла, безъ всякаго обезпеченія и поручительныхъ записокъ [1]).

Всѣ дѣйствія судьи и исполняющихъ приказаніе судьи констэблей должны быть „valid, good and effectual in the law to all intents and purposes“—обстоятельны, хороши и дѣйствительно соотвѣтственны всѣмъ цѣлямъ и задачамъ, указаннымъ въ законѣ.

Относительно варранта о приводѣ и задержаніи практика установила слѣдующія правила. При фелоніи варрантъ не обязателенъ, если преступникъ находится еще въ предѣлахъ судебнаго участка. Обыкновенно варрантъ примѣняется: 1) когда существуетъ сильное предположеніе, что преступникъ скроется: варрантъ даетъ возможность обезпечить его выдачу, если онъ удалится изъ предѣловъ Англіи, и арестовать его въ другихъ участкахъ; 2) въ случаѣ, если имѣется подозрѣніе, что подозрѣваемое лицо имѣетъ въ виду иную цѣль, чѣмъ слѣдованіе закону, напр., подкупъ свидѣтелей, укрывательство украденнаго; 3) въ случаяхъ мисдиминора, когда арестъ не былъ произведенъ во время его совершенія [2]).

Если лицо арестуемое уже находится подъ судомъ за другое преступное дѣяніе, то на основаніи II Sect. Prisons

---

[1]) Объ этомъ см. также Stephen. Digest of criminal procedure 1883. p. 216—233.

[2]) H. Vincent. Police code and manual of criminal procedure 1901. p. 177.

act 1898 года на производство ареста требуется согласіе государственнаго секретаря.

Кромѣ мирового судьи правомъ издавать варранты пользуются и коронеры, когда кто либо подозрѣвается въ совершеніи убійства (murder and manslaughter). Наконецъ, этимъ правомъ пользуется и судъ: когда онъ самъ впервые разсматриваетъ indictment, онъ можетъ издавать bench warrant. Послѣ признанія большимъ жюри обвиненія правильнымъ (true bill) каждый судья можетъ издать приказъ о приводѣ и задержаніи [1]).

Подробно разработанъ въ англійскомъ правѣ и практикѣ третій видъ представленія въ судъ — полицейскій арестъ. Вмѣсто проводимаго на континентѣ различія между приводомъ и полицейскимъ арестомъ, въ Англіи установлено различіе между арестомъ по варранту и арестомъ безъ варранта (полицейскимъ арестомъ—arrest without warrant). На англійскую полицію возложена обязанность производства дознаній подъ руководствомъ частнаго обвинителя, и потому у нея очень часто возникаетъ потребность въ принятіи различныхъ принудительныхъ мѣръ. При производствѣ слѣдствія полиція раньше кого-либо другого сталкивается съ преступникомъ и въ болѣе важныхъ преступленіяхъ должна имѣть возможность представить его въ судъ. По общему правилу можно арестовывать только за фелоніи—болѣе тяжкія преступленія, а не за мисдиминоры—проступки и нарушенія [2]). Судья, какъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на это уполномочены Speaker of House of Commons, Privy Council и Secretary of State (при high treason).

[2]) Дѣленіе на felony and misdemeanors, какъ это признается почти всѣми знатоками англійскаго права (Стифенъ, History I, p. 508, Миттермайеръ, Уголовное судопроизводство Англіи 1864, стр. 136, Винцентъ, Police Code 1901, Kenny. Outline of criminal law 1904 p. 93, 98. Harris. Principles of criminal law 1904 p. 8 и др.), совершенно устарѣло. Это дѣленіе создалось нѣсколько вѣковъ тому назадъ, и теперь важность того или другого рода преступленій распредѣлилась иначе. Существуютъ мисдиминоры, наказаніе за которые значительно тяжелѣе наказанія за иныя felonies. Пришлось поэтому для цѣлей процесса создать особую группу indictable misdemeanors, что представляетъ значительныя неудобства. По проекту англійскаго уголовнаго кодекса (Criminal Code Bill), составленному Стифеномъ въ 1879 г., различіе между felony and misdemea-

мы видѣли, не стѣсненъ въ назначеніи ареста по варранту за indictable offences. Съ полисмэна, производящаго арестъ по варранту, снимается за это всякая отвѣтственность. За арестъ, произведенный безъ варранта, онъ строго отвѣтственъ. Интересны подробности относительно производства ареста [1]). Законный арестъ по уголовному обвиненію можетъ быть произведенъ вездѣ и во всякій часъ дня и ночи и, если обвиняемый бѣжалъ отъ правосудія, то за нимъ можно слѣдовать повсюду. Не слѣдуетъ, однако, взламывать дверей, кромѣ случаевъ крайней необходимости, должно заботливо избѣгать всякаго не необходимаго насилія и примѣнять его лишь, поскольку это можетъ явиться законнымъ послѣдствіемъ сопротивленія. Если дѣло идетъ объ арестѣ за фелонію, измѣну или нанесеніе тяжкихъ ранъ, то арестующій можетъ принимать крайнія мѣры вплоть до нанесенія ранъ и даже причиненія смерти. Убійство арестующаго считается квалифицированнымъ (murder). Но если констэбль арестовывалъ незаконно, то убійство привилегируется (manslaughter). Послѣ ареста задержанному не должно задавать никакихъ вопросовъ относительно его преступленія, но все, что арестованный скажетъ по своей доброй волѣ, должно быть замѣчено.

Арестъ опредѣляется какъ *взятіе другого лица подъ стражу для привлеченія его къ законной отвѣтственности за опредѣленное преступленіе* (An apprehention is the taking

---

nors уничтожается, и вмѣсто того каждое преступленіе, за которое слѣдуетъ отвѣтственность передъ высшей инстанціей суда, чѣмъ мировые судьи, называется indictable offences. Въ настоящее время при утратѣ внутр[illegible]няго значенія дѣленія преступленій на фелоніи и мисдиминоры въ каждомъ статутѣ, устанавливающемъ преступность какого либо проступка, обыкновенно указывается, къ какой изъ этихъ двухъ группъ это преступленіе относится. Этою устарѣлостью объясняется и та пестрота случаевъ, въ которыхъ полиція имѣетъ право ареста. Слово felony происходитъ отъ fee—феодъ и lon—цѣна. Имъ означались всѣ преступленія, которыя влекли конфискацію феодальныхъ владѣній. (Объясненіе этого слова приведено у Блэкстона въ его Комментаріяхъ, т. IV, стр. 62). Гаррисъ указываетъ, что однимъ изъ основаній такого дѣленія является желаніе подѣлить преступленія на такія, по которымъ допускается арестъ безъ варранта, и такія, по которымъ онъ запрещенъ. Но первоначальная цѣль потомъ была затемнена.

[1]) Vincent. Police Code p. 10.

of another person into custody, to answer according to law for some specified offence).

Каждое частное лицо, которое или видѣло совершеніе фелоніи, или узнало, что она совершилась въ дѣйствительности, можетъ арестовать преступника и представить его констэблю, и послѣдній можетъ задержать приведеннаго, противъ котораго возбуждено обвиненіе по основаніямъ, заслуживающимъ довѣрія, лицомъ, способнымъ къ отвѣтственности. По 14 и 15 Vict. c. 19 sec. II всякій можетъ задерживать лицо, которое онъ застаетъ совершающимъ ночью indictable offence, при чемъ, если задерживаемый нападаетъ или причиняетъ насиліе задерживающему, то онъ виновенъ въ мисдиминорѣ и наказуется уголовнымъ рабствомъ. На основаніи различныхъ актовъ парламента [1]) лица, застигаемыя при совершеніи преступленія, могутъ быть арестуемы всякимъ гражданиномъ. Кромѣ того бродяги, воры, лица, наносящія тяжкія раны, нарушители таможенныхъ законовъ и постановленій о чеканкѣ монеты также могутъ быть задерживаемы каждымъ. Собственники могутъ задерживать за умышленное причиненіе убытковъ, браконьерство и рядъ полицейскихъ нарушеній [2]). Такимъ образомъ основанія, по которымъ частнымъ лицамъ предоставляется право задержанія, сводятся или къ присутствованію при совершеніи важнаго преступленія, или къ существованію особаго интереса, который требуетъ немедленной защиты [3]). Необходимо дѣйствительное совершеніе

---

[1]) Duldy. Communication of English Law, см. Rev. Penit. 1901 p. 240. Kenny. Outlines of crim. law. p. 443—444.

[2]) Stephen. Digest of crim. proced. 1883 p. 59. Перечисленіе отдѣльныхъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ 5-ю статутами казуистичнаго англійскаго законодательства, см. Kenny, op. cit. p. 445.

[3]) Впрочемъ иногда по нѣкоторымъ преступнымъ дѣяніямъ частныя лица разсматриваются какъ органы исполнительной власти и получаютъ даже денежныя награды въ видѣ поощренія. Такъ, когда благодаря активности кого-либо къ суду присяжныхъ или четвертныхъ сессій приводится арестованный имъ преступникъ, обвиняемый въ убійствѣ, умышленной стрѣльбѣ въ кого либо, покушеніи, отравленіи или въ грабежѣ, кражѣ со взломомъ или домашней, разбоѣ или поджогѣ, конокрадствѣ, похищеніи изъ лавокъ или въ соучастіи въ такомъ преступленіи или завѣдомомъ укрывательствѣ похищеннаго—то судъ уполномоченъ приказать шерифу уплатить арестовавшему такую сумму, какую онъ найдетъ подходящей

преступленія, въ противномъ случаѣ арестовавшій подлежитъ отвѣтственности за незаконное лишеніе свободы или вознаграждаетъ за тотъ ущербъ, который онъ принесъ арестованному [1]). Объемъ примѣненія принужденія ограниченъ лишь наиболѣе тяжкими преступленіями.

Полиція также имѣетъ право ареста во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и частное лицо. Необходимо для этого лишь подозрѣніе, основанное на достаточныхъ основаніяхъ (upon reasonable grounds), въ совершеніи фелоніи, *независимо отъ того, было или нѣтъ въ дѣйствительности это преступленіе совершено* (для частнаго лица необходимо дѣйствительное существованіе совершеннаго преступленія) [2]). По 2 и 3 Vict c. 47, 1839 года всякое безпорядочное лицо (disorderly person), которое полиція имѣетъ уважительную причину (good cause) подозрѣвать въ совершеніи или въ намѣреніи совершить фелонію, мисдиминоръ или *нарушеніе мира* (отличіе отъ права частныхъ лицъ), можетъ быть арестовано полиціей. Кромѣ того въ законѣ установленъ рядъ преступленій, за которыя полиція можетъ арестовывать безъ

сообразно съ его издержками, трудомъ и потерею времени. Плата эта выше, чѣмъ обычная, даваемая за поддержку обвиненія, но размѣръ ея не можетъ превышать 5 ф. ст. Если кто либо убитъ при попыткѣ произвести арестъ за одно изъ указанныхъ преступныхъ дѣяній, то судъ можетъ сдѣлать постановленіе объ уплатѣ вознагражденія его семьѣ. Подробныя постановленія по этому предмету періодически публикуются государственнымъ секретаремъ. H a r r i s, Ц. с. p. 331. 14 et 15 Vict. c. 55. Подобная практика существовала и въ древнемъ французскомъ правѣ. J o u s s e (T. II p. 201) пишетъ: Il y a des cas, où les juges peuvent promettre une récompence à ceux qui arrêteront tel ou tèl coupable; ce qui a lieu à l'égard des crimes énormes". По этому поводу F. H é l i e (Beccaria. Traité éd. par Hélié 1856 p. 133) справедливо замѣчаетъ: „Si cette coutume est moins inhumaine, elle n'est moins immorale: promettre une prime pour l'arrestation des prevenus à des citoyens qui ne sont tenus à cet office par leur fonctions, c'est corrompre le sentiment d'humanité dans les âmes et provoquer indirectement à la violation de toutes les relations sociales".

[1]) Допускается и предупредительный арестъ частными лицами, когда совершается нарушеніе мира въ ихъ присутствіи и они могутъ остановить его. Частное лицо можетъ арестовывать для предупрежденія совершенія фелоніи или нанесенія смертельной раны.

[2]) Это правило распространяется не только на случаи обвиненія третьими лицами, но и на тѣ, когда самъ констэбль составилъ собственное подозрѣніе о чьей либо виновности. См. K e n n y, ц. с. p. 445.

варранта [1]). При арестѣ полиція можетъ употреблять всѣ средства и, между прочимъ, обращаться къ каждому за содѣйствіемъ и, если лицо, къ которому полиція обратилась, откажется, то совершитъ преступное дѣяніе, караемое пеней или тюрьмой. Арестъ опредѣляется съ внѣшней стороны, какъ прикосновеніе къ человѣку съ цѣлью дать ему понять, что онъ долженъ пойти за арестующимъ [2]). Арестующій полицейскій чиновникъ обязанъ сообщить арестуемому оффиціальный характеръ его мѣры, его намѣреніе арестовать, и истинное основаніе такого ареста. Имѣніе формы у полицейскаго чиновника служитъ достаточнымъ признакомъ его оффиціальнаго положенія. За отказъ въ объясненіи причинъ полицейскій можетъ быть наказанъ пеней или тюрьмой.

Наконецъ, нѣсколько расширеннымъ правомъ ареста обладаетъ судья, какъ хранитель мира. Онъ можетъ арестовать всякаго, совершающаго въ его присутствіи нарушеніе мира. Шерифъ можетъ подвергать аресту всякаго разбойника и нарушителя мира.

Такой широкій просторъ дѣятельности, предоставленный англійской полиціи, находитъ себѣ объясненіе въ характерѣ ея организацін. Полиція носила характеръ мѣстный, а не правительственный, съ самаго ранняго времени, она зависѣла болѣе отъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія, чѣмъ отъ центральной власти. Слѣдствіемъ такой зависимости была тѣсная связь съ населеніемъ, у котораго констэбль пользуется заслуженнымъ уваженіемъ. Будучи чуждою фискальныхъ цѣлей, англійская полиція избѣгла многихъ столкновеній на экономической почвѣ съ населеніемъ, и это ея плюсъ по сравненію съ полиціей континентальной. Крайне строгая отвѣтственность полицейскихъ чиновъ и прекрасный

---

[1]) См. Vincent. Police Code p. 9. Перечисленіе этихъ случаевъ (всего 37 видовъ главнѣйшихъ) не представляетъ интереса. Интересно лишь, что среди нихъ находится Embezzlement—подкупъ, какъ средство уклониться отъ суда, это какъ бы въ скрытой формѣ Collusionshaft нѣмецкаго процесса.

[2]) Hale, Police and Prison cyclopedia p. 28. Здѣсь же (p. 27—35) см. рядъ практическихъ правилъ для полицейскихъ чиновъ, которымъ они должны слѣдовать при арестѣ.

контроль являются также преимуществами англійской полиціи. Мало приспособленная къ политическимъ и фискальнымъ цѣлямъ англійская полиція является по преимуществу органомъ, охраняющимъ миръ и законность [1]).

Несмотря поэтому на то, что англійскій мировой судья является какъ бы однимъ изъ органовъ полицейской власти, занятымъ не только карательно-судебной, но и превентивной дѣятельностью (онъ отбираетъ залогъ въ хорошемъ поведеніи, даетъ совѣты, разрѣшаетъ домашнія ссоры и пр.), онъ болѣе независимъ и безпристрастенъ, чѣмъ судья гдѣ-либо на континентѣ. Понимая полицейскую дѣятельность не въ смыслѣ исполнительной, а въ смыслѣ дѣятельности, имѣющей цѣлью охраненіе общества и обезпеченіе мира, мы можемъ сюда отнести и чисто судебныя функціи.

Приведемъ рядъ статистическихъ данныхъ, указывающихъ на фактическое примѣненіе каждаго изъ вышеуказанныхъ способовъ представленія къ суду. Къ сожалѣнію, эти данныя не могутъ быть сопоставлены съ данными другихъ государствъ, потому что только въ Англіи ведется статистика способовъ представленія въ судъ [2]).

Число заявленныхъ въ 1898 году въ полицію *indictable offences* было 82.426; по нимъ было арестовано 55.595 лицъ

---

[1]) Въ *Шотландіи* полиція, подчиненная прокуратурѣ, обладаетъ полномочіями еще большими, нежели въ Англіи, такъ какъ можетъ арестовывать при совершеніи мисдиминора. См. Миттермайеръ. Судопр. Англіи, Шотландіи и Сѣв. Америки 1864, стр. 157 сл. Въ *Сѣв. Амер. Соед. Штатахъ* постановленія по этому вопросу довольно пестры. Но права полиціи значительно уже: она можетъ арестовывать лишь, когда на ея глазахъ совершается фелонія. За то американское право не знаетъ summons; всякая явка происходитъ по приказу судьи о приводѣ, и лишь иногда въ случаѣ довѣрія къ подсудимому исполненіе ареста откладывается, и самъ обвиняемый можетъ явиться до срока. (Franqueville. Système t. II. Baldwin. Communication. Rev. Pen. 1901. № 2, p. 253). Въ *Канадѣ* по 30—31 Vict. act.—Penal Code 1892 г.—вполнѣ принята англійская организація, и лишь нѣсколько ограниченъ списокъ преступныхъ дѣяній, за которыя можно подвергать аресту безъ варранта. (sect. 24, 552) (Communication de Riddel. Rev. Pen. 1901, p. 245—252).

[2]) Judicial Statistics of England and Wales 1898. London 1900. Idem. 1899. London 1901.

и 5.137 явилось посредствомъ summons. При чемъ процентное отношеніе призванныхъ и арестованныхъ (въ томъ числѣ считаются и приведенные) колеблется въ зависимости отъ рода преступленія: такъ, за насиліе было 2888 арестованныхъ и только 23 человѣка призванныхъ.

Изъ 55.595 арестованныхъ 50.820 лицъ (т. е. болѣе 0,9) были арестованы безъ варранта и 4772—по варранту. Варрантъ брался главнымъ образомъ въ преступленіяхъ противъ личности (2:7) и менѣе всего при кражахъ (1:28). Относительно основательности ареста можно судить по результатамъ. Изъ 55.595 арестованныхъ за indictable offences 13.999 были оправданы (включая сюда 6.712 лицъ, которыя были судимы суммарнымъ производствомъ и были оправданы), 29.859 были судимы суммарнымъ порядкомъ и осуждены и 11.021 преданы суду присяжныхъ и четвертныхъ сессій. Слѣдовательно, только одна четверть арестованныхъ не подверглась наказанію.

Изъ числа 744.404 судившихся за non indictable offences нѣсколько болѣе одной трети были представлены въ судъ посредствомъ ареста, главнымъ образомъ безъ варранта, и $^2/_3$ явились по призыву. Въ 1899 году за non indictable offences изъ 761.437 судившихся 277.638 было арестовано (изъ нихъ *263.768* безъ варранта, *9.296* съ варрантомъ по первому разу и *4.635* съ варрантомъ по второму разу, т. е. только около 5%!). Изъ этого числа арестованныхъ 221.396 было осуждено и 50.185 оправдано. Число же явившихся по призыву было 483.798.

Въ томъ же году за indictable offences было 57.734 подсудимыхъ, изъ которыхъ 53.299 арестованныхъ (48.330—безъ варранта, 4805—съ варрантомъ по первому разу и 164 съ варрантомъ по второму разу). Изъ этого числа освобождено 6618, судились суммарнымъ порядкомъ 35.716 (29.297—осуждено) и 10.281 преданы суду высшихъ инстанцій. Явились по призыву 4.434, изъ которыхъ 3440 судились суммарнымъ порядкомъ и 441 были преданы суду, присяжныхъ и четвертныхъ сессій.

Изъ этихъ цифръ можно заключить, что, несмотря на

многочисленность случаевъ ареста, неосновательность ихъ крайне мала. Въ 1899 г. лишь $^1/_9$ часть приведенныхъ освобождена безъ суда.

Полиція, задержавъ преступника, приводитъ его не прямо къ судьѣ, а въ участокъ (station). Здѣсь задержанный передается полицейскому инспектору, который записываетъ въ особую книгу обстоятельства задержанія, и смотря по нимъ заключаетъ обвиняемаго подъ стражу въ особое помѣщеніе или отпускаетъ на свободу подъ поручительство. Эта дѣятельность полиціи подробно регулирована 42 et 43 Vict. act., извѣстнаго подъ именемъ Summary Jurisdicton act 1879.

По общему правилу назначается заключеніе при участкѣ, которое не можетъ продолжаться болѣе 24 часовъ. Отпущеніе же на свободу съ поручительными росписками или безъ нихъ можетъ примѣняться къ обвиняемымъ въ небольшихъ мисдиминорахъ, за которые они судятся суммарнымъ производствомъ передъ судьей (пьянство, насиліе, безпорядочное поведеніе и пр.), а также къ арестованнымъ за болѣе важныя преступленія, даже фелоніи, если существуетъ опасеніе, что они не сумѣютъ быть представленными въ теченіе 24-хъ часовъ судьѣ, и если не существуетъ вѣроятности побѣга. Лица, отпущенныя полицейскимъ инспекторомъ на поруки, въ случаѣ неявки къ суду подвергаются призыву или аресту, или, если ихъ дѣло отложено, то приводятся посредствомъ приказа суда (bench warrant). Если инспекторъ заключаетъ арестованнаго подъ стражу въ участкѣ, то 1) онъ не долженъ подвергать задержаннаго допросу, а лишь записывать то, что будетъ ему сообщено добровольно; 2) онъ долженъ предоставить ему всевозможные способы разыскивать поручителей, сноситься съ друзьями и пр. Письма могутъ быть просматриваемы инспекторомъ для того, чтобы въ нихъ не имѣлось ничего въ родѣ предостереженія сообщникамъ или чего-либо вреднаго цѣлямъ правосудія. Если задержаніе продолжится болѣе двухъ дней, то полицейскій чиновникъ виновенъ въ противозаконномъ лишеніи свободы. Режимъ заключенныхъ въ участкѣ самый мягкій. Если обвиняемые приведены въ грязномъ платьѣ и бѣльѣ, то они могутъ про-

сить смѣны. Они могутъ пріобрѣтать на свои деньги пищу (кромѣ пива и вина), если же у нихъ не имѣется средствъ, то пища дается отъ казны. Они имѣютъ полную свободу сноситься съ защитникомъ, и ихъ ограничиваютъ только въ цѣляхъ предупрежденія побѣга, не налагая никакихъ лишнихъ стѣсненій. Къ ихъ услугамъ—врачъ, служителя. За исполненіемъ всего этого инспекторъ долженъ слѣдить лично [1]). Этимъ ограничивается роль полиціи по представленію обвиняемаго къ судьѣ. Затѣмъ уже полиція фигурируетъ въ качествѣ свидѣтельницы и органа дознанія.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія постановленія англійскаго статутнаго и обычнаго права о средствахъ представленія въ судъ и спеціально о полицейскомъ арестѣ. Послѣдній допускается въ широкой степени, но ограждается отъ произвола замѣчательно сильной системой отвѣтственности и судебнаго контроля надъ дѣйствіями полиціи. Вѣками воспитанная англійская полиція сама не позволитъ себѣ нарушить границы необходимости при арестѣ, и этимъ объясняется сравнительная рѣдкость ареста по варранту судьи въ дѣлахъ, подсудныхъ высшимъ судамъ: такъ, повѣстка о явкѣ была посылаема въ 8% случаевъ, приказъ объ арестѣ также въ 8%, а арестъ безъ предварительнаго приказа былъ произведенъ въ 84%. По дѣламъ суммарнаго производства эти цифры соотвѣтственно выразятся въ 63%, 2% и 45%. Несмотря на это, жалобы на неправильный арестъ и обращеніе къ гарантіямъ Habeas corpus act крайне рѣдки. Серьезнымъ недостаткомъ англійской системы можетъ быть признана сложность опредѣленія случаевъ допустимости ареста, являющаяся, по словамъ англійскаго юриста Гревса, „весьма неудобной для полиціи и коварной западней для частныхъ лицъ“. Широкое право ареста, предоставленное частнымъ лицамъ, объясняется существованіемъ состязательности на предварительной стадіи и сопутствующимъ ей частнымъ дознаніемъ о преступленіяхъ. Функціи, выполняемыя на континентѣ полиціей, въ Англіи лежатъ на отдѣльныхъ обще-

---

[1]) Vincent. Police code, p. 133.

ствахъ и частныхъ добровольцахъ розыска. Слѣдствіемъ такой организаціи является и наличность вознагражденія за арестъ.

Мощнымъ зданіемъ высится англійская система предварительнаго судопроизводства, на вышкѣ котораго развѣвается флагъ съ надписью: „гарантія правъ гражданина“. Долгими вѣками народъ влагалъ въ предписанія закона результаты своего постояннаго стремленія къ свободѣ и уваженію къ личности. Мы должны отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ такому продукту вѣковой народной мудрости, столь тщательно выработанному во всѣхъ деталяхъ. Снаружи это зданіе, правда, кажется грубоватымъ, мѣстами старость оставила на немъ свой слѣдъ, въ немъ можно замѣтить много устарѣлыхъ частей, чуждыхъ современнымъ требованіямъ раціональной постройки, но за то это постройка прошлаго—дѣйствительно удобное и прочное помѣщеніе, а не построенный на живую нитку, хотя и блестящій снаружи дворецъ. Мелкія и скучныя подробности англійской системы имѣли то значеніе, что воспитывали законность въ примѣненіи къ конкретнымъ проявленіямъ жизни, а не коверкали жизни по общимъ формуламъ, допускавшимъ неуловимое толкованіе.

V.

I. Исторія Французскаго законодательства.

Французскій типъ постановленій о предварительномъ арестѣ имѣетъ то особенное значеніе, что онъ лежитъ въ основѣ почти всѣхъ европейскихъ законодательствъ, въ томъ числѣ и нашего, и приспособленъ къ инквизиціонному построенію предварительной стадіи уголовнаго разбирательства.

Исторія развитія его не представляетъ уже такой прямой линіи, какъ то мы видѣли въ Англіи, и не характеризуется настойчивой борьбой гражданъ противъ произвола (кромѣ послѣдней стадіи), а потому мы изложимъ ее въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Изъ описанія римскими писателями нравовъ древнихъ

германцевъ мы можемъ убѣдиться, что при поимкѣ на мѣстѣ преступленія примѣнялось непосредственное возмездіе со стороны потерпѣвшаго или кого либо изъ его сородичей; въ такихъ случаяхъ ареста не требовалось. Въ остальныхъ случаяхъ до признанія народнымъ собраніемъ виновности обидчика, послѣдній оставался свободнымъ [1]). Но съ V и VI вѣка, съ постепеннымъ реципированіемъ началъ римскаго права, вводится поручительство рода. Салическій законъ разрѣшаетъ уже арестъ застигнутыхъ при совершеніи преступленія, подъ условіемъ немедленнаго привода къ судьѣ [2]). Въ постановленіяхъ Карла Лысаго мы находимъ разрѣшеніе производить арестъ въ случаѣ опасенія побѣга. Арестовавшій держалъ преступника у себя или освобождалъ на поруки. Стражами были частные слуги графа [3]). Періодъ до XII вѣка можетъ быть характеризованъ, какъ возложеніе обязанности представленія въ судъ на родовую общину. Съ конца этого вѣка начинается развитіе enqueste du pays—зародыша инквизиціоннаго процесса. Слабость общины въ преслѣдованіи преступниковъ заставила предоставить это право каждому [4]). „Общественная польза требуетъ—говоритъ современный той эпохѣ писатель Beaumanoir—чтобы каждый и полиція могли арестовывать злоумышленниковъ“. Развившійся на этой почвѣ произволъ заставилъ французскихъ королей обратиться къ организаціи церковной юстиціи и заимствовать у нея формы инквизиціоннаго процесса. Вводится съ XIV вѣка l'aprise, почти каждое дѣло начинается арестомъ. Дѣятельность частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи поощряется. Имъ уже не нужно поддерживать обвиненія: они могутъ ограничиваться доносомъ. Все производство изъ обвинительнаго становится prise par soupeçon“. [5]) Ордонансы 1498 г. и 1539 еще болѣе

---

[1]) Tacitus. Mores Germanorum. cap. 7, 12.

[2]) F. Hélie Code d'instruction criminelle. T. I p. 119—121.

[3]) Ibid. p. 151—157.

[4]) Esmein. Hisoire de la procedure criminelle en France, 1882. Schmidt. Herkunft des Inquisitionsprocesses, 1902.

[5]) E. Meyer. Deutsch-französiche Verfassungsgeschichte 1899. B. t. S. 140—215.

развили инквизиціонныя начала. Явная виновность, служившая прежде основаніемъ для полицейскаго ареста смѣнилась простымъ подозрѣніемъ [1]). Нѣкоторое смягченіе внесъ ордонасъ 1670 г., дѣйствовавшій безъ существенныхъ измѣненій до революціи. Имъ устанавливалось три вида приказовъ объ арестѣ: 1. Приказъ для допроса (ordonnance pour être oui)—соотвѣтствовавшій прежнему—amenez sans scandalez. 2. Приказъ о явкѣ (ord. ajournement personel), который могъ быть выполненъ принудительно въ случаѣ отказа въ явкѣ, и 3. Приказъ о взятіи подъ стражу (ordon. de prise de corps), которымъ предписывалось какъ личное задержаніе, такъ и подслѣдственное заключеніе. Всѣ три приказа могли быть изданы лишь послѣ выслушанія заключеній прокурора, и при назначеніи ихъ слѣдовало принимать во вниманіе силу уликъ и результаты дознанія. Назначеніе того или другого зависѣло отъ усмотрѣнія судьи, и только относительно третьяго существовали ограниченія по тяжести грозящаго наказанія (требовалась угроза peine afflictive ou infamante) и въ зависимости отъ наличности мѣста жительства. Существенной гарантіей являлось постановленіе, изданное еще при Карлѣ IX въ 1564 г., по которому обвиняемый, подвергшійся аресту долженъ былъ быть допрошенъ судьею въ присутствіи засѣдателя (assesseur de la prevôté) въ теченіе 24-хъ часовъ.

Великая революція провозгласила принципъ допущенія ареста только по суду (см. выше). Однако на практикѣ сохранялась практика полицейскаго ареста. Уже декретомъ 22 іюля 1791 г. пришлось разрѣшить примѣненіе его подъ условіемъ немедленнаго привода къ мировому судьѣ. Кодексъ IV года (1793) допускалъ примѣненіе ареста по приказу судьи къ обвиняемымъ въ простыхъ преступленіяхъ. Правительство нѣсколько разъ подтверждало правило о томъ, что необхо-

---

[1]) Кромѣ flagrant delit, сюда стали подводиться случаи hareu (публичнаго преслѣдованія). Въ городахъ право ареста получило еще большее распространеніе и въ связи съ другими образовало право привода къ судьѣ („рыночное право“). Въ земскомъ правѣ арестъ по общественному преслѣдованію смѣнился арестомъ по должностному преслѣдованію, а затѣмъ и инквизиціоннымъ процессомъ. E. Meyer Ц. С. B. 1 S. 276.

димо въ случаяхъ, когда то возможно, полученіе приказа судьи, но никакихъ радикальныхъ мѣръ къ ограниченію случаевъ изданія такого приказа не принимало [1]). До сихъ поръ сфера усмотрѣнія судьи въ этой области крайне велика. Со времени наполеоновскаго кодекса 1808 г. только 2 закона коснулись интересующаго насъ предмета: законъ 20 мая 1863 г., установившій суммарное производство въ случаяхъ поимки на мѣстѣ преступленія и расширившій права прокуратуры по задержанію [2]), и законъ 8 декабря 1897 г., установившій санкціи нарушенія суточнаго срока предварительнаго ареста [3]). Въ остальномъ кодексъ остался почти непзмѣненнымъ.

2. Дѣйствующее Французское законодательство.

Въ дѣйствующемъ французскомъ законодательствѣ средства представленія обвиняемаго въ судъ и мѣры обезпеченія неуклоненія обвиняемаго соединены вмѣстѣ въ одну главу, трактующую о различныхъ видахъ судебныхъ приказовъ (mandats). Объединеніе двухъ различныхъ институтовъ со стороны ихъ формальнаго сходства придало всей французской законодательной системѣ о предварительномъ арестованіи и предварительномъ заключеніи (arrestation et deténtion préventives), значительно болѣе формальный характеръ, чѣмъ это можно видѣть въ другихъ уставахъ уголовнаго судопроизводства. Это, на первый взглядъ несущественное, формальнаго характера различіе, однако значительно повліяло на разработку французскаго права. Съ формальной стороны вопросъ о полицейскомъ арестѣ получилъ прекрасную разработку, внутреннее же его содержаніе, играющее наиболѣе важную роль въ данномъ вопросѣ, судьи, осталось совсѣмъ въ тѣни. Такъ въ законодательствѣ не выяснены ни цѣли ареста, что̀ даетъ возможность приписывать аресту, какъ господствующей мѣрѣ во французскомъ кодексѣ, троякую цѣль—мѣры обез-

---

[1]) Flamand. De la détention preventive 1879.

[2]) Dutruc Code de la détention preventive 1865.

[3]) Bregeault et Albanel La Reforme de l'instruction préalable, 1898.

печенія неуклоненія, мѣры разслѣдованія и мѣры безопасности; ни условія его примѣненія, что̀ дѣлаетъ власть арестующаго весьма значительной.

Изъ четырехъ видовъ судебныхъ приказовъ mandat de comparution, d'amener, d'ârret, de depot—два первыхъ относятся къ приказамъ, являющимся средствами представленія въ судъ.

Судебный приказъ (mandat, прежде decrét) есть актъ, посредствомъ котораго компетентное должностное лицо даетъ приказъ о явкѣ или объ арестѣ индивида, противъ котораго возникаютъ подозрѣнія въ тяжкомъ преступленіи или преступленіи [1]). Mandat de comparution (призывъ) соотвѣтствуетъ простой повѣсткѣ о явкѣ въ судъ. Mandat d'amener обращается ко всѣмъ властямъ округа съ предписаніемъ содѣйствовать аресту. Примѣненіе этого приказа регулировано закономъ 1865 года. Ст. 91 фр. уст. уг. суд. гласитъ: „въ дѣлахъ уголовныхъ и исправительныхъ слѣдственный судья можетъ назначить только приказъ о явкѣ, обращая его послѣ допроса въ соотвѣтственный другой приказъ. Если же обвиняемый не явился, то слѣдственный судья назначитъ противъ него приказъ о приводѣ". Усмотрѣніе судьи здѣсь не ограничено ни различіемъ между отдѣльными видами преступныхъ дѣяній, ни различіемъ между обвиняемыми, имѣющими осѣдлость и не имѣющими ея. Эти пробѣлы восполнялись проектомъ ле-Руайе 1879 года, который въ 71 ст. допускалъ по прежнему свободное усмотрѣніе, но давалъ общія указанія относительно осѣдлости, рода преступленія и вѣроятности неявки [2]). Призванный по приказу о явкѣ долженъ быть допрошенъ немедленно, приведенный же—не позже 24 часовъ (непонятно, почему также не немедленно) (ст. 93).

Форма приказовъ, общая для всѣхъ, состоитъ въ обозначеніи въ приказѣ: 1) компетентнаго должностного лица, 2)

---

[1]) Garraud. Précis du droit criminel. 1892. p. 593.

[2]) Этотъ проектъ, какъ извѣстно, не получилъ утвержденія. Ср. Ch. Morizot-Thibault. Des Reformes de l'instruction criminelle p. 270. Revue du droit public. t. XVIII 1902 № 5. Sept. Octobre. Flamand. Etude sur la detention preventive. 1879.

подписи и печати слѣдственнаго судьи и 3) возможно ясного означенія имени или примѣтъ обвиняемаго. Нарушеніе одного изъ указанныхъ условій влечетъ за собою ничтожность самого приказа.

Исполненіе приказовъ производится черезъ прокурора республики, которому слѣдственный судья долженъ ихъ переслать. Только въ отсутствіи прокурора онъ можетъ дать предписаніе о непосредственномъ исполненіи приказа (ст. 59). Прокуроръ передаетъ соотвѣтственныя распоряженія приставамъ (huissiers) или чинамъ полиціи (ст. 97). Приказы о явкѣ и приводѣ на практикѣ большею частью приводятся въ исполненіе помимо прокурора. Исполненіе приказовъ сопряжено съ рядомъ формальностей. При врученіи приказа о явкѣ требуется личная подпись обвиняемаго о полученіи. Приказъ о приводѣ исполняется обыкновенно жандармской полиціей, при чемъ законъ указываетъ, что принужденіе по возможности должно быть избѣгаемо. Арестъ можетъ производиться какъ днемъ, такъ и ночью, но проникать въ домъ можно только днемъ. Приказы эти имѣютъ силу по всей странѣ. Обвиняемому вручается копія съ приказа (ст. 97, 98). Если лицо, подлежащее приводу или аресту, находится внѣ округа, то по задержаніи его слѣдуетъ привести къ мировому судьѣ или, если послѣдній отсутствуетъ, къ мэру или мѣстному полицейскому коммисару, который просматриваетъ приказъ, не мѣшая его исполненію. Если черезъ два дня послѣ изданія приказа о приводѣ обвиняемый застигнутъ внѣ округа судьи, издавшаго приказъ, на разстояніи пяти миріаметровъ, то его уже нельзя принуждать подчиниться этому приказу, но въ такихъ случаяхъ мѣстный прокуроръ назначаетъ приказъ о предварительномъ заключеніи (mandat de depôt). Однако, если при обвиняемомъ тогда найдены несомнѣнныя улики виновности, то приказъ о приводѣ долженъ быть приведенъ въ исполненіе (ст. 100). Прокуроръ не можетъ однако задерживать долго такого заключеннаго, и въ теченіе 24-хъ часовъ обязанъ передать протоколъ допроса полицейскому чиновнику, представившему приказъ о приводѣ, который, въ свою очередь, долженъ въ такой же срокъ сообщить его слѣдственному судьѣ (ст. 101, 102).

Однако отсутствіе надежныхъ гарантій этихъ правилъ вызвало на практикѣ многочисленныя отступленія отъ нихъ. Только законъ 8 декабря 1897 года, для обезпеченія дѣйствительности ст. 93 о производствѣ допроса въ суточный срокъ, сдѣлалъ въ ней слѣдующее добавленіе: „по истеченіи этого срока (24-хъ часовъ послѣ задержанія) обвиняемый долженъ быть приведенъ, безъ всякаго новаго срока, заботами начальника мѣста заключенія къ прокурору республики, который потребуетъ немедленнаго допроса его слѣдственнымъ судьею. Въ случаѣ отказа, отсутствія или надлежащимъ образомъ установленнаго препятствія со стороны слѣдственнаго судьи, обвиняемый долженъ быть допрошенъ безъ замедленія по требованію прокуратуры предсѣдателемъ суда или судьей, котораго тотъ назначитъ, при отсутствіи чего прокуроръ республики прикажетъ немедленно отпустить на свободу обвиняемаго“. Во второй части ст. 2 новаго закона установлены санкціи за нарушеніе этой обязанности: „Всякій обвиняемый, задержанный по приказу о приводѣ, который въ нарушеніе предшествовавшаго параграфа будетъ задержанъ въ теченіе болѣе 24-хъ часовъ въ домѣ заключенія или ареста, не будучи допрошеннымъ слѣдственнымъ судьею или приведеннымъ къ прокурору, какъ было выше указано, будетъ разсматриваться какъ произвольно задержанный“.

Всѣ начальники мѣстъ заключенія, всѣ прокуроры республики, которые не поступятъ согласно съ распоряженіями предшествующаго 2-го параграфа, будутъ преслѣдуемы, какъ виновные въ преступленіяхъ противъ свободы, и наказываемы: прокуроры республики или другіе чины прокуратуры наказаніями, указанными въ ст. 119 угол. кодекса, начальники мѣстъ заключенія—наказаніями, указанными въ 120 ст. того же кодекса, независимо отъ санкціи ст. 112 по отношенію къ секретарю, слѣдственному судьѣ и прокурору республики“ (ст. 2 зак. 1897 года) [1]). Далѣе 100 же статья новымъ закономъ измѣнена въ томъ отношеніи, что разстояніе, на которомъ теряетъ дѣйствіе приказъ о приводѣ, увеличено

[1]) Bregeault et Albanel. Commentaire au loi 8 Dec. 1897. 1898.

до 10 миріаметровъ и двухдневный срокъ отмѣненъ. Задержанный долженъ немедленно быть приведенъ къ прокурору (ст. 4), который, удостовѣрившись въ тождествѣ его личности, подвергаетъ его допросу съ предупрежденіемъ, что онъ не обязанъ отвѣчать, если не желаетъ, на предлагаемые ему вопросы, и спрашиваетъ его, согласенъ ли онъ быть пересланнымъ или же предпочитаетъ, чтобы дѣйствіе приказа о приводѣ было продолжено до тѣхъ поръ, пока не получится рѣшеніе слѣдственнаго судьи, занятаго его дѣломъ. Въ случаѣ отказа отъ пересылки, судья, издавшій приказъ, немедленно поставляется въ извѣстность. Ему немедленно высылаются протоколъ явки и указанія, по которымъ установлено тождество лица. Въ этомъ протоколѣ должно быть указано, что обвиняемый былъ предупрежденъ о томъ, что онъ свободенъ не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Слѣдственный судья немедля постановляетъ свое рѣшеніе по этому предмету (ст. 5 и 6). Постановленія закона 8 дек. 1897 г. сдѣлали ст. 93 дѣйствительно исполняемой. Безъ установленныхъ во 2-ой ст. гарантій, постановленіе о допросѣ въ теченіе сутокъ, какъ можно видѣть на примѣрѣ Россіи и Италіи, остается мертвою буквой въ весьма многочисленныхъ случаяхъ. Съ другой стороны они упростили производство по задержанію обвиняемаго, находящагося на разстояніи, превышающемъ 10 миріаметровъ, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ больше правъ лицу задержанному.

Въ случаѣ если обвиняемый, противъ котораго былъ изданъ приказъ о приводѣ, не могъ быть найденъ, этотъ приказъ представляется мэру или его помощнику или полицейскому коммисару по мѣсту жительства обвиняемаго, которые расписываются въ просмотрѣ этого приказа. Относительно mandat d'arrêt существуетъ нѣкоторая разница (ст. 105) въ исполненіи. Въ случаѣ, если нельзя было найти обвиняемаго, приказъ объ арестѣ долженъ былъ предъявленъ въ его послѣднемъ мѣстѣ жительства и тамъ долженъ быть произведенъ распросъ въ присутствіи двухъ близкихъ сосѣдей обвиняемаго, какихъ только могъ найти носитель приказа. Сосѣди подписываютъ протоколъ допроса. Носитель приказа объ аре-

стѣ передаетъ для просмотра этотъ протоколъ мировому судьѣ или его замѣстителю, или, при отсутствіи ихъ, мэру, его помощнику или полицейскому коммисару и оставляетъ ему копію (ст. 109).

За нарушеніе формальностей, предписанныхъ для судебныхъ приказовъ, виновный всегда наказывается штрафомъ не менѣе, чѣмъ въ 50 франковъ. Отвѣтственности подлежатъ въ случаѣ нарушенія формальностей секретарь, слѣдственный судья и прокуроръ, которые въ случаѣ причиненія убытковъ, могутъ подвергаться и гражданской отвѣтственности (112 ст.).

Право арестованія безъ предварительнаго судебнаго приказа—полицейскій арестъ—во Франціи регулированъ слабѣе, чѣмъ въ Англіи. Ст. 106 фр. уст. уг. суд. гласитъ: „Всякій представитель публичной власти и даже всякое лицо обязано задержать обвиняемаго, захваченнаго во время совершенія преступленія (délit flagrant), или преслѣдуемаго общимъ крикомъ (clameur publique) или въ случаяхъ, подобныхъ поимкѣ во время совершенія преступленія (quasi flagrant délit), и обязано привести его къ прокурору, не нуждаясь въ приказѣ о приводѣ, если тяжкое преступленіе или преступленіе влечетъ за собою уголовное или обезчещивающее наказаніе (peine afflictive ou infamante)".

Случаями quasi flagrant délit считаются нахожденіе при обвиняемомъ орудій преступленія, слѣдовъ и бумагъ, заставляющихъ предполагать, что онъ является виновникомъ.

Къ представителямъ публичной власти относятся: 1) чины жандармской полиціи, 2) городскіе сержанты и стражи, 3) полевые и лѣсные сторожа, 4) чины акцизнаго вѣдомства (сборщики податей и пр.), 5) иные стражи, давшіе установленную присягу. Задержаніе преступниковъ во время совершенія ими преступленія является существенной обязанностью перечисленныхъ лицъ.

Отъ произвольныхъ арестовъ безъ судебнаго приказа охраняетъ ст. 609, которая угрожаетъ преслѣдованіемъ и наказаніемъ, въ качествѣ виновнаго въ произвольномъ задержаніи, стражнику, принявшему отъ другого или задержавшему кого-

либо, не имѣя на то приказа, изданнаго въ формѣ, предписанной закономъ. Однако на дѣлѣ слышны постоянныя жалобы на отступленія отъ закона вслѣдствіе исключительныхъ полномочій, предоставленныхъ начальникамъ полиціи, и на частыя задержанія не только по указаннымъ въ ст. 106 преступленіямъ и проступкамъ, но и по проступкамъ, влекущимъ за собою наказаніе исправительное и даже по одному только подозрѣнію [1]). Требованіе, чтобы виновный былъ застигнутъ flagrant délit, на практикѣ почти отброшено и обвиняемые арестуются по одному даже подозрѣнію [2]). Кромѣ указанныхъ полицейскихъ органовъ, и прокурору предоставлено въ широкомъ объемѣ право отдавать приказъ объ арестѣ обвиняемыхъ, противъ которыхъ существуютъ важныя улики и которые находятся въ его присутствіи. Если же обвиняемый не находится на лицо, то прокуроръ можетъ издать приказъ о приводѣ. Послѣ привода прокуроръ долженъ немедленно допросить обвиняемаго (ст. 40). Лица, арестованныя при совершеніи преступленія или въ случаяхъ подобныхъ этому, подлежатъ суду въ упрощенномъ порядкѣ (ст. 41 и 46), причемъ прокуроръ можетъ задерживать ихъ до 3-хъ сутокъ. Предварительное слѣдствіе передается прокурору, который, безъ участія слѣдственнаго судьи, принимаетъ всѣ мѣры разслѣдованія (законъ 20 мая 1863 года [3]).

Во Франціи сохранилась еще до сихъ поръ весьма сильная власть арестованія за префектами полиціи. Такъ, ст. 10 фр. уст. уг.

---

[1]) Bougon. Détention prevéntive 1880. Flamand. Etude sur la det. prév. 1877 p. 79—80.

[2]) Boitard считаетъ конецъ 106 ст. недосмотромъ. Фостэнъ Эли настаиваетъ однако на необходимости точнаго соблюденія закона. Flamand занимаетъ среднее положеніе, присоединяясь въ общемъ къ Эли. Интересно то, что самъ законъ 1863 года въ 1-ой статьѣ противорѣчитъ этому постановленію: „Каждый, задержанный на мѣстѣ преступленія за преступленіе, караемое исправительнымъ наказаніемъ, долженъ быть приведенъ къ прокурору республики“. Еще большему ограниченію подверглось право ареста лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ. Лица, состоящія на дѣйствительной военной и морской службахъ, не могутъ быть арестуемы, кромѣ случаевъ поимки на мѣстѣ преступленія, *иначе, какъ по приказанію ихъ начальства* (ст. 88 военнаго кодекса).

[3]) Carraud. Precis. p. 608—610. Dutruc. Code de la det. prev. p. 115—202.

суд. гласитъ: «*Префекты* департаментовъ и полицейскій префектъ въ Парижѣ могутъ производить лично или требовать исполненія у чиновъ судебной полиціи, каждый въ томъ, что его касается, принятія всѣхъ необходимыхъ дѣйствій, относящихся къ констатированію тяжкихъ преступленій, преступленій и проступковъ, и представлять виновниковъ въ соотвѣтственные суды, для наказанія ихъ согласно ст. 8 CIC.» Это чрезмѣрное право полицейскихъ органовъ замѣнять и предупреждать слѣдственнаго судью служитъ источникомъ многочисленныхъ злоупотребленій. Оно, какъ можно видѣть изъ содержанія приведенной статьи, не ограничено ни тяжестью грозящаго наказанія, ни указаніемъ тѣхъ основаній, ради которыхъ эти дѣйствія могутъ быть принимаемы, ни срокомъ ихъ дѣйствія, ни, наконецъ, указаніемъ на ихъ исключительность. Единственное ограниченіе—это требованіе приказа префекта, но его, конечно, нельзя признать гарантіей правильности, ибо произвольныя дѣйствія высшихъ полицейскихъ чиновъ опасны для свободы гражданъ значительно больше, чѣмъ органовъ низшихъ, такъ какъ власть послѣднихъ уже, политическія тенденціи—слабѣе, обжалованіе—доступнѣе [1]). Такое полномочіе полицейскихъ префентовъ явилось предметомъ горячихъ нападокъ во французской литературѣ. Фостэнъ Эли ограничиваетъ примѣненіе этого права на основаніи правила ст. 106 лишь случаями flagrant délit [2]) Фламанъ, однако, расширяетъ его примѣненіе, не находя въ законѣ поддержки мнѣнію Эли [3]) Недавно вопросъ этотъ подвергся

---

[1]) Garraud. Precis du droit criminel 1904 p.707. замѣчаетъ „Le droit de faire personnellement les actes de la competence des officiers de police judiciaire ajoute au liste des agents judiciaires un fonctionnaire de l'ordre administratif, plus puissant. qu'aucun d'eux, reunissant en ses mains, les pouvoirs de tous, placé en dehors de la hiérarchie et de la surveillance judiciaires et responsable seulement des ses actes devant le ministre de l'interieur. C'est une anomalie, qui devrait disparaître pour permettre de rentrer dans la règle, qui interdit aux administrateurs toute inmixtion dans les fonctions judiciaires. Des poivoirs de préfets ne trouvent de restriction ni dans la nature des actes à faire, ni dans la nature de l'infraction à iustruire".

[2]) F. Hélie. Traite т. IV p. 183.

[3]) Flamand цит. с. p. 76.

оживленному обсужденію въ Парижскомъ Главномъ Обществѣ Тюремъ, по докладу Лярнода. На полной отмѣнѣ этого параграфа настаивали Бартелеми, Макъ, Пти, Лярнодъ—выдающіеся французскіе профессора и публицисты; Пуатевенъ и проф. Гарсонъ предлагали значительныя ограниченія. Защитниками выступили полицейскій префектъ Парижа Пюибро, слѣд. судья Жоли и Лелуаръ. При голосованіи въ коммисіи этого вопроса большинствомъ одного голоса было рѣшено принципіально сохраненіе ст. 10, но съ различными ограниченіями [1]). Мы не будемъ теперь останавливаться на подробныхъ соображеніяхъ, высказанныхъ въ коммисіи, укажемъ только, что защитники этого права префекта указывали на необходимое въ рѣшительныхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, не терпящихъ отлагательства, расширеніе полицейской власти, хотя тѣ примѣры, которые были ими приводимы, не показывали этого съ достаточной ясностью. Въ настоящее время почти въ каждую сессію вносятся проекты объ отмѣнѣ ст. 10 и есть основаніе предполагать скорое осуществленіе такой отмѣны [2]).

---

[1]) Rev Penit. 1901 № 2 и № 7. p. 1174. Вопросъ этотъ служилъ однимъ изъ центральныхъ. Ст. 10 въ заключеніе преній редактирована слѣд. образомъ: „Въ случаѣ крайней необходимости полицейскій префектъ Парижа можетъ производить лично или приказывать чинамъ судебной полиціи, каждому, въ чемъ его касается, производить всѣ необходимые акты для констатированія преступленій, проступковъ и правонарушеній подъ обязательствомъ переслать въ 24 часа производство прокурору Республики.

Наказанія, указанныя въ ст. 3 зак. 8 дек. 1897 г. примѣняются къ каждому стражнику, который удерживая гдѣ либо обвиняемаго, хотя бы даже по приказанію полицейскаго префекта, не привелъ его къ прокурору республики въ 24 часа".

[2]) Предложенія реформы ст. 10 отдѣльныхъ авторовъ см. Coulon De la liberté individuelle 1901. Germain. Lib. Indiv. (Lois nouv. 1902. № 15). 4 ноября въ палатѣ г. Бернаръ внесъ предложеніе объ отмѣнѣ ст. 10 (R. P. 1901 p. 1495). Мирманъ въ палатѣ депутатовъ отъ 20 января 1902 г. предлагалъ, чтобы производство ареста по приказу судьи было ограничено лишь случаями сознанія обвиняемаго или неимѣніемъ мѣстожительства и чтобы была установлена большая наказуемость нарушенія правилъ о личной свободѣ. 16 декабря 1904 г. въ Сенатъ было внесено предложеніе депутата Clemenceau, который предлагаетъ отмѣну ст. 10. „Toutes les circonstances, où, dit on, sans le procédé de l'art. 10, la préfecture ne pourrait seconder la justice, apparaissent, comme constituant des cas de flagrant délit ou des espèces prevues par des dis-

Спеціальное разсмотрѣніе функціонированія французской системы о мѣрахъ представленія въ судъ затруднено соединеніемъ статистики задержанія и статистики подслѣдственнаго заключенія. Однако косвеннымъ путемъ можно получить слѣдующіе выводы. Въ 1898 г. слѣдственными судьями было издано 32.980 судебныхъ приказовъ (общее число разсмотрѣнныхъ ими дѣлъ 40.616, что составляетъ 8% общаго числа жалобъ), между тѣмъ какъ количество задержанныхъ и содержавшихся подъ стражей равно 109.312 лицамъ. (Число это послѣ закона 1897 уменьшается, такъ въ 1901 г. оно равнялось—96.680, въ 1902—103.885). Если мы возьмемъ число лицъ, содержавшихся подъ стражей менѣе недѣли, разсматривая его какъ приблизительно показывающее примѣненіе административнаго задержанія, мы получимъ 73.323 или 69%. Кромѣ того, около 3-хъ тысячъ, по крайней мѣрѣ, было задержано безъ приказа судьи на срокъ большій, чѣмъ недѣля. Мы видимъ, что число это соотвѣтствуетъ числу лицъ, содержавшихся подъ стражей и судившихся въ исправительномъ судѣ (76.248 лицъ), изъ чего мы можемъ заключить, что приказъ слѣдственнаго судьи издавался только по дѣламъ, подсуднымъ присяжнымъ, причемъ наличность такого приказа еще не исключала возможности предварительнаго полицейскаго аре-

---

positions speciales, dans lesquels par consequant les détenteurs de la puissance publique n'ont aucun besoin pour agir de support de l'art. 10 (p. 40). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, именно 3 февраля 1905 г., въ палату было внесено новое предложеніе Cruppi, который придерживается взгляда на необходимость отмѣны права ареста, принадлежащаго префектамъ, но соглашается въ исключительныхъ случаяхъ признать за ними право по констатированію преступныхъ дѣяній, т. е. воспроизводитъ постановленія, проекта 1879 г., Le-Royer. Cruppi въ своемъ проектѣ подчеркиваетъ также предварительный характеръ ареста: „en cas de crime ou de délit flagrant, l'individu arrêté devra être immediatement ou au plus tard dans les 24 heurs couduit devant le juge d'instruction qui decidera si l'arrestation doit être maintenue et qui delivera dans ce cas un mandat de depôt. (См. Rev. Pen. 1905. № 3 p. 356—366). По словамъ Garaud (o. c. p. 708) текстъ ст. 10 превзошелъ мысли законодателя, имѣвшаго въ виду только случаи flagrant délit, т. е. произошло то же, что и у насъ съ полицейскимъ арестомъ. Судебная практика распространяетъ это право и за предѣлы flagrant délit.

стованія. Основательность предварительнаго задержанія подлежитъ также большому сомнѣнію. Такъ прокуратура въ 1898 г. освободила отъ преслѣдованія 17.643 (16%) лица задержанныхъ (въ 1901—20000, въ 1902—28.000—процентъ, равный 21—22%). Въ исправительномъ судѣ изъ числа задержанныхъ 2740 оправдано, и 56336 лицъ содержавшихся подъ стражей (по нашимъ выводамъ, преимущественно по аресту прокуратуры) присуждено къ штрафу или къ тюрьмѣ менѣе, чѣмъ на 3 мѣсяца.

Сопоставляя англійскій процессъ съ французскимъ, нельзя не признать крайней неудовлетворительности послѣдняго съ точки зрѣнія огражденія личной свободы.

Въ области средствъ представленія въ судъ, не прибѣгая къ тщательной формальной регулировкѣ, не создавая надъ судьей контролирующей власти прокурора, не устанавливая многочисленныхъ процессуальныхъ сроковъ, англійское право достигло полнаго огражденія свободы гражданина отъ неправильнаго и ненужнаго ареста благодаря строгому соблюденію того принципа, что съ судьей въ дѣятельности арестованія не можетъ конкурировать никакая административная власть, и благодаря строгой и доступной системѣ отвѣтственности полицейскихъ органовъ, въ случаѣ самостоятельной иниціативы ареста. Наконецъ, практика арестованія строго слѣдуетъ закону, а не отклоняется отъ него, какъ во Франціи.

Сами Французы съ отрицаніемъ относятся къ выработанному у нихъ строю и постоянно либеральныя нововведенія заимствуютъ изъ Англіи. Слѣдующія слова Франквиля даютъ хорошее сравненіе обѣихъ системъ. „Les Français croient posseder cette grande et noble chose que l'on nomme la liberté, parce qu'ils inscrivent ce mot sur leur monuments publics ou qu'ils impriment sur les papiers officiels; les Anglais négligent ces enfantillages: la liberté n'est pas affichée sur leur mures, mais elle penetre tout de sa sève vivifiant, elle est dans leurs lois et ce qui vaux mieux encore elle est dans leurs moeurs; ils ont la proie, nous, français, n'avons que l'ombre". Такъ заявилъ безпристрастно французъ, несмотря на весь свой патріотизмъ. Мы можемъ согласиться съ его общею мыслью, и будемъ ждать, что новые

проекты дѣйствительно облекутъ эту тѣнь свободы въ плоть и кровь [1]).

Французское законодательство принято въ Бельгіи, Испаніи, Румыніи, Люксембургѣ, нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ, отчасти въ Италіи и др. менѣе важныхъ законодательствахъ. Въ большинствѣ случаевъ различія несущественны (кромѣ отсутствія ст. 10). Дальше французскаго въ расширеніи предѣловъ ареста пошло лишь итальянское законодательство, положенія котораго мы изложимъ вкратцѣ.

Въ Италіи [2]) существуетъ только два вида судебныхъ приказовъ: mandato di comparizione, соотвѣтствующій французскому m. de comparition и приказъ объ арестѣ m. di cattura. Ст. 181 опредѣляетъ mandato di cattura, какъ актъ, приказывающій арестовать обвиняемаго и отвести его въ тюрьму для допроса его судьею, когда ходъ слѣдствія дѣлаетъ необходимымъ его заключеніе (см. 192 и 596 ст.). Въ этомъ приказѣ смѣшано предварительное задержаніе и подслѣдственное заключеніе. Послѣ допроса m. di comparizione обращается въ m. di cattura постановленіе о подслѣдственномъ заключеніи. Право изданія этого приказа принадлежитъ слѣдственнымъ судьямъ, которые во многихъ случаяхъ о б я з а н ы издавать этотъ приказъ. Равными съ ними правами пользуются преторы (низшіе судьи) и обвинительная камера. Мы не будемъ излагать основаній для изданія такого приказа, такъ какъ они перемѣшаны съ основаніями подслѣдственнаго заключенія.

Относительно правъ различныхъ административныхъ орга-

---

[1]) F r a n q u e v i l l e. Système judiciaire de la Grande Bretagne. II. 652. Сопоставленіе двухъ судебныхъ системъ сдѣлано очень наглядно у Стефена сначала въ его уголовномъ правѣ, а затѣмъ подробнѣе въ его исторіи англійскаго права. Т. I, заключительная глава. См. также B e r t r a n d. La detention prev. en France et Angleterre 1862. C l o l u s. Det. prev. 1865.

[2]) B r u s a Das Staatsrecht des Königreich Italien 1892. s. 82 ff. Codice di procedura penale, lezione VII—XI art. 180—245. C a m a s s a. L'arresto preventivo. См. Gerichtsaal 1901. s. 39 ff. E. B e r t o l a. Della liberta provisoria. Riv. Penale 1899. p. 561—581.

новъ, указывается общимъ образомъ, безъ установленія спеціальныхъ гарантій, что прокуратура пользуется правомъ ареста въ случаѣ поимки преступника на мѣстѣ преступленія и въ случаяхъ, уподобляемыхъ таковой (quasi flagranti delitto), а также тогда, когда существуетъ опасеніе побѣга обвиняемыхъ, перечисленныхъ въ ст. 206 пт. уст. угол. суд., когда грозящее наказаніе превышаетъ 3 мѣсяца тюрьмы (ст. 46—50 с. р. реп.). Судебная полиція и жандармскіе чины д о л ж н ы арестовывать лицъ, застигнутыхъ при совершеніи преступленія, равно какъ и бродягъ, праздношатающихся, нищихъ и подозрѣваемыхъ лицъ, состоящихъ подъ полицейскимъ надзоромъ. Такое же право принадлежитъ мэрамъ. Частнымъ лицамъ принадлежитъ право ареста только при попыкѣ на мѣстѣ преступленія. На неправильныя дѣйствія всѣхъ этихъ органовъ допускается лишь жалоба въ іерархическомъ порядкѣ (ст. 136 осн. зак.).

Практика показываетъ, что вслѣдствіе крайней неудовлетворительности судебныхъ приказовъ о представленіи въ судъ, арестованіе почти всегда происходитъ безъ судебнаго приказа. Такъ въ 1898 г. изъ 436.464 лицъ, обвинявшихся съ участіемъ прокуратуры въ производствѣ, почти пятая часть подверглась задержанію (81.642 — 18,7%), причемъ изъ этого числа 80.314 лицъ были арестованы судебной полиціей безъ приказа судьи и 1328 лицъ—по приказу. Статистика показываетъ, что въ отдѣльныхъ округахъ, напр. Лаціо, на 6085 лицъ, арестованныхъ судебной полиціей, только д в о е были арестованы по приказу судьи.

Такое положеніе заставило итальянское правительство озаботиться созданіемъ большихъ гарантій личной свободы. Въ 1900 г. министромъ юстиціи Финокіаро Априле въ парламентъ внесенъ проектъ, въ которомъ между прочимъ создается особый судебный приказъ для представленія въ судъ mandato di accompagniamento, занимающій среднее мѣсто между двумя существующими. Строго опредѣлены случаи, когда онъ имѣетъ обязательный характеръ (случаи неповиновенія вызову) и когда факультативный. Для избѣжанія произвольныхъ арестованій по возможности перечислены случаи flagranti delitto и ограничено усмотрѣніе прокуратуры. Для обезпеченія суточнаго срока

допроса установлены гарантіи, заимствованныя изъ французскаго закона 1897 г.

VI.

Германское законодательство.

Переходную стадію отъ типа французскаго къ англійскому представляетъ новое германское законодательство, отличающееся разработанностью правовыхъ основаній ареста, стѣсненіемъ административной инпціативывъ этой сферѣ, и, наконецъ, болѣе правильною постановкою судейскаго усмотрѣнія въ этой области. Такого рода преимущества германскаго типа въ значительной степени обусловлены ослабленіемъ инквизиціоннаго начала на предварительномъ слѣдствіи.

Такъ какъ своимъ изложеніемъ мы преслѣдуемъ задачу систематическаго изложенія наиболѣе типичныхъ построеній, то вопреки хронологіи въ основу нашего изложенія положимъ общеимперское германское законодательство, а затѣмъ уже отмѣтимъ черты его различія съ австрійскимъ законодательствомъ, появившимся на четыре года раньше его, а также съ послѣдующими законодательствами, реципировавшими начала германской системы.

Германское законодательство, подобно французскому, различаетъ приводъ (Vorfürungsbefehl) и призывъ (Ladung) въ судъ (ст. 133—135 Deut. SPO.). Приказъ о приводѣ можетъ быть изданъ судьею и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прокуроромъ и содержитъ въ себѣ обращеніе къ полицейскимъ органамъ или къ тюремному начальству (ст. 128, 129) съ требованіемъ привести извѣстное лицо, съ правомъ примѣненія силы въ случаѣ неповиновенія, если этому не будетъ мѣшать какая либо уважительная причина. Приводъ имѣетъ цѣлью представить обвиняемаго къ допросу и можетъ примѣняться какъ

противъ находящагося на свободѣ обвиняемаго, такъ и противъ заключеннаго подъ стражу.

Какъ мѣра, ограничивающая свободу, приказъ о приводѣ регулируется различными правилами, стѣсняющими произволъ судьи. Такъ, когда не имѣется подозрѣній въ бѣгствѣ или предположеній, что обвиняемый не подчинится письменному призыву, можетъ и долженъ быть изданъ приказъ о призывѣ. Въ случаѣ если обвиняемый не явился къ предварительному слѣдствію, изданіе приказа о приводѣ факультативно, оно зависитъ отъ судьи; если же обвиняемый не явился къ судебному слѣдствію, то такое изданіе приказа о приводѣ обязательно.

Въ приказѣ о приводѣ должны быть обозначены точно: 1) личность приводимаго, 2) преступное дѣяніе, въ которомъ его обвиняютъ и 3) основанія приказа о приводѣ. Мѣсто, куда долженъ быть приведенъ обвиняемый, подразумѣвается само собою, именно—камера судьи, издавшаго приказъ. Приведенный не долженъ отлучаться отъ судебнаго мѣста, куда его привели, до тѣхъ поръ, пока не будетъ отпущенъ. Противъ него могутъ быть принимаемы всѣ мѣры, какъ и противъ арестуемаго по приказу объ арестѣ (Haftbefehl).

Приведенный долженъ въ теченіи сутокъ быть допрошенъ судьею, который можетъ отпустить его или заключить подъ стражу на основаніи особаго постановленія. Въ случаѣ надобности во вторичномъ допросѣ, приводъ можетъ быть повторенъ. Допросъ является необходимымъ условіемъ предварительнаго слѣдствія, потому что въ основѣ всякаго процесса лежитъ положеніе, что нельзя произнести правильнаго приговора во вредъ или въ пользу обвиняемаго, если послѣдній лично не былъ допрошенъ судьею.

Ст. 159 предоставляетъ также прокурору право призыва для допроса. Приказа же о приводѣ самъ прокуроръ, какъ единогласно признается всѣми нѣмецкими процессуалистами, не имѣетъ права издать, а долженъ въ такихъ случаяхъ обращаться къ судьѣ [1]).

---

[1]) Наиболѣе полно законодательство о призывѣ изложено у Holtzendorf.

По уставу 1877 года три органа уполномочены на принятіе ареста и предварительнаго заключенія: 1) прокуратура, 2) судья, производящій слѣдствіе, и 3) чины судебной полиціи.

Приказъ о заключеніи подъ стражу всегда издается только судьей. Но въ интересахъ дознанія прокуратуры, еще до начала публичнаго обвиненія, прокуроръ можетъ обращаться къ участковому судьѣ съ просьбой объ изданіи такового и съ представленіемъ документовъ, по которымъ можно судить о необходимости заключенія подъ стражу (ст. 160). Для того, чтобы обвиняемый, арестованный по приказу судьи, не оставался болѣе сутокъ подъ стражей безъ допроса, законъ указываетъ (ст. 132), что въ случаѣ невозможности представить его не позднѣе слѣдующаго за задержаніемъ дня къ компетентному судьѣ, обвиняемый можетъ требовать, чтобы его представили ближайшему участковому судьѣ, который удостовѣряется въ тожественности лица и разсматриваетъ вопросъ о необходимости открытія судебнаго производства. Къ такой же просьбѣ должна прибѣгать и полиція, когда желаетъ произвести арестъ а обращеніе къ судьѣ черезъ прокурора грозило бы промедленіемъ (ст. 161). До начала публичнаго обвиненія прокуратура для производства ареста или изданія приказа объ арестѣ обращается къ амтсрихтеру, въ округѣ котораго долженъ произойти арестъ (ст. 160).

Предварительное задержаніе есть лишеніе свободы какого-либо лица безъ предварительнаго приказа судьи [1] (ст. 127—129). Каждый, кто застигъ преступника при совершеніи преступленія или преслѣдуетъ его по горячимъ слѣдамъ (auf frischer That) [2], имѣетъ право задержать его

Handbuch. 1879. Ср. учебники Kies, Binding, Glaser, John, Benneke. Практика приведена у Arnstedt. Preussische Polizeirecht. 1905. B. I.

[1]) Hellweg. D. SPO. Verhaftung ist Freiheitentziehung auf Grund richterlicher Anordnung, vorläufige Festnahme ohne solche, beide zum Zwecke Strafverfolgung. (zum 112 § SPO).

[2]) Подъ понятіемъ frische That разумѣются случаи, когда преступленіе обнаружено непосредственно послѣ совершенія и когда предпринято преслѣдованіе виновника, какъ лица подозрѣваемаго. Genzmer, Thätigkeit der Polizei in Strafsachen. 1900, S. 56.

безъ предварительнаго приказа судьи, если существуетъ подозрѣніе, что преступникъ бѣжитъ, или если личность преступника не можетъ быть сейчасъ констатирована. Подъ понятіе „каждый“ подходятъ конечно и полицейскіе органы. Но *только* послѣдніе спеціально уполномочены на арестованіе и тогда, когда при наличности серьезныхъ уликъ (dringende Verdachtsgründe) [1]) и при опасности промедленія [2]) существуетъ опасеніе побѣга или имѣются такіе ф а к т ы, изъ которыхъ можно заключить, что обвиняемый станетъ уничтожатъ слѣды дѣянія или склонять свидѣтелей или совиновниковъ къ ложному показанію, или убѣждать свидѣтелей отказаться отъ свидѣтельской обязанности. Такимъ образомъ для ареста полиціей допускается спеціальная цѣль ареста—обезпеченіе доказательствъ виновности и, кромѣ того, вмѣсто формальнаго понятія quasi-flagrant délit французскаго права и strong or probable presumption of the guilt англійскаго указанъ признакъ серьезности уликъ. Такъ какъ законъ указываетъ, что при данныхъ условіяхъ полиція можетъ производить арестъ по тѣмъ же основаніямъ, какъ и судья издавать приказъ объ арестѣ, то слѣдуетъ признать, что подозрѣніе побѣга не требуетъ дальнѣйшаго обоснованія, когда совершено тяжкое преступленіе, когда подозрѣваемый не имѣетъ осѣдлости или бродяга и когда онъ—иностранецъ, причемъ существуетъ основательное сомнѣніе, что онъ не подчинится приговору суда и не явится къ суду (ст. 112) [3]). При преступныхъ дѣяніяхъ, преслѣдованіе которыхъ производится по жалобѣ, предварительное задержаніе производится независимо

---

[1]) Для большей достовѣрности уликъ коммисія пересмотра 1905 г. предполагаетъ предоставить судьѣ право допроса подъ присягой свидѣтелей на предварительномъ слѣдствіи, если это показаніе существенно для вопроса о назначеніи подслѣдственнаго заключенія и др. (Protocolle der Kommission. 1905 I, 69, II, 226).

[2]) Эта опасность практикой опредѣляется, какъ такое сочетаніе обстоятельствъ, при которомъ возникаетъ обоснованное подозрѣніе, что обвиняемый при замедленіи арестованія бѣжитъ или станетъ совершать дѣйствія по уничтоженію слѣдовъ. G e n z m e r. Цит. соч. S. 69.

[3]) Въ Пруссіи кромѣ того допускается полицейскій арестъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ будетъ признанъ полиціей нужнымъ въ интересахъ общественной безопасности и спокойствія. (A r n s t e d t. Preussische Polizeirecht 1905, S. 497).

отъ такой жалобы (ст. 127). Если за преступное дѣяніе грозитъ только арестъ или денежная пеня (т. е. оно является проступкомъ), то предварительное задержаніе можетъ производиться только тогда, когда задерживаемый серьезно подозрѣвается въ бѣгствѣ и когда а) онъ не имѣетъ осѣдлости, не можетъ удостовѣрить личности или бродяга, б) когда онъ иностранецъ, внушающій опасеніе побѣга, в) когда онъ состоитъ подъ полицейскимъ надзоромъ и г) когда дѣло идетъ о проступкѣ, за который можетъ быть назначена отдача подъ присмотръ мѣстныхъ властей, т. е. рецидивъ нищенства, бродяжество, профессіональная безнравственность и т. д. (ст. 113, 38, 39, 361). Существуютъ кромѣ того спеціальныя правила о предварительномъ задержаніи депутатовъ рейхстага, воинскихъ чиновъ, лицъ, находящихся на кораблѣ, находящихся въ городѣ, объявленномъ въ положеніи осады, относительно задержанія лицъ, виновныхъ въ таможенныхъ проступкахъ [1]). Жандармскіе чины и лѣсные стражи могутъ преслѣдовать скрывающагося и въ предѣлахъ другого германскаго государства. Они обязаны, захвативъ его, немедленно привести въ ближайшій судъ или къ ближайшему полицейскому чиновнику союзнаго государства, въ которомъ преступникъ схваченъ (ст. 168 учр. суд. уст.). Наложеніе оковъ или связываніе захваченнаго, если оно не производится при крайней необходимости и если оно не вызвано сопротивленіемъ со стороны арестованнаго, разсматривается какъ умышленное и противозаконное лишеніе свободы [2]).

Задержанный можетъ быть или отпущенъ на свободу высшимъ полицейскимъ начальствомъ, если задержаніе будетъ признано ошибочнымъ или необоснованнымъ, или же долженъ немедленно быть приведенъ къ участковому судьѣ того окру-

---

[1]) Genzmer. Цит. соч. S. 68. Члены Рейхстага согласно ст. 31 Reichsverfassungsgesetz, и ст. 84 прусской конституціи не могутъ быть арестуемы безъ согласія Рейхстага во время періода засѣданій. Здѣсь интересъ государственнаго представительства и свободы его перевѣшиваетъ непосредственный интересъ правосудія. Относительно Zoll-und Steuerdelikten см. Einführungsgesetz zum StPO. § 6 № 3. Holtzendorf. Handbuch. 1879. S. 361.

[2]) Arnstedt. Op. cit. S. 501—502.

га, въ которомъ произведено задержаніе [1]). Одновременно съ этимъ извѣщается и прокуроръ (ст. 128). По предложенію послѣдняго участковый судья, не начиная публичнаго обвиненія, можетъ превратить задержаніе въ подслѣдственное заключеніе на срокъ въ семь дней, который можетъ быть возобновленъ; если дѣло идетъ о тяжкомъ преступленіи или преступленіи, этотъ срокъ можетъ быть продленъ, въ общемъ до одного мѣсяца [2]). Кромѣ того самъ прокуроръ по ст. 489 можетъ издать приказъ объ арестѣ осужденнаго судомъ, если онъ не явился на призывъ къ отбытію наказанія лишеніемъ свободы или подозрѣвается въ намѣреніи совершить побѣгъ. Здѣсь прокуроръ дѣйствуетъ какъ исполнитель приговора суда, а не какъ обвинительная власть [3]). Практика, впрочемъ, установила такой порядокъ: полицейскіе органы сначала приводятъ задержаннаго въ участокъ, а о представле-

---

[1]) Ibidem. S. 502. Коммисія пересмотра добавила: „если задержанный находится въ такомъ состояніи, которое вслѣдствіе болѣзни дѣлаетъ личный приводъ невозможнымъ, то приводъ замѣняется немедленной пересылкой протокола арестованія. Допросъ же откладывается до тѣхъ поръ, пока минуетъ опасность для жизни или здоровья задержаннаго“ (I, 102). Ст. 132 п. 1 дополняется слѣд. постановленіемъ: „если кто либо арестованъ по судебному приказу или по сыскному листу и не можетъ быть представленъ въ тотъ же день къ соотвѣтственному судьѣ, то арестованный, если онъ самъ или обвинительный органъ, не противъ его воли, предложитъ это, можетъ быть приведенъ къ ближайшему участковому судьѣ“. „Участковый судья можетъ освободить приведеннаго, если возбуждается серьезное сомнѣніе въ тождествѣ его съ лицомъ преслѣдуемымъ или если приведенный указываетъ, что преслѣдованіе прекращено компетентнымъ органомъ“ (II 190—193).

[2]) Коммисія пересмотра, согласно предложенію, сдѣланному въ Рейхстагѣ, занялась обсужденіемъ вопроса о вознагражденіи лицъ, невинно задержанныхъ по предложенію прокуратуры. При этомъ предложеній о вознагражденіи за простой неправильный арестъ не дѣлалось вслѣдствіе его краткосрочности и ничтожности матеріальнаго ущерба, имъ наносимаго. По отношенію же къ заключенію подъ стражу на стадіи дознанія большинство постановило, что соразмѣрно существующимъ правиламъ, содержащимся въ законѣ 14 іюля 1904 г., вознагражденіе должно быть предоставляемо и лицамъ, освобождаемымъ на стадіи дознанія (II, 284).

[3]) Коммисія пересмотра въ подражаніе французскому уставу вводитъ сокращенный порядокъ производства въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый застигнутъ на мѣстѣ преступленія, преслѣдуется или подвергнутъ предварительному задержанію. Предложеніе поставить такое производство въ зависимость отъ явнаго или молчаливаго согласія задержаннаго было отклонено. Но при окончательномъ обсужденіи благопріятное отношеніе задержаннаго къ немедленному суду было по-

ніи задержаннаго судьѣ озабочивается полицейскій чиновникъ. Частныя же лица передаютъ задержаннаго ближайшему полицейскому [1]).

Спеціальныя правила въ административномъ порядкѣ созданы о задержаніи иностранныхъ преступниковъ, подлежащихъ выдачѣ, о задержаніи бѣглыхъ и относительно приглашенія военной стражи для содѣйствія при арестѣ (въ Пруссіи).

Какъ можно видѣть изъ изложеннаго, германская система предоставляетъ полиціи крайне широкое по объему право арестованія, но требуетъ отъ нея указанія основаній для принятія этой мѣры. Только опасеніе побѣга и неизвѣстность подозрѣваемаго, да въ рѣдкихъ случаяхъ вполнѣ обоснованная опасность уничтоженія доказательствъ могутъ служить такими основаніями. Отвѣтственность чиновъ полиціи еще не достаточно развита, что̀ объясняется отсутствіемъ общеимперскихъ постановленій по этому предмету. Не представляется возможнымъ статистически оцѣнить дѣйствіе этой системы вслѣдствіе отсутствія общихъ данныхъ въ имперской статистикѣ.

Австрійское законодательство.

Средствами представленія въ судъ въ австрійскомъ уставѣ 1873 г. [2]) являются призывъ (Ladung), приводъ (Vorführungsbefehl) и предварительное арестованіе (vorläufige Verwahrung).

ставлено необходимымъ условіемъ примѣненія сокращеннаго производства. Оно распространяется на всѣ проступки и на тѣ преступленія, въ которыхъ обвиняемый застигнутъ съ поличнымъ, въ которыхъ онъ проявляетъ согласіе на судъ, или когда онъ самъ ходатайствуетъ о томъ и, наконецъ, когда за предварительнымъ задержаніемъ назначается подслѣдственное заключеніе (II 249). На стадіи дознанія предполагается предоставить прокурору право приглашать обвиняемаго для допроса подъ угрозою привода въ случаѣ неповиновенія (I, 210, II, 247).

[1]) Вмѣсто существующаго правила о необходимомъ предварительномъ извѣщеніи потерпѣвшаго объ арестованіи при преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ по частной жалобѣ, коммисіей предположено, что арестованіе въ этомъ случаѣ не зависитъ отъ подачи жалобы и что извѣщеніе происходитъ чрезъ участковаго судью. Сила приказа о заключеніи прекращается, если въ теченіе недѣли послѣ его выполненія жалоба еще не подана (I, 103, II, 193).

[2]) Подробное изложеніе см. Z u c k e r, Die Untersuchungshaft I—III. 1873—79.

Приказъ о приводѣ (174 ст.) можетъ назначаться какъ наказаніе за неявку безъ уважительныхъ причинъ на полученный призывъ въ судъ.

Приказъ о предварительномъ задержаніи (vorläufige Verwahrung) по ст. 175 можетъ быть изданъ судьею и безъ предварительнаго призыва противъ подозрѣваемаго въ преступленіи или тяжкомъ преступленіи въ случаяхъ, когда: 1) подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступленія или непосредственно послѣ него или когда онъ по общему указанію или преслѣдованію со стороны должностныхъ лицъ обозначается какъ подозрѣваемый въ преступленіи или тяжкомъ преступленіи, или если онъ застигнутъ съ орудіемъ преступленія или другими предметами, относящимися къ совершенію преступленія или вообще какимъ-либо образомъ указывающими на его участіе въ преступленіи (распространенный переводъ quasi flagrant délit французскаго права); 2) когда онъ сдѣлалъ попытку къ бѣгству или когда вслѣдствіе тяжести предположительно грозящаго ему наказанія или вслѣдствіе его неосѣдлой жизни или непзвѣстности въ странѣ, онъ не можетъ удостовѣрить свою личность и если не имѣетъ постояннаго мѣстожительства или по какимъ-либо другимъ достаточнымъ основаніямъ подозрѣвается въ бѣгствѣ; 3) если онъ пытался произвести дѣйствія, мѣшающія раскрытію истины, стремился повліять на свидѣтелей, экспертовъ или сообщниковъ или какъ нибудь иначе путемъ уничтоженія слѣдовъ преступленія затруднить слѣдствіе,—или если существуетъ основательное опасеніе, что это можетъ произойти, и 4) если особыя обстоятельства оправдываютъ опасеніе, что обвиняемый повторитъ совершенное преступленіе или окончитъ то, на которое покушался или которымъ угрожалъ.

Такимъ образомъ установлено четыре рода условій: 1) достаточность объективныхъ уликъ, 2) основательное подозрѣніе побѣга, 3) опасность повторенія или довершенія преступленія и 4) опасность стачки и сокрытія слѣдовъ преступленія.

Обязательнымъ является назначеніе предварительнаго задержанія въ случаяхъ, когда дѣло идетъ о преступленіи, ко-

торое карается наказаніемъ смертью или 10-лѣтними каторжными работами (ст. 175 п. 2).

Полиція можетъ безъ приказа судьи задерживать обвиняемаго въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и судья (ст. 177), „если предварительное полученіе приказа судьи невозможно вслѣдствіе опасности промедленія“. Въ этихъ случаяхъ, какъ видно, полиціи предоставлены права задержанія, дѣйствительность которыхъ ограничивается кратковременнымъ срокомъ. Этотъ срокъ, однако, можетъ продолжаться до трехъ дней. Такъ, ст. 179 опредѣляетъ, что приведенный въ судъ по приказу судьи или безъ него долженъ быть допрошенъ въ теченіе 24-хъ часовъ. Если это невозможно, то обвиняемый можетъ и дольше содержаться подъ стражей, однако допросъ долженъ быть произведенъ не позже трехъ дней, съ занесеніемъ въ протоколъ причинъ запозданія. Послѣ допроса судья постановляетъ о прекращеніи или продолженіи ареста. Таковы постановленія дѣйствующаго законодательства о предварительномъ задержаніи.

Прежніе уставы 1850 и 1853 г.г. въ постановленіяхъ объ этомъ вопросѣ во многомъ очень сходны съ дѣйствующимъ, лишь не существовало ограниченія права полицейскаго ареста только случаями опасности промедленія, наоборотъ, арестъ полиціи былъ общимъ правомъ, института же задержанія по приказу судьи не существовало. Основаніе опасности повторенія и довершенія преступленій было неудачно заимствовано составителемъ проекта изъ англійскаго права [1]). Право задержанія при опасности стачки или уни-

---

[1]) Въ англійскомъ правѣ существуетъ старинный институтъ recognizance of the good behaviour or to keep the peace. Въ цѣляхъ предупрежденія преступленій судья отбираетъ отъ подозрѣваемаго поручительство. Въ прежнее время это постановленіе существовало и на континентѣ, будучи введено глоссаторами (Bartolus, Baldus, Fellinus и др. см. Sonntag. Entlassung gegen Caution 1863 г.), но съ самаго начала оно имѣло искусственный характеръ, такъ какъ отношенія судьи и гражданъ рѣзко отличались отъ тѣхъ, при которыхъ возможенъ „надзоръ за хорошимъ поведеніемъ“. Притомъ въ цѣляхъ превентивныхъ ни глоссаторы, ни англійское право не посягали на свободу, какъ то дѣлаетъ австрійское законодательство, а лишь брали денежное обезпеченіе. Этотъ признакъ

чтоженія слѣдовъ прежде зависѣло не отъ наличности покушенія на это или обоснованной опасности, а только отъ потребностей слѣдствія: достаточно было того, чтобы слѣдствіе требовало охраненія слѣдовъ преступленія или предупрежденія стачки, чтобы предварительное задержаніе могло имѣть мѣсто („Wenn nach den Umständen des Fallen zu besorgen ist, dass er die Untersuchung u.s.f.“).

Въ случаѣ возмущенія или преступнаго дѣянія, совершеннаго большимъ множествомъ людей, при невозможности немедленно обнаружить виновныхъ, всѣ присутствующіе, если только относительно ихъ нѣтъ увѣренности въ непричастности къ преступленію, могутъ быть подвергаемы и предварительному заключенію. Они должны быть допрошены не позже трехъ дней, послѣ чего могутъ быть освобождены или оставлены подъ стражей (ст. 181).

Венгерскій уставъ 1896 г. повторяетъ основанія австрійскаго устава, восполняя ихъ новымъ, заимствованнымъ изъ устава германскаго правиломъ о допущеніи ареста обвиняемаго, не венгерскаго подданаго, внушающаго опасеніе побѣга (ст. 141). Право полицейскаго ареста ограничено случаями крайней необходимости, но производится по тѣмъ же основаніямъ, какъ и предварительное задержаніе по приказу судьи (98 и 143). Частныя лица могутъ производить арестъ только, застигнувъ преступника при совершеніи преступленія (ст. 142).

Норвежскій уставъ 1887 г. въ основаніяхъ ареста соединяетъ законодательство германское съ австрійскимъ (ст. 228, 229). Въ крайнихъ случаяхъ выдача приказа объ арестѣ предоставляется прокурору. Частныя лица могутъ арестовывать лишь auf frescher That (ст. 231, 232, 236—38). Задержанный въ теченіе сутокъ долженъ быть допрошенъ судьею, въ случаѣ же отсутствія судьи, допросъ долженъ быть произведенъ другимъ судьей или прокуроромъ. Приведенные частными лицами преступники принимаются полиціей лишь

очень трудно уловимъ; оговорка „если на то сдѣлана попытка и угроза“ еще не характеризуетъ дѣйствительной необходимости.

по выслушаніи, въ присутствіи свидѣтелей, объясненій какъ задержаннаго, такъ и задержавшаго, причемъ полиція сама можетъ освободить такого задержаннаго, если это не настоящій преступникъ, если его по закону нельзя заключить подъ стражу или если нѣтъ достаточно уликъ противъ него или если наконецъ, задержанный представилъ достаточное поручительство. Арестованный полиціей или частными лицами по ошибкѣ вправѣ требовать вознагражденія. Въ первомъ случаѣ онъ можетъ предъявить искъ къ государству.

Таковы три типичныхъ западно-европейскихъ системы предварительнаго ареста. Что касается началъ, господствующихъ въ другихъ государствахъ, то въ большинствѣ случаевъ они представляютъ или модификаціи указанныхъ правилъ или состояніе административнаго произвола въ области ареста гражданъ. Мы можемъ ихъ не касаться, такъ какъ насъ интересуютъ исключительно правовыя начала, ограничивающія административный произволъ въ этой области.

Послѣ такого вступленія, необходимаго для общаго выясненія правильной постановки средствъ представленія въ судъ, мы можемъ приступить къ обзору постановленій русскаго законодательства о предварительномъ полицейскомъ арестѣ, причемъ для полноты вкратцѣ остановимся на правилахъ призыва и привода, такъ какъ объемъ и постановка полицейскаго ареста находятся въ тѣсной зависимости отъ нихъ.

VII.

Призывъ обвиняемаго.

Призывомъ называется приказъ судебнаго органа о явкѣ опредѣленнаго лица (въ частности обвиняемаго) въ опредѣленное время и мѣсто въ судъ. Приказъ этотъ употребляется по общему правилу. Особенно частымъ должно быть его употребленіе, если не существуетъ достаточныхъ уликъ винов-

ности или если преступленіе не влечетъ тяжкаго наказанія. Призывъ можетъ быть какъ письменный, такъ и устный (ст. 377). Послѣдній употребляется лишь въ томъ случаѣ, когда обвиняемый находится въ мѣстѣ, гдѣ производится слѣдствіе. Устный призывъ примѣняется главнымъ образомъ для сокращенія письменнаго производства и для устраненія сложной процедуры письменнаго призыва въ случаѣ неграмотности. Письменный призывъ или повѣстка о явкѣ, составляется въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ вручается призываемому, а другой съ подписью о полученіи сохраняется у вручившаго повѣстку (ст. 378). Повѣстка должна удовлетворять извѣстнымъ условіямъ, безъ наличности которыхъ она не имѣетъ силы (ст. 380); въ ней должны быть точно указаны: 1) лицо, требуемое къ слѣдствію—во избѣжаніе ошибки въ личности, 2) время и мѣсто явки; въ проектѣ новой редакціи уст. угол. суд. 1900 г. опредѣлено яснѣе: день и часъ явки (ст. 277 проекта) и 3) послѣдствія неявки (ст. 379 и 55 ст.). Послѣдствіями неявки вообще могутъ быть денежное взысканіе, арестъ или употребленіе принудительныхъ мѣръ. Наше законодательство въ ст. 389 предписываетъ приводъ въ случаѣ неявки безъ законныхъ причинъ на призывъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній въ повѣсткѣ должно быть означено лицо, издавшее ее. Такимъ правомъ обладаетъ только мировой судья, судебный слѣдователь и судъ. Полиція, какъ разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ (1888/3), не въ правѣ приглашать къ себѣ для допроса необходимыхъ ей для сего лицъ [1]). Удостовѣреніемъ правильности служатъ подпись и печать. На повѣсткѣ означается также время ея составленія, имѣющее значеніе для провѣрки быстроты и своевременности дѣйствій слѣдователя. При открытіи судебнаго засѣданія неявка оставленнаго на свободѣ обвиняемаго, кромѣ привода, влечетъ за собою еще и уплату издержекъ (ст. 592).

---

[1]) Квачевскій. Объ уголовномъ преслѣдованіи ч. III, стр. 335, видитъ въ ст. 258, 261, 1086 предоставленіе такого права полиціи, но не приводитъ основаній такого мнѣнія.

Законными причинами неявки (388 ст.) признаются: 1) лишеніе свободы, 2) прекращеніе сообщеній во время заразы, нашествія непріятеля, необыкновеннаго разлитія рѣкъ и тому подобныхъ непреодолимыхъ препятствій, 3) внезапное разореніе отъ несчастнаго случая, 4) смерть родителей, мужа и жены или дѣтей или тяжкая, грозящая смертью болѣзнь ихъ и 6) неполученіе или несвоевременное полученіе повѣстки. Нельзя признать вполнѣ удачной попытку законодателя опредѣлить полностью причины, извиняющія неявку. Правильнѣе было бы предоставить оцѣнку уважительности слѣдователю на предварительномъ слѣдствіи и суду на судебномъ. Всегда возможны случаи субъективной невозможности, которыхъ нельзя предусмотрѣть въ законѣ. Съ другой стороны, при наличности одной изъ причинъ, указанныхъ въ законѣ, обязанность явки могла бы быть выполнена, между тѣмъ какъ обвиняемый, опираясь на предписаніе закона, будетъ имѣть возможность при желаніи и затягивать дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ этотъ не настолько сильно затрагиваетъ права обвиняемаго, что здѣсь является необходимость въ ограниченіи свободной оцѣнки обстоятельствъ судьею. Въ случаѣ невозможности явки обвиняемый долженъ увѣдомить о томъ лицо, издавшее приказъ.

Порядокъ вручения повѣстки о явкѣ, опредѣленный въ законѣ (ст. 381—386), состоитъ въ слѣдующемъ. Лицо, получившее повѣстку для передачи (спеціальный посыльный, полиція, волостное и сельское начальство [1]), просматриваетъ, соблюдены ли въ повѣсткѣ всѣ условія, указанныя въ законѣ, въ противномъ случаѣ возвращаетъ ее слѣдователю (ст. 380). Повѣстка прежде всего должна быть вручена самому обвиняемому подъ личную росписку. Предъявитель повѣстки отмѣчаетъ на ней время ея вручения (для провѣрки п. 6 ст. 388) и требуетъ означенія на второмъ экземплярѣ

---

[1]) Мировые судьи, какъ разъяснено Сенатомъ (О. С. 72/13), могутъ возлагать разсылку повѣстокъ на мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ, разсыльныхъ и судебныхъ приставовъ, смотря по тому, какой изъ сихъ способовъ въ данномъ случаѣ по мѣстнымъ обстоятельствамъ представляется цѣлесообразнѣе.

времени полученія. При отказѣ въ подписи, предъявитель при двухъ свидѣтеляхъ удостовѣряетъ это и заноситъ въ обѣ повѣстки время, съ означеніемъ причинъ отсутствія подписи. Неграмотнымъ лицамъ содержаніе повѣстки объявляется вслухъ по крайней мѣрѣ при двухъ свидѣтеляхъ. За отлучкою обвиняемаго повѣстка вручается подъ росписку одному изъ его домашнихъ лицъ, преимущественно старшему, или хозяину дома, или дворнику, или мѣстному полицейскому служителю, или сельскому начальнику (ст. 384). Въ проектѣ 1900 г. порядокъ врученія при отсутствіи призываемаго опредѣленъ еще подробнѣе. На первомъ мѣстѣ стоятъ взрослыя домашнія лица, а лишь при отсутствіи ихъ повѣстка вручается хозяину, дворнику дома, въ которомъ живетъ призываемый, управляющему его дѣлами или имѣніемъ или кому либо изъ взрослыхъ, состоящихъ въ услуженіи у лица вызываемаго (ст. 281 проекта). По дѣйствующему праву, если повѣстка не вручена лично обвиняемому, то одинъ экземпляръ ея прибивается: въ городѣ—къ дому полицейскаго управленія, а въ деревнѣ—къ дому сельскаго старосты или десятскаго, о чемъ и поставляется немедленно въ извѣстность полицейское или волостное управленіе (ст. 385). Проектъ (ст. 282) вполнѣ основательно отбросилъ предписаніе о прибитіи повѣстки, какъ мало приносящее пользы для увѣдомленія обвиняемаго о призывѣ, сохранивъ только обязанность извѣщенія судьи о лицѣ, которому вручена повѣстка. При неоткрытіи мѣстопребыванія обвиняемаго полиція сообщаетъ о томъ судебному слѣдователю, который представляетъ суду о сыскѣ обвиняемаго черезъ публикацію (ст. 386). Эта публикація на практикѣ обыкновенно совершенно безполезна и влечетъ ненужные расходы, ради одного формализма. Въ общемъ постановленія о призывѣ, носящія характеръ скорѣе техническихъ правилъ, не вызываютъ затрудненій на практикѣ.

VIII.

Приводъ обвиняемаго.

Приводъ есть приказъ судебнаго органа о немедленномъ слѣдованіи за предъявителемъ лица, приводимаго въ судъ, подъ угрозой въ случаѣ отказа прибѣгнуть къ принужденію. По существу приводъ не является принудительнымъ актомъ. Основное его отличіе отъ призыва—требованіе немедленности явки. Для обезпеченія такой немедленности особому органу поручается наблюденіе надъ исполненіемъ ея съ правомъ прибѣгнуть къ принужденію въ случаѣ невыполненія этого предписанія. Принужденіе слѣдовательно зависитъ отъ соблюденія приводимымъ предписанія суда.

При какихъ обстоятельствахъ употребляется приказъ о приводѣ? Почти во всѣхъ законодательствахъ указывается на примѣненіе его въ случаѣ неявки обвиняемаго безъ уважительныхъ причинъ къ слѣдствію или суду по призыву. При этомъ для судьи бываетъ необязательнымъ изданіе приказа о приводѣ по второму разу. Наше законодательство принимаетъ обязательность (ст. 389). Все дѣло въ томъ, какъ смотрѣть на приводъ по второму разу. Есть ли это наказаніе (Ungehorsamstrafe) или просто болѣе сильная мѣра явки? Намъ кажется болѣе правильнымъ второе положеніе. Приводъ по существу лишенъ характера принудительности и позорности и съ правовой точки зрѣнія не можетъ быть разсматриваемъ какъ кара. Считать его таковою, хотя даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, значитъ санкціонировать закономъ его позорность или принудительность. Не являясь съ правовой точки зрѣнія карой, приводъ не долженъ обладать присущимъ ей характеромъ безусловности. Неявка по призыву служитъ лишь указаніемъ на слабость въ данномъ случаѣ призыва и на необходимость болѣе строгой мѣры, и нѣтъ основаній исключать въ этомъ случаѣ, какъ во всякомъ другомъ, свободную оцѣнку этой необходимости судьею. Въ качествѣ наказанія за неявку безъ уважительныхъ причинъ

могъ-бы быть назначенъ небольшой денежный штрафъ, назначеніе котораго зависѣло бы отъ судьи, рѣшающаго объ извинительности неявки.

Приводъ по первому разу долженъ являться исключеніемъ. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ соображеніе о вѣроятности бѣгства и недѣйствительности простого призыва. Однако эта недѣйствительность, не обнаружившаяся еще на дѣлѣ, какъ въ первомъ случаѣ, а только предполагаемая, здѣсь значительно менѣе вѣроятна. При слабости уликъ обвиняемый будетъ надѣяться скорѣе избѣжать наказанія иными способами, нежели бѣгствомъ отъ суда. Не зная силы обвиненія и характера уликъ, онъ будетъ имѣть гораздо менѣе мотивовъ бѣгства, даже если онъ дѣйствительно виновенъ. Поэтому приводъ по первому разу долженъ примѣняться въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, и при его назначеніи должны приниматься во вниманіе различныя личныя качества обвиняемаго, сила уликъ и возможность побѣга. Эти обстоятельства дѣлаютъ нецѣлесообразнымъ введеніе обязательности привода въ опредѣленныхъ преступленіяхъ (какъ то, напр., принято въ Италіи) и вообще ограниченіе усмотрѣнія судьи. Естественнымъ ограниченіемъ случаевъ запрещенности привода являются дѣла, по которымъ явка въ судъ необязательна.

Въ нашемъ законодательствѣ эти начала проведены послѣдовательно. Въ объяснительной запискѣ къ уст. угол. судопр. [1]) относительно привода сказано: „При этомъ имѣя въ виду важность этихъ мѣръ для обвиняемыхъ и необходимость устранить съ одной стороны позорный призывъ или приводъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ такихъ лицъ, которыя къ дѣлу непричастны, а съ другой нерѣдко встрѣчающіяся нынѣ оскорбительныя выходки и насильственныя дѣйствія полиціи противъ задерживаемыхъ ею лицъ, коммисія нелишнимъ признала постановить: во 1-хъ, что повѣстка, въ которой не соблюдена какая-либо изъ указанныхъ въ законѣ существенныхъ формъ, считается недѣйствительною

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту уст. угол. суд. 1863 г., стр. 195.

и возвращается полиціей судебному слѣдователю, и во 2-хъ, что всякое при приводѣ обвиняемыхъ оскорбленіе личности ихъ влечетъ за собою законную отвѣтственность“ (392 ст.).

Всѣ мѣры представленія въ судъ, являясь начальнымъ моментомъ, открывающимъ обвиненіе противъ извѣстнаго лица, должны быть принимаемы съ осторожностью. Уставъ угол. суд. въ ст. 396 указываетъ, что „слѣдователь не долженъ ни приводить ни призывать кого-либо къ допросу безъ достаточнаго къ тому основанія“. Въ Англіи, гдѣ существуетъ состязательный порядокъ на предварительномъ слѣдствіи, мировой судья назначаетъ призывъ или приводъ лишь при подтвержденіи (при требованіи привода—даже клятвенномъ) со стороны обвинителя основательности обвиненія и при угрозѣ отвѣтственностью за неосновательное обвиненіе.

Проектъ 1900 г. вноситъ общее положеніе о приводѣ: „Относительно обвиняемыхъ, подвергаемыхъ приводу безъ предварительнаго призыва, принимается въ соображеніе достаточность имѣющихся противъ нихъ уликъ, а также возможность уклоненія ихъ отъ слѣдствія или скрытія слѣдовъ преступнаго дѣянія (ст. 286 проекта)“. Оцѣнка этихъ условій предоставлена судьѣ. Дѣйствующее законодательство и проектъ 1900 г. разрѣшаютъ примѣненіе привода только: 1) къ обвиняемымъ въ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; 2) къ обвиняемымъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, когда не могъ быть сдѣланъ призывъ по укрывательству ихъ, и 3) къ обвиняемымъ, не имѣющимъ постояннаго мѣстожительства, извѣстнаго ремесла или промысла (389 ст.). Въ проектѣ новой редакціи указаніе на ремесло и промыселъ отброшено, какъ на признаки, еще не характеризующіе вѣроятности побѣга [1]). Мировой судья можетъ назначать приводъ безъ предварительнаго призыва за преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ положено заключеніе въ тюрьмѣ или наказаніе болѣе строгое (ст. 61) [2]).

---

[1]) См. объяснительная записка. 1900 г. Т. VI, стр. 338.

[2]) Общія предписанія о значеніи явки въ мировой юстиціи ст. 134, 136 137, 157, полож. 1889 г. ст. 180, 188, 225.

Большинство процессуалистовъ ошибочно считаетъ указанное въ ст. 51 предписаніе о возможности привода обвиняемаго полиціей къ мировому судьѣ при сообщеніи о преступномъ дѣйствіи за приводъ, какъ оно неправильно названо въ законѣ. Данное предписаніе есть разрѣшеніе полицейскаго ареста (см. также ст. 177 полож. 1889 г.), на томъ основаніи, что здѣсь отсутствуетъ всякій судебный приказъ [1]).

Повѣстка о приводѣ должна удовлетворять всѣмъ тѣмъ же условіямъ, какъ и повѣстка о призывѣ. Проектъ предписываетъ еще дѣлать въ ней указаніе на содержаніе порядка привода (см. ст. 287 пр.). Приводъ возможенъ только по формальной повѣсткѣ, устная передача распоряженія не допускается. По предъявленіи обвиняемому повѣстки, онъ приглашается слѣдовать за предъявителемъ и при неповиновеніи или сопротивленіи приводится къ слѣдствію при содѣйствіи должностныхъ или частныхъ лицъ (ст. 391). Приводъ, кромѣ случаевъ, не терпящихъ отлагательства, производится днемъ. По дѣйствующему законодательству предписывается въ видѣ обязательнаго правила до исполненія требованія о приводѣ содержать обвиняемаго подъ домашнимъ арестомъ или стражею; проектъ смягчаетъ это постановленіе, предписывая лишь тщательное наблюденіе со стороны полиціи въ мѣстѣ жительства обвиняемаго за его неотлучкою (хотя это равносильно почти домашнему аресту) или помѣщеніе въ мѣсто заключенія. Званіе, чинъ, личныя преимущества не имѣютъ значенія при исполненіи привода (ст. 396). Микляшевскій [2]) вполнѣ правильно рекомендуетъ „избѣгать необходимости помѣщать приводимаго гдѣ-бы то ни было, далѣе своевременнымъ исполненіемъ привода и немедленнымъ производствомъ дать подвергающемуся приводу лицу возможность тотчасъ исполнить то дѣйствіе, для котораго онъ былъ приведенъ въ судъ“. Законъ принимаетъ въ соображеніе невозможность или опасность привода по болѣзни приводимаго или по дру-

---

[1]) См. ниже о полицейскомъ арестѣ по русскому праву.

[2]) Микляшевскій. О средствахъ представленія обвиняемаго, стр. 86. 1872 г.

гимъ уважительнымъ [1]) причинамъ, предписывая въ такомъ случаѣ самому судебному слѣдователю отправиться въ мѣсто пребыванія обвиняемаго или выжидать прекращенія препятствій къ явкѣ (ст. 397). О доставленіи лицъ, уже подвергнутыхъ задержанію, слѣдователь относится прямо къ смотрителю мѣста заключенія (ст. 395).

Приводъ такимъ образомъ предписываетъ болѣе суровыя формы, и потому регулированъ законодательствомъ подробнѣе. Нельзя не указать на отсутствіе требованія мотивировки приказа о приводѣ. Мотивировка, состоящая въ указаніи законныхъ причинъ привода или основаній, вытекающихъ изъ обстоятельствъ дѣла, облегчаетъ контроль за правильностью примѣненія этой мѣры и побуждаетъ прибѣгать къ ней осмотрительнѣе.

IX.

Правила о немедленности допроса, какъ гарантіи предварительнаго характера мѣръ представленія въ судъ.

Лица, явившіяся или приведенныя въ судъ, имѣютъ право на скорое выполненіе того процессуальнаго дѣйствія, ради котораго они были вызваны [2]). Въ большинствѣ государствъ такой срокъ исполненія установленъ въ 24 часа (только въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ, напр., Vaud этотъ срокъ уменьшенъ до 12 часовъ). По дѣйствующему праву слѣдователь долженъ снять допросъ съ обвиняемаго немедленно и никакъ не позже сутокъ послѣ явки его или привода (398 ст.). Причины отсрочки допроса, если онъ не былъ сдѣланъ въ теченіе первыхъ двѣнадцати часовъ послѣ явки или привода, означаются въ протоколѣ, копія съ котораго выдается об-

---

[1]) Не противорѣчитъ же это *законнымъ* причинамъ?

[2]) Мы помѣщаемъ правила допроса здѣсь, слѣдуя системѣ русскаго законодательства. Дѣло въ томъ, что, хотя существуетъ еще полицейскій арестъ, но правила допроса пріурочены по нашему законодательству только къ призыву и приводу. О срокѣ допроса при полицейскомъ арестѣ скажемъ ниже.

виняемому по его требованію (399 ст.). Срокъ этотъ повсюду установленъ для первоначальнаго допроса. Правило это не распространяется, напр., на случаи привода въ судъ, при неявкѣ на судебное слѣдствіе (ст. 592).

Основаніемъ установленія такого срока вообще должно служить стремленіе наилучшимъ образомъ оградить свободу обвиняемаго. Допросъ, которому подвергаютъ приведеннаго или призваннаго, служитъ для него средствомъ оправданія отъ взведеннаго на него обвиненія. Результатомъ этого допроса является назначеніе противъ него мѣры обезпеченія или освобожденіе его отъ преслѣдованія. Какъ для перваго, такъ и для второго результата, требуется взвѣсить силу уликъ и опредѣлить различныя личныя свойства обвиняемаго, а безъ производства личнаго допроса обвиняемаго весьма трудно правильно опредѣлить эти условія. Посему производство допроса является одной изъ существенныхъ гарантій правильности постановленій о мѣрѣ обезпеченія.

Подвергшійся приводу до допроса находится въ домашнемъ арестѣ или подъ стражей (393 ст.)—къ нему примѣнена тяжкая мѣра, при назначеніи которой не были соблюдены гарантіи правильности ея, въ особенности не выяснено коренное условіе—сила уликъ. Естественно, приведенный можетъ требовать, чтобы такая предварительная мѣра (vorläufige Festnahme германскаго и австрійскаго права) была возможно менѣе продолжительна и немедленно замѣнена мѣрой болѣе правильной, основанной на большихъ гарантіяхъ. Это требованіе есть право обвиняемаго, которое и гарантируетъ ему законъ. Призывъ или приводъ не рѣшаютъ еще труднаго вопроса о мѣрѣ обезпеченія. Постановленіе судьи о такой мѣрѣ должно быть издано возможно скорѣе, для прекращенія предварительнаго задержанія, произведеннаго хотя бы и по приказу судьи.

Однако мотивы установленія 24-часового срока въ нашемъ законодательствѣ были иные. Очень часто первоначальныя свѣдѣнія судьи или слѣдователя о дѣлѣ бываютъ ошибочными, и къ отвѣтственности привлекается лицо совершенно непричастное къ дѣлу; такое же недоразумѣніе можетъ произойти

вслѣдствіе ошибки въ личности, когда не вполнѣ точно обозначены ея признаки. Ошибку можно, если не исправить, то уменьшить быстрымъ удостовѣреніемъ въ правильности посредствомъ допроса. Съ другой стороны самъ обвиняемый, хорошо не знающій еще изъ повѣстки о содержаніи преступнаго дѣянія, въ которомъ его обвиняютъ, долженъ быть освѣдомленъ объ этомъ для того, чтобы онъ могъ представить свои оправданія. При установленіи правила о суточномъ допросѣ въ уставѣ 1864 г. государственный совѣтъ имѣлъ въ виду именно эти основанія, а не задачу строго обезпечить предварительный характеръ привода: „Цѣль сего положенія состоитъ не въ томъ, чтобы съ задержаннаго снять непремѣнно формальный допросъ въ теченіе сутокъ, а въ томъ, чтобы не оставлять его продолжительное время подъ стражею въ неизвѣстности, за что онъ подвергнуть задержанію, и чтобы дать ему возможность, если онъ задержанъ неправильно, разъяснить эту неправильность, такъ какъ бываютъ случаи, въ которыхъ подвергаются задержанію лица, неприкосновенныя къ дѣлу, единственно по сходству ихъ фамиліи или примѣтъ съ настоящимъ обвиняемымъ, или вслѣдствіе какого иного стеченія обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для задержаннаго“ [1]). Такимъ образомъ *единственною* цѣлью допроса въ теченіе 24-часовъ является удостовѣреніе правильности задержанія; срока же для замѣны предварительнаго задержанія подслѣдственнымъ заключеніемъ не установлено у насъ никакого. Такая односторонность мотива существенно и повліяла на установленіе недостаточныхъ гарантій соблюденія суточнаго срока.

Первоначально этотъ срокъ, заимствованный еще изъ древняго французскаго законодательства, не будучи огражденъ достаточными гарантіями соблюденія, сплошь и рядомъ не соблюдался на практикѣ, являясь лишь благимъ пожеланіемъ закона. Австрійское законодательство сначала ввело крайній срокъ въ 3 дня, послѣ чего недопрошенный, задержанный или приведенный, долженъ быть отпущенъ (ст. 177 австр.

---

[1]) Жур. соед. департ. Госуд. Сов. по проекту уст. уг. суд. 1864, стр. 37.

уст.). Германское законодательство болѣе послѣдовательно сохранило суточный срокъ, предписавъ обязательность представленія приведеннаго къ амтсрихтеру, въ случаѣ невозможности представленія къ слѣдственному судьѣ; амтсрихтеръ, пользуясь правами слѣдственнаго судьи по производству слѣдственныхъ дѣйствій, постановляетъ о мѣрѣ обезпеченія, такъ что онъ можетъ принять мѣры, чтобы предварительное задержаніе подъ стражей не длилось болѣе сутокъ (ст. 128, 165). Еще болѣе гарантій установлено французскимъ закономъ 1897 г., которымъ къ ст. 63 Code d'instr. cr. добавлено постановленіе о томъ, что недопрошенный по истеченіи *суточнаго* срока обвиняемый долженъ быть освобожденъ прокуроромъ и другими надлежащими лицами подъ угрозой кары за противозаконное лишеніе свободы. Въ случаѣ невозможности для слѣдственнаго судьи допросить приведеннаго обвиняемаго, прокуратура можетъ потребовать, чтобы таковой допросъ былъ произведенъ предсѣдателемъ суда. Италія и Бельгія заимствуютъ эти постановленія. Такимъ образомъ этими законодательными постановленіями вполнѣ гарантируется не только разъясненіе ошибокъ привода или задержанія, но и *право на быструю замѣну мѣры предварительной на постановляемую судьей мѣру*, болѣе гарантирующую обвиняемаго.

Односторонность цѣли установленія суточнаго срока ярко проявляется на постановленіяхъ, дѣйствующихъ въ русскомъ законодательствѣ, при невозможности этого допроса въ теченіе сутокъ. Если слѣдователь не прибудетъ для снятія допроса въ теченіе сутокъ по приводѣ обвиняемаго къ слѣдствію, то полиція составляетъ о томъ протоколъ, пріобщаемый къ дѣлу, и объявляетъ обвиняемому, насколько это ей извѣстно, о причинахъ его задержанія (ст. 400). При этомъ обвиняемый имѣетъ право дать полиціи объясненіе и требовать, чтобы оно внесено было въ протоколъ (ст. 401), и если изъ этого объясненія окажется, что обвиняемый задержанъ по ошибкѣ или недоразумѣнію, то полиція обязана немедленно освободить его съ означеніемъ въ протоколѣ причинъ, побудившихъ ее принять эту мѣру (ст. 402).

Проектъ 1900 г. ни въ чемъ не измѣнилъ этихъ постановленій (ст. 294—298 проекта).

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе предоставленіе исполнительному органу—полиціи производства столь важныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, какъ выслушиваніе объясненій обвиняемаго (въ этомъ собственно и состоитъ допросъ) и освобожденіе его. Очевидно, законодатель полагалъ, что объясненія въ такихъ случаяхъ будутъ *чисто формальныя*, касающіяся удостовѣренія тожества личности, для чего, дѣйствительно, пригодна полиція. Это слѣдуетъ и изъ постановленія о томъ, что, если обвиняемый задержанъ по ошибкѣ или недоразумѣнію (т. е. по ошибкѣ въ личности), то полиція освобождаетъ его. Никакой оцѣнки основательности обвиненія, часто совершенно призрачнаго, полиція не должна дѣлать. Между тѣмъ слѣдуетъ признать, что процентъ освобождаемыхъ послѣ допроса вслѣдствіе ошибки въ личности крайне ничтоженъ по сравненію съ процентомъ освобождаемыхъ изъ подъ стражи за неосновательностью обвиненія или за меньшей тяжестью преступленія, не допускающаго подслѣдственнаго заключенія. Наиболѣе существенной является именно вторая сторона—оцѣнка обвиненія, для которой неприспособлена полиція. Полиція не имѣетъ права производить формальныхъ допросовъ обвиняемаго (ст. 258 уст., подтвержденная большинствомъ коммисіи 1900 г.) [1]). Въ большинствѣ случаевъ полиція, приводя обвиняемаго, сама не знаетъ ничего о дѣлѣ, и потому ея объясненія и выслушиваніе таковыхъ отъ обвиняемаго не приносятъ никакой пользы для разъясненія правильности задержанія. Какого-либо срока, по истеченіи котораго приведенный становился бы свободнымъ, въ случаѣ, если допросъ не былъ произведенъ, въ законѣ не установлено, что̀ дѣлаетъ возможнымъ весьма продолжительныя предварительныя задержанія. Общее правило о суточномъ допросѣ не достигаетъ своей цѣли. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы предоставленіе производства допроса въ случаѣ отсутствія слѣдователя мировому судьѣ или уѣздному члену или, даже, члену окружнаго

[1]) Объяснительная записка, т. II. 1900, стр. 213.

суда. Въ большихъ городахъ цѣлесообразно сосредоточеніе функцій допроса задерживаемыхъ въ рукахъ одного слѣдователя изъ многихъ (какъ то принято въ Копенгагенѣ).

Отвѣтственность слѣдователей за неисполненіе ст. 398 и полиціи за неисполненіе ст. 400 предписывается ст. 430 улож. о нак. 1885 г. [1]). Въ уложеніи 1903 г. ст. 649 постановляетъ вообще, что служащій, виновный въ незаконномъ продленіи срока лишенія свободы вслѣдствіе незнанія своихъ обязанностей или вслѣдствіе небрежности, наказывается арестомъ. Противъ злонамѣреннаго непроизводства допроса возможна отвѣтственность по ст. 498 улож. 1903 г., грозящей тюрьмой или, при злоупотребленіи своею обязанностью, виновный кромѣ ареста можетъ быть удаленъ съ должности или подвергнутъ только удаленію съ должности. (ст. 650). При затрудненности преданія суду должностныхъ лицъ и вслѣдствіе невозможности иногда доказать противозаконность, небрежность или злоупотребленіе, такая отвѣтственность не является достаточной гарантіей.

Признавая отсутствіе крайняго срока оставленія безъ допроса, послѣ котораго освобожденіе наступаетъ по праву, и предоставленіе полиціи, а не какому либо другому судьѣ, права выслушивать объясненія и освобождать обвиняемыхъ существенными пробѣлами нашего законодательства, нельзя не указать на дѣйствительность и цѣлесообразность постановленія французскаго и германскаго уставовъ. Нечего опасаться, что правосудіе будетъ страдать отъ освобожденія завѣдомо виновныхъ вслѣдствіе невозможности допросить ихъ въ теченіе сутокъ. Такая возможность всегда можетъ быть достигнута. Значительная величина разстояній, которая дѣлаетъ затруднительнымъ такой срочный допросъ, можетъ быть причиной назначенія особаго срока для пересылки обвиняемаго

---

[1]) Наказаніе въ первый разъ—строгій выговоръ, 2-й—вычетъ изъ времени службы отъ 3 мѣс. до 1 года, въ 3-й—отрѣшеніе отъ должности. Мѣры эти мало цѣлесообразны, ибо обезпечиваютъ, какъ мѣры дисциплинарныя, лишь интересы службы, а не личную свободу. Болѣе удачна система англійская и ново-французская—легальныхъ штрафовъ.

въ мѣсто нахожденія слѣдователя, но не освобожденія отъ этого срока.

Отсутствіе срока превращенія мѣры предварительной въ мѣру судебную объясняется какъ пережитокъ полицейской эпохи, когда мѣры обезпеченія имѣли полицейскій характеръ.

П. Люблинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АВТОРСКОЕ ПРАВО НА ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЗОДЧЕСТВА.

(такъ назыв. архитектурная собственность).

I.

Авторское право на произведенія архитектурныя признается лишь въ самое послѣднее время (во второй половинѣ прошлаго столѣтія) и притомъ въ очень немногихъ законодательствахъ.

Объясняется это запоздалое, необщее и неполное признаніе правовой охраны авторовъ архитектурнаго творчества, сравнительно съ авторами иныхъ видовъ творчества, слѣдующими фактическими обстоятельствами и теоретическими доводами.

Прежде всего, въ дѣйствительности, огромное большинство строеній предназначаются для удовлетворенія обыденныхъ *матеріальныхъ* потребностей общества, такъ что заинтересованныя лица, застраивая города и села, въ суетѣ о хлѣбѣ единомъ, руководствуются исключительно житейскими соображеніями по части экономіи, ближайшей цѣлесообразности и примитивнаго удобства. Такимъ образомъ цѣлые улицы и кварталы сплошь загромождаются зданіями, которыя лишены всякой оригинальности не только по идеѣ, но и по исполненію, чужды какой бы то ни было поэтичности и выразительности въ религіозномъ, общественномъ, бытовомъ, природномъ и проч. отношеніяхъ. Простѣйшая, ремесленная техника строительства подавляла унылымъ однообразіемъ своего безобразія всякую мысль о художественномъ въ зодчествѣ. Даже зданія,

предназначенныя для „искусствъ и вдохновенья“, очень часто, особливо въ Россіи, воздвигаются по казарменному или ничего не говорящему намъ, чуждому шаблону, какъ будто бы для того, чтобы отучить обывателя по внѣшнему судить о внутреннемъ и оберегать его отъ излишнихъ впечатлѣній.

Это положеніе вещей настолько умалило въ глазахъ большинства значеніе искусства въ зодчествѣ, что если цѣли художественныя и преслѣдовались зодчимъ рядомъ съ основными практическими цѣлями, то тѣмъ не менѣе не хотѣли признавать въ художественной архитектурѣ искусство, а вмѣстѣ съ тѣмъ не признавали за зодчимъ и авторскаго права.

При этомъ нельзя не обратить вниманія также и на то весьма немаловажное обстоятельство, что почти до второй половины прошлаго столѣтія художественная архитектура находилась подъ всесильнымъ гнетомъ моды на античность и классицизмъ [1]), сковывалась дисциплиной архитектурной схоластики. Поэтому произведенія зодчества, несомнѣнно отмѣченныя художественными намѣреніями, даже наиболѣе удачныя и талантливыя, въ сущности и въ основѣ своей были мертвыми *копіями*, *подражаніями*, поддѣлками подъ искреннее искусство, хотя и лишь постолько именно въ то время заслуживали похвалы современниковъ, воспитанныхъ въ духѣ рабскаго, слѣпого обожанія, но не свободнаго и научнаго изученія классической архитектуры,—того изученія, которое должно научить строить не такъ, какъ строили классики въ свое языческое время, а такъ, какъ строили бы они въ нашу христіанскую эпоху, въ особыхъ условіяхъ даннаго народа, времени, мѣста, культуры и проч., проч. Въ этотъ періодъ обожанія классицизма, воспроизведеніе современной эпохи, ея народностей, религіи, нравовъ, жизни было въ полномъ пренебреженіи, даже осмѣивалось. Гдѣ же тутъ было зародиться и выдвигаться мысли объ *авторскомъ* правѣ зодчаго, которое предполагаетъ прежде всего духъ новизны, духъ свободы, самостоятельное мышленіе, своеобразное чувствованіе, не-

---

[1]) См. объ этомъ очеркъ В. В. Стасова, Искусство XIX в., I, архитектура.

зависимую фантазію и оригинальное творчество, когда наилучшимъ зодчимъ признавался наиболѣе педантичный копистъ и подражатель!

Съ другой стороны, противники предоставленія авторскаго права архитекторамъ отстаивали прежнюю беззащитность послѣднихъ, косный status quo ante, изощряясь въ подбираніи ряда обоснованій какъ практическаго, такъ и теоретическаго свойства, которыми однако, какъ увидимъ, на самомъ дѣлѣ все прямѣе, шире и нагляднѣе расчищали путь именно для допущенія архитектурнаго авторскаго права.

Такова утѣшительная вѣковая иронія истины: поборники невѣжества и притѣсненій, неправды и зла, въ общемъ итогѣ черепашьяго движенія впередъ, оказываются невольными служителями непонятной или ненавистной для нихъ истины, въ тщетныхъ усиліяхъ своихъ обнаруживая всю несостоятельность, всю зловредность и неприглядность противоположнаго.

Выдвигались въ особенности *интересы развитія въ населеніи художественнаго вкуса*, ради чего представлялось необходимымъ допущеніе свободнаго подражанія и заимствованія, которое тѣмъ болѣе считалось естественнымъ, что предметы зодчества уже по самой обстановкѣ своей подвергаются непрерывному и свободному обозрѣнію публики; что такимъ образомъ вводимое въ законодательства новшество—авторское право на художественныя произведенія зодчества—стѣснитъ свободу ихъ своевременнаго, доступнаго и наибольшаго распространенія.

Доводъ этотъ, въ болѣе общей формѣ приводившійся первоначально и противъ авторскаго права вообще, въ настоящее время,—когда вполнѣ признано все значеніе авторскаго гонорара, какъ необходимаго условія, conditio sine qua non существованія, независимости, спеціализаціи и усовершенствованія большей части интеллектуальнаго творчества,—все еще повторяется въ отношеніи архитектуры. Между тѣмъ, внѣ всякаго сомнѣнія, и въ этой области малочисленность художественныхъ произведеній, косность и скудость, отсутствіе разнообразія, фантазіи и изысканности въ современномъ зодчествѣ именно обусловливаются беззащитностью права автор-

скаго на послѣднія. Архитекторы-художники, не обезпеченные въ болѣе или менѣе продолжительной экономической эксплоатаціи своего творчества, требующаго однако полнаго сосредоточенія духовныхъ силъ, вынуждены бываютъ пренебрегать послѣднимъ, обращаясь къ труду чиновническому, ремесленному или предпринимательскому въ области архитектуры. Возможность только *однократнаго* вознагражденія за произведеніе художественной архитектуры низводитъ послѣднюю по экономическому результату къ ремесленному строительству, которое не требуетъ ни дарованія, ни высшей духовной работы. Отказъ въ обезпеченіи извлеченія пожизненной и посмертной на срокъ *ренты* съ эксплоатаціи, въ чемъ бы послѣдняя ни выразилась, даннаго художественнаго произведенія архитектуры,—лишаетъ автора-зодчаго постоянной матеріальной поддержки, досуга, стимула и вообще фактической возможности всецѣло посвятить себя избранному творчеству, развиваться и совершенствоваться въ немъ.

Впрочемъ главнѣйшее возраженіе сводится къ тому, что предоставленіе архитекторамъ-художникамъ авторскаго права не можетъ имѣть, въ общемъ, важныхъ послѣдствій для послѣднихъ, такъ какъ на практикѣ встрѣчается цѣлый рядъ препятствій для осуществленія авторскаго права въ зодчествѣ. Такъ, между прочимъ, столь существенный элементъ содержанія авторскаго права вообще, какъ *право исключительнаго воспроизведенія* [1]), *право механическаго размноженія* [2]), не имѣетъ де значенія въ области архитектуры.

Если нельзя не согласиться, что исключительное право полнаго воспроизведенія воздвигнутаго зданія едва ли осуществляется часто самимъ авторомъ-зодчимъ [3]), предпочитающимъ обыкновенно проявлять свои творческія способности въ новыхъ образахъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что со сто-

---

[1]) Blanc, Traité de la contrefaçon en tous genres, 1855 г., стр. 251.

[2]) Mandry, Das Urheberrecht an literarischen Erzeugnissen und Werken der Kunst, 1867 г., стр. 212.

[3]) O. Stobbe, Handbuch des Deutschen Privatrechts, т. III, 1898 г., стр. 44, прим. 59.

роны посторонних лицъ, контрафакторовъ, нарушеніе этого права встрѣчается, не смотря на наличность указываемыхъ къ тому затрудненій, сводящихся къ необходимости, для воспроизведенія тождественнаго зданія, тождества слишкомъ многихъ спеціальныхъ условій, какъ то: сходства матеріала, почвы, окрестности, цѣлей, средствъ и вкуса. Мы уже не говоримъ о тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда воспроизведеніе прикрывается наносными, второстепенными деталями, часто извращающими стильность зданія и тѣмъ выдающими себя, которыя могутъ обмануть развѣ поверхностный взглядъ неопытнаго профана, но не введутъ въ заблужденіе экспертовъ. Послѣдніе могутъ всегда отличить, имѣется ли въ упомянутыхъ случаяхъ свободное пользованіе образцомъ-оригиналомъ съ творческимъ образованіемъ новаго самостоятельнаго художественнаго произведенія зодчества или—только замаскированное рабское подражаніе, лишенное всякаго духовноиндивидуальнаго своеобразія какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Къ тому же, кромѣ контрафакціи въ цѣломъ, существуетъ еще контрафакція частичная [1]).

Что касается непримѣнимости къ произведеніямъ зодчества способовъ механическаго размноженія, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь оставляется безъ вниманія полная возможность указаннаго размноженія архитектурныхъ произведеній въ чертежахъ, планахъ, рисункахъ, моделяхъ, но, кромѣ того, и при отмѣченномъ ограниченіи *тѣмъ же родомъ* воспроизведенія, утвержденіе это всетаки не абсолютно, ибо архитектурная орнаментовка допускаетъ механическое размноженіе *того же рода* совершенно такъ же, какъ и другія произведенія скульптуры [2]). Современное же, недостаточное развитіе орнаментики въ архитектурѣ обусловливается, по всей вѣроятности, именно беззащитностью послѣдней, такъ что скульпторы вынуждены пренебрегать той обширной и видной сферой для проявленія своего художественнаго творчества, которую представляетъ архитектура [3]), до сего времени бѣдная орнаментами.

---

[1]) А. Пиленко, Международныя литературныя конвенціи, 1894 г., стр. 435.

[2]) Alexander—Katz, Die geistige Arbeit der deutschen Architekten, стр. 30.

[3]) Кстати привожу любопытныя слова Льва Толстого относительно

Но основное возраженіе противъ приведеннаго довода заключается въ томъ, что тѣ произведенія искусства, за которыми уже давно и безспорно признано право авторское, защищаются не только въ отношеніи „механическаго размноженія“, но и противъ однократнаго, индивидуальнаго воспроизведенія, посколько таковое предпринято „не для личнаго употребленія“ (п. 1 ст. 585 второй редакціи (ст. 572 первой ред.) [1]) проекта гражд. уложенія), а въ цѣляхъ экономической эксплоатаціи, или вообще съ нарушеніемъ личнаго или имущественнаго элементовъ авторскаго права; причемъ, съ другой стороны, и произведенія исскуства, охраняемыя правомъ авторскимъ, не всѣ способны къ „механическому размноженію“.

Здѣсь попутно обратимъ вниманіе на то, что терминъ „механическое размноженіе“ вообще крайне неудачный, вызвалъ въ свое время на практикѣ немалыя затрудненія, причемъ въ германскомъ законѣ 1870 г. (I § 4, 3, § 6, 1), также въ венгерскомъ законѣ 1884 г. (§ 5) было признано необходимымъ [2]) прямо распространить понятіе механическаго размноженія и на „списываніе, если таковое предназначено замѣнить печатаніе“, хотя бы размноженіе ограничилось однимъ экземпляромъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ для контрафакціи необходимо непремѣнно техническое или одновременное производство множества тождественныхъ экземпляровъ, развѣ списываніе, срисовываніе, лѣпка и проч., съ цѣлью распространенія копій или извлеченія доходовъ, не составитъ существеннаго нарушенія правъ автора? Вотъ почему мы, вопреки сдѣланному критикою возраженію [3]), при-

---

орнаментовъ: „орнаменты отъ Якутскихъ до Греческихъ доступны всѣмъ и вызываютъ одинаковое *чувство любованія* у всѣхъ, и потому этотъ родъ пренебрегаемаго искусства въ христіанскомъ обществѣ долженъ быть цѣнимъ много выше исключительныхъ претенціозныхъ картинъ и изваяній“. Что такое искусство, соч. т. XIV, стр. 335—336.

[1]) Въ послѣдующемъ изложеніи нумерація статей проекта гражданскаго уложенія будетъ цитироваться во второй его редакціи 1904 г., съ указаніемъ въ скобкахъ нумераціи первой редакціи 1902 г.

[2]) O. Gierke, Deutsches Privatrecht, Bd. I, 1895 г., стр. 793; K. Birkmeyer, Die Reform des Urheberrechtes, 1900 г., стр. 25.

[3]) А. Пиленко, „Право“, 1899 г. № 18, столб. 916.

знаемъ весьма удачною ту формулировку, которая предположена въ нашемъ проектѣ гражданскаго уложенія въ ст. 527 (514) и 578 (565) для разсматриваемаго полномочія авторскаго права, именно: „право размножать свое (литературное или художественное) произведеніе *всѣми* возможными способами“. Эту формулировку принялъ и новый германскій законъ 19 іюня 1901 г. (§§ 11 и 15). Упрекъ крайней широты формулировки парализуется оговоркой, сдѣланной германскимъ закономъ (§ 15 ч. 2) и включенной также нашимъ проектомъ, но къ сожалѣнію только въ ст. 585 (572), которая относится лишь къ произведеніямъ художественнымъ, именно, что „копированіе для личнаго употребленія дозволяется“, но безъ помѣщенія въ копіи подписи или монограммы художника—добавляетъ нашъ проектъ, при отсутствіи всякаго намѣренія извлекать доходъ—присовокупляетъ ограничительно германскій законъ, при отсутствіи всякаго намѣренія пользоваться личными или имущественными правомочіями автора—обобщили бы мы. Правило это несомнѣнно слѣдовало бы распространить въ нашемъ проектѣ и на произведенія пера какъ литературныя, такъ и музыкальныя.

Также выставляли [1]) на видъ и то обстоятельство, что въ области архитектуры невозможна одна изъ наиболѣе дѣйствительныхъ санкцій авторскаго права — *конфискація*, и, слѣдовательно, преслѣдованіе архитектурной контрафакціи будетъ несовершенно.

Но вѣдь непримѣнимость одной санкціи еще не исключаетъ возможности примѣненія другой санкціи, напр., преслѣдовать контрафакторовъ можно штрафами, уже не говоря о гражданской отвѣтственности по возмѣщенію убытковъ. Во всякомъ случаѣ по такому поводу нельзя отступать отъ основнаго начала признанія авторскаго права вообще за художественными произведеніями духовнаго творчества; къ тому же конфискація вполнѣ примѣнима къ контрафакціи архитектурныхъ произведеній посредствомъ размноженія ихъ въ планахъ, чертежахъ, рисункахъ, орнаментахъ, моделяхъ и пр. [2]).

[1]) Blanc, Traité de la contrefaçon en tous genres, стр. 250 и слѣд.

[2]) E. Gairal, Les oeuvres d'art et le droit, 1900 г., стр. 206.

Равнымъ образомъ не выдерживаетъ критики указаніе [1]) на подавляющее преобладаніе въ архитектурныхъ произведеніяхъ цѣлей и потребностей матеріальныхъ надъ эстетическими, какъ будто *утилитарное назначеніе* можетъ мѣшать нѣкоторымъ зданіямъ быть произведеніями художественными и оригинальными и какъ будто шедевры искусства никогда не служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ „einem Gebrauchszwecke“.

Другое основаніе противъ признанія авторскаго права на произведенія зодчества видятъ [2]) въ томъ, что произведенія эти находятся на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ и вообще являются *общественнымъ достояніемъ*.

Даже съ этой точки зрѣнія нельзя не признать за архитекторомъ исключительнаго права на опубликованіе своихъ проектовъ, плановъ, чертежей, рисунковъ и на разрѣшеніе по нимъ постройки на условіяхъ спеціальнаго соглашенія. Мало того, самая „публичность“ архитектурныхъ произведеній не представляется тотальною [3]), ибо кромѣ „фасада“ остальная и значительная внутренняя часть зданія не является „публичною“, хотя и можетъ быть художественнымъ произведеніемъ архитектурнаго творчества, а слѣдовательно и съ указанной точки зрѣнія здѣсь нѣтъ препятствій къ защитѣ авторскаго права. Но несостоятельность разсматриваемаго аргумента обнаруживается въ томъ, что вѣдь произведенія искусства изобразительнаго, находящіяся на публичныхъ мѣстахъ, тѣмъ не менѣе охраняются правомъ авторскимъ противъ контрафакціи воспроизведенія, по крайней мѣрѣ въ тождественной отрасли того же рода искусствъ (ср. Герм. зак. 1876 г., ст. 5, 6; нашъ проектъ гражд. улож., ст. 585 (572) п. 4). При этомъ не послужило основаніемъ къ отказу въ охранѣ противъ контрафакціи и та характерная и крайне важная особенность, что произведенія искусства изобразительнаго выставляются публично только по свободному волеизъ-

---

[1]) Wächter, Das Urheberrecht, стр. 41 и сл.

[2]) Kohler, Das literarische und artistische Kuntswerk, 1892 г., стр. 190; ср. его же Autorrecht, стр. 226.

[3]) Alexander—Katz, Die geistige Arbeit der deutschen Architekten, стр. 33

явленію автора-художника, который рѣшился подвергуть свои произведенія такой публичности, не смотря на то, что таковая по природѣ вещей не безусловно для нихъ необходима. Между тѣмъ какъ въ произведеніяхъ архитектурныхъ нѣтъ мѣста для такого *свободнаго рѣшенія* автора [1]), ибо таковыя являются необходимо публичными по общему правилу, а не по исключенію.

Далѣе въ обоснованіе беззащитности зодчества ссылаются и на то, что воспроизведеніе архитектурнаго творчества не обезцѣниваетъ первоначальнаго оригинала въ той степени, какъ копированіе, хотя бы въ одномъ экземплярѣ, иного рода произведеній искусства [2]); кромѣ того говорятъ, что архитекторъ не только не имѣетъ матеріальнаго интереса [3]) въ томъ, чтобы воздвигнутое имъ зданіе не воспроизводилось вновь, но, напротивъ, долженъ почитать для себя за лестную честь, если его копируютъ.

Левъ Толстой идеально развиваетъ эту послѣднюю мысль, распространяя ее на всѣ виды художества: „Художникъ будущаго будетъ жить обычною жизнью людей, зарабатывая свое существованіе какимъ либо трудомъ. Плоды же той высшей духовной силы, которая проходитъ черезъ него, онъ будетъ стремиться отдать наибольшему количеству людей, потому что въ этой передачѣ наибольшему количеству людей возникшихъ въ немъ чувствъ—его радость и награда. Художникъ будущаго не пойметъ даже, какъ можетъ художникъ, главная радость котораго состоитъ въ наибольшемъ распространеніи своего произведенія, отдавать свои произведенія только за извѣстную плату“ [4]).

Что касается перваго соображенія, то здѣсь вовсе упускаютъ изъ виду, что авторское право имѣетъ цѣлью охранять не оригиналы художественнаго творчества отъ обезцѣненія, но должно вообще обезпечить за авторомъ исключительное

---

[1]) Alexander—Katz, тамъ же.
[2]) Mandry, Das Urheberrecht, стр. 212.
[3]) O. Stobbe, Handbuch, указ. выше мѣсто.
[4]) Что такое искусство, соч. т. XIV, стр. 355.

и возможно полное господство надъ произведеніемъ его духовнаго творчества и для этого именно закрѣпляетъ за художникомъ вполнѣ какъ личный, такъ и матеріальный интересъ отъ всякаго рода пользованія его твореніемъ.

Второе соображеніе даже Левъ Толстой относитъ къ „будущему“ художнику, но и въ отношеніи къ этому „будущему“ художнику ужъ изъ того самого, что Левъ Толстой признаетъ, что „искусство есть великое дѣло, искусство есть органъ жизни человѣчества, переводящій разумное сознаніе людей въ чувство“ [1]), явствуетъ несомнѣнная необходимость охранить этотъ „органъ жизни человѣчества“ отъ насилія, извращенія, искаженія, пародіи копистами, подражателями и просто гешефтмахерами. Но это въ отношеніи къ „будущему“ художнику. Что же сказать о современномъ художникѣ, который зарабатывать матеріальныя средства какимъ либо другимъ трудомъ не можетъ, не умѣетъ, не хочетъ, который живетъ въ то „чудное“ время, когда „выходитъ, что жить хорошо никому нельзя, а только поговорить можно, какъ хорошо жить по-Божьи“ [2])?—очевидно здѣсь нужна и цѣлесообразна также матеріальная сторона авторскаго права, которая бы обезпечивала экономическое существованіе, свободу мысли, независимость поведенія и душевнаго состоянія автора.

Не останавливаясь долѣе на этихъ и тому подобныхъ, еще менѣе выдерживающихъ критику, доводахъ противъ установленія въ законѣ правовой охраны архитектуры, какъ вида авторства, необходимо констатировать тотъ несомнѣнный фактъ, что еще во второй половинѣ, даже въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія,—за любопытнымъ исключеніемъ лишь нашего X тома свода законовъ, въ данномъ отношеніи оказавшагося исторически передовымъ законодательствомъ (уже съ 1846 года),—за архитекторами не только вообще не признавалось авторскаго права на ихъ художественныя произведенія зодчества, но даже не хотѣли было считать таковыя произведеніями искусства.

---

[1]) Тамъ же, стр. 367.

[2]) Л. Толстой, Бесѣда досужихъ людей, соч. т. XIV, стр. VII.

По мѣрѣ того, однако, какъ съ развитіемъ правовой жизни и науки, все болѣе и болѣе раскрываются истинное понятіе и богатое содержаніе авторскаго права, какъ личнаго права исключительнаго, возможно болѣе полнаго господства автора надъ произведеніями его духовнаго творчества, по мѣрѣ того какъ все глубже сознается великое значеніе искусства христіанскаго въ дѣлѣ культурнаго вліянія на массы,—распространяется и укрѣпляется вмѣстѣ съ тѣмъ общее признаніе, что авторское право должно быть предоставлено закономъ всякому виду духовнаго творчества, въ какой бы формѣ оно ни выразилось, будутъ ли то сочетанія словъ и мыслей, гармонія звуковъ, сочетанія линій въ двухъ и трехъ измѣреніяхъ, искусства изобразительныя и архитектурныя, художества.

II.

И теперь въ XX столѣтіи далеко не всѣ изъ цивилизованныхъ законодательствъ защищаютъ авторское право архитекторовъ-художниковъ.

Начиная обозрѣніе законодательнаго матеріала по интересующему насъ вопросу прежде всего съ *русскаго* законодательства, мы не можемъ не повторить высказаннаго [1]) нами удивленія, что истинный смыслъ русскаго закона, дѣйствующаго уже съ 1846 года (Высоч. утвержд. положеніе о собственности художественной, полн. собр. законовъ, № 19569) и несомнѣнно предоставляющаго архитекторамъ авторское право на ихъ художественно-оригинальныя постройки, категорическимъ воспрещеніемъ воспроизведенія послѣднихъ въ архитектурѣ же (контрафакція),—не только не сознается и вовсе игнорируется нашею юриспруденціею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственно заинтересованными въ томъ авторами-зодчими, напрасно считающими себя беззащитными въ русскомъ правѣ, но даже въ научной литературѣ [2]) въ

---

[1]) *Право*, 1903 г., № 2, столб. 75—77.

[2]) Въ русскихъ учебникахъ гражданскаго права упоминаются, правда, среди „субъектовъ“ авторскаго права также архитекторы, но при этомъ суть дѣла,

тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда мимоходомъ упоминается собственно объ архитектурѣ, истолковываются относящіяся сюда статьи нашего закона въ совершенно противоположномъ, неблагопріятномъ для правоохраны архитектурнаго искусства смыслѣ.

Такъ, напр., у Побѣдоносцева на стр. 649 первой части курса гражданскаго права (изд. IV, 1892 г.) читаемъ: „какъ скоро планы и чертежи архитектора (творца-художника) приведены въ исполненіе, то построенное по нимъ зданіе представляетъ *образъ*, открытый и доступный цѣлому обществу, слѣдовательно, тогда уже каждый вправѣ повторять его, выполнять его для себя“. Того же мнѣнія держится В. Спасовичъ [1]) и другіе.

Равнымъ образомъ и Высочайше учрежденная Редакціонная Коммисія по составленію гражданскаго уложенія, признавая въ ст. 578 (565) проекта авторское право и на произведенія зодчества, въ своихъ объясненіяхъ къ означенной статьѣ (томъ 3-ій, книги III-ей, вотчинное право, стр. 434) замѣчаетъ, что редакція нашего дѣйствующаго закона, именно: п. 4 ст. 37 приложенія къ ст. 420 (прим. 2) т. X ч. 1, изд. 1900 г., „не отличается достаточною ясностью и даетъ право (?!) сдѣлать выводъ, что по дѣйствующему закону запрещается лишь постройка по чужимъ планамъ, чертежамъ и проектамъ, но не запрещается повтореніе уже выстроенныхъ архитектурныхъ зданій“.

Пересмотримъ вновь текстъ нашихъ постановленій о правѣ авторскомъ, посколько они касаются непосредственно архитектурнаго искусства.

Ст. 28 приложенія къ ст. 420 прим. 2, т. X ч. 1, изд. 1900 г., прямо относитъ архитектуру къ отрасли „изящныхъ искусствъ“ и ограждаетъ таковую подъ именемъ „художе-

---

занимающій насъ вопросъ или вовсе оставляется безъ дальнѣйшихъ разъясненій, или ограничивается (чтобы не сказать смѣшивается) констатированіемъ защиты архитектурныхъ плановъ, рисунковъ и чертежей, т. е. защиты авторскаго права въ области графическаго или живописнаго изображенія, а не въ области собственно произведеній зодчества.

[1]) Права Авторскія, 1865 г., стр. 37.

ственной собственности", признавая за „архитекторомъ" исключительное право „повторять, издавать и размножать оригинальное свое произведеніе всѣми возможными способами", зодчеству „свойственными".

Послѣдовательно ст. 36 того же приложенія признаетъ „противозаконнымъ *копированіемъ* всякое повтореніе, для денежныхъ выгодъ, художественнаго произведенія въ цѣломъ его составѣ, безъ формальнаго согласія лица, имѣющаго на то произведеніе законное право художественной собственности".

Приведенныя постановленія нашего закона представляются достаточно вразумительными для того, чтобы считать архитектурныя произведенія въ Россіи объектомъ права „художественной собственности", такъ что нельзя не признать совершенно непослѣдовательнымъ толкованіе слѣдующей 37-й статьи того же приложенія, статьи второстепенной, пояснительной, примѣрно-перечневой („средства копированія *могутъ* быть"), въ томъ ограничивающемъ предшествующія основныя статьи смыслѣ, что по русскому закону запрещается лишь постройка по чужимъ планамъ, чертежамъ и проектамъ, но не запрещается повтореніе уже *выстроенныхъ* архитектурныхъ зданій. Это толкованіе ст. 37 и само по себѣ, даже независимо отъ предшествующихъ статей, не выдерживаетъ строгой критики.

Ст. 37 гласитъ такъ: „Средства копированія могутъ быть. . . 4) *Въ зодчествѣ*: а) *построеніе* общественнаго или частнаго зданія по чужому плану и фасаду; б) *снятіе копій* съ чужихъ проектовъ и изданіе оныхъ въ гравюрахъ, литографіяхъ и тому подобными способами. Снимать же фасады, планы и самыя подробности (détails) съ зданій, уже выстроенныхъ, не возбраняется и контрафакціею не почитается".

Изъ этого явствуетъ, что ст. 37 въ п. 4) рѣзко различаетъ *построеніе*, т. е. „копированіе" въ трехъ измѣреніяхъ отъ *снятія копій*, т. е. „копированія" въ двухъ измѣреніяхъ, причемъ безусловно категорически постановляетъ, что „построеніе зданія по *чужому* плану и фасаду" составляетъ противозаконное копированіе, контрафакцію, вполнѣ

независимо отъ того, будетъ ли то воспроизведеніе чужого архитектурнаго творчества, выраженнаго пока лишь въ планахъ и чертежахъ, или же—воспроизведеніе этого творчества, осуществленнаго уже въ постройкѣ. Такая постановка представляется логически совершенно послѣдовательною, ибо само собою разумѣется, что невозможно воспроизвести, повторить хотя бы „уже выстроенное зданіе“ не по плану и фасаду сего послѣдняго, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, „чужому“, и разница между воспроизведеніемъ чужого архитектурнаго творчества, выраженнаго пока лишь въ планахъ и чертежахъ, и воспроизведеніемъ того же творчества, осуществленнаго уже въ произведеніи зодчества, т. е. перенесеннаго изъ абстрактныхъ линій, изъ плоскости въ пространство, „выстроеннаго“—состоитъ единственно въ томъ, что въ первомъ случаѣ воспроизведеніе мыслимо только путемъ заимствованія изъ самыхъ плановъ и чертежей автора, тогда какъ во второмъ случаѣ воспроизведеніе въ постройкѣ тѣхъ же *чужихъ* плановъ и фасадовъ становится возможнымъ путемъ снятія таковыхъ непосредственно съ выстроенныхъ зданій, совершенно независимо и помимо ознакомленія съ *подлинными* планами и чертежами автора-зодчаго.

Однако, что же „не возбраняется и контрафакціею не почитается“?—Только „*снимать* фасады, планы и самыя подробности (détails) съ зданій, уже выстроенныхъ“; но вѣдь „снимать“ отнюдь не значитъ выстроить. Правильность такого толкованія съ несомнѣнностью подтверждается и тѣмъ, что послѣдняя, породившая все недоразумѣніе, оговорка цитированнаго 4 п. ст. 37 помѣщена именно подъ буквою б), т. е. тамъ, гдѣ говорится о „снятіи копій чужихъ проектовъ и изданіи оныхъ въ гравюрахъ, литографіяхъ и тому подобными способами“, каковое „*копированіе*“, къ зодчеству собственно не относящееся, вообще также воспрещается, съ тѣмъ лишь единственнымъ изъятіемъ, что въ отношеніи зданій, уже выстроенныхъ, копированіе это дозволяется, но, очевидно, только въ предѣлахъ, ограниченныхъ опредѣленными въ п. б) средствами копированія, т. е., въ видѣ воспроизведенія даннаго художественнаго зданія или сооруженія тѣмъ

или другимъ способомъ графическаго или живописнаго изображенія, посредствомъ передачи зданія на плоскости, представленія его въ абстрактныхъ линіяхъ, въ рисункѣ.

Обратимся теперь къ краткому обозрѣнію иностранныхъ законодательствъ.

Швейцарскій законъ 1883 года, въ п. 8 ст. 11 достаточно ясно и правильно, хотя и въ отрицательной формѣ, запрещаетъ воспроизводить или осуществлять такія архитектурные планы или рисунки, а равно тѣ зданія уже построенныя, которыя имѣютъ „спеціальный художественный характеръ", такъ что не считается контрафакціею воспроизведеніе существующихъ построекъ лишь при томъ условіи, если эти постройки не имѣютъ художественнаго характера.

Люксембургскій законъ 10 мая 1898 г. распространилъ полную защиту авторскаго права и на произведенія архитектуры, спеціальнымъ поименованіемъ послѣднихъ въ законѣ.

Французскій законъ 11 марта 1902 г., восполнилъ текстъ стараго закона-декрета 19 іюля 1793 г., признававшаго авторское право только за литераторами, композиторами, живописцами и рисовальщиками-граверами,—включеніемъ въ срединѣ исчерпывающаго перечня, послѣ словъ: „авторы письменныхъ произведеній всякаго рода, композиторы музыки", словъ: „архитекторы, скульпторы"... Вмѣстѣ съ тѣмъ новый законъ дополнилъ тотъ же 1-й артиклъ стараго закона постановленіемъ, что тоже право должно принадлежать художникамъ-орнаментовщикамъ „aux sculpteurs et dessinateurs d'ornement", каково бы ни было достоинство и назначеніе ихъ труда.

Впрочемъ и до этого закона господствующая во Франціи наука и практика болѣе или менѣе успѣшно отстаивала толкованіе дѣйствовавшаго закона 19 іюля 1793 г. въ томъ благопріятномъ смыслѣ, что и произведенія скульптуры и архитектуры подлежатъ охранѣ авторскаго права. Основаніемъ къ такому распространительному толкованію послужило нѣкоторое несоотвѣтствіе между главнымъ постановленіемъ указаннаго закона въ артиклѣ 1-мъ, въ исчерпывающемъ перечнѣ котораго вовсе не упоминались ни скульпторы, ни архитекторы, съ заключительнымъ, второстепеннымъ сравни-

тельно, постановленіемъ того же закона въ артиклѣ 7-мъ, въ которомъ исчерпывающій перечень произведеній, въ отношеніи коихъ установленъ посмертный срокъ авторскаго права для наслѣдниковъ (10 лѣтній, по закону 14 іюля 1866 г. 50 лѣтній), замѣненъ былъ примѣрнымъ и заключался обобщеніемъ: „или всякое другое произведеніе духовнаго творчества“, относящееся къ области изящныхъ искусствъ.

Однако французы не полагались на „обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій“ и дружными усиліями архитекторовъ и юристовъ, усиліями, продолжавшимися почти полвѣка, въ печати и на конгрессахъ, внутреннихъ и международныхъ, добились, наконецъ, прямой и твердой защиты закона, и такимъ образомъ, избавились отъ обидной необходимости искать ненадежную, неопредѣленную, непостоянную, всегда болѣе или менѣе произвольную и во всякомъ случаѣ противозаконную *протекцію* у французской юриспруденціи, угодливо покровительствовавшей до сего времени архитекторамъ распространительнымъ толкованіемъ само-по-себѣ недостаточнаго текста закона 1793 года.

Датскій законъ 19 декабря 1902 года относительно авторскаго права на произведенія литературы и искусства, въ отдѣлѣ 2-мъ о произведеніяхъ изобразительнаго искусства, признаетъ авторское право и за художникомъ оригинальнаго архитектурнаго творчества, предоставляя ему, какъ художнику, вообще исключительное право воспроизведенія своего творчества, въ цѣломъ или въ части, художественнымъ, механическимъ или химическимъ способомъ, воспрещая, въ особенности, воспроизводить оригинальныя его строительные чертежи, рисунки, модели и т. д. какъ въ постройкахъ, такъ и въ рисункахъ, въ послѣднихъ, впрочемъ, самое строеніе воспрещается воспроизводить постолько, посколько оно составляетъ главный предметъ всего изображенія (ср. § 24 ч. 2, § 31 ч. 2).

Бельгійскій законъ 1886 г., хотя особо объ архитектурѣ не говоритъ, но теоріей и установившеюся практикой, примѣняется и къ оригинальнымъ произведеніямъ архитектуры, которая такимъ образомъ охраняется противъ контрафакціи какъ на плоскости, такъ и въ пространствѣ.

Итальянскій законъ 19 сентября 1882 г., а равно *Испанскій* законъ 10 января 1879 г. изложены въ столь общей формулировкѣ, что *допускаютъ* благопріятное ихъ толкованіе въ томъ смыслѣ, что художественныя произведенія скульптуры и архитектуры, хотя спеціально въ сихъ законахъ не поименованныя, тѣмъ не менѣе должны быть охраняемы закономъ противъ контрафакціи одинаковымъ образомъ, какъ всѣ другія произведенія искусства, подходящія подъ понятіе „духовныхъ“ и „артистическихъ“ произведеній. Конечно, такое правовое положеніе архитектуры страдаетъ неопредѣленностью и непостоянствомъ и потому по справедливости можетъ быть охарактеризовано какъ „protezione dubbia“ [1]).

Въ Германіи реформа законовъ объ авторскомъ правѣ недавно произведена, именно двумя законами 19 іюня 1901 года, которые, однако, ограничились лишь литературными и музыкальными произведеніями и правомъ издательскимъ, тогда какъ законы 9 и 10 января 1876 г. о правѣ на художественныя и фотографическія произведенія признаны пока не нуждающимися въ измѣненіи, не смотря на то, что по ст. 3 закона 9 января 1876 г. о защитѣ авторскаго права на произведенія искусствъ изобразительныхъ, законъ этотъ „не примѣняется именно къ произведеніямъ архитектуры“. Тѣмъ не менѣе и при такомъ неблагопріятномъ для архитектуры направленіи германскаго законодательства возможно признать, что и въ послѣднемъ зодчество находитъ свою нѣкоторую, несовершенную защиту, именно въ отношеніи плановъ, чертежей и рисунковъ, т. е. въ области графическаго или живописнаго изображенія.

Что касается „мотивовъ“, положенныхъ въ основаніе указанной ст. 3 закона 1876 г., то таковые не столько обосновываютъ, сколько разоблачаютъ всю несостоятельность принятаго положенія, они сводятся къ опасенію, что „законъ пошелъ бы слишкомъ далеко, если бы запретилъ срисовывать уже готовыя зданія или строить новыя зданія по образцу существующихъ“.

---

[1]) M. Dell'Oro, Il Diritto d'autore degli architetti, 1898.

Въ Англіи архитектура, какъ таковая, не имѣетъ защиты по авторскому праву [1]). Однако законъ 29 іюля 1862 г. объ авторскомъ правѣ на произведенія изящныхъ искусствъ защищаетъ также *рисунки*, къ которымъ относятъ комментаторы и рисунки архитектурные, конечно, лишь отъ воспроизведенія графическаго, на бумагѣ. Засимъ, архитектурная орнаментика содѣйствіемъ комментаторовъ укрывается подъ охрану закона объ авторскомъ правѣ на пропзведенія скульптуры.

Переходя, наконецъ, въ область *международнаго* права, мы ограничимся указаніемъ на слѣдующія данныя. Уже первый интернаціональный конгрессъ объ артистической собственности, состоявшійся въ Парижѣ въ 1878 году, выразилъ мысль, что „архитектура должна быть поставлена рядомъ съ живописью и скульптурой и что архитекторы должны быть покровительствуемы также, какъ живописцы и скульпторы". Мысль эта была, такъ сказать, санкціонирована конвенціею объ авторскомъ правѣ, заключенной между Франціей и Испаніей, 16 іюня 1880 г., такъ какъ въ числѣ защищаемыхъ этой конвенціей произведеній договорившіяся государства согласились при обмѣнѣ ратификацій „понимать также произведенія архитектурныя". Тѣмъ не менѣе международная Бернская конвенція 9 сентября 1886 г. признала нужнымъ покровительствовать архитектору *только* въ отношеніи его чертежей и плановъ. Послѣдующіе международные конгрессы архитекторовъ, а также различные конгрессы, организованные при посредствѣ l'Association littéraire et artistique internationale, продолжали настаивать на прежнемъ заключеніи, что архитектура художественная и оригинальная есть искусство и произведенія ея заслуживаютъ одинаковаго покровительства закона, какъ и всѣ другія произведенія духовнаго творчества въ области литературы и изящныхъ искусствъ. Въ этомъ смыслѣ на конгрессѣ въ Бернѣ въ 1896 году предположено было дополнить артиклъ 4-й Бернской конвенціи 1886 года, однако, къ сожалѣнію,

---

[1]) Albert Osterrieth, Die Geschichte des Urheberrechts in England, 1895 г., стр. 217 и слѣд., стр. 204—205.

вслѣдствіе возраженій со стороны подписавшихъ послѣднюю конвенцію делегатовъ Германіи, Британіи и Норвегіи, сославшихся на несогласимость проектированнаго дополненія съ ихъ внутреннимъ законодательствомъ, Парижскій актъ 4 мая 1896 г. не могъ утвердить назрѣвшее правосознаніе прогрессивнаго большинства во всей его совершенной полнотѣ и единообразіи на всемъ пространствѣ союза, но вынужденъ былъ принять форму компромиса, ограничительную, условную, несомнѣнно переходную, которая выразилась въ слѣдующемъ дополнительномъ къ артиклу 4-му конвенціи 1886 г. постановленіи: „Въ тѣхъ государствахъ Союза, въ которыхъ покровительство предоставлено не только планамъ архитектурнымъ, но еще и самымъ произведеніямъ архитектуры, произведенія эти пользуются защитою на основаніи постановленій Бернской конвенціи и настоящаго дополнительнаго акта“.

Изложеннымъ актомъ была нарушена та близорукая политика взаимодѣйствія законовъ, усвоенная во всѣхъ новѣйшихъ конвенціяхъ по авторскому праву, не исключая и Бернской, которая опредѣляется такъ наз. „системой наименѣе выгоднаго закона“, заключающейся въ томъ, что духовное произведеніе нигдѣ не можетъ пользоваться бо̀льшей защитой, чѣмъ на родинѣ своего творчества. Отказались отъ коснаго условія взаимности и такимъ образомъ на пространствѣ союза нынѣ существуютъ территоріи, на которыхъ архитектурныя произведенія вполнѣ охраняются противъ контрафакціи, между тѣмъ какъ эти самыя произведенія не пользуются полной защитой въ мѣстѣ ихъ первоначальнаго созданія. Такая политика безкорыстія и идейнаго прогресса, конечно, гораздо вѣрнѣе и скорѣе вызоветъ желательныя и назрѣвшія реформы въ отставшихъ государствахъ [1]).

---

[1]) Иначе, хотя и по другому поводу. разсуждали составители германскаго закона объ авторскомъ правѣ 1901 г. (§ 55), когда они, оставаясь вѣрными узко національному принципу закона 1870 г., вовсе лишили всякой защиты иностранныхъ авторовъ, издающихъ свои произведенія за границей, и обосновывали это положеніе именно тѣмъ, что въ противномъ случаѣ для государствъ, отказывающихъ нынѣ иностранцамъ въ защитѣ ихъ авторскихъ правъ, устранилось бы вся-

III.

„Архитекторъ—гласитъ цитированная уже нами ст. 28 приложенія къ ст. 420 (прим. 2) т. X, ч. 1, изд. 1900 г.—и другими отраслями изящныхъ искусствъ занимающійся художникъ... пользуется въ теченіе всей своей жизни такъ называемою собственностью художественною. Она состоитъ въ исключительномъ правѣ, ему лишь принадлежащемъ, повторять, издавать и размножать оригинальное свое произведеніе всѣми возможными способами, тому или другому искусству свойственными".

Статья эта, открывающая рядъ постановленій нашего X тома о правѣ „художественной собственности" предоставляетъ сіе право (которое мы предпочитаемъ [1]) называть правомъ авторскимъ) *художнику* только въ отношеніи *оригинальнаго* его произведенія, относящагося къ отрасли *изящныхъ искусствъ*; вмѣстѣ съ тѣмъ, приведенная статья опредѣляетъ и самое содержаніе предоставляемаго архитектору „исключительнаго права", указывая, въ чемъ оно именно „состоитъ".

кое побужденіе измѣнить свое законодательство въ интересахъ германскихъ авторовъ (объяснит. прим. 16-ое). Обоснованіе едва ли убѣдительное и могущее, вопреки намѣреніямъ косвеннаго воздѣйствія, лишь поддержать косность законодательствъ именно въ тѣхъ государствахъ, о сохраненіи исправительныхъ стимуловъ для коихъ столь заботились нѣмецкіе редакторы закона 1901 г., порѣшившіе того ради не только отложить признанное справедливымъ и желательнымъ усовершенствованіе своего собственнаго законодательства, но даже готовые, повидимому, поступиться въ данномъ случаѣ честью передоваго культуртрегерства, если бы таковое впрочемъ не предвосхищено было уже Франціей, Бельгіей и Люксембургомъ, принявшими резолюцію II-го нѣмецкаго съѣзда литераторовъ въ Висбаденѣ въ 1898 году объ уравненіи въ правѣ авторскомъ иностранцевъ съ подданными, *независимо* отъ бо́льшей или меньшей отсталости въ данномъ отношеніи другихъ государствъ.

[1]) Мы считаемъ положеніе, блестяще высказанное еще въ 1862 г. Прудономъ (Proudhon, Les Majorats littéraires, Oeuvres complètes, t. XVI, 1868 г.), что „литературная собственность есть очевидная нелѣпость" въ настоящее время уже совершенно обоснованнымъ въ научной литературѣ, а потому употребленіе тѣмъ не менѣе выраженія „литературная, музыкальная и художественная собственность" можетъ быть объяснено лишь желаніемъ не отступать отъ взглядовъ „добраго стараго времени". Возражать противъ этого нечего,—остается выждать время.

Означеннымъ двумъ вопросамъ, т. е. понятію охраняемаго правомъ авторскимъ архитектурнаго произведенія и опредѣленію содержанія и элементовъ самого права, присвояемаго закономъ художнику архитектурнаго творчества, мы и посвятимъ ближайшую бесѣду.

Отнюдь не всякое, конечно, зданіе должно быть признаваемо объектомъ авторскаго права строителя, но лишь такое строеніе, которое представляетъ собою произведеніе искусства, т. е., производитъ художественное впечатлѣніе на нормальное большинство людей, заражая послѣднихъ тѣми чувствами, которыя съ большею или меньшею степенью искренности, оригинальности и выразительности испыталъ и передалъ авторъ-зодчій. Этими необходимо присущими истинному вдохновенію творца-художника коренными свойствами и условіями зодчество художественное отличается отъ массы построекъ, являющихся результатомъ шаблонной работы ремесленнаго и механическаго типа, которыя имѣютъ своимъ единственнымъ назначеніемъ удовлетворять извѣстнымъ *матеріальнымъ* потребностямъ обывателей—и только. Само собой разумѣется, эти деревянные сундуки, каменныя кладки или металлическіе параллелограммы, съ отверстіями въ надлежащихъ, цѣлесоотвѣтственныхъ мѣстахъ, не могутъ быть объектомъ авторскаго права, ибо они не имѣютъ на себѣ никакихъ индивидуальныхъ чертъ строителя, не выражаютъ его *стиля*, вовсе не отмѣчены идеей его духовнаго творчества, возводящей ихъ въ „созданья искусствъ и вдохновенья“; они, понятно, составляютъ подавляющее большинство существующихъ и воздвигаемыхъ построекъ.

Однако, служба зданій цѣлямъ практическимъ самаго зауряднаго свойства можетъ соединяться и съ цѣлями несомнѣнно художественными, а потому утилитарное предназначеніе постройки не должно быть принимаемо за безусловный критерій для различенія построекъ, не дающихъ авторскаго права ихъ строителямъ, отъ зданій, особо охраняемыхъ закономъ, какъ произведеній художественныхъ.

Вѣдь, очевидно, и произведенія искусствъ вообще предназначаются во многихъ случаяхъ не единственно для ху-

дожественнаго впечатлѣнія, напротивъ, послѣднему нерѣдко удѣляется второстепенное значеніе и выдвигается на первый планъ назначеніе служить потребностямъ матеріальнымъ (напр., художественная утварь домашняго обихода), тѣмъ болѣе въ области архитектурнаго искусства: здѣсь творческое открытіе можетъ быть сдѣлано въ двухъ попутныхъ направленіяхъ, въ разрѣшеніи какъ художественной, такъ и технической проблемъ зодчества.

Задачи художественнаго впечатлѣнія и цѣли практическаго служенія, сантиментальный, по крайней мѣрѣ эстетическій эффектъ и утилитарная цѣлесообразность взаимно переплетаются въ совершеннѣйшихъ произведеніяхъ архитектуры, которыя представляютъ собою взаимное проявленіе артистическаго и техническаго творчества въ счастливомъ художественномъ согласованіи и сочетаніи современныхъ требованій технологіи, гигіены, жизненныхъ нуждъ и домашняго удобства съ конкретными условіями природы, климата, вѣрованіями, обычаями, культурой каждаго народа.

Итакъ, вопросъ объ авторскомъ правѣ, съ одной стороны, вовсе не относится къ безчисленнымъ постройкамъ, возведеннымъ *исключительно* съ утилитарными цѣлями, но ограничивается покуда крайне тѣснымъ кругомъ зданій *художественныхъ*; съ другой стороны, въ числѣ послѣднихъ авторское право распространяется также на тѣ зданія, которыя предназначены и для опредѣленной цѣли утилитарной, лишь бы они не были лишены, съ тѣмъ вмѣстѣ, цѣлей художественныхъ, а не только единственно на тѣ, которыя воздвигнуты именно какъ произведенія искусства прежде всего и составляютъ ту каменную „изящную литературу“, ту по выраженію Виктора Гюго [1]), записную книгу человѣчества, которая, будучи до XV вѣка главною, не закрылась и послѣ оттѣсненія „каменныхъ буквъ Орфея свинцовыми Гуттенберга“, не закрылась для вдохновенныхъ грамотеевъ зодчества, вносящихъ искони и поднесь въ сію памятную книгу черты современности, символы и идеалы своего вѣка и народа, проявленія своего генія. . .

[1]) Notre Dame de Paris.

Само собою разумѣется, что къ категоріи подлежащихъ охраненію правомъ авторскимъ архитектурныхъ произведеній слѣдутъ относить не одни только зданія, дворцы, церкви и другія, предназначенныя къ пребыванію человѣка, постройки, но также и тріумфальныя арки, гробницы, памятники, монументальные фонтаны, группы; при этомъ сюда же относятся и придаточная орнаментика, въ видѣ украшеній изъ мрамора, бронзы, камня и металла, посколько орнаменты представляются неотдѣлимыми отъ главнаго сооруженія, какъ напр., статуи, употребленныя вмѣсто колонъ (каріатиды), наоборотъ, статуя въ нишѣ является, конечно, произведеніемъ чистой скульптуры.

Далѣе, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то, что и не каждое *художественное* произведеніе зодчества само по себѣ непремѣнно обусловливаетъ возникновеніе авторскаго права въ лицѣ его строителя; нерѣдко, напротивъ, возведеніе даннаго художественнаго зданія является нарушеніемъ уже существующаго авторскаго права другого архитектора, или же воспроизведеніемъ прежней архитектуры (напр., безчисленныя подраженія римскому собору св. Петра въ Италіи, Франціи, Испаніи, Германіи и даже у насъ), хотя за давностью лѣтъ и потерявшей свою законную охрану, но тѣмъ не менѣе не возстанавливающей вновь таковой въ лицѣ зодчаго—киниста или подражателя, а представляющей уже общее достояніе для свободнаго копированія и подраженія.

Наконецъ, по вѣрному замѣчанію В. В. Стасова [1]), и „новость“ не есть еще единственное и настоящее мѣрило творчества въ искусствѣ. И нашему дѣйствующему закону, именно положенію о привилегіяхъ на изобрѣтеніе и усовершенствованія 20 мая 1896 года, уже извѣстно требованіе, чтобы изобрѣтеніе обладало *существенною* новизною (ст. 3 и ст. 4 п. д.) [2]). Точно также и въ архитектурномъ искусствѣ необходима *существенная новизна*, ибо вѣдь можетъ

---

[1]) Искусство въ XIX в., Архитектура, глава X, стр. 223.

[2]) Въ русской литературѣ новѣйшее изслѣдованіе этого признака и вообще понятія творчества принадлежитъ талантливому перу Приватъ-Доцента СПБ. Университета Ал. Пиленка въ его интересномъ трудѣ „Право Изобрѣтателя“, т I, 1902 г. §§ 86, 88, 97 и 103.

быть и такъ, что архитектурное произведеніе, хотя и внушаетъ впечатлѣніе чего-то новаго вслѣдствіе добавленій къ заимствованному, но за отсутствіемъ у архитектора лично пережитыхъ эмоцій, за неизвѣданностью особенныхъ индивидуальныхъ чувствъ, неспособности въ потугахъ мнимаго творчества ихъ вызвать и передать другимъ,—не превышаетъ средняго уровня обыкновенной технической работы, составляя лишь блѣдный, безсильный, безхарактерный, „хладнокровный“ продуктъ нѣсколько измѣненной комбинаціи существующихъ данныхъ изъ безконечнаго изобилія учебнаго и художественнаго матеріала, нѣсколько своеобразнаго примѣненія общихъ законовъ строительства, воспроизведеніе извѣстныхъ образцовъ архитектурной схоластики, простой результатъ практическаго опыта въ рѣшеніи архитектурной задачи со всѣми извѣстными пріемами „поддѣлки подъ искусство“, безъ малѣйшаго проявленія искренняго чувства, оригинальности, фантазіи художника, его творческаго вдохновенія.

Искусство, по глубокому замѣчанію Льва Толстого [1]), есть одинъ изъ двухъ органовъ прогресса человѣчества: черезъ слово человѣкъ общается мыслью, черезъ образы искусства онъ общается чувствомъ со всѣми людьми не только настоящаго, но прошедшаго и будущаго. Искусство переводитъ религіозное, нравственное, разумное, жизненное сознаніе людей въ чувство. Въ области искусства творчество выражается именно въ проявленіи, въ воплощеніи испытанныхъ лично художникомъ чувствъ и настроеній въ опредѣленной формѣ и притомъ съ такой оригинальностью, съ такою силою искренности и выразительности, что чувства эти возбуждаются въ постороннихъ людяхъ, воспринимающихъ запечатлѣнное творчествомъ художественное произведеніе, переживаются ими. Чувства, идеи, мечты, фантазіи, самыя разнообразныя—значительныя и ничтожныя, дурныя и хорошія, веселыя и грустныя вырабатываются всею совокупностью духовныхъ силъ художника, въ творчествѣ неуловимо выходящихъ за предѣлы заурядной дѣятельности человѣческаго

---

[1]) Что такое искусство, соч., т. XIV, стр. 351.

интеллекта и психики по своеобразію и оригинальности ихъ дѣйствія, по силѣ искренности и рельефности проявленія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности или по силѣ напряженія и гармоніи ихъ вкупѣ.

Такимъ образомъ творчество, будучи квалифицированнымъ проявленіемъ индивидуальности даннаго автора, выражая чисто-личную особенность, глубину и широту, мощь и величіе, страстность и спокойствіе, суровость и нѣжность и т. д. чувствъ, настроенія, мыслей художника по самой природѣ своей отличается *оригинальностью, существенною новизною.* Истинный художникъ творитъ, проявляется своимъ особеннымъ, ему одному свойственнымъ способомъ, такъ что каждое произведеніе искуства есть „внесеніе новаго чувства, новаго впечатлѣнія въ обиходъ жизни“ [1]). Вѣдь разъ художникъ воспроизводитъ что-либо ему извѣстное, передаетъ воспринятое имъ чужое, то онъ уже не „творитъ“, не авторствуетъ, но копируетъ, подражаетъ или пародируетъ.

Изъясненная новизна творчества для самого творца-художника—новизна *субъективная* — обыкновенно бываетъ и новизною *объективною*, т. е. новизною для внѣшняго міра, которая въ свою очередь можетъ быть абсолютною—для всей земли, или относительною—для даннаго мѣста, населенія и времени. Едва-ли не излишне особо останавливаться на анекдотически рѣдкихъ случаяхъ тождества у двухъ вдохновенныхъ творцовъ (положимъ разновременныхъ, разномѣстныхъ, разноплеменныхъ) какъ качества и количества самыхъ духовныхъ силъ, такъ равно и постановки, разрѣшенія и исполненія темы или заданія творчества. Эти условія, какъ видно, слишкомъ многосложны для того, чтобы можно было особенно настаивать на необходимости ограниченія требованія новизны въ творчествѣ только стороною субъективною [2]). Тождество произведеній истиннаго творчества—явленіе невѣроятно исклю-

---

[1]) Тамъ же, стр. 295.

[2]) Contra—А. Пиленко (Право изобрѣтателя, т. I, стр. 292—293), хотя, повидимому, только съ точки зрѣнія методологической и терминологической (стр. 286—287), въ практическомъ же результатѣ выводы сходны (стр. 324 прим. 2 и §§ 102 и 103).

чительное; новизна же, своеобразіе, оригинальность, индивидуальный стиль творчеству—особенно художественному—естественно присущи.

Конечно, въ чрезвычайныхъ до невѣроятности случаяхъ самостоятельнаго, добросовѣстнаго, полнѣйшаго тождества въ творчествѣ разныхъ художниковъ нельзя не признавать этого творчества за обоими художниками, т. е. и за позднѣйшимъ по времени обнаруженія, но, съ другой стороны, тѣмъ не менѣе, такой запоздавшій художникъ-творецъ не долженъ уже пользоваться преимуществами юридически защищеннаго автора по нижеслѣдующимъ соображеніямъ, практическимъ и правнополитическимъ: Во-1-хъ, упомянутые случаи исключительно рѣдки, почти невѣроятны; во-2-хъ, доказываніе субъективной новизны творчества представляетъ непреодолимыя трудности, особенно въ виду современнаго развитія всяческихъ общедоступныхъ способовъ взаимнаго общенія; въ 3-хъ, предусматриваніе въ законѣ означенныхъ случаевъ открываетъ широкую возможность для неустранимыхъ и неуловимыхъ злоупотребленій признакомъ субъективной новизны въ цѣляхъ прикрытія явнаго заимствованія; въ 4-хъ, если нельзя требовать абсолютной новизны отъ творца-художника, то ему, по справедливости, можно вмѣнить въ вину отсутствіе въ его творчествѣ *относительной* новизны—для *даннаго* времени, мѣста, общества, а слѣдовательно и для мѣстнаго жюри экспертовъ, призванныхъ опредѣлять художественное свойство произведенія, ибо авторъ въ случаѣ обнаруженнаго тождества долженъ сознавать, что онъ платится за свою собственную неосвѣдомленность, особенно непростительную въ сферѣ спеціализаціи каждаго: vigilantibus ius civile scriptum est!

Наконецъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ и тотъ фактъ, что обнаруженное тождество и происходящій вслѣдствіе того ущербъ для запоздавшаго, нелюбознательнаго, безпечнаго автора составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ невознаградимый ущербъ для цѣлаго общества въ смыслѣ напрасной, непроизводительной затраты духовныхъ и матеріальныхъ силъ на произведеніе уже извѣстнаго, существующаго, доступнаго

эффекта, на ихъ нулевой результатъ въ итогѣ производства. Поэтому законодательство должно косвенно предупреждать возможность появленія указанныхъ случаевъ тождества отказомъ въ охранѣ запоздалаго творчества, но отнюдь не вознаграждать запоздавшаго автора на счетъ автора, предупредившаго послѣдняго, или на счетъ общества, для котораго данное художественное произведеніе стало уже общественнымъ достояніемъ.

Въ дополненіе и заключеніе изложеннаго объ основныхъ условіяхъ возможности примѣненія института авторскаго права къ произведеніямъ зодчества неизлишне еще въ особенности замѣтить, что вообще переходъ отъ работы, хотя бы технически совершенной, къ творчеству вдохновенному, какъ бы мало послѣднее ни было, не поддается, конечно, описанію его точными признаками [1]). Въ этомъ отношеніи вѣрнымъ представляется то изреченіе русскаго живописца Брюлова, объ искусствѣ, которое не разъ приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ Левъ Толстой [2]). Поправляя этюдъ ученика, Брюловъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ чуть тронулъ его, и плохой мертвый этюдъ вдругъ ожилъ. „Вотъ, *чуть-чуть* тронули, и все измѣнилось“, сказалъ одинъ изъ учениковъ.—„Искусство начинается тамъ, гдѣ начинается *чуть-чуть*“, отвтиѣлъ Брюловъ, выразивъ этими словами самую характерную черту искусства. Для того, чтобы и архитектурное произведеніе внушало художественное впечатлѣніе, заражало обозрѣвающихъ тѣми же чувствами, которыя испытывалъ и которыми вдохновлялся авторъ,—необходимо, чтобы послѣдній произвелъ именно то неизвѣстное до сего времени „чуть-чуть“, постигнулъ, открылъ, нашелъ тѣ безконечно малые моменты, изъ коихъ складывается произведеніе искусства, которые создаютъ совершенство архитектуры. Всѣ подобнаго рода вопросы и сомнѣнія не могутъ быть предрѣшены конечно закономъ, но должны быть разрѣшаемы компетентною критикою и судьями при содѣйствіи экспертовъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

---

[1]) В. Спасовичъ, Права авторскія, стр. 102.

[2]) Назв. соч. Л. Толстого, стр. 295.

Итакъ, достаточно для признанія за художникомъ авторскаго права, если архитектурное произведеніе, индивидуализируется какъ искусство проявленіемъ оригинальности, искренности и выразительности вдохновлявшихъ автора чувствъ, идей и фантазіи, даетъ въ результатѣ то существенно новое художественное впечатлѣніе обозрѣвающему, которое свидѣтельствуетъ о проблемѣ зараженія, внушенія, передачи другимъ людямъ испытанныхъ творцомъ-зодчимъ чувствъ и сознанныхъ идей,—задачѣ самостоятельно и своеобразно поставленной, разрѣшенной и осуществленной во внѣшней формѣ,—и является такимъ образомъ произведеніемъ истиннаго искусства, само собой логически не вытекающимъ, не представляющимся въ первоначальномъ достиженіи общедоступнымъ, но бывшимъ до сего творчества тѣмъ неизвѣстнымъ, открытіе [1]) котораго требовало особо квалифицированныхъ силъ духовной дѣятельности автора. Само собой разумѣется, вовсе не требуется проявленія творчества въ наивысшей степени для того, чтобы признать за творцомъ авторское право, ибо законъ служитъ не только и не столько для охраны генія, который, кстати сказать, едва ли и нуждается въ такой защитѣ; сколько для того, чтобы всякое архитектурное произведеніе, въ которомъ обнаружилась творческая дѣятельность въ вышеизъясненномъ смыслѣ, направленная къ передачѣ наибольшему количеству людей возникшихъ въ авторѣ чувствъ и мыслей, было охраняемо закономъ—предоставленіемъ зодчему авторскаго права.

Только съуженіе предѣловъ защиты архитектурныхъ произведеній до указанныхъ размѣровъ соотвѣтствуетъ какъ интересамъ автора, такъ и общества. Покровительство со стороны закона всякимъ архитектурнымъ произведеніямъ, не составляющимъ искусства, извратило бы совершенно институтъ авторскаго права и не оправдывало бы его примѣненіе къ произведеніямъ зодчества ни въ какомъ отношеніи.

---

[1]) P. Alexander—Katz, Die geistige Arbeit der deutschen Architekten, 1896 г., стр. 26; Ал. Пиленко, Право изобрѣтателя, т. I, стр. 280—282, 329—331.

IV.

Обратимся теперь къ опредѣленію *содержанія* авторскаго права на произведенія зодчества, какъ личнаго права исключительнаго господства надъ произведеніями его духовнаго творчества въ области архитектуры. Перечисленіе въ законѣ лишь отдѣльныхъ правомочій автора, безъ всякаго общаго положенія, даетъ основаніе [1]) къ заключенію, что законодатель хотѣлъ ограничить содержаніе авторскаго правоинститута именно только указанными правомочіями. Между тѣмъ *исчерпывающее* переименованіе отдѣльныхъ составныхъ элементовъ содержанія еще не завершившагося въ своемъ образованіи авторскаго права въ законѣ невозможно и потому вообще попытки подобнаго перечня нежелательны, дабы не преграждать для правовой жизни дальнѣйшаго развитія отдѣльныхъ правомочій, долженствующихъ вполнѣ обезпечить [2]) автору не только возможныя матеріальныя прибыли, но и духовныя благопріобрѣтенія въ отношеніи славы и чести автора, а также—осуществленіе его научныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ намѣреній и цѣлей.

Однако дѣйствующій законъ нашъ „о правѣ художественной собственности“ (ст. 28—40 прилож. къ ст. 420 (прим. 1) т. X ч. 1), равно какъ и проектъ Высочайше учрежденной Редакціонной Коммисіи по составленію гражданскаго уложенія (книга третья, ст. 577—587 (564—574) не даютъ какого либо опредѣленія содержанія авторскаго права ни вообще, ни одного изъ видовъ его—художественнаго въ частности. Въ этомъ отношеніи ст. 578 (565) проекта воспроизводитъ лишь съ нѣкоторыми измѣненіями ст. 28 дѣйствующаго закона, который вмѣсто того, чтобы опредѣлить общимъ образомъ содержаніе художественнаго авторскаго права, какъ исключительнаго права распоряженія произведеніемъ творчества во всѣхъ юридически признанныхъ отношеніяхъ, перечи-

---

[1]) Fritz van Calker, Kritische Bemerkungen zu dem Entwurf eines Gesetzes betreffend das Urheberrecht, 1900 г., стр. 16.

[2]) Otto Gierke, Deutsches Privatrecht, Bd. I. 1895 г., стр. 767.

сляетъ только отдѣльные виды исключительнаго пользованія произведеніемъ искусства, при этомъ—не въ примѣрной, какъ бы слѣдовало, а въ перечневой редакціи. Между тѣмъ едва ли не представляется совершенно очевиднымъ, что употребленныя какъ въ проектѣ, такъ и въ законѣ выраженія: „повторять, издавать и размножать“ не обнимаютъ даже такихъ существенныхъ элементовъ права авторскаго, какъ исключительное право оглашенія (опубликованіе архитектурныхъ плановъ), распространенія (копій), измѣненія даннаго художественнаго произведенія (охрана противъ пародій), неотъемлемое право авторства (честь и слава) и др. Вообще ст. 28 (578 проекта) отъ начала до конца вся проникнута единственно соображеніемъ имущественной выгоды, барыша, тогда какъ личный элементъ авторскаго права, признанный въ настоящее время не только наукой, но и законодательствами, притомъ отчасти нашими законами (см. т. XVI ч. 1 устава гражд. судопроизводства, ст. 1040—1042 и ч. 2 того же тома, положеніе о взысканіяхъ гражданскихъ, ст. 354—356), и судебной практикой, не нашелъ себѣ мѣста въ разсматриваемыхъ статьяхъ закона и проекта, хотя въ отдѣльныхъ постановленіяхъ послѣдняго личный элементъ само собой проявился въ значительной мѣрѣ (напр., ст. 551 (538), 555 (542) и др.).

Итакъ, de lege ferenda представлялось бы болѣе цѣлесообразнымъ, въ отступленіе отъ дѣйствующей ст. 28, дать въ ст. 578 (565) проекта общее опредѣленіе содержанія художественнаго авторскаго права, иллюстрировавъ его въ интересахъ ясности и полноты примѣрнымъ (а не мнимо-исчерпывающимъ) указаніемъ существенныхъ элементовъ въ отдѣльности. При этомъ надлежало бы, по образцу австрійскаго закона 1895 г., особенно выдвинуть общее для всѣхъ видовъ авторства право публично оглашать свое произведеніе какимъ бы то ни было способомъ и воспрещать другимъ лицамъ таковое оглашеніе безъ спеціальнаго согласія автора. Именно въ этомъ признаніи за авторомъ исключительнаго права оглашать, когда, гдѣ и какъ ему заблагоразсудится, или вовсе не оглашать свое художественное произведеніе, между прочимъ, проявляется личный элементъ авторскаго права, защита духовныхъ интересовъ автора.

Что касается главнѣйшихъ *элементовъ* содержанія авторскаго права, то уже въ цитированныхъ нами не разъ статьяхъ 28 приложенія къ ст. 420 (прим. 2) т. X ч. 1 и 578 (565) проекта Высочайше учрежденной Редакціонной Коммисіи по составленію гражданскаго уложенія (книга третья) автору-художнику предоставляется *исключительное право повторять, издавать и размножать* оригинальное свое произведеніе *„всѣми возможными способами“* съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что послѣдніе должны быть *свойственными тому роду изящныхъ искусствъ, къ которому относится художественное произведеніе.*

Установленное этими статьями запрещеніе—повторять, размножать или издавать не только тѣмъ же самымъ способомъ, но и другими способами, относящимися къ одному и тому же роду искусства, правильно мотивируется въ объяснительной запискѣ къ проекту (т. III, стр. 443) тѣмъ, что всѣ произведенія одного и того же рода искусства, при повтореніи ихъ въ другой отрасли *того же рода* искусства, имѣютъ между собой извѣстное сходство, устраняющее возможность признанія самостоятельной, творческой дѣятельности художника при ихъ повтореніи, которая одна можетъ служить законнымъ основаніемъ возникновенія авторскаго права. При всемъ этомъ однако въ отношеніи произведеній зодчества дѣлается въ объясненіяхъ проекта особая оговорка, что этотъ родъ художественныхъ произведеній не имѣетъ отраслей, подобно, напримѣръ, живописи: масляная картина, акварель, рисунокъ карандаша, гравюра, фотографія и проч., или—ваянію: статуя, бюстъ, барельефъ, медаль и др.; а потому и рѣчь можетъ быть лишь о незаконномъ повтореніи произведеній зодчества безъ всякихъ измѣненій или съ измѣненіями, столь несущественными, что и при наличности ихъ самое повтореніе должно быть признано самовольнымъ, недопускаемымъ закономъ.

Слѣдовательно, мнимо-широкая формулировка исключительнаго права художника размножать свое произведеніе „всѣми возможными способами“, вслѣдствіе пристегнутыхъ ограничивающихъ ее словъ: „тому или другому искусству свойствен-

ными", теряетъ въ отношеніи архитектурныхъ произведеній свое практическое значеніе, предоставляя зодчему изъ „всѣхъ возможныхъ способовъ" пользованія произведеніемъ своего творчества, только единственный, весьма рѣдко въ дѣйствительности осуществляемый самимъ авторомъ, способъ—повтореніе архитектурнаго произведенія въ архитектурѣ же.

Такое ограниченіе правомочій автора-художника вообще и архитектора въ особенности вовсе не соотвѣтствуетъ ни происшедшимъ за послѣднее время измѣненіямъ и усовершенствованіямъ въ техникѣ изобразительныхъ искусствъ, когда сдѣлался возможнымъ точнѣйшій механическій переносъ пластическаго искусства на плоскость, почти безъ всякаго приложенія артистической дѣятельности [1]),—ни современнымъ взглядамъ на искусство, въ виду которыхъ едва ли не представляется несомнѣннымъ, что весьма распространенныя нынѣ линеарныя изображенія шедевровъ зодчества (равно какъ и пластическія, въ миніатюрѣ—модели), служа выраженію того же чувства, которое ставилъ себѣ цѣлью архитекторъ-авторъ, перевоплощаютъ лишь иными средствами ту же оригинальную идею зодчаго и въ той же своеобразной внѣшней комбинаціи извѣстныхъ данныхъ. Поэтому здѣсь проявленію творчества лицъ, воспроизводящихъ данное архитектурное произведеніе способами, хотя бы и не „свойственными тому роду изящныхъ искусствъ, къ которому относится художественное произведеніе", не остается вовсе мѣста, такъ какъ, какова бы ни была личная дѣятельность воспроизводителей, она все же является до извѣстной степени пассивной, носитъ характеръ технической работы и во всякомъ случаѣ, не выходя за предѣлы заурядной дѣятельности человѣческаго интеллекта, не требуетъ проявленія тѣхъ квалифицированныхъ силъ духовнаго напряженія автора, которыя только и могутъ, *открывая* нѣчто новое въ области воспріятія и передачи испытанныхъ чувствъ, создать оригинальное художественное произведеніе, долженствующее, какъ таковое, быть охраненнымъ нормами авторскаго права.

---

[1]) Ал. Пиленко, Право, 1899 г., № 18, столб. 918–919.

Воспроизведеніе оригинала въ той же формѣ, вообще весьма рѣдкое въ искусствахъ изобразительныхъ, въ архитектурѣ совсѣмъ почти не случается потому, что не только художникъ всегда предпочитаетъ посвящать свои силы новому творчеству, но и заказчикъ обыкновенно стремится затратить свои деньги, въ архитектурныхъ постройкахъ всегда весьма значительныя, на новое произведеніе творческаго вдохновенія, а не на общеизвѣстную копію. Злоупотребленія дѣлаются лишь со стороны неодаренныхъ вдохновляемостью архитекторовъ, которые выдаютъ свои заимствованія, часто искаженіемъ замаскированныя, за произведенія собственнаго творчества.

Такимъ образомъ запрещеніе воспроизводить художественное твореніе именно лишь въ той же самой формѣ, въ которой оно создалось, представляясь необходимымъ въ предупрежденіе случаевъ дерзкой контрафакціи или наглаго плагіата, не имѣетъ иного практическаго интереса, кромѣ развѣ личнаго, заключающагося въ установленіи неотъемлемости славы архитектурнаго творчества отъ самого автора, въ предохраненіи его отъ искаженій подражателями, и наконецъ лишь въ рѣдкомъ случаѣ—интереса имущественнаго—въ предоставленіи автору возможности обусловить согласіе на воспроизведеніе уплатою авторскаго гонорара.

Слѣдовательно, всякія перенесенія художественнаго произведенія изъ области пластики на плоскость и обратно, поскольку, конечно, въ нихъ не проявилось новое, самостоятельное творчество, существенно отличное отъ оригинала, правильнѣе было бы считать нарушеніемъ авторскаго права художника, ибо такимъ переносомъ, кромѣ нарушенія личныхъ правъ, художнику-автору несомнѣнно причиняется значительный убытокъ [1]), лишеніемъ тѣхъ имущественныхъ выгодъ, которыя даетъ изданіе и распространеніе данной, художественно разработанной концепціи въ различныхъ видахъ изобразительнаго воспроизведенія, механически или хотя бы и отъ руки, точно воплощающихъ художественную сущность и составляющихъ при развитіи современной техники и эсте-

---

[1]) Alexander-Katz, Die geistige Arbeit, стр. 22 и слѣд.

тическихъ потребностей немаловажную отрасль рыночнаго сбыта. Едва ли справедливо открывать всякому возможность, въ явный ущербъ художнику-автору, извлекать барыши фотографированіемъ, гравированіемъ и инымъ линеарнымъ способомъ размноженія художественныхъ произведеній трехъ измѣреній, или хотя бы уменьшать таковые барыши автора-художника безмезднымъ распространеніемъ означенныхъ изображеній. Это въ особенности было бы несправедливо по отношенію къ архитектору, художественное творчество котораго, какъ мы видѣли, не знаетъ разныхъ способовъ воспроизведенія въ 3-хъ измѣреніяхъ. Самое бо̀льшее ограниченіе, которое возможно здѣсь допустить, это разрѣшеніе снимковъ, хотя бы и на продажу, даннаго художественнаго произведенія въ общемъ живописномъ видѣ той мѣстности, въ которой оно расположено съ тѣмъ, чтобы воспроизведеніе художественнаго зданія составляло только второстепенную, акцессорную принадлежность общаго вида; воспроизведеніе же оригинальнаго произведенія архитектуры *въ отдѣльномъ* линеарномъ изображеніи или какъ *главный* предметъ всего снимка должно [1]) принадлежать исключительному праву автора и только послѣднимъ можетъ быть разрѣшено третьимъ лицамъ. Соотвѣтственное правило постановлено въ новомъ датскомъ законѣ 19 декабря 1902 г. объ авторскомъ правѣ на произведенія литературы и искусства, въ § 31 ч. 2 [2]).

Изложенное положеніе, что право воспроизведенія, принадлежащее архитектору-автору, обнимаетъ не только воспроизведеніе матеріальное, но и всякій способъ воспроизведенія, каковъ бы онъ ни былъ („tout mode de reproduction, quel qu'il soit"), принято было единодушно конгресомъ de la Société centrale въ Парижѣ уже въ 1881 г., засимъ особенно детально разработано въ особыхъ заключеніяхъ испанскаго архитектора Marin Baldo, вполнѣ одобренныхъ конгрессомъ въ Мадридѣ въ 1887 г. (организованнымъ при посредствѣ L'Association littéraire et artistique internationale), и въ наиболѣе общей формѣ

---

[1]) E. Gairal, Les oeuvres d'art et le droit, 1900 г., стр. 208—209.
[2]) См. выше, стр. 312.

выражено артистическимъ Конгрессомъ въ Парижѣ въ 1889 г., пожеланіе котораго гласитъ: „необходимо признать контрафакціей всякія произведенія и подражанія, передающія произведенія искусства посредствомъ иного процесса и матеріаловъ, чѣмъ тѣ, которые употреблены были для изданія оригинала".

Въ связи съ вопросомъ о правѣ повторенія чужихъ построекъ находится и вопросъ о правѣ возведенія построекъ и сооруженій по чужимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ. Архитектурные и другіе техническіе планы, рисунки и чертежи прежде всего, сами по себѣ, являются объектами литературной или художественной собственности, смотря потому конечно, заключается ли цѣль и назначеніе такихъ произведеній въ служеніи извѣстному знанію, удовлетворяющему потребностямъ научнымъ, педагогическимъ, техническимъ и т. под., или—въ удовлетвореніи эстетическому чувству. Поэтому автору принадлежитъ исключительное право на изданіе, повтореніе и размноженіе ихъ.

Но архитектурные планы, чертежи и рисунки имѣютъ и другое, спеціально здѣсь интересующее насъ значеніе: по нимъ возводятся самыя постройки. Авторъ архитектурнаго творчества, выраженнаго пока лишь въ планахъ и чертежахъ, какъ и всякій авторъ вообще, долженъ имѣть исключительное право всесторонне воспользоваться результатомъ своего умственнаго труда и художественнаго дарованія. Онъ можетъ осуществить свое исключительное право двоякимъ образомъ, а именно: посредствомъ изданія своихъ чертежей, плановъ и рисунковъ и, кромѣ того, посредствомъ воспроизведенія этихъ плановъ въ постройкахъ. Строго говоря, только послѣднимъ путемъ, посредствомъ перенесенія своего архитектурнаго произведенія изъ абстрактныхъ линій въ форму трехъ измѣреній, изъ плоскости въ пространство, архитекторъ осуществляетъ на самомъ дѣлѣ истинное назначеніе и настоящій смыслъ архитектурнаго творчества. Поэтому понятно, что архитектурные чертежи, планы и рисунки по самому свойству своему преимущественно предназначены для воспроизведенія въ постройкахъ, которое является такимъ образомъ

главнѣйшимъ способомъ осуществленія авторомъ-зодчимъ своего исключительнаго права на нихъ, тѣмъ болѣе, что воспроизведеніе въ постройкахъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшій матеріальный и личный интересъ архитектора.

Въ виду изложеннаго представляется несомнѣннымъ, вытекающимъ изъ самаго существа архитектурнаго авторскаго права положеніе, что архитектурные чертежи, планы и рисунки не могутъ быть воспроизведены въ постройкахъ безъ согласія автора, причемъ не имѣется никакихъ основаній предполагать таковое согласіе въ простомъ фактѣ опубликованія означенныхъ плановъ, чертежей и рисунковъ, ибо послѣднее является лишь общимъ способомъ осуществленія своего авторскаго права авторомъ литературнаго или художественнаго произведенія путемъ печати или вообще размноженія его другими способами, и вовсе не заключаетъ въ себѣ отказа отъ присущаго автору-зодчему исключительнаго права на возведеніе по нимъ построекъ.

Дѣйствующій у насъ законъ (п. 4 ст. 37 приложенія къ ст. 420 (прим. 2) т. X, ч. 1.) въ совершенно вразумительной редакціи, какъ уже мы доказывали [1]), категорически воспрещаетъ въ пунктѣ а) „построеніе общественнаго или частнаго зданія по чужому плану или фасаду“, причемъ не дѣлаетъ никакого различія, опубликованъ ли планъ авторомъ или нѣтъ, повидимому имѣя прежде всего въ виду планъ уже опубликованный, какъ случай простѣйшій, не осложненный особымъ нарушеніемъ довѣрія, похищеніемъ и проч. Мало того, законъ нашъ воспрещаетъ не только построеніе по чужимъ планамъ и проектамъ, но даже, какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго пункта б),—снятіе и изданіе копій съ чужихъ проектовъ, однако лишь до тѣхъ поръ, пока зданія еще не выстроены, хотя бы проекты и были уже опубликованы, такъ какъ вѣдь всякому построенію необходимо, конечно, предшествуетъ опубликованіе проектовъ, которые имѣютъ свою, такъ сказать, полицейскую цензуру и иныя инстанціи предварительнаго утвержденія. Итакъ, во всякомъ случаѣ по

[1]) См. выше, стр. 309—310.

дѣйствующему праву воспроизведеніе построекъ по чужимъ планамъ и проектамъ, безразлично — опубликованнымъ или нѣтъ—воспрещается безусловно.

Изложенное положеніе нашего X тома вполнѣ соотвѣтствуетъ, какъ мы только что объяснили, самому существу архитектурнаго авторскаго права, а потому, казалось бы, должно быть сохранено и въ новомъ законопроектѣ.

Иначе порѣшили члены Высочайше учрежденной Редакціонной Коммисіи по составленію гражданскаго уложенія, во измѣненіе защищаемаго нами положенія X тома, они проектировали ст. 587 (574), по которой „каждый можетъ производить постройки и сооруженія по опубликованнымъ авторомъ архитектурнымъ инженернымъ или другимъ техническимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ, если авторъ при самомъ опубликованіи не оговорилъ, что такое право онъ сохраняетъ за собою“. Мотивируется предположенное новшество въ объясненіяхъ къ ст. 587 (574) (т. III, книги третьей, стр. 451) тѣмъ, что исключительное право автора производить постройки и сооруженія по своимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ *мѣняетъ свой характеръ* послѣ опубликованія ихъ авторомъ и самый фактъ опубликованія *какъ бы* указываетъ на то, что авторъ, дѣлая ихъ общедоступными, *тѣмъ самымъ не желаетъ сохранить* за собою исключительное право на возведеніе по нимъ построекъ и сооруженій.

Очевидно Редакціонная Коммисія придаетъ совершенно особое значеніе опубликованію плановъ, чертежей и рисунковъ автора, упуская однако изъ виду, что это опубликованіе составляетъ не болѣе какъ только естественный способъ изданія въ свѣтъ и распространенія всякаго литературнаго или художественнаго произведенія, выраженнаго на плоскости, и потому отнюдь не должно само по себѣ имѣть ограничивающее значеніе для спеціальной области архитектурнаго авторскаго права, именно—парализовать исключительность права автора-зодчаго воспроизводить въ постройкахъ продуктъ своего архитектурнаго творчества. Право это и послѣ опубликованія нисколько не мѣняетъ „своего характера“, остается по прежнему исключительнымъ до тѣхъ

поръ, пока оно не будетъ отчуждено или иначе предоставлено самимъ авторомъ другимъ лицамъ или, наконецъ, пока не истечетъ ему установленный закономъ срокъ дѣйствія авторскаго права вообще.

Кстати отмѣтимъ, что редакторы проекта гражданскаго уложенія сами себѣ противорѣчатъ въ своихъ объясненіяхъ, съ одной стороны, на стр. 434 (т. III, книги 3-ей) совершенно правильно признавая, что „авторское право на произведенія архитектурныя должно быть охраняемо отъ всякихъ нарушеній, а потому *уже построенныя зданія не могутъ быть повторяемы безъ согласія архитектора*“, съ другой же стороны, напротивъ, на стр. 451 (тамъ же), разрѣшая каждому производить впервые постройки по чужимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ, какъ только послѣдніе опубликованы авторомъ-зодчимъ, хотя бы онъ самъ и не воспроизвелъ еще своего творчества въ зодчествѣ, т. е. не воплотилъ его въ формѣ 3-хъ измѣреній, въ пространствѣ.

Въ отношеніи архитектурнаго авторскаго права опубликованію плановъ, чертежей и рисунковъ можно придавать развѣ значеніе объявленія офферты принять заказъ на постройку по опубликованному проекту или предложеніе продать этотъ проектъ,—не болѣе, но никоимъ образомъ не слѣдуетъ усматривать въ этомъ опубликованіи отказа автора отъ сохраненія за собою исключительнаго права на возведеніе по этому проекту построекъ и сооруженій. Что же касается требованія проектомъ особой оговорки при самомъ опубликованіи плановъ, чертежей и рисунковъ, въ случаѣ если бы авторъ желалъ сохранить за собою исключительное право возводить по нимъ постройки, т. е. для уничтоженія проектируемой противоположной praesumptio juris et de jure, то очевидно всѣ авторы-зодчіе будутъ всегда, на всякій случай, предохранять себя указанной оговоркой и такимъ образомъ практически все предположенное новшество явится мертворожденнымъ и сведется только къ излишнимъ стѣсненіямъ, уже не говоря о его логической непослѣдовательности.

Отвергая по изложеннымъ основаніямъ первую часть ст. 587 (574) проекта, нельзя не одобрить второй части той же

статьи, по которой „пріобрѣвшій отъ автора техническіе планы, чертежи и рисунки имѣетъ право, за отсутствіемъ иного соглашенія, производить по нимъ постройки и сооруженія“, такъ какъ, въ дѣйствительности, очевидною цѣлью означенной сдѣлки обыкновенно является намѣреніе пріобрѣтателя возвести по нимъ постройки и сооруженія, поскольку противное не доказывается спеціальнымъ соглашеніемъ, привходящимъ въ данную сдѣлку. Однако и эту вторую часть ст. 587 (574), признаваемую нами по существу правильною, было бы весьма цѣлесообразнымъ, въ предупрежденіе возможныхъ злоупотребленій, дополнить особою ограничительною оговоркою, которою бы права „пріобрѣвшаго“ планы, чертежи и рисунки ограничивались по воспроизведенію—постройками и сооруженіями единственно для его личныхъ нуждъ и безъ цѣли архитектурной спекуляціи. Вѣдь несправедливо было бы допустить, чтобы пріобрѣвшій планъ художественнаго зданія могъ не только воспроизвести таковой для себя, но и предоставлять этотъ самый планъ для воспроизведенія другимъ лицамъ. Подобное чрезвычайное право можетъ быть уступлено авторомъ-зодчимъ только по особому соглашенію.

Здѣсь кстати мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что въ настоящее время все чаще и чаще встрѣчается типъ архитекторовъ-подрядчиковъ, которые, захвативъ такъ или иначе огромную практику въ свои руки, ограничиваются въ своей дѣятельности одною коммерческою стороною строительства: принятіемъ заказовъ и исполненіемъ ихъ подъ своимъ именемъ, но творческимъ трудомъ зодчихъ-наймитовъ, вербуемыхъ по дешевой цѣнѣ обыкновенно изъ новичковъ, бѣдняковъ, лишенныхъ какъ связей и знакомствъ, такъ и торгашескихъ способностей. Эти безъименные зодчіе исполняютъ заказы своихъ патроновъ - архитекторовъ, безъ всякой возможности однако притязать на авторское право по созданнымъ ими художественнымъ произведеніямъ, каковое всецѣло присвояется указанными подрядчиками архитектурнаго творчества. Такъ воздвигаются нерѣдко истинно-художественныя произведенія творческимъ трудомъ никому неизвѣстнаго зодчаго, за гроши поденьщика, во славу и обо-

гащеніе именитаго, хотя бы и бездарнаго, большака-архитектора. Первый силою вещей низведенъ въ положеніе ремесленника, послѣдній произведенъ въ творца-автора. Между тѣмъ необходимо проводить строгое различіе между архитекторомъ, который, хотя и работаетъ по заказу, по найму, но надъ *созиданіемъ* (creatio) артистическимъ, проявляя творчество, и—тѣмъ архитекторомъ, который работаетъ надъ *исполненіемъ* (executio), техническою реализаціею художественнаго произведенія, уже созданнаго другимъ авторомъ, напр. архитекторомъ-патрономъ. Борьба съ хищною эксплоатаціею всегда затруднительна, злоупотребленія неизбѣжны, тѣмъ не менѣе едва ли не представлялось бы въ этомъ отношеніи желательнымъ особо постановить въ законѣ, что если у архитектора-предпринимателя находятся на службѣ по договору личнаго найма одинъ или нѣсколько архитекторовъ, то авторское право на художественное произведеніе послѣднихъ возникаетъ въ лицѣ непосредственнаго творца, а на хозяина-подрядчика въ силу договора переходитъ лишь матеріальная эксплоатація означеннаго произведенія, притомъ только въ тѣхъ предѣлахъ, которые особо опредѣлены этимъ договоромъ. При этомъ, если въ договорѣ не опредѣленъ *родъ* воспроизведенія заказаннаго творчества, то слѣдуетъ предполагать за архитекторомъ-патрономъ право воспроизведенія только въ постройкѣ ad hoc; если же ему предоставлена въ договорѣ и иного рода эксплоатація, то продолжительность, мѣсто и размѣръ таковой, равнымъ образомъ, должны подлежать ограничительному толкованію, напр., въ смыслѣ *однократнаго* изданія въ графическихъ изображеніяхъ и т. под.

Не слѣдуетъ однако смѣшивать съ указанными тѣхъ случаевъ, въ которыхъ архитекторъ-подрядчикъ принимаетъ самъ дѣятельное творческое участіе въ созданіи другимъ лицомъ художественнаго произведенія; здѣсь уже имѣетъ мѣсто либо соавторство, либо пособничество въ видѣ простой технической работы наемника, напримѣръ, при исполненіи произведенія по мысли или даже по эскизу архитектора-патрона.

Наконецъ, въ случаяхъ *частнаго заказа* авторское право архитектора должно остаться совершенно неумаленнымъ, и

право заказчика исчерпывается практическимъ воспроизведеніемъ проектированнаго художественнаго произведенія въ постройкѣ, какъ мы замѣтили выше, единственно для его личныхъ нуждъ и отнюдь не въ цѣляхъ архитектурной спекуляціи.

Въ русскомъ проектѣ гражданскаго уложенія, въ отдѣлѣ о такъ назыв. художественной собственности, въ ст. 579 (566) выражено въ общей формѣ, собственно для архитектуры недостаточной, то положеніе, которое вытекаетъ и изъ самаго смысла ст. 28 приложенія къ ст. 420 т. X ч. 1, именно, что художникъ, отчуждая свое художественное произведеніе, сохраняетъ на него право „художественной собственности“, если противное не установлено особымъ соглашеніемъ. Положеніе это, совершенно правильное, основанное на различіи между сдѣлками объ отчужденіи самого авторскаго права въ болѣе или менѣе широкихъ его предѣлахъ отъ сдѣлокъ объ отчужденіи лишь художественныхъ произведеній или права практическаго осуществленія, конкретизаціи художественнаго творчества (постройка по плану), въ дѣйствующемъ законѣ [1]) въ ст. 31 и 32 приложенія встрѣчаетъ значительное и притомъ неясно редактированное ограниченіе, въ пользу заказчиковъ вообще, а въ пользу правительства также и въ томъ случаѣ, если художественное произведеніе имъ куплено. Само собой разумѣется, что авторское право художника, ограничиваясь въ указанныхъ закономъ предѣлахъ, не можетъ почитаться пріобрѣтеннымъ заказчиками, такъ какъ само авторское право пріобрѣтается по особому договору объ его отчужденіи, а не заказами. Ст. 580 (567) [2]) проекта, распространяя проектированное въ предыдущей 579 (566) статьѣ правило и на случаи созданія художникомъ произведенія по заказу другого

---

[1]) Ср.: В. Спасовичъ, Права авторскія, 1865 г., стр. 49—50; К. Анненковъ, Система русскаго гражд. права, 1900 г., стр. 657.

[2]) „За отсутствіемъ иного соглашенія, художнику принадлежитъ право художественной собственности на произведенія, сдѣланныя имъ по заказу другого лица, за исключеніемъ портретовъ и бюстовъ.

Право повторять и издавать портреты и бюсты принадлежитъ лицу, съ котораго написанъ портретъ или сдѣланъ бюстъ“.

лица, вноситъ значительную ясность въ неопредѣленную редакцію дѣйствующей ст. 32 и устанавливаетъ надлежащіе предѣлы для выраженнаго въ ней отступленія отъ общаго вышеизъясненнаго правила.

Что же касается художественнаго *соавторства*, то въ названномъ отдѣлѣ проекта сдѣлана ссылка на ст. 529 (516), по которой авторское право на литературное произведеніе, составленное совокупно нѣсколькими лицами и образующее одно нераздѣльное цѣлое, принадлежитъ всѣмъ авторамъ на правѣ общей собственности. Такое отождествленіе соавторства съ общею собственностью встрѣчаетъ основательное возраженіе въ научной литературѣ [1]): это шаблонное отождествленіе, покоющееся на косной привычкѣ вообще къ протореннымъ путямъ правообразованія, мнимо неизмѣннымъ, часто отжившимъ формамъ и системамъ романистской схоластики, не столько разъясняетъ, сколько запутываетъ вновь возникшія, выдвинутыя жизненными отношеніями правовыя явленія и грозитъ рядомъ недоразумѣній, такъ какъ отношенія соавторства должны опредѣляться прежде всего специфическими особенностями образующагося правоинститута, а засимъ подлежать регламентаціи на основаніи общихъ началъ гражданскаго права о сосубъектахъ, а не на основаніи особенныхъ постановленій объ общей собственности, далеко не всегда примѣнимыхъ къ соавторству.

V.

Итакъ, нарушеніемъ авторскаго права архитекторовъ необходимо признать, съ одной стороны, воспроизведеніе плановъ, чертежей и проч. какъ графическое—въ двухъ измѣреніяхъ, на плоскости, такъ и пластическое—въ трехъ измѣреніяхъ, въ пространствѣ; съ другой стороны воспроизведеніе самыхъ построекъ и сооруженій опять же или путемъ гра-

---

[1]) O. Gierke, указ. соч., § 86, стр. 782—783; O. Stobbe, указ. соч., § 203, стр. 36 и прим. 20; Г. Шершеневичъ, Авторское право на литературныя произведенія, 1891 г., стр. 136—137; также А. Пиленко, Право, 1899 г., столб. 861, и др.

фическимъ или въ постройкѣ. При этомъ самое воспроизведеніе можетъ быть либо тотальное—копированіе, повтореніе художественнаго произведенія въ цѣломъ его составѣ, либо частичное—заимствованіе или извлеченіе.

Дѣйствующій законъ въ ст. 35 приложенія къ ст. 420 т. X ч. 1 общимъ образомъ въ отношеніи „права художественной собственности“ категорически воспрещаетъ („никто другой не можетъ“) не только „дѣлать копіи“ и „вообще размножать“, но и „дѣлать заимствованія или извлеченія“. Между тѣмъ въ ст. 38 того же приложенія „противозаконнымъ *заимствованіемъ* (plagiat) изъ чужаго произведенія считается“ лишь заимствованія 1) „по живописи“ и 2) „по ваянію“.

Въ нашей юридической литературѣ (В. Спасовичъ [1]), К. Побѣдоносцевъ [2]), Г. Шершеневичъ [3])) при толкованіи загадочной редакціи указанныхъ статей, какъ и въ законѣ, вовсе умалчиваютъ о зодчествѣ и ограничиваются, въ общемъ, утвержденіемъ, что понятіе плагіата вводится русскимъ законодателемъ только въ область художественной собственности, причемъ проф. Шершеневичъ присовокупляетъ, что тамъ не можетъ быть частичной контрафакціи, а только плагіатъ, какъ заимствованіе безъ указанія источника.

Только нашъ тщательнѣйшій комментаторъ К. Анненковъ [4]), основываясь на ст. 38, высказывается и въ отношеніи зодчества, полагая, что „слѣдуетъ считать вполнѣ дозволеннымъ у насъ пользованіе частями чужихъ плановъ и фасадовъ для составленія своихъ проектовъ и построекъ“.

Съ такимъ толкованіемъ, весьма несправедливымъ къ зодчимъ-художникамъ, намъ представляется возможнымъ не согласиться, въ особенности, если принять во вниманіе, что наше законодательство считаетъ „плагіатъ“ дѣйствіемъ уголовно-преступнымъ, наказуемымъ. Цитированная основная и общая ст. 35 не оставляетъ, казалось бы, никакого сомнѣнія въ томъ, что „заимствованіями и извлеченіями“ (п. 3)

---

[1]) Права авторскія, 1865 г., стр. 79.

[2]) Курсъ гражданскаго права, ч. 1, 1892 г., стр. 660.

[3]) Авторское право, 1891 г., стр. 283, прим. 2.

[4]) Система русскаго гражданскаго права, т. II, 1900 г., стр. 682.

нарушается „право художественной собственности на произведенія изящныхъ искусствъ“ вообще, т. е. *всѣхъ* видовъ творчества, а слѣдовательно и въ зодчествѣ. Поэтому такого рода нарушеніе чужаго архитектурнаго авторскаго права должно во всякомъ случаѣ влечь цивильно-правовыя послѣдствія и прежде всего обязанность вознагражденія потерпѣвшаго на основаніи общаго гражданскаго закона (ст. 684 т. X ч. 1). Что же касается того второстепеннаго обстоятельства, что ст. 38, статья дополнительная къ ст. 35, ее разъясняющая, не указываетъ намъ, что̀ собственно считается „противозаконнымъ заимствованіемъ (płagiat)“ въ области зодчества,—то эта неполнота или намѣренное молчаніе закона во всякомъ случаѣ не можетъ парализовать дѣйствіе ст. 35 и служить основаніемъ къ діаметрально противорѣчащему послѣдней статьѣ заключенію, что „заимствованія и извлеченія“ въ зодчествѣ не составляютъ правонарушенія. Самое большее, казалось бы, что̀ можно извлечь изъ неупоминанія въ ст. 38 о зодчествѣ (также и гравированіи), такъ это то, что нарушеніе „права художественной собственности“ заимствованіями или извлеченіями *въ зодчествѣ* можетъ быть преслѣдуемо только въ гражданскомъ порядкѣ, а не въ уголовномъ, каковы бы эти заимствованія или извлеченія ни были: со включеніемъ ли ихъ въ собственное произведеніе нарушителя или нѣтъ, съ указаніемъ источника или безъ, словомъ, подходили бы они подъ данное [1]) закономъ понятіе „плагіата“ или нѣтъ.

Итакъ, мы находимъ возможнымъ изъ сопоставленія статей 35 и 38 вывести по большей мѣрѣ лишь то заключеніе, что „заимствованія или извлеченія“ *въ зодчествѣ* по нашему закону ни въ какомъ случаѣ не составляютъ уголовнаго преступленія, а представляютъ только цивильное правонарушеніе, и въ этомъ смыслѣ они не считаются, по выраженію закона, „противозаконнымъ заимствованіемъ (plagiat)“, въ отличіе отъ заимствованій *по живописи и ваянію*, которыя въ точно опре-

---

[1]) Какъ извѣстно, наши криминалисты даютъ противорѣчивыя мнѣнія о понятіи „плагіата“ въ русскомъ законодательствѣ, сравн., напр., курсы Ф о й н и ц к а г о, Н е к л ю д о в а, Л о х в и ц к а г о и др.

дѣленныхъ закономъ случаяхъ могутъ быть преслѣдуемы, какъ плагіатъ, не только въ гражданскомъ, но и въ уголовномъ порядкѣ.

Какъ бы вопросъ ни разрѣшался de lege lata (практическій интересъ этого, надѣемся, кратковременный), de lege ferenda необходимо въ законѣ признать нарушеніемъ авторскаго права въ области художественной архитектуры воспроизведеніе чужаго творчества не только въ цѣломъ, но и въ части, ибо, въ дѣйствительности, осторожные контрафакторы рѣдко проектируютъ и строятъ точную копію воспроизводимаго архитектурнаго оригинала, но всегда предпочитаютъ воспроизведеніе приблизительное, частичное, компилятивное, въ общемъ не представляющее однако новаго творчества, но составляющее лишь замаскированное копированіе, которое существенно нарушаетъ какъ имущественныя (отвлеченіемъ кліентуры и проч.), такъ и личныя (искаженіемъ и др.) права автора-зодчаго. Въ этомъ отношеніи проектъ гражданскаго уложенія въ отдѣлѣ о „художественной собственности“ слѣдовало бы соотвѣтственно дополнить.

Въ тѣсной связи съ предшествующимъ находится вопросъ *о обезпеченіи доказательства* того, что авторское право на данное произведеніе художественнаго творчества принадлежитъ данному зодчему. Въ этомъ отношеніи нашъ X томъ (ч. 1) законовъ гражданскихъ въ ст. 29 приложенія къ ст. 420 (прим. 2) требуетъ отъ художника, чтобы онъ предъявилъ и записалъ свое произведеніе у нотаріуса или маклера, взялъ надлежащую выписку за скрѣпою и извѣстилъ о семъ Императорскую Академію Художествъ, которая дѣлаетъ установленную публикацію въ вѣдомостяхъ, послѣ чего „право художественной собственности“ утверждается за художникомъ положительно. Отсюда заключаетъ Правительствующій Сенатъ (рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго департамента 1900 г. № 18 и рѣш. общаго собранія 28 октября 1902 г., сборн. № 25), что доколѣ художникъ не укрѣпитъ за собою указаннымъ выше порядкомъ авторскаго права на свое произведеніе, онъ, въ виду ст. 35 того же приложенія, не можетъ осуществлять свое право и возбуждать преслѣдованіе въ уго-

ловномъ порядкѣ за контрафакцію. Не смотря на такое авторитетное разъясненіе, тѣмъ не менѣе правило ст. 29 приложенія остается, за рѣдкими исключеніями, мертвою буквою. Впрочемъ противъ столь категорическаго, безусловно обязательнаго требованія сего правила говорить не только обнаруженное несоблюденіе его на практикѣ, но въ особенности, логическая несуразность его по самому существу. Вѣдь само собою разумѣется, что основаніемъ защиты всякаго авторскаго права служитъ фактъ созданія произведенія творческою дѣятельностью автора, совсѣмъ независимо отъ совершенія какихъ либо формальностей по закрѣпленію сего права, и что регистрація, т. е. публичное удостовѣреніе факта предъявленія подробнаго описанія или изображенія художественнаго произведенія такимъ-то лицомъ, признающимъ себя авторомъ онаго, устанавливается закономъ единственно въ интересахъ самихъ авторовъ, въ цѣляхъ *облегченія* доказыванія послѣдними своихъ правъ, но отнюдь не должно вызывать діаметрально противоположное послѣдствіе, именно—лишеніе автора его авторскаго права въ тѣхъ возможныхъ случаяхъ, когда послѣднее является надлежаще доказаннымъ, хотя бы и не была авторомъ соблюдена указанная въ законѣ механическая регистрація.

Такимъ образомъ регистрація отнюдь не должна имѣть конститутивнаго значенія, т. е. обусловливать самое возникновеніе и существованіе авторскаго права, ей не слѣдуетъ придавать и значеніе даже активной легитимаціи для вчинанія иска о нарушеніи авторскаго права. Регистрація, установленная закономъ, должна составлять только *факультативное* право автора-художника, пользованіе которымъ, на волю каждаго предоставленное, лишь облегчаетъ onus probandi и вообще гарантируетъ существенныя удобства въ дѣлѣ успѣшнаго осуществленія авторскихъ правъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ самой регистраціи, представляется весьма цѣлесообразнымъ установить въ законѣ центральное депо или мѣсто храненія всѣхъ предъявленныхъ авторомъ къ засвидѣтельствованію экземпляровъ, подписанныхъ и датированныхъ плановъ, чертежей, рисунковъ и описаній художественнаго произведенія архи-

тектуры, а также адресныхъ и прочихъ свѣдѣній,—на случай могущихъ возникнуть споровъ и столкновеній авторства и, въ частности, въ видахъ облегченія сношеній постороннихъ лицъ съ авторами по дѣламъ объ эксплоатаціи ихъ художественныхъ произведеній [1]).

По изложеннымъ соображеніямъ нельзя не привѣтствовать ст. 586 (573) проекта гражданскаго уложенія, въ которой редакторы Коммисіи по составленію послѣдняго, отступили отъ дѣйствующаго правила ст. 29 приложенія, постановивъ, что „художникъ *въ удостовѣреніе* принадлежащаго ему права художественной собственности *можетъ* предъявить", записать свое произведеніе у нотаріуса, получить отъ него соотвѣтствующую выпись и извѣстить о семъ Императорскую Академію Художествъ для опубликованія во всеобщее свѣдѣніе, причемъ подробное описаніе художественнаго произведенія, какъ весьма сложное и затруднительное, можетъ быть замѣнено представленіемъ нотаріусу фотографическаго его снимка. Слѣдовательно и по вѣрной мысли проекта, соблюденіе формальностей регистраціи является факультативнымъ правомъ, а не обязанностью автора, несоблюденіе коей могло бы лишить его какихъ либо правъ; такъ что правило ст. 586 (573) проекта не исключаетъ для художника возможности предъявить другія доказательства принадлежности ему авторскаго права на художественное произведеніе.

Также нельзя, конечно, отрицать права за архитекторомъ учинять надпись своей фамиліи на лицевой сторонѣ возведеннаго имъ зданія и предъявлять искъ о признаніи своего авторства и объ уничтоженіи всѣхъ надписей, обозначеній, сообщеній, которыя могутъ ввести въ заблужденіе публику относительно личности истиннаго автора-художника. Право это неизлишне было бы особо подтвердить въ законѣ подъ ограничительнымъ условіемъ отсутствія противнаго сему спе-

---

[1]) А. Пиленко, въ статьѣ: Регистрація художественныхъ произведеній (Право, 1902 г., № 23), напротивъ, признаетъ факультативную регистрацію совершенно безполезною въ юридическомъ отношеніи, ибо „несоблюденіе этой формальности не можетъ лишить художника какихъ либо правъ, а соблюденіе ее—не улучшаетъ его юридическаго положенія".

ціальнаго соглашенія съ собственникомъ зданія. Само собою разумѣется подложныя надписи, такъ сказать, архитектурный плагіатъ долженъ быть запрещенъ въ законѣ подъ соотвѣтственной санкціей.

Особаго вниманія заслуживаетъ также то отступленіе въ отношеніи архитектурныхъ произведеній отъ общихъ началъ авторскаго права, которое заключается въ томъ, что посколько дѣло идетъ объ общественномъ или частномъ зданіи, архитекторъ не можетъ, развѣ по особому противоположному договору, противиться волѣ собственника произвести въ зданіи измѣненія, ни даже совершенному уничтоженію послѣдняго. Jus abutendi—естественный атрибутъ права собственности. Таково преобладаніе цѣлей утилитарныхъ надъ художественными, которое приходится допустить въ отношеніи зданій, предназначенныхъ служить матеріальнымъ потребностямъ и зависящихъ отъ произвола частныхъ собственниковъ. Единственнымъ слабымъ проявленіемъ авторскаго права архитектора здѣсь является безусловное признаніе за нимъ права требовать въ случаѣ измѣненій, извращающихъ стиль, художественный характеръ архитектурнаго произведенія,—уничтоженія на таковомъ надписи его фамиліи. Собственникъ не долженъ имѣть права вводить въ заблужденіе публику и вредить артистической репутаціи зодчаго, приписывая ему то, что не составляетъ продукта его дѣятельности [1]).

Изложенныя соображенія, повидимому, вовсе были упущены изъ вниманія редакторами проекта гражданскаго уложенія, которые по этому вопросу ограничились общею ссылкою на ст. 551 (538) проекта, относящуюся къ такъ называемой „литературной собственности“ и не признающую, въ случаѣ полной уступки авторскаго права, за пріобрѣтателемъ права издавать литературное произведеніе съ измѣненіями безъ согласія автора или его наслѣдниковъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что такимъ образомъ по ст. 551 (538) проекта даже полная, неограниченная уступка авторскаго права обнимаетъ по проекту лишь отчужденіе имущественной мате-

[1]) E. Gairal, Les oeuvres d'Art, стр. 270.

ріальной его стороны, не распространяясь на право индивидуальное, чисто личное (Individualrecht, Immaterialgüterrecht—Kohler, Stobbe), которое остается за авторомъ и при такомъ тотальномъ отчужденіи, развѣ бы авторъ уже при самой уступкѣ своего авторскаго права отказался въ пользу пріобрѣтателя и отъ своихъ лично-авторскихъ правъ. Привѣтствуя вообще всякую тенденцію проекта выдвинуть защиту личныхъ интересовъ автора, нельзя однако не обратить вниманія на то, что, быть можетъ, было бы практичнѣе смягчить абсолютизмъ запрета какихъ бы то ни было измѣненій оговоркою, что правопреемнику предоставляется однако дѣлать такія измѣненія техническаго характера, которыя ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть признаны нарушающими ни матеріальные, ни духовные интересы автора. Такую оговорку совершенно цѣлесообразно нашелъ нужнымъ сдѣлать и германскій законъ 19 іюня 1901 г., который въ § 9 (ч. 2) гласитъ: „Допустимы лишь такія измѣненія, на которыя передавшій авторское право по доброй совѣсти не могъ бы не согласиться“.

Такимъ образомъ изъ изложеннаго явствуетъ, что хотя пріобрѣвшій отъ автора-зодчаго технические планы, чертежи и рисунки, а равно собственникъ возведеннаго архитекторомъ зданія не пріобрѣтаютъ тѣмъ самымъ авторскаго права на данное художественное произведеніе зодчества, какъ не пріобрѣтаютъ авторскаго права ни издатель литературнаго произведенія по издательскому договору, ни въ частности антрепренеръ, пріобрѣвшій договорною сдѣлкой права на публичное исполненіе драматическаго произведенія, поскольку, конечно, не состоялось особаго соглашенія объ уступкѣ въ томъ и другомъ случаѣ всѣхъ элементовъ авторскаго права, безразлично, относится ли таковое къ литературѣ или къ зодчеству,—однако существенное различіе рѣзко обнаруживается въ томъ, что архитектурное авторское право въ отношеніи именно воздвигнутаго зданія, какъ таковаго, подлежитъ крайнему ограниченію, такъ какъ всякое строеніе, по самому свойству своего предназначенія, переходитъ, подобно книгѣ, въ полный произволъ пріобрѣтателя, собственника, причемъ

автору - зодчему представляется возможнымъ гарантировать лишь право требованія, чтобы честь проекта и сооруженія архитектурнаго зданія не приписывалось кому либо другому, чтобы на лицевой сторонѣ зданія значилась соотвѣтственная надпись объ авторѣ-строителѣ, и съ другой стороны, чтобы въ случаѣ произведенныхъ измѣненій въ зданіи, извращающихъ его художественный характеръ, съ таковыми не связывалось его авторское имя.

Наоборотъ, безотносительно къ возведенному зданію, за авторомъ-зодчимъ сохраняется вполнѣ исключительное право на изданіе чертежей, плановъ, рисунковъ, описаній, моделей и проч. своего архитектурнаго произведенія въ ихъ подлинномъ и первоначальномъ, неизмѣненномъ видѣ и на повторное воспроизведеніе этого зданія въ постройкѣ, если только авторъ-зодчій не уступилъ особымъ договоромъ вполнѣ или отчасти своего авторскаго права на данное архитектурное произведеніе.

По указаннымъ соображеніямъ общая ссылка въ ст. 577 (564) проекта, которою открывается отдѣлъ о такъ называемой „художественной собственности“, на ст. 551 (538) проекта слѣдовало бы замѣнить особою статьею, спеціально относящеюся къ произведеніямъ зодчества и содержащею соотвѣтсвующее изъясненному выше правило.

VI.

Изложенными вопросами исчерпываются главнѣйшія особенности архитектурнаго авторскаго права. Въ прочихъ отношеніяхъ къ этому виду авторства примѣнимы общія положенія разсматриваемаго правоинститута, которыя однако, къ сожалѣнію, представлены въ современныхъ законодательствахъ не въ формѣ абстрактной общей части, желательность каковой убѣдительно признается въ научной литературѣ [1]), а въ конкретномъ примѣненіи къ литературному авторскому праву. Такая

---

[1]) K. Birkmeyer, Die Reform des Urheberrechtes, 1900 г., стр. 3; Fr. van Calker, Kritische Bemerkungen zu den Entwurf eines gesetzes bettreffend das Urheberrecht, 1900 г., стр. 10; Ал. Пиленко, право 1903 г., № 37, столб 2804 и слѣд.

система изложенія общихъ положеній дѣлаетъ невозможнымъ непосредственное ихъ примѣненіе ко всѣмъ видамъ авторскаго права, въ частности къ художественнымъ произведеніямъ зодчества, и, слѣдовательно, вызываетъ необходимость соотвѣтственнаго примѣненія по анологіи, что, конечно, можетъ представить значительныя трудности на практикѣ, ибо предполагаетъ предварительный сложный процессъ анализа, синтеза и дедукціи, детальное обсужденіе того, въ какомъ отношеніи и съ какими модификаціями должно послѣдовать „соотвѣтственное“ примѣненіе, чтобы стать дѣйствительно соотвѣтственнымъ природѣ вещей, мысли и волѣ законодателя, а не буквѣ закона.

Впрочемъ германскій законъ 19 іюня 1901 г. „объ авторскомъ правѣ на литературныя и музыкальныя произведенія“ отступилъ отъ указанной системы изложенія общихъ правилъ объ авторскомъ правѣ въ примѣненіи къ важнѣйшему его виду—литературному авторству,—системы, проведенной съ свойственными ей повтореніями и многочисленными ссылками въ дѣйствовавшемъ до сего времени въ Германіи законодательствѣ по авторскому праву. Въ этомъ законѣ *объединено* изложеніе обѣихъ названныхъ категорій правъ авторскихъ съ подраздѣленіемъ его на нѣсколько отдѣловъ (условія, содержаніе, продолжительность, нарушеніе) и заканчивается отдѣломъ пятымъ, состоящимъ изъ заключительныхъ постановленій о примѣненія закона и о коллизіи разновременныхъ и разномѣстныхъ законовъ.

Относительно этой *новой* системы—„въ перемѣшку“,—если можно высказывать какое либо одобреніе, такъ только развѣ тому, что составители германскаго закона были настолько осторожны, что не рѣшились провести эту систему въ отношеніи всѣхъ трехъ видовъ духовнаго творчества. Вѣдь при ближайшемъ ознакомленіи нельзя не придти къ тому убѣжденію, что, съ одной стороны, нѣкоторые совершенно особливые интересы и весьма различествующія подробности каждаго вида въ отдѣльности, съ другой стороны, сравнительная полнота и высокая степень развитія права авторскаго на произведенія литературныя и весьма

скудный правовой матеріалъ, относящійся къ творчеству художественному,—обусловливаютъ невозможность совмѣстнаго изложенія всѣхъ видовъ по принятой германскимъ закономъ „системѣ“ безъ того, чтобы не стѣснить дальнѣйшаго развитія своеобразныхъ нормъ въ отношеніи отдѣльныхъ видовъ права авторскаго и не внести какъ общую неопредѣленность, такъ и нѣкоторую неясность въ понятіе спеціальнаго авторскаго права на произведенія литературныя.

Если такимъ образомъ система германскаго закона вовсе не достойна подражанія со стороны составителей нашего законопроекта, обнимающаго притомъ, подобно австрійскому закону 26 декабря 1895 г., всѣ видѣ авторства, то во всякомъ случаѣ отъ Редакціонной Коммисіи позволительно было ожидать, что, въ отличіе отъ механическаго составленія дѣйствующаго русскаго законодательства изъ законовъ разновременныхъ, она признаетъ благовременнымъ и цѣлесообразнымъ, въ очевидныхъ интересахъ послѣдовательности и единства системы, краткости и точности закона, практической удобопримѣнимости,—завершить обработку проекта выдѣленіемъ въ первый (изъ 4-хъ) отдѣлъ его—общей части, образованной хотя-бы изъ тѣхъ „немногихъ дѣйствительно общихъ положеній“, наличность коихъ въ проектѣ признаютъ сами составители его (объясненія, стр. 286, томъ III книги 3-ей проекта гражд. улож.). Что же касается остальныхъ „основныхъ постановленій“ объ авторскомъ правѣ, которыя Редакціонная Коммисія вовсе не находитъ возможнымъ [1]) изложить абстрактно въ формѣ общихъ правилъ для всѣхъ трехъ видовъ авторскаго права, то, казалось бы, тѣмъ болѣе „неудобно“ и во всякомъ случаѣ неизбѣжно связано съ цѣлымъ рядомъ недоразумѣній на практикѣ изложеніе этихъ „возбуждающихъ сомнѣніе“ „основныхъ постановленій“ спеціализированными, приспособленными только къ литературнымъ произведеніямъ, съ соотвѣтствующими однако ссылками на нихъ въ отдѣлахъ музыкальномъ и художественномъ, какъ это, къ сожалѣнію, сдѣлано въ нашемъ законопроектѣ.

[1]) Противное съ успѣхомъ доказываетъ А. Пиленко, Право 1903 г., № 37.

Нельзя, конечно, не признать извѣстной доли основательности въ тѣхъ соображеніяхъ, что нѣкоторыя юридическія основныя начала, при всей ихъ общности и одинаковости въ отношеніи регулированія всѣхъ видовъ авторскаго права, тѣмъ не менѣе въ подробностяхъ часто и значительно разнятся [1]) въ примѣненіи къ каждому виду въ отдѣльности, и потому при такихъ условіяхъ представляется предпочтительнымъ въ интересахъ облегченія практики какъ суда, такъ въ особенности непосредственно заинтересованныхъ лицъ, поступиться стремленіемъ къ теоретической стройности, краткости, неповторяемости, достигаемымъ абстрагированіемъ означенныхъ „основныхъ постановленій“ въ общей части, и изложить эти начала конкретно, однако непремѣнно въ каждомъ изъ всѣхъ трехъ видовъ авторскаго права въ отдѣльности, примѣнительно таковыя спеціализировавъ. Въ законѣ лучше повторить лишній разъ основное начало въ конкретной формѣ, нежели создать опасность извращенія послѣдняго „самопроизвольными толкованіями“ вслѣдствіе неполноты, неопредѣленности, неясности, обусловленныхъ или излишнею краткостью и отвлеченностью, или одностороннею конкретизаціей.

Приватъ-доцентъ Алексѣй Гейне.

---

[1]) O. Gierke, Deutsches Privatrecht, B. I, 1895 г., стр. 768—769.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

А. Ѳ. Кони. *Судебныя рѣчи. Изданіе четвертое. 1905.* Стр. LXVII+79+943. Цѣна 4 р.

Книга эта въ первыхъ изданіяхъ хорошо извѣстна русскимъ юристамъ. Говорить о внутренней цѣнности рѣчей Кони, о высокомъ мастерствѣ формы этихъ рѣчей, говорить, что нигдѣ въ нихъ содержаніе не приносится въ жертву внѣшности, нигдѣ нѣтъ стремленія показать огромную эрудицію автора,—значитъ повторять давно извѣстныя истины. Русскіе судебные дѣятели всегда будутъ находить въ книгѣ Кони замѣчательные образцы судебнаго краснорѣчія въ лучшемъ значеніи этого слова, будутъ учиться, *какъ* надо пользоваться матеріаломъ судебнаго слѣдствія въ интересахъ правосудія.

Лежащее передо мною новое изданіе (посвященное свѣтлой памяти Б. Н. Чичерина) не вполнѣ соотвѣтствуетъ заголовку книги: оно значительно расширено сравнительно съ предыдущимъ и заключаетъ въ себѣ много работъ автора, не могущихъ быть подведенными подъ категорію судебныхъ рѣчей. Къ такимъ работамъ относится обширная вступительная статья, публичная лекція „Нравственныя начала въ уголовномъ процессѣ“, работа „свидѣтели на судѣ“ (замѣтки и воспоминанія судьи), далѣе цѣлый рядъ сообщеній и особыхъ мнѣній, относящихся къ пересмотру судебныхъ уставовъ въ коммисіи Н. В. Муравьева: о судѣ присяжныхъ, о предѣльномъ возрастѣ для судей, о предварительномъ слѣдствіи, о независимости судьи. Наконецъ, книга заключаетъ въ себѣ рядъ въ высокой степени интересныхъ кассаціонныхъ докладовъ.

Общее впечатлѣніе отъ чтенія книги—самое отрадное Несо-

крушимая вѣра въ осуществимость высокихъ идеаловъ, одушевлявшихъ дѣятелей великихъ освободительныхъ реформъ, гуманное отношеніе къ подсудимому, не исключающее строгаго исполненія судомъ своего долга, независимый судъ, руководимый исключительно принципомъ правомѣрности, строгой законности и никоимъ образомъ не могущій служить орудіемъ временныхъ теченій политики, первостепенная важность духовныхъ богатствъ (и въ частности науки) для судей,—вотъ основные мотивы всѣхъ работъ Кони. Новое изданіе книги представляется какъ нельзя болѣе своевременнымъ: мы переживаемъ послѣдніе дни того періода, который характеризуется сильнымъ паденіемъ судебныхъ нравовъ и превращеніемъ судей въ чиновниковъ, покорно слѣдующихъ указаніямъ „политики“. Предстоящее возрожденіе всей русской жизни, конечно, обновитъ и нашъ судъ, такъ развратившійся подъ вліяніемъ бюрократическихъ идеаловъ. А пока, — люди, дорожащіе основными принципами судебныхъ уставовъ первоначальной редакціи и судебные дѣятели, не приставшіе къ мутнымъ теченіямъ реакціонной эпохи, могутъ найти въ книгѣ Кони богатый матеріалъ для поучительныхъ выводовъ, сопоставленій и размышленій, могутъ видѣть, какъ судебный дѣятель стараго закала реагируетъ на отрицательныя явленія нашей многострадальной судебной жизни.

На первыхъ же страницахъ вступительной статьи отмѣчаетъ Кони такое отрицательное явленіе въ видѣ нарушеній законовъ судопроизводства, „вызванныхъ настроеніемъ, создаваемымъ наличностью преслѣдованій за проявленіе свободы совѣсти“. Авторъ выражаетъ надежду, что подъ вліяніемъ проектируемыхъ реформъ „изчезнетъ и соблазнъ услужливо входить въ виды и взгляды ревнителей неблагожелательной нетерпимости“. Въ видѣ яркихъ примѣровъ, иллюстрирующихъ такое настроеніе, авторъ приводитъ „услужливую поспѣшность“, съ которою устраняются изъ числа доказательствъ благопріятныя для подсудимыхъ, допущеніе тенденціозной и явно-пристрастной духовной „экспертизы“ и т. п. явленія, переносящія наблюдателя въ средневѣковые религіозные процессы.—Вторая категорія явленій, характеризующихъ зараженіе суда ядомъ угодливости передъ правительственною властью,—чрезмѣрная услужливость въ поддержаніи престижа администраціи. Авторъ отмѣчаетъ „неразборчивое и крайне широкое примѣненіе 29 ст. устава о нак. съ забвеніемъ о главномъ и необходимомъ условіи—законности основанія предъявляемыхъ и неисполняемыхъ

требованій". Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе два кассаціонныхъ доклада по дѣламъ Юрьево-Верроскаго мироваго съѣзда, постановившаго ярко-тенденціозные приговоры (дѣло фонъ-Бракеля и дѣло Эдуарда Пихлау).—Далѣе—обращаютъ на себя особенное вниманіе тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ о недопустимости профессіональной тайны для свидѣтелей. „Допущеніе такой тайны по отношенію къ суду, вопреки 704 и 92 ст. уст. угол. суд., могло бы служить крайне нежелательнымъ прецедентомъ для установленія различнаго рода сословныхъ секретовъ, лишающихъ судъ возможности постановлять правосудное рѣшеніе". Невольно вспоминается здѣсь вопіющее нарушеніе, описанное въ № 7 „Права" за текущій годъ: старшій предсѣдатель одной судебной палаты нашелъ, что для сыщиковъ существуетъ профессіональная тайна, и что поэтому сыщикъ, показавшій, что „по имѣющимся у него свѣдѣніямъ" обвиняемый принадлежитъ къ опредѣленному преступному тайному обществу, не обязанъ отвѣчать на вопросы защитника,—откуда свидѣтель имѣетъ эти свѣдѣнія и въ чемъ они состоятъ? Типичнѣйшій примѣръ превращенія суда въ услужливое орудіе власти. Краснорѣчивая, полная благороднаго чувства страница посвящена печальному явленію нашей судебной жизни — систематическому нарушенію одного изъ главнѣйшихъ устоевъ правосудія, лучшей гарантіи его—публичности засѣданій.—Суроваго критика находитъ себѣ въ авторѣ проявляемая нѣкоторыми предсѣдателями безцеремонность въ обращеніи съ личностью обвиняемаго въ связи съ обвинительнымъ характеромъ веденія судебнаго засѣданія.

Нечего и говорить, что по вопросу о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ авторъ высказываетъ мысли, подъ которыми обѣими руками подпишется всякій дорожащій будущностью русскаго суда человѣкъ; необходимость сохраненія института мировыхъ судей, присяжныхъ засѣдателей, поддержаніе принципа независимости судей, необходимость сохраненія института судебныхъ слѣдователей, нежелательность установленія предѣльнаго возраста для судей,—все это изложено авторомъ въ немногихъ, но чрезвычайно сильныхъ, убѣдительныхъ страницахъ.

Появляющаяся въ первый разъ работа автора о свидѣтельскихъ показаніяхъ вызвана новѣйшими изслѣдованіями, произведенными въ этой интересной области. Отдавая должное экспериментальнымъ изслѣдованіямъ и признавая весь интересъ ихъ для судьи, авторъ совершенно правильно предостерегаетъ отъ чрез-

мѣрнаго увлеченія опытами подобнаго рода, такъ какъ они никоимъ образомъ не могутъ повлечь за собою *коренного* измѣненія всего ученія о свидѣтельскихъ показаніяхъ. Съ своей стороны авторъ даетъ интереснѣйшій рядъ обобщеній и выводовъ на основаніи произведенныхъ имъ личныхъ наблюденій надъ свидѣтельскими показаніями. Работа г. Кони—весьма цѣнный вкладъ въ бѣдную литературу вопроса.

Наконецъ превосходная, художественно написанная лекція о судебной этикѣ заслуживаетъ того, чтобы быть выученной наизусть каждымъ судебнымъ дѣятелемъ: для преданныхъ интересамъ правосудія она будетъ служить опорой, напоминая о необходимости быть прежде всего *человѣкомъ*, а потомъ уже должностнымъ лицомъ, а для утратившихъ свѣтлые идеалы науки, для опьяняющихся властью, для продавшихъ свою совѣсть она будетъ грознымъ memento mori со стороны человѣка, многолѣтняя безупречная судебная дѣятельность котораго доставила ему всеобщее уваженіе.

Прив.-доц. І. В. Михайловскій.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва:

Г. А. Евреиновъ. Реформа высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи и народное представительство. Спб. 1905 г. Цѣна 60 коп.

Н. И. Лазаревскій. Отвѣтственность должностныхъ лицъ за убытки, причиненные должностными лицами. Спб. 1905 г. Цѣна 4 р. 50 коп.

І. В. Михайловскій. Основные принципы организаціи уголовнаго суда. Уголовно-политическое изслѣдованіе. Томскъ. 1905 г. Цѣна 2 руб.

М. В. Клочковъ. Земскіе соборы въ старину. Изд. „Общественной пользы“. Спб. 1905. Ц. 15 коп.

Ив. Блиновъ. Губернаторы. Историко-юридическій очеркъ. Спб. 1905 г, Цѣна 2 руб.

К. М. Ѳедоровъ. Н. Г. Чернышевскій. 2-е исправ. изданіе. Спб. 1905 г. Ц. 50 к.

Проф. Г. Ѳ. Симоненко. Основные вопросы статистики, экономической науки, исторіи, соціологіи и этики. Варшава 1905 г.

Д. Е. Лапшо. Общественное управленіе Минусинскихъ инородцевъ. Томскъ. 1904 г.

Д. Е. Лапшо. Преступленія и наказанія по степному праву Сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ (Минусинскіе татары). Красноярскъ. 1905 г.

Р. Кёлеръ. Правдивое слово властямъ, обществу и народу по поводу проекта новаго аптекарскаго устава. Москва. 1904 г. Ц. 1 р. съ перес.

Д. А. Тушинскій. Попечительства о народной трезвости въ 1902 г. Изд. Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.

К. И. С—вицкій. О свободѣ воли (законъ живыхъ единицъ). Психо-соціологическій этюдъ. Спб. 1905 г. Ц. 40 к.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.

Бакинскія событія.—Законодательный порядокъ.—Университетская автономія.—Кабинетъ министровъ.

За этотъ, поистинѣ страшный 1905-тый годъ, Баку вотъ уже второй разъ становится ареною какихъ-то совершенно неправдоподобныхъ событій, по крайней мѣрѣ неправдоподобныхъ для сколько-нибудь благоустроеннаго государства.

Послѣ уличной рѣзни 6—9 февраля этого года въ Баку наступило какое-то затишье, довольно, впрочемъ, относительное и мало кого обманывавшее: большинство со дня на день ждало новаго взрыва.

Наконецъ, повидимому, подъ вліяніемъ столкновеній между армянами и татарами въ Шушѣ, гдѣ армяне одержали верхъ, 19-го августа настроеніе на промыслахъ стало настолько тревожнымъ, что тамъ начали серьезно опасаться нападенія мусульманъ на армянъ и разграбленія промысловъ. Тогда шестеро изъ членовъ совѣта съѣзда бакинскихъ нефтепромышленниковъ обратились къ мѣстному генералъ-губернатору Фадѣеву, указывая ему на угрожающую опасность. Генералъ-губернаторъ отвѣтилъ имъ фразою, которая имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться фразою историческою: „*мѣры приняты, успокойте ваши нервы*“.

На другой день началась уличная стрѣльба, татары изъ города начали образовывать вооруженныя толпы; татары, бывшіе на промыслахъ, ушли оттуда и присоединились къ городскимъ. На промыслахъ начали ждать ихъ нападенія, и извѣстили объ этомъ генералъ-губернатора. Тотъ отвѣтилъ: „*на промыслахъ войска достаточно; татаръ разсѣютъ раньше, чѣмъ они дойдутъ до промысловъ*“.

Тѣмъ временемъ татары, явившись на промысла, начали ихъ жечь и грабить, и когда черезъ день къ генералъ-губернатору обратились съ просьбою выручить 400 человѣкъ, осажденныхъ татарами во дворѣ одного изъ промысловъ, то генералъ Фадѣевъ отвѣтилъ: „*помочь не могу*“ („Русь“ № 201).

Въ теченіе затѣмъ всей слѣдующей недѣли татары и персы жгли промысла, армяне, татары и русскіе стрѣляли другъ въ друга на улицахъ, потомъ въ виду того, что выстрѣлы не могутъ пройти незамѣченно, начали рѣзать другъ друга кинжалами.

Сколько народу погибло убитыми и ранеными, этого, повидимому, еще и приблизительно не извѣстно. Что же касается нефтяныхъ промысловъ, то изъ нихъ значительная часть погублена, и возстановленіе ихъ дѣйствія потребуетъ многомилліонныхъ затратъ и во всякомъ случаѣ весьма продолжительнаго времени, въ теченіе котораго рабочіе останутся безъ куска хлѣба и вся русская промышленность, желѣзныя дороги и пароходы, пользующіеся мазутомъ и нефтью, безъ топлива.

Послѣ недѣли убійствъ, остановившихъ всякую жизнь въ городѣ, прекратившихъ подвозъ припасовъ, враждующія народности утомились и захотѣли мира.

Несомнѣнно, что въ дѣлѣ прекращенія междоусобицы или по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ насилій, не малую роль сыграли вызванныя войска. Но по газетнымъ свѣдѣніямъ ихъ дѣйствія были довольно странными, хотя быть можетъ и лихими. Разсказываютъ о какомъ-то околодочномъ, который изъ пушки разстрѣливалъ дома, откуда стрѣляли изъ ружей. Разсказываютъ о томъ, что во дворѣ какой-то больницы пріютилась толпа армянъ; къ стѣнѣ больницы татары подкатили бочки съ мазутомъ, чтобы поджечь ихъ; армяне отстрѣлялись и прогнали татаръ; войска, бывшія около больницы, потребовали, чтобы армяне больше не стрѣляли, и когда послѣ того кто-то изъ армянъ выстрѣлилъ, то войска начали толпу армянъ и больницу бомбандировать изъ пушекъ.

Разсказываютъ такой фактъ: послѣ разгрома какихъ-то промысловъ толпа лицъ, служившихъ на нихъ, потерявъ все свое имущество, спасаясь отъ громилъ, бѣжала въ городъ; она была встрѣчена казаками, которые потребовали, чтобы бѣглецы отдали имѣвшееся у нихъ оружіе. Тѣ отдали. Тогда казаки дали въ толпу залпъ: потомъ оказалось, что залпъ былъ холостой и имѣлъ цѣлью запугать толпу и заставить ее отдать то оружіе, которое могло у нея остаться („Баку“, № 108).

Но въ общемъ дѣятельность войскъ была, повидимому, такова, что о томъ, чтобы междоусобица была подавлена войсками, или чтобы порядокъ былъ возстановленъ ими, не можетъ быть и рѣчи.

Не обладая достаточною физическою силою, власти, повидимому, еще меньше обладали въ глазахъ населенія силою нравственною. Авторитетъ властей оказался абсолютно неспособнымъ внести какое бы то ни было умиротвореніе въ умы.

Дѣятельность генералъ-губернатора за эту роковую недѣлю выясняется мало. Между прочимъ, онъ проявилъ свою дѣятельность по прекращенію междоусобицы изданіемъ приказа, которымъ воспрещалось всѣмъ жителямъ города выходить изъ домовъ послѣ восьми часовъ вечера, и во-вторыхъ постановлялось: „производство выстрѣловъ изъ оконъ и дверей домовъ, караванъ-сараевъ, пассажей, строго воспрещается“ („Баку“, № 107).

Повидимому со стороны газеты „Баку“ это не мистификація. Но кто можетъ объяснить смыслъ и цѣль подобнаго приказа? Можетъ быть, ген.-лейт. Фадѣевъ желалъ, обративъ запрещеніе убійства въ свое обязательное постановленіе, замѣнить уголовныя наказанія, налагаемыя по суду за убійство и покушеніе на него, трехмѣсячнымъ арестомъ, налагаемымъ административно по положенію чрезвычайной охраны? Или, можетъ быть, просто хотѣлъ сообщить населенію, что убивать изъ засады имъ, генераломъ Фадѣевымъ, не разрѣшается? Или, быть можетъ, наконецъ, говоря, что запрещается стрѣлять изъ оконъ и дверей, онъ хотѣлъ сказать, что изъ воротъ стрѣлять можно? Не знаемъ. Отъ дальнѣйшихъ догадокъ о смыслѣ этого приказа воздержимся, такъ какъ намъ кажется, что никакая осмысленная догадка невозможна.

Пока генералъ-губернаторъ писалъ свои приказы, а Намѣстникъ проводилъ время въ Кисловодскѣ на водахъ, воюющія стороны устали и сами начали пытаться заключить миръ. Воюющіе сами избрали какіе-то „умиротворительные комитеты“, которые вступали другъ съ другомъ въ переговоры, вырабатывали условія сначала перемирія, потомъ условія мира. Но не смотря на посредничество генералъ-губернатора, выработанный мирный договоръ до сихъ поръ (18-ое сентября) не подписанъ.

Въ романахъ Майнъ-Рида въ дѣтствѣ мы читали объ апахахъ и команчахъ, которые воевали другъ съ другомъ въ дѣвственныхъ преріяхъ Дальняго Запада и потомъ заключали между собою миръ.

Но вѣдь армяне и мусульмане Баку находятся не въ дѣвственныхъ земляхъ, никакой государственной власти не подчиненныхъ. Вѣдь въ Баку существуютъ органы русскаго правительства. И правительство оказалось лишеннымъ и физической силы и нравственнаго авторитета, достаточныхъ для того, чтобы предупредить междоусобіе или остановить его, когда мѣстныя власти оказались такъ слѣпы, что не замѣтили того, что готовилось.

Подчиненіе всякой государственной и иной власти имѣетъ свои отрицательныя стороны, и если граждане подчиняются власти, то потому, что видятъ въ ней условіе для охраны жизни и матеріальныхъ благъ. Но въ Баку правительство не сумѣло защитить жизни гражданъ, не сумѣло положить конецъ массовымъ убійствамъ, не смогло защитить одну изъ важнѣйшихъ отраслей русской промышленности отъ полнаго разгрома.

* * *

6-го іюня получило Высочайшее утвержденіе мнѣніе Государственнаго Совѣта по вопросу „объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ".

Законъ этотъ былъ вызванъ п. I Именного указа 12-го декабря 1904 г., признавшаго неотложнымъ для правильнаго хода государственной и общественной жизни принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона, важнѣйшей, по словамъ указа, въ самодержавномъ государствѣ опоры престола.

Комитетъ Министровъ, обсуждая пути осуществленія этого пункта Именного указа 12-го декабря, въ своемъ положеніи, Высочайше утвержденномъ 17 января настоящаго года, остановился, между прочимъ, на выясненіи вопроса о томъ, какія формальные признаки закона установлены дѣйствующимъ законодательствомъ, и натолкнувшись на то непримиримое противорѣчіе, которое по этому вопросу имѣется въ основныхъ законахъ, считающихъ формальнымъ признакомъ закона то обсужденіе законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ (ст. 50), то подпись Государя (ст. 54), поручилъ государственному секретарю выработать проектъ закона, разъясняющій это противорѣчіе и вносящій опредѣленность въ понятіе закона.

Государственный секретарь, руководясь по этому вопросу указаніями, преподанными въ Высочайше утвержденномъ журналѣ Комитета Министровъ, выработалъ соотвѣтственный проектъ, онъ былъ разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ и нынѣ получилъ силу закона.

Этимъ новымъ закономъ указанное выше непримиримое противорѣчіе статей 50-ой и 54-ой устранено такъ: обѣ эти статьи оставлены въ силѣ, и редакція ихъ не измѣнена; но статьи эти, оставляющія открытымъ вопросъ, какой же именно порядокъ изданія законовъ устанавливается нашими основными законами, дополнены постановленіемъ: „Изданіе новыхъ законовъ... происходятъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ основными государственными законами".

Ну, можно ли было выдумать болѣе простое и вразумительное разрѣшеніе противорѣчія, всѣмъ русскимъ ученымъ казавшагося неразрѣшимымъ?

Этимъ же закономъ статья 80-ая основныхъ законовъ дополнена новымъ примѣчаніемъ. Позволимъ себѣ сопоставить эту статью съ этимъ ея новымъ примѣчаніемъ; статья гласитъ: „Власть управленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ Государю. Въ управленіи верховномъ власть Его дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ Него мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его именемъ и по Его повелѣнію". Примѣчаніе I-ое къ этой статьѣ продолжаетъ: „Высочайшія повелѣнія въ порядкѣ верховнаго управленія, могутъ быть излагаемы т а к ж е въ видѣ докладовъ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія, рескриптовъ и приказовъ".

Какой Соломонъ въ состояніи объяснить, что значитъ здѣсь слово „также".

Но русская бюрократія, создавъ такой поразительный по своей вразумительности законъ, „объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ", тутъ же немедленно принялась систематически его нарушать. Всѣ крупные законодательные акты, изданные вслѣдъ за этимъ закономъ, были изданы въ порядкѣ, явно и очевидно не подходящемъ подъ этотъ законъ: учрежденіе Государственной Думы было издано помимо Государственнаго Совѣта, по обсужденіи проекта въ частномъ совѣщаніи въ Петергофѣ, никакими основными законами не предусмотрѣнномъ; положеніе о выборахъ тоже, такъ называемая университетская автономія (правила 27-го августа) создана тоже помимо какого бы то ни было законодательнаго порядка...

Да, дѣло ясно: бюрократія пренебрегала закономъ всегда, и никакими словесами объ „устраненіи отступленій" ее нельзя вдругъ заставить начать дѣйствовать закономѣрно.

***

Временныя правила объ управленіи высшими учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія, созданныя Именнымъ указомъ 27 августа этого года, предоставили профессорскимъ коллегіямъ выборъ ректора и деканов (§ 1), а также возложили на совѣты „заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни“ (§ 2), при чемъ, какъ то видно изъ пунктовъ а.-г. этого § 2-го всѣ полномочія университетскихъ совѣтовъ ограничиваются вопросами, связанными съ предупрежденіемъ или подавленіемъ „безпорядковъ“, „нарушающихъ правильное теченіе академической жизни“.

Такимъ образомъ, созданная нынѣ автономія университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній ограничивается выборами университетской администраціи (ректора и деканов) и возложеніемъ на совѣты обязанностей полицейскаго характера.

Тотъ фактъ, что ректоры и деканы перестали быть чиновниками, назначаемыми министерствомъ народнаго просвѣщенія, а равно и тотъ фактъ, что поддержаніе внѣшняго порядка въ университетахъ возложено на университетское же начальство, являются крупными завоеваніями, сдѣланными русскими высшими учебными заведеніями: въ этомъ нельзя не усматривать принципіальной уступки, необходимость которой министерство народнаго просвѣщенія долго упорно отрицало и наконецъ оказалось вынужденнымъ признать.

Но странно было бы видѣть въ этомъ указѣ намеки на ту автономію, которая необходима русскимъ университетамъ.

Университетъ есть не только прежде всего, но и исключительно ученое и учебное заведеніе. Этимъ исчерпываются его задачи, этимъ исчерпывается, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣляется, и кругъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ можетъ и должна касаться университетская автономія.

Между тѣмъ именно вопросовъ ученаго и учебнаго управленія временныя правила вовсе и не затрагиваютъ. Въ дѣлѣ установленія правилъ о переводахъ съ курса на курсъ, о программахъ, объ экзаменахъ, въ дѣлѣ назначенія и увольненія профессоровъ чиновники министерства народнаго просвѣщенія остаются всевластными вершителями судебъ университетовъ. Во всѣхъ вопросахъ, существенныхъ для русской науки и для дѣла преподаванія университеты оставлены подъ бюрократическою опекою, и лишь въ дѣлѣ подавленія безпорядковъ имъ предоставлена... автономія.

Если бы не авторитетное извѣщеніе правительственнаго сообщенія 26-го августа, согласно которому составленіе этихъ временныхъ правилъ было возложено на министерство народнаго просвѣщенія, можно было бы предположить, что эти правила выработаны жандармскимъ ротмистромъ: эти правила не выходятъ изъ круга идей, характеризующихъ жандармское пониманіе нуждъ народнаго просвѣщенія и науки.

На профессорскія коллегіи, лишенныя автономіи въ вопросахъ, представляющихъ для нихъ жизненное значеніе, на коллегіи, систематически подавлявшіяся въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, и на избранниковъ этихъ коллегій теперь переложена съ полиціи, нынѣ ставшая неразрѣшимою, задача поддержанія внѣшняго спокойствія въ университетахъ.

И нельзя не поражаться тою бодростью и тою самоотверженностью, съ какою профессорскія коллегіи, все еще лишенныя необходимой для дѣла автономіи, приняли на себя тяжелую и отвѣтственную обязанность устраненія послѣдствій того положенія вещей, которое не они создали.

* * *

Въ печать проникаютъ все болѣе и болѣе опредѣленные слухи о томъ, что на очереди теперь стоитъ вопросъ о созданіи у насъ кабинета министровъ.

Солидарное министерство, призванное замѣнить современную рознь между отдѣльными вѣдомствами и ихъ постоянное и систематическое противодѣйствіе одного другому, является, конечно, неустранимою потребностью благоустроеннаго государстеа. Но какъ мы уже указывали въ „Правѣ“, (№ 34, стр. 2755—2760)—при настоящихъ нашихъ условіяхъ, даже и при существованіи Думы въ томъ видѣ, какой созданъ учрежденіемъ 6-го августа, солидарное министерство оказалось бы въ Россіи громадною силою, которой не было бы никакого противовѣса.

Междувѣдомственная рознь сама по себѣ есть великое зло, но при современномъ положеніи вещей, когда въ Россіи нѣтъ другой организованной политической силы, кромѣ бюрократіи, только одна эта рознь полагаетъ хотя бы нѣкоторые предѣлы всевластію бюрократіи. Уже и въ настоящемъ своемъ видѣ бюрократія давитъ Россію и не даетъ ей жить, дальнѣйшее усиленіе бюрократіи, конечно, грозитъ государству еще большими опасностями.

Но помимо этого вопроса, болѣе подробно разработаннаго нами въ „Правѣ“, къ которому и отсылаемъ нашихъ читателей, мы хотѣли бы отмѣтить еще одинъ вопросъ, выдвигаемый тою постановкою кабинета министровъ, какую онъ получаетъ въ послѣднихъ газетныхъ извѣстіяхъ.

Прислушиваясь къ этимъ извѣстіямъ, получаешь то впечатлѣніе, какъ будто вопросъ сводится къ тому или иному перераспредѣленію наличныхъ силъ, которыми располагаетъ наша высшая бюрократія, къ тому, чтобы усилить вліяніе однихъ, уменьшить вліяніе другихъ и фактически сосредоточить всю власть въ рукахъ одного опредѣленнаго лица.

Но это мотивы уже совершенно не государственные.

На нихъ не можетъ основываться жизнеспособная реформа государственныхъ учрежденій. Новаго духа она въ нихъ не вдохнетъ. Всякая реформа, исходящая изъ такихъ „персональныхъ“ соображеній, чревата величайшими опасностями.

Весь ходъ государственнаго управленія есть дѣло отдѣльныхъ конкретныхъ личностей. Люди изъ плоти и крови, а не отвлеченныя государственныя установленія, не должности и не учрежденія управляютъ государствомъ. Но физическія лица дѣйствуютъ въ государственномъ смыслѣ только въ рамкахъ, въ формахъ и въ условіяхъ государственныхъ установленій.

Можетъ казаться, что условія данной минуты таковы, что изъ наличнаго числа государственныхъ дѣятелей особой пользы можно ожидать только отъ опредѣленной группы ихъ, и что потому государственныя учрежденія слѣдуетъ приспособить къ тому, чтобы именно эти лица были поставлены въ условія, наиболѣе благопріятныя для полной свободы ихъ дѣйствій.

Но не къ преходящимъ конкретнымъ личностямъ должны приспособляться государственныя учрежденія. Человѣкъ „сегодня Богъ, а завтра прахъ“. Учрежденія стойки. Строй государственной жизни, самая форма правленія можетъ перемѣниться, а то или другое учрежденіе можетъ остаться, такъ или иначе приспособляясь къ новымъ условіямъ, а иногда и само оказывая на нихъ существенное вліяніе.

И государственный дѣятель, или даже группа ихъ, готовые положиться на свои неистощимыя силы, на свое вѣрнѣйшее пониманіе государственныхъ нуждъ и средствъ ихъ удовлетворенія, никогда не имѣютъ нравственнаго права пользоваться предоставляющеюся имъ возможностью и создавать то или другое учре-

жденіе, спеціально приспособленное къ ихъ исключительнымъ силамъ и способностямъ: такія учрежденія создаютъ кругомъ себя безлюдіе. Мало того, они низводятъ всѣ остальныя учрежденія до положенія пассивной подчиненности и лишаютъ ихъ возможности не только оказывать какое либо сдерживающее вліяніе, но и проявлять живую иниціативу.

Съ теченіемъ времени на мѣстѣ, которое было расчитано на человѣка совершенно исключительныхъ способностей, можетъ оказаться лицо самое сѣрое и среднее. И въ виду утомляющаго вліянія всѣхъ сильныхъ личностей подобная замѣна является съ психологической точки зрѣнія вполнѣ возможною.

И если всѣ пружины государственнаго управленія окажутся сосредоточенными въ рукахъ недостаточно крупныхъ личностей, если имъ будетъ обезпечена полная свобода дѣйствій, и если ни одно государственное учрежденіе не будетъ въ состояніи оказать имъ малѣйшее противодѣйствіе, а при случаѣ не будетъ въ состояніи проявить достаточную иниціативу, то легко представить себѣ, къ чему это можетъ привести.

Каждое государственное учрежденіе должно быть приспособлено не только къ тому, чтобы давать полную свободу дѣйствій исключительнымъ личностямъ, но и къ тому, чтобы ставить извѣстные предѣлы лицамъ, способнымъ совершать ошибки.

Не къ опредѣленнымъ конкретнымъ личностямъ должны быть приспособлены государственныя учрежденія, а къ потребностямъ государственнаго управленія, къ объективнымъ условіямъ, обезпечивающимъ правильное ихъ удовлетвореніе и не на одинъ сегодняшній день.

Н. Лазаревскій.

чатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не прислявшимъ своевременно второго взноса, дальнѣйшая высылка журнала будетъ пріостановлена впредь до доплаты.

Редакція открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 до 1 ч.

Адресъ Редакціи: Спб. Захарьевская, д. 25. Телеф. № 2936.

Адресъ Конторы: Загородный пр., д. 2.

Продолжается подписка на 1905 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. М. Винавера, прив.-доц. В. М. Гессена, В. Д. Набокова и проф. І. А. Покровскаго.

Въ 1904 г. въ журналѣ помѣстили статьи слѣдующія лица: В. К. Агафоновъ, С. А. Андреевскій, прив.-доц. М. М. Боровитиновъ, В. М. Вороновскій, А. Г. Вороновъ, прив.-доц. М. И. Гернетъ, А. С. Гольденвейзеръ, проф. В. Э. Грабарь, проф. М. А. Дьяконовъ, Г. Г. Евангуловъ, проф. Ф. Ф. Зигель, В. А. Идельсонъ, М. И. Иполитовъ, В. Л. Исаченко, А. Ѳ. Кони, Е. М. Кулишеръ, А. А. Левенстимъ, М. С. Маргулiесъ, прив.-доц. І. В. Михайловскій, проф. С. А. Муромцевъ, прив.-доц. Баронъ А. Э. Нольде, проф. Л. І. Петражицкій, М. А. Рейснеръ, П. М. Саладиловъ, К. Н. Скворцовъ, В. К. Случевскій, В. Д. Спасовичъ, проф. Кн. Е. Н. Трубецкой, Н. И. Фалѣевъ, проф. Н. М. Цытовичъ, В. В. Чеховъ, проф. М. П. Чубинскій, А. А. Чупровъ, И. Г. Щегловитовъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (кромѣ іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ.

Условія подписки:		на годъ	по полугодіямъ: январь	іюнь
Въ С.-Петербургѣ	безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
» »	съ доставкой	8 » 50 »	4 » 50 »	4 » 50 »
Въ другихъ городахъ	съ доставкой	9 » — »	5 » — »	4 » — »
За границей		12 » — »	7 » — »	5 » — »

Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 20 к. съ доставкою.

Въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ Сборника рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ оффиціальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи.

Условія подписки съ приложеніемъ Сборника рѣшеній:

	на годъ	по полугодіямъ: январь	іюнь
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой	11 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р.
Въ другихъ городахъ съ доставкой	12 » — »	7 » — »	5 »

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 коп. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 коп.

Подписка принимается въ конторѣ «Вѣстника Права»: С.-Петербургъ, **Загородный пр., д. № 2,** въ Одесскомъ отдѣленіи конторы „Вѣстника Права“: Одесса, **уг. Ришельевской и Жуковской, № 17/22, кв. 17,** и кромѣ того во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія для напечатанія въ «Вѣстникѣ Права» принимаются въ конторѣ по расчету 16 руб. за страницу.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, 25.

Телефонъ № 2936.

сенатская типографія.

S0041439

СФ СПбГУ